

ЛУАННРАЙС

ЛУАННРАЙС

БЕРЕГ СВЕТЛЯЧКОВ

Под покровом ночи...

БЕРЕГ СВЕТЛЯЧКОВ

Луани Райс — одна из талантливейших американских романисток. Ее увлекательные книги затрагивают проблемы, волнующие любого современного человека. Как и каждый из нас, ее герои любят, страдают, борются за свое право на счастье. Как и каждый из нас, мечтают покорить мир, поймав синюю птицу удачи, и, конечно же, найти настоящую любовь...

ЛУАНИ РАЙС

На пороге их дома стоит мужчина с пистолетом в руке. О том, что таинственный пришелец — муж любовницы отца семейства, не догадывается никто. Так же, как и о том, что он намерен убить дочерей изменника. Но осуществить задуманное ему не удастся. Сценарий переписывается прямо на месте, и ревнивец вынужден пустить себе пулю в лоб, оставив сиротой милого мальчугана с открытым взглядом темно-аквамариновых глаз... Спустя годы неведомая сила приведет в тот же дом на берегу Светлячков еще одного искателя приключений, мечтающего о сокровищах затонувшего судна «Кембрия». Быть может, здесь он найдет нечто большее, чем похороненное в трюмах золото?..

ISBN 978-5-486-01453-6

9 785486 014536

МИР
КНИГИ

ЛУАНИ РАЙС

БЕРЕГ
СВЕТЛЯЧКОВ

LUANNE
RICE

FIREFLY
BEACH

ЛУАНН РАЙС

БЕРЕГ СВЕТЛЯЧКОВ

МИР КНИГИ

МОСКВА
2007

**Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.**

Райс, Луанн

P11   **Берег светлячков /Пер. с англ. М.Л. Кульневой — М.: ООО
ТД «Издательство Мир книги», 2007. — 368 с.**

В канун Рождества на пороге дома Ренвиков неожиданно появляется мужчина с пистолетом в руке. Он намерен убить дочерей хозяина дома за то, что тот соблазнил его жену. Но в последний момент, пожалев детей, он стреляет в себя. Из рук самоубийцы выпадает фотография его шестилетнего сына Джо. Старшей дочке Ренвиков так понравился улыбающийся мальчуган, что у них возникла дружеская переписка. Но она продолжалась лишь до тех пор, пока Джо не узнал, из-за чего той ночью погиб его отец...

ББК 84(7)

© 2001 by Luanne Rice
All rights reserved
© Кульнева М.Л., перевод, 2006
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2007

ISBN 978-5-486-01453-6

Все возможно под летним небом...

Биллу и Лоис, Бобу и Анне.

Пролог

Декабрь 1969

В доме пахло рождественскими сладостями. Маслом, сахаром, имбирем и прочими пряностями. Ароматы наполняли теплую кухню; по радио передавали рождественские песенки. Каролина и Кли чувствовали, что приближается что-то чудесное. Сестренкам было пять и три, и в этот снежный вечер они помогали маме готовить пирожные. После они разукрашивали их белой глазурью, серебряными шариками, красными и зелеными кремовыми завитками.

Любая праздничная открытка с изображением Младенца-Христа напоминала девчушкам об их собственной семье. Скоро у их мамы должен был родиться еще ребенок — их новый братик или сестричка, и они уже успели полюбить его или ее. Колыбелька для малыша была уже готова, совсем такая же, как на картинках. Все вместе решили, что, если родится мальчик, его назовут Майклом, а если девочка — Скай.

Раздался звонок в дверь.

Мать девочек, Аугуста Ренвик, вытерла руки о темный передник. Глядя на белые отпечатки пальцев на круглом, огромном животе мамы, девчушки расхохотались и помчались за ней открывать. В такой вечер могло случиться все, что угодно: может, Санта-Клаус пришел пораньше, а может, к ним набрали путники, ищущие ночлега в метель. Их отец уехал в Ньюпорт, рисовать зимнее море, но, возможно, это он вернулся, чтобы сделать им сюрприз.

За дверью стоял мужчина с пистолетом.

Неуверенно, словно колеблясь, он вошел в дом. Пистолет в его руке дрожал. Он аккуратно прикрыл за собой дверь, словно был приглашенным гостем, а не бандитом с большой дороги. Каролина и Кли вцепились в материнскую юбку, отчаянно прижимаясь к ее ногам. Спокойным, но неестественно высоким голосом Аугуста попросила его не трогать детей и не причинять им зла.

Мужчина разрыдался.

Он навел пистолет на Каролину. Потом на Кли. Потом на Аугуста. Черное дуло плавало в воздухе, словно обладая собственным разумом. Но все время возвращалось к Каролине. Девочка не могла оторвать глаз от небольшого зловещего отверстия, зная, что именно там прячется пуля. Но плачущий мужчина пугал ее еще больше, чем его оружие. Каролина раньше не знала, что взрослые умеют плакать. Она никогда не видела, чтобы плакали ее мама или папа. Ужасная картина заставляла ее судорожно хватать воздух. Она вцепилась в бедро матери. Мужчина лихорадочно оглядывал помещение, и его взгляд то и дело возвращался к фотографии дома Ренвиков, усадьбы «Светлячковый Холм», места, где рождались знаменитые картины отца Каролины и Кли.

— Он украл ее, — проговорил мужчина. — Украл ее у меня. Похитил мою любовь, похитил все, о чем я мечтал, и я пришел забрать то, что принадлежит ему.

— О чем вы говорите? О ком это вы? Вы ошиблись, вы что-то перепутали... — начала Аугуста, голос у нее был тверже, чем у мужчины.

— О вашем муже, миссис Ренвик, — ответил тот. — Я ничего не перепутал. Сейчас он с моей женой. Не верите? Ренвик отнял у меня все, что я любил, и я хочу забрать у него то, что любит он.

— То, что любит он? — переспросила Аугуста, и Каролина почувствовала, как задрожала рука матери, сжимающая ее плечо.

— Его дочерей.

Аугуста начала задыхаться. Каролина услышала этот ужасный всхлип, с которым воздух пытался прорваться в перехваченное горло, и не поверила, что его издала мама. Девочка крепче прижалась к ней, лицом к лицу с Кли.

У Кли было испуганное и непонимающее лицо, нижняя губа выпятилась вперед, как в те времена, когда она была совсем малышкой, большой палец медленно тянулся ко рту. Каролина ободряюще подтолкнула палец, и он с готовностью нырнул в рот Кли.

— Не трогайте их, — тихо проговорила Аугуста. — Они не сделали вам ничего плохого. Это невинные дети. Оставьте их в покое. Вы же не хотите сделать им больно. Я вижу, что вы неплохой человек. Вы плачете, у вас осталась способность чувствовать. А это всего лишь маленькие девочки...

— У нас есть сын, — сказал мужчина. Он вытащил из кармана бумажник и раскрыл его, показывая фото. Рука дрожала, карточка трепетала в ней. Взглянув на нее, мужчина судорожно всхлипнул. — Мальчик мой, — со слезами проговорил он. — О господи!

Каролина увидела улыбающегося мальчугана примерно ее лет. У него были светлые волосы и большие синие глаза, он был очень похож на своего отца.

— Сын — ее гордость. Ее радость. Мы были так счастливы вместе. Так счастливы. О, в тот день, когда он родился... — Мужчина уронил голову и залился слезами.

— Как его зовут, мистер?.. Как зовут вашего сынишку? — неожиданно спросила Каролина.

— Джо. Джо Коннор. Вот как его зовут. Поди сюда. — Мужчина схватил Каролину за руку и грубо оттащил от матери. Он держал ее крепко, и она услышала, как в пистолете что-то щелкнуло.

— Нет, — взмолилась Аугуста. — Пожалуйста, мистер Коннор. Не трогайте ее!

— Заткнись, — оборвал ее мужчина.

Каролина никогда не слышала, чтобы кто-то говорил такое маме, и дернулась, как будто ее ударили. Она подняла глаза на мужчину, думая, что тот сошел с ума. Его глаза были жалобно-печальными; Каролина впервые видела такую беспросветную грусть на человеческом лице. Рассмотрев в нем терзающую острую боль, она не боялась. Наоборот, ей стало жаль его.

— Не говорите так с моей мамой, — твердо заявила Каролина.

— Хочу к сестричке, — заплакала Кли, потянувшись к Каролине, но мать пыталась удержать ее.

— Джо не одобрил бы того, что вы делаете, мистер Коннор, — сказала Аугуста. — Ваш сын не захотел бы, чтобы вы пугали моих девочек, ему бы не понравилось, если бы он увидел вас с пистолетом... Я сделаю все, что вы захотите. Я добьюсь, чтобы мой муж перестал встречаться с ней. Даю вам слово.

— Чего стоит слово женщины, — спросил мужчина, — если муж ее больше не любит? Если он любит другую? Точно так же вы можете пообещать мне, что добьетесь, чтобы год не кончался. Он кончится. Все кончается.

Коннор обхватил Каролину одной рукой, девочка стояла и смотрела на маму. Оно таяло, словно свеча из мягкого воска: взгляд потух, губы задрожали, по щекам потекли слезы. Эта картина наполнила сердце Каролины истинным ужасом.

— Возьмите меня, — взмолилась Аугуста. — Отпустите Каролину. Лучше возьмите меня и моего будущего ребенка. Если вам нужно кого-нибудь убить, убейте нас. Но отпустите ее!

Голос матери сорвался, он взвился вверх, как пронзительный вой ветра, проносающегося сквозь лес.

— Отпустить ее? — повторил мужчина, внезапно заморгав и глотая слезы. Он взглянул на Каролину, потом отвел взгляд, как будто на самом деле не хотел ее видеть.

— Пожалуйста, — проговорила Аугуста. — Возьмите меня. Возьмите нашего ребенка.

— Не говорите так, — сказал мужчина, уставившись на огромный живот Аугусты.

Он снова посмотрел на Каролину и заставил себя посмотреть ей в глаза. Они глядели друг на друга, по губам мужчины проскользнуло подобие улыбки. Дрожащей рукой он убрал волосы с ее лица.

— Как тебя зовут?

— Каролина.

— Ты такая же, как Джо.

— Мне пять лет.

— Каролина, — заговорил он, обращаясь теперь к ней одной, по его щекам текли слезы. — Я пришел, чтобы за-

брать у твоего папы то, что он любит, но не могу. Я не могу стрелять в такую маленькую девочку.

— Не можете, — согласилась Каролина, и неожиданно ей стало легко. Как будто она почувствовала, что все кончится хорошо.

— Но он это сделал. Твой папа сделал это.

— Что сделал? Что сделал мой папа? — спросила Каролина, желая во всем разобраться. Во рту у нее пересохло. Она потянулась за фотографией Джо, пытаясь взять ее у мужчины. — Что сделал мой папа? — снова повторила она.

— Убил мою семью, — всхлипнув, ответил мужчина и в тот же момент поднял пистолет к виску и спустил курок.

Выстрел оглушил Каролину. Девочка задохнулась от порохового дыма, а мужчина, падая, придавил ее к полу. Из рта и из дыры, появившейся в его голове там, куда вошла пуля, хлестала кровь. Темные волосы Каролины сразу же насквозь пропитались ею. Она не могла вздохнуть, потому что его тело всей тяжестью лежало на ней. Залившись слезами, Каролина в ужасе начала звать маму, но не могла отвести взгляда от фотографии мальчика.

Карточка лежала на полу рядом с ее лицом, и Джо Коннор, шести лет, улыбался ей. Мальчик, отец которого только что застрелил себя вместо Каролины, Кли, или их мамы с неродившимся ребеночком и который больше никогда не увидит своего папу.

Аугуста Ренвик, вся в слезах, наконец смогла оттащить мертвое тело от Каролины, прижала ее к груди. Стирая с личика кровь, женщина пыталась разобрать, что дочь говорит мальчику на фотографии.

— Мне нужен папа, — плакала Каролина. — Я хочу к папочке сейчас!

30 декабря 1969

Дорогой Джо Коннор!

Я твой друг. Потому что твой папа был у нас дома и показал мне твою фотографию. Мне так жаль, что он умер. Очень, очень жаль.

С тобой всем сердцем,

Каролина Ренвик.

14 января 1970

Дорогая Каролина Ренвик!

Мой папа показывал тебе мою фотографию? Он был такой хороший и много смеялся. Мы играли с ним в бейсбол на Кардин-Филд. У моего папы случился сердечный приступ, когда он был у вас. Хорошо, что ты была с ним рядом.

Твой друг,

Джо Коннор.

Глава 1

Июнь 2000

Это был самый длинный день в году. Из-за моря вставала полная луна. На траве у ног Каролины лежал, положив морду на скрещенные лапы, старый пес. Сама Каролина, ее мать и сестры сидели в белых плетеных креслах. Это был обычный домашний вечер, но казалось, что все семейные призраки сегодня собрались здесь.

Каролина Ренвик ощущала себя главой большого семейства, хотя на самом деле была всего лишь старшей из сестер. Она любила их и любила свою мать; это были обыкновенные женщины, сильные, но все же очень ранимые. Иногда Каролине казалось, что она проводит с родными слишком много времени, играя роль пастуха в стаде чересчур эксцентричных овец. Как только подобные мысли начинали одолевать ее, она запрыгивала в самолет и отправлялась в деловую поездку. Не важно куда, главное — достаточно далеко для того, чтобы душа смогла отдохнуть. Но сейчас она была дома.

Луна поднималась выше, становясь меньше и холоднее, меняя розовый оттенок на серебристый. Гомер задышал тяжело и беспокойно и поднял голову, наблюдая.

— Ох, девочки, — проговорила Аугуста Ренвик, окидывая взглядом дочерей, когда луна поднялась совсем высоко. — Как чудесно, правда? — спросила она, глядя вдаль на пролив Лонг-Айленд.

— Полнолуние в самый длинный день года, — сказала Каролина. — Это должно быть добрым знаком.

— Вечно ты ищешь знаки, — поддразнила ее Кли. — Полная луна, падающие звезды...

— Полярная звезда, — добавила Скай. — Каролина научила меня, как найти ее на небе, в ту последнюю ночь, когда я была счастлива по-настоящему.

— Последнюю — что? — улыбнувшись, переспросила Аугуста.

— Мам... — предостерегающе начала Каролина.

— В мою последнюю счастливую ночь, — печально повторила Скай. То, как она слегка запинаясь в некоторых словах, заставило Каролину задуматься о том, сколько сестра уже выпила сегодня.

— Ты же счастлива сейчас, дорогая, — сказала Аугуста. — Не надо так шутить. Как ты можешь такое говорить?

— Очень просто, — тихо произнесла Скай, глядя на старину Гомера.

— Мам... — снова начала Каролина, отчаянно перебирая собственные мысли в поисках какой-нибудь приятной и незамысловатой темы, на которую можно было бы перевести разговор.

— О, Скай. Ну прекрати же, — проговорила Аугуста, с видом человека, которому причинили боль. — Мы же празднуем летнее солнцестояние! Давайте лучше поговорим о звездах...

— Полярная звезда... — рассмеялась Кли. — Мне она больше не нужна. Если мне захочется куда-нибудь отправиться, я позвоню в свое турагентство. С этой девочки хватит пеших походов и охоты.

— Нам больше не нужны никакие звезды, — добавила Скай.

— Звезды нужны всем, — возразила Аугуста. И повторила еще раз, как будто нечто очень важное: — Звезды нужны всем.

— Нам нужен коктейль, — сказала Скай. — По-моему, давно пора. Солнце зашло, луна встала. Так вот: я тоже увидела знак. Наступило время коктейля. Правильно, Гомер? — Старый золотистый ретривер завилял хвостом.

— Да, ты права, — согласилась Аугуста, в качестве лишнего доказательства сверившись с маленькими золотыми часиками на запястье. Она взглянула на Каролину и Кли, как будто ожидала, что они станут возражать. Каролина смотрела на мать, сейчас она походила на девочку-подростка, готовую сделать что-то, чего не одобрят родители, и которая с вызовом ждет от них слов запрета. Не услышав ни слова против, Аугуста направилась в дом.

— Коктейль, — сказала Скай Гомеру.

— Алкоголь — это не выход, — произнесла Каролина. Вместо того чтобы обидеться, Скай послала ей воздушный поцелуй. К настоящему моменту их роли в семье были четко определены: Скай вела себя плохо, а Каролина наводила порядок.

Каролина поерзала в кресле, глубоко в душе ощущая какое-то беспокойство с примесью страха. В последнее время ее постоянно терзала тревога и неуверенность, она перестала получать удовлетворение от своей благополучной жизни. Каролина смотрела на Скай и видела, как человек, которого она любит, разрушает свою жизнь. Она с трудом сдерживала себя, чтобы не сказать чего-нибудь резкого. Все эти годы Каролина играла роль катализатора, удерживающего младших сестер вместе, и теперь ей казалось, что Скай все-таки отделяется от них.

— Саймон так и не вернулся? — поинтересовалась Кли, имея в виду подлеца-мужа Скай, художника. — Он сегодня не зайдет?

— Нет, а Питер? — спросила Скай о супруге Кли, капеллане церкви при больнице.

— Нет, он поехал с детьми в пиццерию, — ответила Кли.

— Питер — такая умница, — заметила Каролина, — так любит проводить время с детьми.

— Каролина, а как прошло твоё свидание в тот вечер? — поинтересовалась Кли.

— Нормально, — с улыбкой пожала плечами Каролина.

— Это что, тот тип из инвестиционного банка, который тасился сюда из самого Нью-Йорка лишь для того, чтобы выяснить, что шансов у него не больше, чем у снежка в аду?... — начала Скай.

— Ладно, — рассмеялась Каролина, поднимаясь. — Хватит. — Ей было тридцать шесть, и она так и не вышла замуж. Единственная из дочерей Ренвиков, которая не связала себя семейными узами и даже не завела никакого продолжительного романа. Она знала, что сестры искренне желают сделать что-нибудь, помочь ей справиться с одиночеством.

— Ну правда, — не унималась Скай, запнувшись на «д». — Целых двести миль в своем «SL500», чтобы обнаружить, что ты не собираешься целоваться с первым...

— Пойду посмотрю, что там делает мама, — сказала Каролина, удаляясь, чтобы не слышать нетрезвого голоса сестры.

Каролина шла по широкой зеленой лужайке к дому матери. «Светлячковый Холм» был домом ее детства. Хью и Аугуста Ренвик назвали свою усадьбу на побережье Коннектикута в честь усадьбы Нозля Коварда на Ямайке, потому что в такие тихие июньские ночи, когда луна поднималась из вод пролива, темные поляны, окружавшие старый дом в викторианском стиле, и заросли кустарника, окаймлявшие пляж внизу, вспыхивали тысячами зелено-золотистых искорок игривых светлячков. Три сестры всегда бегали босиком по траве и ловили их сложенными ладошками.

Усадьбу назвали «Светлячковым Холмом», как и дом Нозля Коварда, который для родителей Каролины ассоциировался с безумными вечеринками, где мартини, остроумные разговоры и пошлые сплетни лились рекой до глубокой ночи. Хью Ренвик был знаменитым художником; Аугуста устраивала в его честь легендарные вечеринки здесь, в Блэк-Холле, колыбели американского импрессионизма.

Дом пах домом ее детства. Всякий раз, приезжая сюда, Каролина первым делом чувствовала этот запах. Соленый морской воздух, дым камина, масляные краски, джин, духи матери и ружейная смазка отца — множество запахов, которые были не отделимы друг от друга. Она шла по прохладным комнатам, но матери нигде не было.

Аугуста Ренвик сидела на широких ступенях бокового крыльца, так что Каролина не сразу заметила ее. Ветерок, налетавший с моря, играл ее роскошными седыми волосами.

Каролина остановилась и замерла в темной гостиной, глядя на мать. Даже в одиночестве, думая, что ее никто не видит, Аугуста сохраняла театральную величавость осанки. Она пристально всматривалась в океанскую даль,

словно ждала возвращения мужа из опасного путешествия. У нее были высокие, резко очерченные скулы и большой, трагической формы рот.

Сейчас она была одета в выцветшую голубую рубашку, брюки цвета хаки и потертанные старые кроссовки. На шее — ожерелье из черного жемчуга, которое Хью Ренвик подарил ей на Рождество за десять лет до своей смерти. Аугуста всегда носила это украшение и никогда его не снимала. Ее когда-то черные волосы поседел, это случилось в тридцать лет, но она никогда не красила их. Они были пышными и длинными, до половины спины. Брови оставались черными. До сих пор она была удивительно красива.

— Эй, мам, — окликнула ее Каролина.

— Дорогая, — с чувством произнесла Аугуста. — Я только что сделала напитки и стащила для себя стаканчик. Выпей со мной, а потом пойдем к твоим сестрам.

— Нет, спасибо.

Аугуста пригласила дочь присесть рядом на ступеньку. Каролина взяла подушечку с плетеного кресла-качалки и положила ее на лестницу. Между ними стоял шейкер для коктейлей, в выгравированной на серебре монограмме собрались капельки влаги.

— Я сидела здесь и вспоминала твоего отца, — сказала Аугуста. Прикрыв глаза рукой, она вглядывалась в морские волны, фиолетово-серебряные в лунном свете. — Хью любил июньские полнолуния. Помнишь? Как ты думаешь, он бы смог нарисовать великолепный пейзаж с этим небом, правда?

— Правда, — ответила Каролина.

— За Хью, — произнесла Аугуста, поднимая бокал ввысь, по направлению к луне, — и за картину, на которой он мог бы запечатлеть эту минуту. Его жена, старшая дочь и самый длинный день в году. Первый день настоящего лета.

— Первый день лета, — повторила Каролина, поднимая воображаемый бокал.

— Ох, как же мне его не хватает.

— Я знаю, мама.

Стало тихо, и Каролина почти физически ощущала, что ее мать ждет, что она скажет: «Мне тоже». Аугусту все

время окружала атмосфера глубокой печали и тоски, и Каролина знала, что всему виной прошлое, ее беззаветная любовь и несбывшиеся мечты. Хью скончался семь лет назад от рака желудка. Чем дальше, тем больше находилось такого, что каждая из них хотела бы сказать ему, но он больше не мог их слышать. Ее мать безумно любила его до самой смерти.

По ту сторону пролива мигал маяк Лонг-Айленда. На западе, словно маленький город, сверкали огни какого-то огромного рыболовного судна или плавучей рабочей платформы, стоявшей на якоре за Уикландскими мелями.

— Пойдем, — позвала Каролина, касаясь руки матери. — Вернемся к остальным и будем смотреть на луну.

Мать оставила поднос с коктейлем на ступенях лестницы. Каролина почувствовала облегчение. Они шли через двор, ветер ласково трепал волосы. Это время суток больше, чем любое другое, напоминало Каролине об отце. Мама была права: у нее было в чем его обвинить, но комок в горле от этого никуда не девался. Не все воспоминания были плохими.

Начали появляться светлячки. Их огоньки вспыхивали в кустах роз. Постепенно искорок становилось на поляне все больше, они светились в высокой траве, как тысячи свечек. Благодаря светлячкам пляж считался волшебным. Они танцевали на пологом склоне холма, проносились сквозь заросли тростника над кромкой белого песчаного берега. Здесь их было больше, чем на любом другом участке побережья. Хью Ренвик говорил, что его дочери особенные; радовался, что светлячки освещают дорожки и пляж, чтобы они всегда могли найти дорогу домой.

Иногда он ловил светлячков, давил их пальцами, а потом размазывал светящийся сок по щекам Каролины, словно наносил яркую боевую раскраску. Или зажимал их двумя пальцами и кидал в свой стакан, так что мартини начинало светиться; дочери замирали, очарованные, а он глядел на них и довольно смеялся. Каролина до сих пор любила отца больше всего на свете.

Кли и Скай молча сидели в своих креслах, наблюдая за игрой светлячков. Тоже думали об отце? Казалось невоз-

можным думать в это мгновение о чем-то еще. Гомер, не поднимая головы с лап, наблюдал, как Каролина подходит к ним через двор. Когда она опустилась на свое место, пес поднял седую морду и лизнул ей руку. В этой ночи было что-то магическое, как будто луна, прошлое и призрак Хью наложили на них на всех какое-то заклятие. Женщины семейства Ренвик смотрели на луну и слушали шепот моря.

— О чем ты думаешь? — вдруг спросила Кли, наклонившись вперед и легонько тронув Каролину за плечо.

— О папе, — ответила Каролина.

Скай тихо и задумчиво сидела в своем кресле; в лунном свете ее силуэт казался зыбким, дрожащим. Их отец был похоронен на кладбище там, за рощицей, на западном склоне Светлячкового Холма, и Каролина заметила, что взгляд сестры устремлен в этом направлении.

— Я все думаю, что там за корабли? — поинтересовалась Кли, показывая на сборище огней у Уикландских мелей.

— Они встали там сегодня, — ответила Аугуста. — Два больших белых корабля и множество маленьких лодочек, сплывающих туда-сюда.

Каролина подумала о том, что такие простые, незамысловатые мысли всегда были и будут у Кли. Она была самой счастливой из трех сестер Ренвик, у нее было меньше всех забот, она единственная смогла расстаться с грузом прошлого. Каролина улыбнулась ей. Потом повернулась к Скай.

— А ты? — спросила она. — Что ты все молчишь, Скай?

— Просто задумалась, — ответила Скай. Но, конечно, не сказала о чем.

— Каролина, послушай, — произнесла Аугуста. — Разве ты не рада, что мы сегодня вместе? Чего ты еще хочешь?

— Мне показалось, кто-то что-то говорил о коктейлях, — заметила Скай, неуверенно поднимаясь. — Может, я принесу всем что-нибудь выпить?

— Мне кажется, не стоит, — ответила Аугуста, бросив быстрый взгляд на Каролину.

Но когда Скай направилась через двор, стараясь ступать как можно ровнее, Аугуста пошла за ней и взяла дочь под руку. Гомер поднялся, словно хотел пойти за ними. Пес казался чем-то обиженным. Каролина потрепала любимца за уши, и тот обратил свой выразительный взгляд к ней. Он всегда чувствовал, что Скай нуждается в защите. Но любил больше всех Каролину, и они оба это знали.

Долг победил. Когда Скай с Аугустой начали подниматься на небольшой склон, Гомер направился за ними, повесив седую голову и слегка помахивая хвостом. Они скрылись в доме. Каролина и Кли сидели молча, в ожидании. Послышались знакомые звуки: постукивание льда о серебро, заговорщицкие смешки, звон тяжелого хрусталя.

Каролина не могла заснуть. Повернув голову, она посмотрела на фотографию в рамке, стоящую на тумбочке у кровати. На снимке были она, Кли и Скай, в летних сарафанах, на очередной вечеринке в честь их отца; Каролине тогда было лет шестнадцать.

Иметь сестер — удивительная вещь. Сознание этого не покидало Каролину почти всю жизнь, с двухлетнего возраста, с того самого момента, когда она впервые заметила, как увеличивается в размерах фигура ее матери. И всю жизнь это не переставало удивлять ее: она и сестры появились на свет из одной и той же утробы.

Каролина предполагала, что те же чувства испытывают сестры во всем мире. Каждый раз, встречаясь с другой женщиной, у которой тоже были сестры, она знала, что та тоже знает. Все они понимали эту волшебную связь. Глядя на фото, она пыталась вспомнить, какими были эти девочки из далекого прошлого. Ее взгляд остановился на собственном изображении: улыбающемся, но как всегда настороженном; она стояла немного позади Кли и Скай, словно защищая их.

— О чем вы думали в ту минуту? — прошептала она, обращаясь к тогдашней себе и к своим младшим сестрам.

Они росли в одном и том же доме, с одними и теми же запахами, картинами, звуками. Они были дочерьми одних

и тех же родителей. У них была общая комната, каждую ночь они засыпали под звуки тихого сопения друг друга. Им снились одни и те же сны. Они знали кошмары друг друга. Некоторые из самых сладких их снов были друг о друге.

— Мы провожали друг друга в школу, — сказала она самой себе и своим сестрам.

Глядя на голые ноги сестер, она вспоминала на них каждый шрам. Вспомнился след от разбитого стекла в форме полумесяца под левым коленом Кли, оставшийся после того, как та споткнулась и упала в темноте. Она узнала дюймовый шрамик на правой лодыжке Скай, от колючей проволоки, за которую сестра зацепилась на пастбище, куда им запрещали ходить.

Каролина знала, какие мальчики нравились ее сестрам. Она дразнила их буквально из-за каждого. Она помогала писать им любовные записочки, набирала телефонные номера, чтобы Кли или Скай могли слышать ответ возлюбленного, а потом повесить трубку. Иногда, и за это ей будет стыдно до самой смерти, она заигрывала с ними в отсутствие сестер. Ей хотелось посмотреть, не понравится ли она им больше.

Она знала, что каждая из них имела свои секреты. А личный опыт, то, чего они так никогда и не узнали друг о друге? Они не обо всем тебе рассказывали, думала Каролина. Родительские ссоры, которые они подслушивали, когда она уже спала. Каролина вспомнила случай, когда Скай попыталась схитрить с зачетом по математике в седьмом классе, который она не сдала, несмотря на то, что Каролина помогла ей с домашним заданием, но, не желая расстраивать сестру, скрыла это от нее.

Каролина знала, что с ее младшей сестрой случались плохие вещи, очень плохие. Мужчины, которым Скай разрешала касаться себя, когда знала, что не должна этого делать. Когда ей бывало страшно. Когда у нее не было выбора. Когда она оказывалась в незнакомом месте и некого было позвать на помощь, даже сестер. И то, что ты чувствуешь, когда убил человека.

И даже те чудесные моменты, моменты, в которые таинство любви поглощало Скай, когда лунный свет на воде

словно обещал нечто, чего Каролина никогда не понимала, — все это было ее сестрой, которая вышла из той же утробы.

Три сестры, три отдельных мира. Множество комбинаций, множество возможностей. Возьмите одну, и получите троих. Двое против одной. Минус лишняя. Секреты открывались одной из двух, которые она потом доверяла первой, и все сильно злились друг на друга. Секреты, что ты могла только воображать, но так и не узнавала. Все ошибки и тайны складывались в жизни, в геометрию сестер.

Глава 2

Через неделю сестры вместе ездили в кино. Высадив Скай у «Светлячкового Холма», где она обитала с тех пор, как ушел Саймон, Каролина с Кли поехали дальше. Все они жили в Блэк-Холле, не больше чем в шести милях друг от друга. Сейчас они ехали медленно, Кли вела свой «вольво» долгим окружным путем. Ее муж и дети в этот вечер тоже отправились на прогулку, поэтому ей не надо было спешить домой. Каролине нравилось ехать с сестрой вдоль берега. В машине было тепло и уютно, как в собственном космическом спутнике, кружащем по своей орбите. Несколько миль они проехали молча.

— Что происходит со Скай? — наконец спросила Кли.

— Хотела бы я знать, — отозвалась Каролина.

Она представила себе смазливого и самовлюбленного мужа Скай. Скай и Саймон, оба одаренные художники, вместе вели безумную богемную жизнь, пока Саймона это устраивало. В конце концов, как раз накануне пятой годовщины их супружества, он сбежал от Скай со своей натурщицей. Каролину еще в детстве беспокоили приступы мрачного настроения у младшей сестры, но в последние годы, с тех пор как она встретила Саймона, они почти исчезли. И вот...

— Тут не в Саймоне дело, — сказала Каролина.

— В чем же тогда?

— Мне кажется, ее мучает все та же история, — пояснила Каролина.

— Какая история?

— Кли, она убила человека.

— Но она же не хотела, — жалобно отозвалась Кли.

— Но он все равно мертв.

— Она пытается утопить свою вину в алкоголе, — сказала Кли, — так же, как отец.

— Как отец.

Они продолжали путь. Каролина жила в небольшом коттедже при отеле «Ренвик-Инн». Извлекая выгоду из знаменитой фамилии, Каролина содержала его как приют для художников. Сам отель был выстроен двести лет назад и представлял собой довольно несуразное белое здание, похожее на соляную глыбу, в нем было семь номеров с каминами и четыре тайных кабинета. Дом окружал сад, сосновый лес и надворные постройки, включая большой красный амбар. Территория всего владения составляла сотню акров вдоль реки Ибис, притока Коннектикута, и раньше принадлежала деду и бабке сестер Ренвик.

Каждый год в «Ренвик-Инн» летом, да и в другие времена года, собирались художники, чтобы писать, скрываться от городской жизни и заводить друг с другом романы. Каждый август, в конце сезона, Каролина устраивала уже приобретшие известность балы в честь любви, творчества и новых произведений искусства. Когда они с Кли свернули на извилистую подъездную дорогу отеля, она заметила, что стоянка полна машин.

— Прекрасно, — сказала она. — Прибыльные гости.

— Современным художникам нужно быть весьма преуспевающими, чтобы оплачивать твои счета, — засмеялась Кли, считая машины.

— Ну, скажем, не все здесь настоящие художники, — отметила Каролина. — Я просто рекламирую отель как приют для художников, что привлекает сюда и всех прочих.

— Так всегда было, — согласилась Кли, вспомнив их собственное детство, всех этих «подающих надежды» выскочек и просто случайных для искусства людей, постоянно околачивающихся вокруг их отца, надеясь, видимо, что хоть какая-то толика его таланта, блеска и магии падет и на них.

На улице было сыро, душно и безветренно. От ленивой реки подымался теплый воздух, дрожа в лунном свете. Постояльцам Каролины нравились старомодные потолочные вентиляторы, портьеры, москитные сетки и керосиновые лампы. Они готовы были приплачивать за

определенный налет деревенской простоты. Им были нужны неверно горящие свечи, запущенный сад, обеды за потертыми уличными столиками, разнокалиберные тарелки и бокалы, уютный бар с камином и много выпивки. Эти творческие натуры отвергали современные удобства, поэтому Каролине приходилось обходиться без кондиционеров, телевизоров, телефонов и электрических будильников.

— Зайдешь? — спросила она у Кли, не желая, чтобы этот вечер заканчивался. — У нас есть чудесный шоколадный торт, приготовленный по новому рецепту, я хочу, чтобы ты попробовала.

— Непременно, — согласилась Кли.

Зайдя в дом, женщины прошли прямо через холл. Кругом толпились гости со стаканами в руках, ожидающие ужина. Менеджер Мишель держала все под контролем. Мимо вывешенных в ряд картин кисти их отца они прошли прямо к заднему входу. Каролина усадила сестру в кресло-качалку и скрылась на кухне. Она поставила на поднос китайские кофейные чашечки, кофейник и тарелку с двумя большими кусками торта.

— Держите меня, — предупредила Кли, завидев торт.

— Подожди, сначала попробуй, — ответила Каролина.

Не обращая внимания на гул голосов в соседнем помещении, сестры уселись на веранде и начали лакомиться сытным шоколадным тортом, наблюдая за стаей гусей, опустившихся на залитую светом луны речную гладь в двадцати ярдах от них.

— Река так красива, но все-таки это не океан, — сказала Кли.

— Да, мы морские волчицы, — согласилась Каролина. — Помнишь, папа всегда называл нас так.

Они смотрели на реку, но неожиданно ветви деревьев осветились лучами фар. На подъездную дорожку отеля въезжала вереница машин. С рычанием подкатил один грузовик, за ним другой. Через дом до них донеслись громкие мужские голоса.

— Похоже, они перепутали нас с таверной «Кошачья Лапка», — произнесла Каролина, имея в виду придорожную гостиницу в пяти милях к северу.

— Давай устраним недоразумение, — предложила Кли, заинтересовавшись неожиданными гостями.

Сестры прошли в приемную, как раз вовремя, чтобы встретить группу загорелых небритых мужчин в не слишком свежей одежде, вваливавшихся через передний вход. Обеспокоенная Мишель стояла за конторкой портье, готовая направить их в «Кошачью Лапку». «Ренвик-Инн» был утонченным, высококлассным заведением; эти мужчины точно попали не по адресу.

— У вас есть для нас что-нибудь? — спросил один из мужчин. На голове его красовалась спутанная грива черных, влажных от морской воды волос, напоминавшая швабру для уборки палубы, объемистое пузо грозило разорвать выцветшую голубую майку с рекламой какого-то бара в Ки-Уэст, один из передних зубов был сколот. Каждый из татуированных бицепсов по толщине мог поспорить с талией Мишель.

— Вы имеете в виду комнаты? — хмурясь, уточнила Мишель.

— Угу, — рассмеялся мужчина. — А вы что подумали?

— Ну... — проговорила Мишель, изящно игнорируя намеки и перелистывая книгу предварительных заказов. — А сколько вам нужно комнат?

— Шесть, — ответил мужчина. — Мы можем жить по двое. А часть из нас остается на кораблях.

— На кораблях? — переспросила Мишель, хватаясь за спасительную возможность. — Тогда, наверное, вам будет лучше поселиться ближе к морю. У меня есть список мотелей...

— Босс сказал — здесь, — не согласился мужчина, качая головой. — Он на этом настаивал.

— На какой срок вам нужны комнаты? — поинтересовалась Мишель.

— На неопределенный. Возможно, на все лето. Мы работаем там, в море, осуществляем подъем...

— Распустишь язык — упустишь добычу, — прервал его другой человек. Он усмехался, но глаза оставались серьезными. — Хватит производить впечатление на дам.

— Вы работаете недалеко от берега? — спросила Каролина. — Немного восточнее этого места? — Она поду-

мала о судах, которые видела со Светлячкового Холма, огни которых сияли, как целое предместье.

— Точно, — подтвердил первый мужчина. Он гордо ухмыльнулся, демонстрируя сломанный зуб.

— У нас точно не будет свободных комнат на все лето, — сообщила Каролина. — Но Мишель, наверное, сможет найти вам одну-две на сегодня, а потом переселить в другие, если что-то освободится.

— Черт, — огорчился мужчина. — Босс будет недоволен. Дэнни, поди-ка на улицу и скажи ему об этом. Может, он в конце концов передумает и согласится вернуться к побережью.

Некоторые из прибывших уже просочились в темный уютный бар. На небольших дубовых столиках, изрезанных набросками и инициалами художников, горели свечи. Стены украшали пейзажи и картины с обнаженными женщинами. Постояльцы, которые уже сидели в баре, один за другим поднимали головы. Это были художники или люди, близкие к искусству, и они глядели на морских волков со смесью опасения и любопытства.

Над барной стойкой висела особенно роскошная, в духе декаданса, ню, изображавшая полногрудую блондинку с трагическим взглядом. Особенность картины была в том, что фоном на ней служили деньги. На первый взгляд их можно было принять за разбросанную листву, но приглядевшись, начинаешь различать купюры и монеты. Для художников эта замечательная работа одного из постояльцев Каролины, уже приобретшего достаточную известность, была темой для искушенных бесед. Но для новых гостей картина была полна лишь сладострастия и распутства, и они собрались вокруг нее, провозглашая громкие тосты и поднимая бокалы в сторону возбужденных сосков модели.

Каролина стояла молча, слушая, как Кли и Мишель обсуждают, что делать. Разговор моряков приобретал все более непристойный оттенок. Некоторые из постояльцев уже глядели на них с кривой миной. Кли и Мишель направились между столиками, пытаясь разрядить обстановку предложением напитков за счет заведения.

— Что, мои парни чересчур расшалились? — раздался низкий голос за спиной у Каролины.

— Да, немного, — ответила она, оборачиваясь, чтобы взглянуть на говорившего.

Это был высокий симпатичный мужчина. Взъерошенные светлые волосы выцвели еще больше от солнца и морского воздуха. Серьезное выражение в глубине его больших синих глаз контрастировало с улыбкой на губах. Он был одет в выгоревшую голубую рубашку-поло с потрепанным воротничком, не заправленную в брюки.

— Эй, капитан, — позвал мужчину со сломанным зубом и татуировками. — Мы хотим угостить вас.

— Давайте только не забывать, что вы уже не в море, — добродушно обратился светловолосый капитан ко всей своей команде. — Ведите себя как ученые и джентльмены. — Они выслушали его без всякой видимой враждебности, кивая и поднимая бокалы. Один из них поднес капитану стакан, в котором было что-то по виду напоминавшее клюквенный морс. Тот взял стакан, и Каролина обратила внимание, какие широкие у него ладони.

— Дэнни сказал, у вас здесь все занято? — поинтересовался он.

— Извините, — ответила Каролина. — Сегодня я могу предложить вам только два номера, и то потому, что заказ на них был неожиданно отменен. Я думаю, вам будет не просто найти здесь достаточно места на такой длительный срок, как вы хотите. В Блэк-Холле летом людно.

— Жаль, — сказал капитан. — Я давно мечтал пожить в «Ренвик-Инн».

— Правда? — спросила она скептически, однако чувствуя себя польщенной.

— Правда, — серьезно ответил он.

— У нас здесь полно художников. Гораздо больше, чем моряков и... как вы сказали? Ученых?

— Да, трудно в это поверить, — согласился мужчина, оглядывая свою шумную команду, члены которой отчаянно нуждались в бритве и шампуни, продолжавшую обсуждать обнаженную с печальными глазами. — Половина из этих ребят — океанографы, а вторая половина — пираты.

— А вы к какой относитесь? — спросила Каролина.

— Я совершенно точно пират, — ответил он.

— Да ладно, не морочьте мне голову, — сказала она. Они глядели друг на друга улыбаясь. В нем явственно чувствовался страстный темперамент, однако, несмотря на непринужденность в общении, в глубине глаз была скрыта какая-то тайна.

— Я руковожу компанией по подъемным работам во Флориде. — Мы спускаемся на затонувшие суда и достаем со дна все, что возможно. Иногда нам предлагают государственные заказы, а иногда мы работаем для себя.

— И что же вы поднимаете? — поинтересовалась Каролина.

— Сокровища, — усмехнулся капитан.

— Сокровища? — снова скептически переспросила она.

— Угу, — кивнул он. — Бывает, конечно, что это всего лишь рыболовные снасти и проржавевшие лодочные моторы. Пьяный боцман, не знакомый с местом, садится на мель. Или семейная яхта, которой управлял папаша, не имеющий никакого понятия о навигации, напарывается на скалу.

— Вряд ли вы приплыли сюда из Флориды, чтобы поднять семейную яхту, — заметила Каролина.

— Это точно, — согласился он. — В начале этого года я поднял со дна у побережья Луизианы сундук желтых топазов. И россыпь серебряных песо четыре дюйма высотой и восемьдесят футов длиной. Все это было на испанском бриге, который пошел ко дну в 1784 году.

Романтика морских катастроф всегда занимала Каролину. Их с сестрами детство прошло на Светлячковом Холме, и они часто смотрели на море, воображая корабли, которые затонули среди каменистых отмелей. На побережье бытовали легенды о пиратах и жертвах кораблекрушений, среди которых самой известной была история об английском судне, разбившемся во время ужасного шторма.

— Вы надеетесь найти здесь что-нибудь подобное? — поинтересовалась она, наполняясь возбужденной дрожью при мысли о возможных находках. — Настоящие сокровища?

— Возможно, — загадочно улыбаясь, ответил он.

— Английский корабль. Вы его ищете, да? — спросила Каролина, внезапно догадавшись. Она представила себе стоящие на якоре в море корабли, вспомнила таинственность, которой окружали себя ее неожиданные гости. И эти люди приехали на север, чтобы найти здесь обломки старинного корабля.

Каролина узнала об этом кораблекрушении в третьем классе; так же, как узнавали все дети в Блэк-Холле. Английский капитан прибыл в колонии, трюмы его судна были набиты оружием и королевским золотом. Он влюбился в жену смотрителя маяка, и она была готова бежать с ним в Англию. Но судно попало в страшную бурю и затонуло у Уикландских мелей.

— Как называется это затонувшее судно?

— «Кембрия», — ответил мужчина, внимательно изучая лицо Каролины.

— Точно! — кивнула она, глядя ему в глаза. Ее внезапно охватило чувство, что она знает его, знает давно и близко. От этого по ее коже побежали мурашки, а волосы на задней поверхности шеи встали дыбом.

— Откуда вы узнали о ней? Это ведь только легенда. Ее уже пытались найти, но никаких следов не обнаружили. Прошло уже почти триста лет, если это вообще правда.

— Правда, — негромко произнес он.

— Но как вы про это узнали? Это же местная история. Я нигде не читала об этом.

— Ты мне об этом рассказала, — сообщил мужчина.

— Я рассказала тебе?

— В одном из писем ты написала мне о судне, которое затонуло в проливе прямо напротив окон твоего дома. О «Кембрии». Ты узнала об этом в школе, и могла видеть это самое место из окна своей спальни. Ты же Каролина Ренвик, правильно?

Женщина почувствовала, как заливается краской. Подавшись вперед, она взяла его за руку. Ладонь была жесткой и мозолистой, пожатие — твердым; он как будто не хотел отпускать ее. Теперь Каролина узнала его. Он был так похож на свою фотографию, улыбка и огоньки в глазах остались прежними. Она с детских лет везде носила с

собой его фото и теперь сама поразилась, почему не узнала его сразу, как только он появился в дверях.

— Джо, — произнесла она. — Джо Коннор.

— Наверное, мне нужно было сперва позвонить, — заметил он. — Но наш отъезд получился в некотором роде неожиданным.

— Джо, — повторила она.

— «Ренвик-Инн», — проговорил он. — Мне всегда было интересно, тебе ли принадлежит это место. Или хотя бы твоей семье.

— Как странно, — сказала она, — что мы до сих пор ни разу не встречались. У тебя было столько возможностей...

— Странная штука жизнь, — отозвался он, продолжая улыбаться. Но в глубине его глаз Каролина видела какую-то отчужденность. Дружелюбие, которое он проявил вначале, сдерживалось воспоминаниями о прошлом, секретностью его занятий или чем-то еще. Он осмотрелся, кивая сидящим в баре товарищам.

— Да, — согласилась Каролина. — И странно, что ты захотел остановиться в моей гостинице, учитывая...

— Учитывая что?

— Все. Учитывая все.

— Это древняя история, — сказал Джо. — Ты держишь отель, а мне нужно пристанище для моей команды.

— Для твоей команды? Не для себя? — спросила Каролина.

Джо покачал головой:

— Я останусь на месте, на борту корабля. И большая часть моих ребят — тоже, но нам нужна береговая база. Душ, бар, ресторан...

— Бар им, кажется, понравился, — отметила Каролина, наблюдая, как бармен хмуро разливает по рюмкам «Южную усладу». — Честно признаюсь, не могу вспомнить, когда в последний раз видела, как кто-нибудь здесь пьет чистый виски.

— Мои парни для тебя слишком неотесанны? — спросил Джо с оттенком недовольства и усмехнулся. — Хорошо, что у тебя нет мест. Не хотелось бы компрометировать твой отель. Мы допьем и смоемся отсюда.

Каролина откинула со лба волосы и сейчас была совершенно выбита из колеи. Джо скоро уйдет, и она хотела бы этому радоваться. Встреча с ним вытащила на поверхность дурные воспоминания и тяжкую боль. Она столько сделала для того, чтобы все это оставить в прошлом, и ей совершенно не хотелось вновь терзать свою душу. Поэтому то, что она произнесла, стало неожиданностью для нее самой:

— Я уже сказала, что пара комнат у нас найдется.

— Да? — переспросил он. — Что ж, тогда мы их займем.

К ним подошла Кли, в ее глазах было беспокойство.

— Кто-то попытался заигрывать с женой Лео Дьюмонда, — сообщила она, — и Лео теперь намерен выпшвырнуть наглеца вон. По-моему, он пытается копировать папу.

Каролина вздохнула; сейчас ей не хватало нужной уравновешенности. Лео Дьюмонд был абстрактным экспрессионистом из Нью-Йорка, более известным своими капиталовложениями, чем живописными работами, и он был одним из тех, кто пытался жить так, как, по их мнению, жил Хью Ренвик: писать быстро, драться отчаянно. Кичиться своими достоинствами, дурить головы чужим женам, пить сверх нормы, выезжать на охоту и рыбалку достаточно часто, чтобы попадать на страницы спортивных изданий.

— Ваш отец был настоящим, — сказал Джо. — А Лео Дьюмонд — фальшивка. Он не рискнет выйти за порог ни с одним из моей команды.

— Вы были знакомы с нашим отцом? — моргая, спросила Кли.

— Только слышал, — ответил Джо. — Ублюдок.

Улыбка Кли испарилась.

— Кли, познакомься, это Джо Коннор, — бесстрастно проговорила Каролина, старательно держа эмоции под контролем.

— Тот самый Джо Коннор? — поинтересовалась Кли.

— Видимо, да, — ответил он, одаряя ее насмешливой улыбкой и рукопожатием.

— Как долго мы мечтали тебя увидеть, — призналась Кли.

— Он охотник за сокровищами, — сказала Каролина. — Приехал сюда, чтобы поднять «Кембрию», а потом уедет обратно к себе во Флориду.

— Так и есть, — подтвердил Джо. — Территория Ренвиков для меня все-таки слишком опасна. По крайней мере так было, когда Хью был жив.

— Мы — дочери своего отца, — отрезала Каролина, чувствуя боль от отказа Джо так же остро, как в пятнадцать лет. Она ощущала, как слезы застилают глаза, хотя сама поражалась, что до сих пор так переживает из-за этого. Они дружили, а он отверг ее, не дав больше ни единого шанса. Причем не за ее грехи, а за совершенное их отцами. — Не советую тебе об этом забывать.

— Я помню, — тихо ответил Джо Коннор.

Закрыв за собой дверь своего кабинета, Каролина подошла к столу. Ее руки тряслись, сердце стучало громко и отчаянно. Кли уехала, и Каролина была рада остаться одна. Задержав шторы, она села.

Из бара доносился шум. Она различала громкие голоса, возбужденный смех. Сегодня в «Ренвик-Инн» был оживленный вечер, и она понимала, что должна быть довольна. К ней нередко заходили старые друзья и знакомые. Некоторые знали, что она — хозяйка отеля, но зачастую они обнаруживали это с удивлением. Однако для Каролины это не имело значения, ведь все эти встречи были для нее просто приятными моментами в бизнесе.

С Джо Коннором все было иначе.

Очень медленно она открыла верхний ящик стола. Стол был набит ручками, квитанциями и записками. Сунув руку глубже, Каролина выкопала из бумаг то, что искала. Она достала на свет старую фотографию и положила ее на стол.

Это была школьная фотография Джо-первоклассника. Мальчишка улыбался, и было видно, что у него не хватает одного переднего зуба. Надо лбом топорщился непокорный светлый чубчик. Фотокарточка была заляпана коричневым, и темные брызги покрывали лицо мальчугана. Это были брызги крови его отца.

Каролина вспомнила, как держала Джеймса Коннора за руку, когда тот застрелился и рухнул на нее всем своим

телом. Она вытащила фотографию его сына из растекающейся лужи крови. Сейчас она сидела в тишине и смотрела на лицо Джо.

Ее мать разрешила написать ему письмо. Вопреки собственному желанию Аугуста позволила ей найти его ньюпортский адрес и сама дала марку. Пятилетняя Каролина написала шестилетнему Джо Коннору, что сожалеет о том, что его папа умер. Девочка не написала ничего про пистолет, про кровь. Ей достаточно было собственных эмоций, сочувствия к другому ребенку, который потерял отца. Мать помогла ей написать печатными буквами короткое послание из нескольких фраз.

Джо ответил. Он благодарил ее за письмо. Она до сих пор могла вспомнить неуверенные буквы первоклашки, его непонятные слова: «У моего папы случился сердечный приступ, когда он был у вас. Хорошо, что ты была с ним рядом».

Каролина снова написала ему. Они стали переписываться. Много лет они писали друг другу, то реже, то чаще; обменивались рождественскими открытками, поздравлениями на день рождения, валентинками. Спустя какое-то время Джо начал расспрашивать о своем отце. По его вопросам Каролина поняла, что он не знает правды, что совершенно не так представляет себе смерть отца.

По-видимому, Джо считал, что их отцы дружили. Джеймс Коннор познакомился с Хью Ренвиком во время одной из поездок последнего в Ньюпорт на этюды, и этим двум совершенно разным людям понравилось выпивать вместе. Как-то Джеймс оказался у Ренвиков дома, и там, на кухне, с ним случился сердечный приступ.

К ужасу Аугусты, письма от Джо приходили все чаще. Они с Каролиной нравились друг другу, а когда стали подростками, то их привязанность оказалась еще сильнее. Аугуста сходила с ума, видя на конверте фамилию Коннор. Она терзала дочь, пытаясь заставить ее прекратить переписку. Мать Каролины не могла выносить Джо Коннора, который напоминал ей об измене мужа и о том страшном дне.

В конце концов переписка действительно прекратилась. Каролина уже давно не думала об этом, но оказалось, что воспоминания все еще много значат для нее. Она по-

чувствовала, как снова краснеет. Джо наконец узнал правду, но не от нее.

Мать Джо не могла признаться сыну, как на самом деле умер его отец, но однажды кто-то из родственников проговорился. Дядя или двоюродный брат, Каролина уже забыла. Джо наконец узнал, что его отец покончил с жизнью. Сердечный приступ был ложью, как и история о том, что их отцы дружили.

Джеймс Коннор умер среди врагов. Это было ужасно, вполне достаточно для того, чтобы разбить сердце мальчишки-подростка. Но еще хуже было то, от чего до сих пор у Каролины наворачивались слезы — предательство. Она была подругой Джо Коннора. Все это время, читая его письма, она понимала, что должна рассказать ему правду.

И в итоге он не смог простить ее. Она знала, а он — нет. Ему было семнадцать, и он хотел узнать о своем отце все, что только возможно, а Каролина утаила от него самый важный факт: у ее отца был роман с его матерью, и Джеймс Коннор застрелился из-за этого. Она не поделилась с ним главным, чем должны делиться друзья — правдой.

Ренвики никогда не возводили правду в ранг божества, но это не было оправданием поступка Каролины. Сидя за столом, глядя на фотокарточку, она вспоминала Джо Коннора таким, каким только что видела его в баре. Если бы он оставался ее другом, она могла бы угостить его чем-нибудь, вместе вспомнить прошлое, постаралась бы лучше узнать, каким он стал теперь. Но выходило так, что Джо был всего лишь очередным посетителем.

20 сентября 1972

Дорогой Джо Коннор!

Рядом с нашим домом когда-то произошло кораблекрушение! Это было очень давно. «Кембрия» приплыла из Англии с кучей сокровищ. Мы с сестрами ищем монеты на Берегу Светлячков. Если мы найдем что-нибудь, я пришлю тебе монетку. Наш пляж — волшебный. Вместо маяков у нас светлячки. Ты сейчас в четвертом классе? Я в третьем. «Кембрия» — это баркентина. Она погрузилась в ил.

С тобой всем сердцем,

Каролина Ренвик.

16 октября 1972

Дорогая Каролина!

Почему ты всегда обращаешься ко мне «Джо Коннор»? Здесь нет больше никаких Джо. Кораблекрушения — это здорово, конечно, если ты не сам в них попал. В Ньюпорте они тоже часто бывали. Здесь полно затонувших барок (так кратко называют баркентины). Да, я в четвертом классе. А сколько у тебя сестер? Продолжай искать сокровища.

Твой друг,

Джо.

P.S. Конечно, она погрузилась в ил. Иначе она бы разложилась. (Для вас, третьеклассников, это означает «сгнила».)

Глава 3

Джо Коннор вел свой фургон обратно к порту, чувствуя, как воздух становится тяжелым от морских испарений. За ним следовала вереница машин с членами команды, возвращавшимися на корабль. Рядом с капитаном сидел Билл Шепард, но сейчас Джо хотелось бы оказаться одному. Он не ожидал, что такотреагирует на встречу с Каролиной Ренвик, и был крайне раздосадован, как будто только что сел на мель или упустил черного марлина. Крепкие мужские руки на рулевом колесе по-настоящему дрожали. Коннору хотелось выпить, но он бросил пить десять лет назад.

С одной стороны, Каролина была красавицей. Ростом в пять футов шесть дюймов, стройная, с потрясающей фигурой — женщина, о которых всю жизнь мечтают моряки. Ее лицо, фарфорово-бледному, с огромными синевато-серыми глазами и высокими скулами, с нежными губами, которые словно улыбались, было самое место на обложках журналов. У нее были длинные темные волнистые волосы, и в сочетании с бледной кожей это делало ее похожей на жительницу древней Ирландии и заставляло Джо думать о страстном шепоте и представлять, как ее ноготки впиваются ему в спину.

С другой стороны, и это было главное, она была Каролиной Ренвик.

У них было общее прошлое: их долгая переписка, а потом, когда он узнал правду, — гнев. Джо видел знаменитый портрет кисти ее отца, «Девушка в белом», в музее искусств «Метрополитен», на котором было изумительное лицо Каролины. Но в тот момент он уже ненавидел Ренвиков всей душой, ведь ложь выплыла на поверхность.

— Приятное местечко, этот «Ренвик-Инн», — зевая и глядя в открытое окно, проговорил Билл.

— Да, — коротко согласился Джо.

— Так значит, у нас там будет пара комнат, что-то типа береговой базы? — спросил Билл. Он был новичком в команде Джо, аквалангист, присоединившийся к ним в конце последней экспедиции; был молод и горяч и слишком любил поговорить. Джо не сильно утруждался близким знакомством с членами команды. Они делали свое дело, а он платил им зарплату.

— Да, — ответил Джо.

— Чудесные девочки, — сказал Билл. — Эта, хозяйка гостиницы, и ее сестрица. Ты хорошо их знаешь?

— В общем, да.

— Я бы не прочь был познакомиться с этой Каролиной поближе. Очень горяча, ну очень. Но этот новоанглийский неприступный вид, кажется, ее так просто не возьмешь. Правда?

— Так и есть, — отрезал Джо.

— Ну, кто знает, — рассмеялся Билл в своей откровенной южной манере. В его глазах постоянно горел какой-то дьявольский огонек, и большая часть того, что он говорил, воспринималась как насмешка. Джо чувствовал, как в желудке ворочается растущий комок гнева, ему казалось, что он должен встать на защиту Каролины, но не мог до конца понять почему.

— Запомни вот что, — заметил Джо, — захочешь выпить — делай это где-нибудь за пределами «Ренвик-Инн». А когда будет твоя очередь ночевать там, держись подальше от Каролины и ее сестер.

— Сестры, — поправил Джо Билл. — Там была только одна.

Есть и вторая, подумал Джо, припоминая письма Каролины. Но не стал просвещать Билла.

— Я это не только тебе говорю, но и скажу всем остальным. Чтобы не смели подкатывать к Ренвикам. Скажем просто: они — друзья моей семьи. Понятно?

— Что ж, это надо уважать, — уступил Билл. — Но до чего ж они сексуальны! Просто чересчур.

— Чересчур, — согласился Джо.

Они приближались к воде. Чем солонее был воздух, тем легче дышалось Джо. На море он всегда чувствовал себя свободным. Все, что, словно кандалы, связывало его с твердой землей, все проблемы и неприятности, уносило прочь морским бризом. Ощущение качающейся под ногами палубы и сознание того, что сила ветров и приливов намного превосходит человеческую, всегда доставляло ему радость; это началось примерно тогда, когда прекратилась их переписка с Каролиной. Он убегал в море от всех печалей и тягот, что обрушивала на него жизнь, и оно всегда одаривало его чувством свободы и покоя.

Дорога стала извилистой, огибая прибрежные скалы. В самой глубине сознания у Джо шевелилась мысль: где же этот «Светлячковый Холм», место, где застрелился его отец? Он мог найти его по карте — как делал миллион раз — но от реальной близости этого дома мурашки бежали по спине.

Город, судя по картам, назывался Блэк-Холл, а мыс, выступающий в пролив Лонг-Айленд, как отставленный вбок локоть, — Хаббард'с Пойнт. Светлячковый Холм был лишь точкой на карте, апострофом в слове «Хаббард'с», самым высоким местом на побережье от Брэнфорда до Стонингтона. Берегом Светлячков назывался в семейном кругу Ренвиков их частный пляж; Джо вспомнил, как Каролина рассказывала, что у них такое множество светлячков, что они способны заменить маяк.

Джо нырял за сокровищами в пяти из семи морей, разбогател на этом, ему приходилось находить вещи, в существование которых он и сам верил с трудом. Но «Кембрия» была для него святым Граалем. Его Атлантидой. Наполнив в Босфоре трюм турецким золотом и бочонками с русскими рублями, он ночи напролет лежал на раскачивающейся узкой койке, планируя подъем «Кембрии». В конце концов он получил разрешение властей на работы и право на добычу, собрал снаряжение, команду и помчался на север.

Было ли это только потому, что баркентина затонула у Блэк-Холла? В зоне видимости со Светлячкового Холма? Глядя на туманную дорогу перед собой, Джо думал:

Блэк-Холл стоило пометить на морских картах черепом с костями. Реакция не была бы такой острой, если бы название этого города не вызывало в нем острого ощущения счастья на протяжении всех тех лет, когда он видел его на почтовых штемпелях на конвертах с письмами от Каролины. Джо почувствовал горечь, вспоминая, как она скрывала от него правду. Но история о затонувшем английском корабле не давала ему покоя все эти годы, и вот он здесь. На земле Ренвиков.

Это семейство во многом определило его жизнь. Хью Ренвик приезжал рисовать в Ньюпорт. Мать Джо работала в омаровой компании, простая милая рыбацка с грубыми руками и больными ногами, и когда художник с мольбертом на пристани предложил ей выпить, предложение оказалось слишком волнующим, чтобы она смогла отказаться.

Их связь не продолжалась долго, но Хью с самого начала покорила сердце матери Джо. Когда отец узнал об этом, это разбило ему сердце. Мать всю жизнь продолжала любить человека, который никогда не мог принадлежать ей, и годы только прибавляли горечи. Она вторично вышла замуж, родила второго ребенка, пыталась вновь наладить свою жизнь. Но женщина не могла перестать любить Хью Ренвика и не была сердечно привязана к Джо, своему первенцу.

Даже спустя столько лет никто из его близких родственников так и не рассказал ему подробности смерти отца. Только Ренвики знали, что произошло в их доме. Мать Джо, католичка, скрывала сам факт самоубийства мужа так долго, как могла. Из-за этого, а также и из-за чувства вины за свою измену, приведшую к трагическим событиям, все произошедшее она превратила в страшную тайну, которую скрывала до самой смерти. Джо чувствовал тупую мучительную боль внутри себя, ему хотелось повернуть обратно и обо всем расспросить Каролину. Но между ними была целая пропасть — много лет молчания.

Он завернул на занесенную песком стоянку на Мунстоун-Пойнт и припарковал фургон у конторы начальника пристани. Половина машин на этой запущенной стоянке

принадлежало команде Джо, а следом за ним въезжали новые. Большинство людей уже направлялись к «Метеору», исследовательскому судну, которое они называли «кораблем-маткой». Он вызвал катер по коротковолновой рации.

— «Метеор», это Патриот-Один, мы на пристани. Прием.

— Роджер, Патриот, — раздался сопровождающийся треском помех голос. — Сейчас приедем за тобой. Прием.

— Давайте побыстрее, — попросил Джо, чувствуя, как привычно сдавило грудь. — Я устал ходить по суше. Я здесь уже слишком долго.

— Не волнуйся, шкипер. Мы уже в пути.

Джо отключил рацию и откинулся на спинку сиденья. Он слушал, как Билл разглагольствует об окрестностях, об увиденном сегодня днем. Проект был волнующим; вопреки самому себе, вдыхая соленый воздух, Джо начал расслабляться.

Жизни обрываются, надежды идут ко дну. Очередной затонувший корабль вновь всколыхнул старые мечты, возбуждал желания окунуться в морской мир тайн и опасностей, приоткрывая уклад жизни капитана «Кембрии» и его команды. Джо представлял себе подъем сокровищ с затонувшего судна как знакомство с мертвецами: с их семьями, их привычками, их хрупкими старыми костями.

Он услышал звук мотора катера, шлепанье волн об его корпус. Взяв портфель с картами и спортивную сумку с вещами, он выбрался из грузовика. Море было темно-серым и беспокойным; на горизонте собирались мрачные тучи. В волнах мелькала большая акула-мако, осторожно приближаясь к пристани.

Дэн Форсайт, водитель катера, был одет в оранжевую ветровку и защитные шорты.

— Привет, капитан, — проговорил он.

— Привет, Дэн, — откликнулся Джо, спускаясь по трапу. Прилив достиг самой нижней отметки, от причала до воды было далеко. Мысленно он уже вернулся к работе, прикидывая завтрашний график приливов и течений, размышляя об операции.

— Море нынче беспокойно. Надеюсь, нам это не помешает, — сказал Дэн. — Завтра будем закреплять кормовые шпангоуты?

— Если рельеф дна не поменялся, — ответил Джо.

Они поплыли прочь от причала через гавань, заполненную прогулочными судами, дальше, в открытое море. В домах на берегу начали зажигаться огни. Джо не сводил с них взгляда; он ничего не мог с собой поделать.

Он постарался сосредоточиться на работе, но у него ничего не выходило. Все его внимание было украдено Блэк-Холлом. Который из них — «Светлячковый Холм»? Он вытер с глаз соленые брызги, разглядывая марши и гранитные скалы. Дома проплывали мимо, а Джо думал о Каролине, о темной глубине и тревоге в ее серо-голубых глазах, о ее твердости и ее тайнах. Теперь, после того как увидел ее, он никак не мог прогнать из головы ее образ.

Хотя, если признаться честно, не мог никогда.

— И на что он похож? — поинтересовалась у Кли Скай.

— Мама тебя не слышит? — в свою очередь, спросила Кли, желая удостовериться в том, что им удастся поговорить без свидетелей.

Хотя и было уже поздно, Кли позвонила в «Светлячковый Холм» сразу же, как приехала домой из «Ренвик-Инн» после встречи с Джо и прощания с Каролиной. Новости об объявившемся Джо Конноре были слишком важны, чтобы тут же не поделиться ими со Скай.

— Нет, — ответила Скай. — Мама в другой комнате. Рассказывай.

— Он совсем взрослый. Как это странно, правда? Столько лет прошло, а я так и представляла Джо Коннора таким же, как на той фотографии, которую Каролина везде носила с собой.

— Шестилетним, — сказала Скай, — с чубчиком и без одного переднего зуба.

— Он очень красивый, — добавила Кли, — знаешь, как-то по-морскому. У него яркие синие глаза и высокий рост. И он сильный, я думаю, именно так и должен выглядеть мужчина, который поднимает сундуки со дна морского. — Она говорила негромко, не желая, чтобы ее услышал Питер. Ему, как больничному священнику, не приходи-

лось часто поднимать тяжести. Он навещал больных и утешал страждущих, и Кли любила его больше, чем могла вообразить. Сейчас Питер находился в комнате детей, наверху, читал вечернюю сказку Марку и Мэрипат.

— Он кто, рыбак? — спросила Скай. — Как его отец?

— Нет, у него компания по подъему затонувших судов. Помнишь, те корабли, что мы видели из маминого дома? Это его. Он ищет сокровища.

— И как отреагировала Каролина на встречу с ним?

— Ну, она... — начала Кли, но ее внимание привлек звон кубиков льда о стекло. — Что ты там делаешь? Скай, ты что, до сих пор пьешь?

— Только один стаканчик на сон грядущий, — заметила Скай. — Вот она я, в своей старой комнатке в мамином доме. В тридцать один год вернулась в родительский дом. Неудачница.

— Это неправда, — сказала Кли. Неужели сестра действительно чувствует себя такой несчастной, как вдруг показалось Кли по ее голосу? Или это просто разговоры? Кли уже имела возможность наблюдать разрушительное воздействие алкоголя на их отца.

— Ну, рассказывай, Кли, — спокойно произнесла Скай. — Как Каролина перенесла встречу с ним?

— Она была в шоке.

— Потому что она влюблена в него, — хриплым, напряженным голосом проговорила Скай.

— Не выдумывай, — возразила Кли. — Ей было всего пятнадцать, когда они перестали переписываться. Это было только детское увлечение.

— Она его любила, — сказала Скай. — Она его любила больше всего на свете.

Кли снова услышала напряженность в голосе Скай.

— Каролина много говорила о нем, — продолжала Скай. — Я помню. И продолжала везде носить с собой его фотографию. Она хранила ее столько лет спустя. Брала карточку с собой в каждый ужасный поход, постоянно, когда папа бросал нас одних.

— Я знаю.

— Носила ее в рюкзаке, в одном из непромокаемых пакетов.

— Не надо, Скай, — попросила Кли, чувствуя, как ее сердце начинает биться сильнее.

— Джо мог бы понять.

— Что? — спросила Кли.

— Меня, — ответила Скай. — Каролину. Редхок. Вселенную.

— Он неумытый пират в дырявых ботинках, — сказала Кли с растущим беспокойством. — Он не яснови-
дящий.

— И где он держит свой пиратский корабль, когда он не стоит напротив маминых окон? — поинтересовалась Скай.

— Он называется «Метеор». Я видела название на борту его грузовика. Я думаю, в Мунстоун-Пойнте. Ты хочешь ему что-то сказать? — допытывалась Кли.

— Да, может быть, то, что это мог быть несчастный случай. Что, может быть, его отец не собирался стреляться.

— Скай.

— Такое могло быть, — вымолвила Скай, и ее голос неожиданно наполнился хмельными слезами. — Ты же понимаешь, почему я так думаю, правда?

— Сестренка, послушай меня, — сказала Кли. — Ты уже слишком много выпила. Иди спать, а утром тебе станет легче.

— Мне кажется, я могла бы ему помочь, — продолжала Скай, не обращая внимания на замечание сестры. — Я правда думаю, что могла бы помочь ему.

Телефонную трубку наполнили приглушенные всхли-
пывания Скай.

Кли опустила голову. Она пыталась собраться с мыслями, придумать что-то успокаивающее, что помогло бы Скай преодолеть патологическую печаль, и убедило бы ее пойти спать. Но, прежде чем Кли смогла что-нибудь сказать, на том конце провода послышались короткие гудки.

Кли продолжала сидеть возле телефона, размышляя, что же делать. Не собирается ли Скай сотворить что-нибудь безумное? «Ложись спать, — молилась она про себя. — Ложись спать, Скай». Она встала и направилась наверх, решив взглянуть на детей. Она и ее сестры так долго пытались игнорировать свое прошлое; они стара-

лись занять себя чем-то, чтобы спрятаться от него. У Кли была семья. Если ее родные были счастливы, она тоже могла быть счастлива. Счастье очищает.

Она на цыпочках зашла в детскую и поцеловала спящих малышей. Шепча «Спокойной ночи» на ушко Мэрипат, она молилась, чтобы сны дочки были свободны от всяких страхов. Она поцеловала Марка, мысленно пожелав ему того же. Целуя детей, Кли вдруг поняла, что должна перезвонить сестре. Она испытывала такое нетерпение, что пальцы соскальзывали с кнопок, когда она набирала номер Скай.

Ответила Аугуста. Кли услышала теплые и обрадованные нотки в голосе матери, потому что ей позвонила одна из дочерей, пусть и в такой поздний час и для того, чтобы поговорить со Скай, а не с ней. Аугуста поднялась наверх, чтобы позвать младшую дочь, и, вернувшись, сказала Кли, что та, наверное, вышла. Кли почувствовала, как заколотилось сердце. Руки внезапно ослабели.

— Спасибо, мам, — произнесла она, посылая в трубку поцелуй, как будто ничего не произошло. И сразу же перезвонила Каролине.

— Кажется, я только что совершила большую глупость, — сообщила Кли. — Я только что говорила со Скай. Она в очень расстроенных чувствах, и, по-моему, она отравилась в порт. Она пьяна.

— Ты позволила ей повесить трубку?

— А что я могла сделать?

— Понимаю, — сказала Каролина. — Прости меня, Кли. Ты не виновата.

— Но у меня такое чувство, что как раз наоборот.

Городок был невелик. Скай все знали, и Каролине сообщили тут же о случившемся. Она немедленно перезвонила Кли и помчалась в Центральную Прибрежную больницу. Все три девочки Ренвик родились здесь. С отчаянно колотящимся сердцем, не зная, что ей предстоит увидеть, Каролина старалась найти утешение в этом факте: Скай появилась на свет здесь.

— Она жива, — сказал полицейский.

Каролина кивнула, чувствуя, как от облегчения подгибаются колени.

— Она пьяна до беспамятства. Ничего другого ожидать и не стоило, — заметил он. — Вашу сестру оштрафуют за вождение в нетрезвом виде.

Каролина прочитала его нагрудный знак: «Офицер Джон Даферти». Она встречала его в городе, иногда они с женой заходили поужинать к ней в отель.

— Это вы нашли ее? — спросила она.

— Да, я.

— Спасибо вам, — проговорила Каролина.

— Ей повезло, — добавил он. — Авария действительно была серьезной, и она могла погибнуть.

Они стояли у въезда для машин скорой помощи, с моря дул теплый нежный летний бриз. К больничному корпусу подъезжали другие полицейские автомобили, их синие мигалки бесшумно вспыхивали и гасли, как будто сама больница стала местом преступления. У Даферти были добрые глаза и спокойный голос, и он разговаривал с Каролиной тоном мягкого сожаления, напомнив ей тех офицеров, что иногда появлялись в отеле, чтобы сообщить о задержании Хью за вождение в нетрезвом виде.

— Она должна благодарить природу, — сказал он. — Автомобиль вылетел с дороги милях на восьмидесяти в час, но колеса попали в топь. Вдоль дороги на Мунстоун тянутся болота, и шины увязли глубоко. Но даже при всем при этом Скай хватило скорости для того, чтобы снести забор и разбить вдребезги машину.

— Дорога на Мунстоун? — переспросила Каролина.

— Да. Она направлялась в порт. Мне известно, что она замужем за Саймоном Уитфордом, но когда я добрался до нее, она произнесла какое-то другое имя.

— И что же это было за имя?

Офицер понизил голос, стараясь продемонстрировать сдержанность.

— Джо, — сказал он. — Она звала кого-то по имени Джо.

Каролина нашла Скай в отдельном боксе реанимации.

Скай Ренвик Уитфорд, вся в белом, была похожа на ангела. Белые бинты, белые простыни, перламутрово-белая кожа. Если не считать лиловых, черных, темно-красных кровоподтеков. Ее светлые ресницы покоились на высо-

ких скулах. Она была такая тоненькая, такая маленькая, что больше походила на ребенка, чем на женщину. При взгляде на сестру Каролина почувствовала волну такой всепоглощающей любви, что ей пришлось замотать головой и отступить на шаг назад.

От этой любви сердце готово было разорваться, наполняя все существо щемящей болью. Каролина стояла у постели Скай, глядя на нее сверху вниз. Та лежала тихо. Дышит ли она вообще? Каролина присмотрелась к телу под белоснежными простынями и заметила, как грудь сестры едва заметно поднимается и опускается. Маленький ротик Скай был слегка приоткрыт под гладкой зеленой кислородной маской, верхняя губа была разорванной и опухшей. Какие-то видения заставляли трепетать ее посиневшие веки.

Каролина легонько тронула Скай за руку. Это была рука скульптора, загрубевшая, словно у рабочего. Под ногтями забились краска и глина. Поднеся маленькую руку к губам, Каролина ощутила запах скипидара.

— Скай, — проговорила она, — ты меня слышишь?

Скай не отвечала.

— Ты же не это имела в виду, правда? — спросила Каролина. — Ты же не специально слетела с дороги. Ты куда-то направлялась.

— Скай? — еще раз попробовала позвать Каролина. — Зачем ты хотела увидеть Джо?

Вид лица Скай заставил ее замолчать. Глаза Скай были закрыты, но из них катились слезы, двумя дорожками по щекам. Ее губы под маской шевельнулись — или Каролине это только показалось? Поток кислорода издавал громкий шум, в этом звуке было что-то неземное. Скай потянулась и сорвала маску.

— Я не доехала до порта? — поинтересовалась она.

— Нет, — сказала Каролина.

— Теперь это кажется такой глупостью. Но тогда это как будто имело смысл.

— Все равно, расскажи мне.

— Ненавижу похмелье, — прошептала Скай. — Голова раскалывается, и я чувствую себя полной идиоткой. Ты заберешь меня отсюда?

— Я не могу, — ответила Каролина. — Пока еще рано.

— Может быть, его отец совершил ошибку, — сказала Скай, дотрагиваясь до своего покрытого синяками лица. — Он застрелил не того, кого надо было.

— Не того? — переспросила Каролина, чувствуя себя отвратительно. — И кого же ему надо было застрелить?

— Меня, — ответила Скай.

— Ты тогда еще не родилась, — напомнила Каролина. — Ты еще была в маминой утробе.

— Жаль, что он этого не сделал, — проговорила Скай. — Лучше бы я не родилась вообще.

— Если бы ты не родилась, — сказала Каролина, наклоняясь совсем близко к Скай, — у меня не было бы такой сестренки. Мы с Кли вообще не знали бы тебя. Не говори таких вещей.

— Я не хотела быть убийцей.

— О, Скай, — проговорила Каролина, на ее глаза навернулись слезы. Всегда они возвращались к одному и тому же. С чего она взяла, что будет иначе?

Скай вздрогнула — от боли, выпитой водки или лекарств. Голос ее прерывался, было трудно разобрать слова. Каролине так хотелось, чтобы отец сейчас был здесь. Она хотела, чтобы он увидел мучения младшей дочери, погладил ее по голове своими шершавыми добрыми руками, убедил ее простить себя. Это из-за его ошибки Скай попала сюда. Каролина чуть сжала руку сестры. Она перебирала мысли, пытаясь найти нужные слова утешения, но была слишком взволнованна, чтобы сделать это.

— Джо, — сказала Скай.

— Почему ты звала его? — поинтересовалась Каролина. — Зачем он был тебе нужен?

— Мы связаны. Ты что, этого не чувствуешь? — спросила Скай, широко распахнув глаза.

— Я чувствовала это всегда, — ответила Каролина.

— Сейчас — больше, чем когда бы то ни было, — продолжала Скай едва слышно.

Каролина держала ее за руку и молчала.

Потом, в комнате для посетителей, она не поднимала головы, чтобы никто не смог увидеть ее лица. Как они дошли до такого?

Хью Ренвик был крупным — шесть футов три дюйма ростом — и сильным мужчиной; такими же недостижимыми для простых людей были и его идеи.

Он очень любил проводить время на природе, и в спортивных увлечениях был так же неистов, как в искусстве и в жизни. Он хотел научить дочерей тому, чему другие мужчины учат сыновей. Он подарил им компасы и швейцарские ножи. Он учил их определять погоду по небу и различать звериные тропки в горах, учил охотиться ради пропитания.

Его дом подвергся нападению чужака. Не важно, какова была причина этого. Хью, с этих пор решивший, что опасность может скрываться в каждом углу, хотел, чтобы его дочери могли защитить себя. Даже если причиной нападения была его интрижка с женой Джеймса Коннора.

Они уезжали подальше от моря, на север, через сосновые леса и луговины желтых цветов. Дорога шла вдоль медленной бурой реки, и когда Скай была маленькая, они занимали ее в долгом пути, заставляя считать красные сараи и черных коров. Отец был большой знаменитостью, весь мир хотел заполучить его, но в этих поездках он принадлежал только им, трем сестрам.

Они приезжали в Нью-Гемпшир, на гору Редхок, и разбивали лагерь. Там были высоченные деревья, и с ветвей на паутинках свисали тощие зеленые гусеницы. Отец помогал дочерям натянуть палатки, доставал из чехлов ружья. Оружие двадцать второго калибра было для девочек тяжелым, особенно когда они были маленькими, но отец учил их, как медленно поднимать ствол и тщательно целиться.

Когда Хью Ренвик сидел у костра, на его лице всегда читалась обеспокоенность, — ведь у него было три дочери, а окружающий мир был так жесток.

Каролина всегда сидела между Кли и Скай, внимая наставлениям отца и одновременно прислушиваясь к звукам леса. Он объяснял им, что научиться стрелять необходимо, чтобы защититься от хищников. Его девочки были чуткими и добрыми. Но другие люди такими не были, и в мире, где царит закон «Убей или умри», существуют

по-настоящему злые люди. Сестры сами знали, что отец прав, ведь они помнили того мужчину, что ворвался в их дом. Отец говорил так ласково, словно рассказывал им сказку на ночь.

Потрескивали сучья в костре. Каролина чувствовала рядом с собой тепло сестер, а отец обнимал их и подвигал еще ближе друг к другу. Он знал, что дети любят природу, наблюдают за ее обитателями. У каждой из дочерей был собственный садик на Светлячковом Холме. В каком-то смысле охота была похожа на обычную прогулку в лесу. Чем тише ступаешь, тем больше зверей и птиц сможешь увидеть. Когда нужно убить, ты остаешься со зверем один на один. Охота пробуждает в человеке скрытые инстинкты и возбуждает чувства, о которых большинство людей давно забыли, в самой сокровенной глубине существа рождается фантастическое ощущение истинной жизни. Он говорил об охоте так же, как и об искусстве: для него это был тот же экстаз жизни и смерти.

Каролина не верила в это ни одной минуты. Ей было тринадцать, Кли — одиннадцать, а Скай — восемь. Слушая отца, девочки испытывали ужас. Но они доверяли ему. Этот человек заботился об их благополучии страстно и добросовестно, и если говорил, что они должны научиться убивать зверей, значит, им придется этому научиться.

Первой добычей Каролины стала белка. Она сидела на ветке дуба, изящно загнув на спину пушистый хвост. Она прицелилась так, как учил отец, и нажала на курок. Белка кувыркнулась с ветки, как игрушка с полки. И лежала на земле, с черным отверстием в рыжей шкурке. Каролину затошнило.

Отец хотел, чтобы каждая из них ходила по лесу самостоятельно, исследовала горы и охотилась одна. Если такая независимость пугала Каролину, то она с трудом могла себе представить, что испытывают младшие сестры. Обычно она следовала за Скай. Она кралась за ней в пятидесяти ярдах, как будто та была ее охотничьей добычей, просто чтобы наблюдать за ней.

Однажды Скай переходила по узкому мостику через бурный ручей. На середине она оступилась и упала в воду.

Каролина бросила ружье, скинула ботинки и бросилась за ней. Была ранняя весна, и вода в ручье была талой, от сошедшего выше по течению льда. Холод охватил ее, мгновенно заморозил члены, облепил ее мертвыми прошлогодними листьями. Шерстяная одежда тянула ко дну. Впереди нее Скай исчезла под водой.

Когда Каролина наконец схватила Скай, их уже унесло к порогам. Белая вода оглушительно шумела в ушах. Каролина отплевывалась от бьющих в рот струй. Полуослепленная ледяными брызгами, она успела заметить кошмарную картину — на плоских камнях на берегу, мимо которого их несло, грелись на первом весеннем солнышке змеи. Их швыряло о затопленные бревна, сучья рвали одежду, и Каролина, одной рукой вцепившись в Скай, другой пыталась отстранять с пути ветви и лианы.

В конце концов Каролина нащупала ногами под собой камни. Их могло занести течением в один из глубоких омутов с водоворотами, где девочки неминуемо бы утонули. На их пути выступали из воды крупные валуны, но они были слишком скользкими, чтобы удержаться. Их тащило и тащило вперед. Каролина знала, что впереди водопад, и размышляла, насколько он высокий и погибнут ли они.

Но тут река потекла спокойнее. Пороги сменились широким мирным плесом. Рев переката уступил место тишине, нарушаемой лишь птичьим пением. Потрясенная ощущением собственной жизни, которая наконец была в безопасности, Каролина засмеялась от счастья. Она обняла Скай. Но Скай не отреагировала на ее объятия. Ее губы посинели. Отягощенная курткой и ботинками, она висела на руках Каролины, как мешок с зерном. Каролина вытащила сестру на берег. Скай была жива, ее глаза были открыты. Но они смотрели в пустоту, не мигая.

— Скай, мы спасены, — сказала Каролина, растирая ее маленькие ладошки.

— Ты видела? — слабым, замороженным голосом спросила Скай. — Ты видела там, на скалах, всех этих змей?

— Да, но...

— Каролина, я хочу домой, — проговорила Скай, ее эмоции наконец прорвались наружу. Она начала плакать навзрыд. — Забери меня домой. Пожалуйста, забери меня домой.

Но Каролина не могла. Она не могла переубедить их отца в том, что он считал лучшим для своих дочерей. Падение в ледяную реку было частью обучения твердости характера. Встреча со змеями на скалах помогла научиться, как не быть укушенной. Но урок, который в тот день усвоила Каролина, был более тревожным: даже если она испытывает неумемный восторг из-за того, что жива, если ее переполняет радость и благодарность, это еще не значит, что ее сестра испытывает то же самое. Совсем не значит.

Хью был совершенно не прав. Теперь Каролина знала это наверняка. Ее отец умер, по официальной версии, от рака, но на самом деле он умер на много лет раньше, от разбитого сердца. Не будучи в силах вынести того, что в конце концов произошло со Скай, с его малышкой, его прелестной девочкой, он довел себя до могилы выпивкой, постепенно все дальше отдаляясь от семьи. Это больше, чем воспоминания о самих охотах, наполняло душу Каролины горечью, которую она сейчас ощущала. Потому что Скай делала то же самое, что и отец, — пила.

14 марта 1973

Дорогой единственный Джо!

У меня две сестры. Кли и Скай. Кли для меня — лучше самой лучшей подружки, а Скай — наша прелестная малышка. Мне бы хотелось, чтобы мы все вместе учились в одном классе. Иногда нам хочется поговорить так, чтобы никто нас не понимал, и у нас это получается. Это трудно объяснить, но я знаю, о чем они думают, а они знают, о чем думаю я. Это как будто волшебство, но на самом деле нет. Это просто жизнь с сестрами.

Остаюсь твоей подружкой,

Каролина.

19 июня 1973

Дорогая Каролина!

Да, в нем точно нет ничего волшебного, но он совершенно чудный. Сэм. Милый старина Сэм, мой крошка-бра-

тец. Только он — настоящий малыш, потому что только что родился. Он пищит, как морская чайка, все ночи напролет. Однажды я взял его с собой покататься на лодке, а мама вызвала береговую охрану. Она действительно перепугалась. Из-за чего-то вроде того, что он не умеет плавать (он размером примерно с камбалу), но она ничего не поняла. Малыш любит воду. И лодки тоже. Я клянусь тебе, ему тоже хотелось взяться за весла.

Увидимся,

Джо.

Глава 4

— **М**ама признает, что Скай действительно немножко перебрала, — сказала Кли, подняв брови. Прошлой ночью, пока Каролина дежурила в больнице, Кли оставалась дома с семьей, поддерживая связь с близкими лишь по телефону. Она чувствовала себя виноватой, и это проявлялось в чрезмерно бодром тоне ее голоса.

— «Немножко» — это бутылка водки? — поинтересовалась Каролина.

День только начинался, и они ехали в «Светлячковый Холм», чтобы забрать Аугусту и отвезти ее в больницу. За рулем была Кли, и когда они огибали мыс, Каролина бросила взгляд на белые корабли, видневшиеся на горизонте. Они напомнили ей о разговоре со Скай.

— Ты сообщила Скай, что здесь был Джо Коннор? — спросила Каролина.

— Господи! — сказала Кли. — При чем здесь он?

Каролина была так расстроена, что не сразу смогла ответить. Она чувствовала себя уставшей и разбитой после проведенной в больнице ночи, и в этот момент ненавидела этот сестринский треугольник с ситуациями, когда двое знают что-то и предполагается, что третья не должна иметь об этом понятия. А потом она доверяет свои тревоги Кли, и спустя какое-то время они возвращаются к ней от Скай. Или она рассказывает Скай какие-то сплетни, а через пару часов ей звонит Кли, чтобы сообщить потрясающую новость. Хранить тайны в таком треугольнике опасно и практически невозможно.

— При том, что она отправилась увидеться с ним, — наконец прямо ответила Каролина.

— Что, правда?

— Она думает, что, если бы она не родилась, не было бы и всего остального.

— Она была пьяна. Я подумала, что она пойдет спать, — сказала Кли. — Когда Скай спросила меня про корабль Джо... мне и в голову не могло прийти, что она захочет поехать туда. Невыносимо думать, что она разбилась из-за меня.

— Не обвиняй себя, Кли, — возразила Каролина.

— Ничего не могу поделать. Я не должна была отпустить ее от телефона ни в коем случае. Или попросить позвать маму.

— Самообвинения никого из нас никогда ни к чему хорошему не приводили, — заметила Каролина. — Поэтому и сейчас не стоит заниматься бессмысленным делом.

Они приехали в усадьбу матери. Две сестры сидели совсем тихо и смотрели на двери, пытаясь угадать, в каком настроении окажется Аугуста. Будет ли она излучать энтузиазм, готовясь нанести визит больной с огромной охапкой свежесрезанных цветов? Или будет хныкать, жалуясь на собственные мигрени или артрит, чтобы не замечать того, что ее младшая дочь стремительно катится под откос?

Солнечные лучи пробивались сквозь пелену тонких, словно кружевных, облаков. Их яркости было недостаточно, чтобы отбрасывать четкие тени, и поэтому дом и двор были словно залиты сплошной приглушенной белизной. Аугуста показалась в окне кухни. Она была одета и полностью готова к поездке. Заметив Каролину и Кли, она ощутила прилив материнской любви.

— Вот и мы, — сказала Каролина, открывая дверь.

— Вы не видели Гомера? — прокричала от дверей Аугуста, оглядываясь кругом.

Старый пес время от времени куда-то исчезал. Никто не знал, куда тот уходит. Он мог отсутствовать несколько часов и даже всю ночь, но всегда возвращался домой. Каролина не ответила, понимая, что все механизмы защиты и опровержения у Аугусты уже введены в действие. Она просто пересекла двор, поцеловала мать и повела ее к машине.

В больнице было тихо и печально. Лампы на психиатрическом санитарном дежурном пункте приглушенно светились фиолетовым. Разнообразные мониторы гудели

и мелодично попискивали. Одета в белое медсестра, толкающая перед собой больничную каталку, словно плыла через холл, неторопливо и задумчиво.

В дальнем конце холла пациент испустил какой-то нечеловеческий, жуткий вой, как какое-то существо в смертельной агонии. Стоя рядом с матерью и сестрой, Каролина испытывала ощущение, что погрузилась в загадочный подводный мир. Без всякой видимой связи с окружающим она вдруг подумала, каково это — нырять за сокровищами?

По знаку дежурной сестры Каролина и Кли взяли мать за руки и прошли в палату Скай. Каролина судорожно вдохнула, увидев Скай еще более неподвижной и бледной, чем ночью. Мать едва не лишилась чувств. Каролина сочла это моментом истины: у нее не было времени приукрасить, завуалировать или переиграть ситуацию на свой лад. Лишенная всякой защиты, Аугуста могла лишь широко раскрытыми глазами смотреть на лежащую на больничной койке Скай. Непослушными пальцами она коснулась своего черного жемчуга, и по ее щекам покатились слезы.

В темной комнате мерцал зеленоватым светом монитор сердечных сокращений. Каролина и Кли стояли в стороне, дав матери возможность склониться к дочери и поцеловать забинтованный лоб. Аугуста тихо плакала, плечи под норковым мантио вздрагивали. Ее сухую фигуру сотрясал шторм эмоций, но Каролина видела, как она постепенно берет его под контроль. Она вытерла слезы. Расправила плечи.

— Скай, это я, — громко проговорила Аугуста.

— Она тебя не слышит, — прошептала Кли.

— Скай. Очнись. Очнись, милая. Это я, твоя мама. — Аугуста разговаривала со Скай точно так же, как с автоответчиками телефонов дочерей, словно зная, что кто-то там сидит и слышит ее и просто не хочет поднять трубку.

— Мам, ее накачали успокоительными, — сказала Кли.

— Каролина говорила, что разговаривала с ней, — обиженно возразила Аугуста.

— Всего лишь несколько слов, — заметила Каролина, стремясь смягчить тот факт, что она была здесь, а мать —

нет. Так было всегда, и Аугуста очень болезненно воспринимала это. Каролина ощущала давно знакомое давящее чувство в груди. Скай была такой израненной и несчастной, ее мать пылала гневом и демонстрировала всем свое бедственное положение, а Кли пыталась сравняться с плинтусом. Каролине хотелось броситься вон, хлопнуть дверью, помчаться в аэропорт и сесть на первый же попавшийся самолет.

— Если ей необходим сон, значит, пусть спит, — разочарованно произнесла Аугуста. — Мы поговорим с ней завтра. А пока давайте найдем Питера. Он же где-то здесь? — И она отошла от постели Скай, не сказав больше ни слова.

Каролина и Кли прижались друг к дружке. После того как мать ушла, вернулось старое ощущение: здесь только мы трое, думала Каролина, держа за руку Кли и глядя на Скай. Точно так же, как всегда. Три сестры на одинокой вершине, держащиеся за руки и глядящие в спину удаляющемуся отцу, который приказал им охотиться. Они привыкли заботиться друг о друге.

Нагнав Аугусту у поста дежурной, они услышали, как сестра говорит ей, что Питер сейчас с врачом Скай, который как раз заканчивает осмотр другого пациента.

Аугуста вздернула своими темными бровями. Ее неудовольствие было очевидно для всех и для каждого. С молчаливым презрением она наблюдала, как медсестры слаженно выполняют свои задания. Чего она от них хочет? — недоумевала Каролина. Чтобы они заставили врача Скай побыстрее закончить с другим больным? Или чтобы подали ей коктейль?

— Я с ума сойду, если этот доктор не поторопится, — сказала Аугуста. Она говорила в полный голос, а не шептала, и все медработники, находившиеся в коридоре, обернулись к ней. — Им придется выделить мне место на этом самом этаже, если я буду вынуждена ждать еще хотя бы минуту.

— Мам, тише, — проговорила Кли.

— Доктор, который заставляет матерей своих пациентов подобным образом томиться в ожидании, недостойн моего уважения, — продолжала Аугуста. — Я считаю, что это верх невежливости.

Каролина и Кли переглянулись. Всякий раз, когда их мать проявляла подобную нетерпимость, это означало, что она очень испугана. Она отказывалась принимать все, что ее не устраивало, все жизненные частности, которые, с ее точки зрения, были слишком страшными. Переворачивание реальности с ног на голову было ее методом сохранения здравого рассудка. Кли обняла рукой худенькие плечи матери, зарывшись в мягкую шубу, которую та набросила поверх джинсов и кроссовок. Каролина почувствовала, что ее собственное раздражение постепенно стихает.

— Врачи специально так поступают, — отметила Кли. — Им нравится заставлять матерей пациентов мучиться в ожидании беседы с ними. И священники делают то же самое. Питера этому научили в богословской школе.

Аугуста покачала головой, поджав губы. Она вовсе не собиралась ни над чем смеяться. Она напустила на себя как можно более надменный вид истинной гранд-дамы, критическим взглядом окидывая коридор, словно он принадлежал ей. Так же, как и Каролина, Аугуста Ренвик жертвовала деньги этой больнице. После смерти Хью ее пребывание здесь ограничивалось церемониями открытия, встречами жертвователей или какими-нибудь событиями, в которых участвовал ее зять-священник. Посещение психиатрического отделения, где оказалась ее дочь, совершенно точно не вписывалось в ее жизненный распорядок.

Наконец появился Питер. Он разговаривал на ходу с другим мужчиной. Подойдя к женщинам, расцеловался с Аугустой и Каролиной, а потом заключил Кли в крепкие объятия. Каролина наблюдала, как они держатся друг за друга, шепчут какие-то слова, внимательно заглядывая друг другу в глаза, и как постепенно на тревожном лице Кли появляется улыбка. После этого Питер представил им доктора Джека Хендерсона, заведующего отделением наркологии.

— Добрый день, как поживаете? — поздоровался доктор Хендерсон.

— Приятно с вами познакомиться, — настороженно отозвалась Аугуста.

— Привет, Джек, — сказала Кли, делая шаг к нему.

Аугуста передернула плечами, вероятно, подумав о том, что этот врач может слишком сблизиться с ними и ему станут известны все частные подробности об их семье. Каролина уже встречалась с Хендерсоном раньше, на посмертной выставке работ ее отца.

— Привет, — сказала она, пожимая ему руку.

— Вы знакомы? — спросила Аугуста.

— Я коллекционирую работы вашего покойного супруга, — сообщил доктор.

— Правда? — заинтересовалась Аугуста, слегка смягчаясь. — Приятно слышать. Тогда вы, возможно, знаете, что Скай пошла по его стопам. Она тоже художница.

Хендерсон кивнул.

— Доктор, она гениальна. Настоящий бриллиант, и я говорю это не потому, что я ее мать. — Аугуста обвела всех взглядом, требуя подтверждения. Ее глаза блестели так, как будто она вот-вот расплачется. — Она скульптор. В мире искусства ее давно признали, еще с тех пор как Скай была совсем юной. Правда же, девочки?

— Да, правда, — кивнула Кли. Каролина промолчала. Она почувствовала, как мать слегка оперлась на ее руку, и поддержала ее.

— Она так талантлива... — У Аугусты перехватило дыхание. Дотронувшись до горла, она постаралась взять себя в руки. — Но кажется, сейчас у нее творческий кризис.

— Кризис? — переспросил врач.

— Я не художник, поэтому я не знаю точно, — сказала Аугуста, — но ее отец говорил, что покончил бы с жизнью, если бы не смог писать. Художник, который не может творить... она так страдает. Да, Каролина? Мы же все понимаем, правда же?

— Мам...

— В этом все дело, — добавила Аугуста, пытаясь убедить себя и всех остальных.

— Хм, — неопределенно произнес доктор Хендерсон.

— Мам, давай подождем, пока Скай придет в себя, — произнесла Каролина. — Пусть она сама все расскажет доктору.

Аугуста оттолкнула руку старшей дочери.

— Творческий кризис, — дрожащим голосом проговорила Аугуста. — Мне кажется, в этом причина всего. Девочка так боится, что больше не сможет работать. Да еще муж ее бросил. Это ужасно, это просто кошмар...

— Да, — бесстрастно произнес доктор Хендерсон.

— Кто бы не начал немного выпивать при таких обстоятельствах? И я уверена, что вам известно, алкоголь разжигает творческий дух. Господи, если бы Хью смог справиться с этим! Скай даже в этом такая же, как он, может быть, даже слишком. Если бы она смогла ограничивать себя...

— Простите? — прервал ее врач Хендерсон.

— Может быть, вам стоит подумать об ограничениях, — осторожно предположила Аугуста, предлагая доктору свое решение. — Конечно, полумеры никому из Ренвиков не даются легко, но...

— Мама, — оборвала ее Каролина.

— Я убеждена, что умеренность может помочь Скай. Она просто должна немного ограничить себя. Вы понимаете, пить только коктейли и вино за обедом. Вы согласны? — продолжала Аугуста, сложив ладони под подбородком, как консультирующий врач.

— Нет, боюсь, что не согласен, — ответил доктор Хендерсон.

— То есть? — удивилась Аугуста.

— Умеренность очень редко спасает алкоголиков. Единственный шанс — полный отказ от спиртного.

— Но Скай не... алкоголик, — произнесла Аугуста, шокированная так, будто ее ударили.

Взяв под руки Каролину и Кли, она в упор глядела на доктора. Под прикрытием своей семьи Аугуста чувствовала себя неуязвимой. Она хотела показать доктору, что Ренвики — хорошие люди, любящие друг друга; хотела убедить его в том, что они не сумасшедшие, пусть даже и несколько эксцентричные, но это не те люди, которые становятся алкоголиками. В жизни ее родных случалось плохое, но беды только закалили их характер. У Каролины защемило сердце, потому что она видела, что мать в своей уязвленной гордости страшно переживает за Скай.

— Прошлой ночью, — сказал доктор, — она поведала мне о происшествии на охоте.

— Что ж, — проговорила Кли, держась за руку Питера. — Значит, вы знаете.

И в этот момент у доктора запищал сигнал вызова. Он извиняющимся взглядом посмотрел на каждого из присутствующих, пожал руку Аугусте и поспешил куда-то по коридору. Все смотрели, как он удаляется. Каролина ожидала, что мать испытает облегчение оттого, что он ушел, но та еще больше побледнела. На лбу выступили мелкие бисеринки пота.

— Аугуста, присядьте, — предложил Питер, подводя ее к ряду кресел у стены холла.

— Это был несчастный случай, — вслух проговорила Аугуста. Слова прозвучали спокойно, почти застенчиво. По ее щекам текли слезы. Руки дрожали, она неосознанно дергала свое жемчужное ожерелье.

— Конечно, — тихо произнесла Каролина.

— Скай была совсем ребенком, — обратилась Аугуста к Питеру, глядя на него широко раскрытыми глазами. — В первую очередь ей вообще не нужно было брать в руки оружие. Я всегда это говорила.

— Да, Аугуста, — кивнул он. — Так и было.

— Скай никогда бы не причинила боли ни одному живому существу. Она вовсе не собиралась стрелять в него. Это был просто несчастный случай на охоте. Никто никогда и не предполагал иного, ей не было предъявлено никаких обвинений.

— Мама, никто не говорит, что Скай плохая, — сказала Каролина. — Не нужно нам это доказывать.

— Он назвал ее алкоголичкой! — воскликнула Аугуста.

— Она пьет, — заметила Каролина.

— Папа стал пить по-другому, — добавила Кли, — после того случая.

— Это была трагедия, — вымолвила Аугуста, — ужасное событие, случившееся много лет назад. Но я не понимаю, почему Скай должна расплачиваться за него всю оставшуюся жизнь! — Она в растерянности взглянула на старшую дочь. — Ведь это несправедливо!

Каролина кивнула. Она вспоминала того молодого человека. Услышав выстрел и вопль Скай, это она первая нашла его. Был ясный осенний день, желтые листья покрывали тропинку сплошным ковром. Мужчина лежал на земле, и из его груди хлестала кровь. Глаза у него были яркие и чистые. Его звали Эндрю Локвуд, и было ему двадцать пять лет.

— Скажи, почему так? — Аугуста просительно заглядывала Каролине в глаза.

Каролина вспоминала, как сняла куртку и прижала ее к отверстию в груди пострадавшего. Она и сейчас, как наяву, чувствовала, как горяча его кровь, видела застывший вопрос в его глазах. И все это время Скай пронзительным, как у птенца, голосом не переставала спрашивать: «Что я наделала? Что я наделала?»

— Потому что она его убила, мам, — тихо сказала Каролина. — Она не хотела этого, но она это сделала.

7 января 1977

Дорогой Джо!

Я помню, как в одном из писем писала тебе о Кли и Скай и о волшебстве отношений между сестрами. Но это письмо не будет таким милым. Я рассказывала о своем отце? Он художник. Ну, допустим, известный художник. Он говорит нам, что хочет, чтобы мы узнали, Как Устроен Мир. (Если ты не понял, то, оказывается, мальчикам это дается само по себе, по крайней мере по его словам.) (У меня начинается скобочная болезнь.)

Девочки должны быть сильными. Должны знать, как самим позаботиться о себе. Поэтому он возит нас охотиться на гору Редхок.

Понимаешь, он нас любит.

Он хочет научить нас всему, что только возможно, хочет, чтобы мы познали истинный вкус жизни. Мы ставим палатки и отправляемся на охоту или рыбалку. Мы забираемся действительно в самую глушь и должны обеспечивать себя пропитанием сами. Я ненавижу охоту. Так тяжело убивать — я знаю, что он был бы очень недоволен, если бы узнал, как я ненавижу охотиться даже на белок.

Ночью в лесу такая темень, и нам страшно. Иногда очень, особенно Скай. Я так люблю ее, Джо. Я пишу это письмо и плачу, потому что, если что-нибудь случится с Кли или Скай, я не знаю, что сделаю. Они самые лучшие, самые замечательные сестры в мире.

Отвечай поскорее. Мне начинает казаться, что ты мой лучший друг.

С любовью,

Каролина.

2 февраля 1977

Дорогая Каролина!

Охота — это круто! Кажется, твой папаша молодец. Ладно, я согласен быть твоим лучшим другом. При одном условии. Расскажи мне про самую страшную вещь, которая может случиться в горах.

С любовью,

Джо.

4 марта 1977

Дорогой Джо!

Самое страшное? Ну хорошо, я расскажу тебе. Это то, что я чувствую. Отец заставляет Скай стрелять из ружья. Джо, она не хочет! Я страшно разозлилась на него. Он берет нечто невинное и разрушает его. Поэтому меня пугает то, как сильно я его сейчас ненавижу. Ничего нет крутого в охоте, такого, как ты говоришь. Это ужасно. Ты все еще согласен быть моим лучшим другом? Наверное, нет. Даже я уже этого не хочу.

Каролина

21 марта 1977

Дорогая Каролина!

Я догадался, как ты расстроена, по тому, что ты не закончила письмо словами «С любовью». Это мелочь, но мы, лучшие друзья, должны замечать любые мелочи. Все то, что ты пишешь об оружии, это отвратительно. Беглая Скай. Я ее совсем не знаю, но так как она твоя сестра, то могу догадаться, что она клевая. Твоему отцу лучше забыть об охоте и заниматься своей живописью. А еще

лучше — пусть охотится за сокровищами. Тогда бы он мог научить вас выкапывать клады с золотыми дублонами.

С любовью,

Джо.

P.S. Я просто шучу, чтобы ты улыбнулась. Улыбнись, пожалуйста!

Еще P.S.: Ты, наверное, думаешь, я давно забыл о «Кембрии»?

И еще P.S.: Улыбнись, Каролина!

Глава 5

Каролина была чем-то поглощена. Мишель Брейди увидела это сразу же, по тому, как Каролина стремительно вошла в отель, не глядя, миновала постояльцев, завтракающих в общей гостиной, и практически на ходу забрала с конторки своей помощницы распечатки сообщений автоответчика, ограничившись лишь кратким «Доброе утро». Каролина, как всегда, выглядела прекрасно: черное льняное платье без рукавов, черные босоножки, серебряные серьги-кольца, серебряное же ожерелье. Она улыбалась, но улыбка казалась натянутой.

Или измученной, подумала Мишель, испытывая беспокойство. Из некоторых телефонных сообщений она поняла, что Скай снова попала в больницу. Девушка определенно заставляла Каролину переживать слишком часто. Впрочем, как и все остальные члены семьи. Даже Кли, которую все в городе считали образцом респектабельности, чуть что, звала на помощь Каролину. А Аугуста вообще не могла сделать бутерброд, не позвонив предварительно своей старшей дочери.

Мишель была помощницей Каролины уже десять лет. В свои сорок два года она была старше ровно настолько, чтобы ощущать потребность защитить свою начальницу. Она всегда рассказывала мужу Тиму о сумасшедшем семействе Ренвиков, о том, что с ними происходит. Тим был профессором английского языка в колледже Коннектикута. Он выслушивал все истории с отрешенной гримасой, иронически замечая, что Скай — это новоанглийский ответ Зельде Фитцджеральд или что сестры Ренвик напоминают ему прим, играющих в трех разных операх на одной и той же сцене.

Мишель не могла удержаться от смеха, выслушивая комментарии Тима, но тем не менее была очень привязана к Каролине. Та пригласила ее на работу в отель сразу же, когда он открылся. Последние десять лет они провели в разных кабинетах через стенку друг от друга, и хотя Каролина не относилась к своей помощнице как к особо доверенному лицу, та была в курсе важнейших событий ее жизни. На глазах Мишель Каролина превратилась из... ну, скажем, ненормальной девицы Ренвик в разумную и уважаемую деловую женщину. Каролина всегда была лояльной и терпимой ко всем, и эти качества прекрасно служили ей.

Мишель принимала телефонные звонки, поэтому ей было известно об основных перипетиях интимной, деловой и семейной жизни Каролины. Она видела, как трудами Каролины «Ренвик-Инн» превращается из маленького богемного убежища для художников в отель, куда стремились гости со всех концов света. Одним из них нравилась местность, другим — царившая здесь атмосфера, всех прочих просто привлекало имя Ренвиков.

Слава отца Каролины была того рода, что обычно достается актерам или политикам; его работы висели в музеях Нью-Йорка, Парижа и Лондона, а необузданная натура делала его любимцем журналистов. В одной статье в «Эсквайре» Хью Ренвик был назван «Хемингуэем пейзажистов двадцатого века». Автор перечислял его боевые заслуги во время Второй мировой войны, его любимые спиртные напитки и женщин, говорил о проявлениях жестокости и тяги к саморазрушению и о том, как талант художника словно засасывает собой все, — и всех, — что окружает его в жизни.

Готовя свой репортаж, автор напивался вместе с Хью. То же самое делал и фотограф, который тоже был знаменитостью в своей области. Их пьяные выходки стали частью материала. Они снимали Ренвика в его охотничьей куртке, с ружьем, где-то в лесах на берегу залива в штате Мэн. Хью поведал им историю, которая также появилась в журнале, о злодее, ворвавшемся к нему в дом, и о том, как тот держал в заложниках его семью, а потом сам вышиб себе мозги.

Мишель помнила, какую ярость по этому поводу испытывал Хью Ренвик. Ею была пропитана вся статья: его дом

подвергся нападению, его дочери были в опасности. Он не мог лично защищать их двадцать четыре часа в сутки, но зато он имел чертовски реальную возможность научить их обращаться с оружием. Он испытывал раскаяние после несчастного случая на охоте, на горе Редхок, произошедшего с его дочерью Скай. Насколько помнила Мишель, в статье не упоминалось имя человека, которого она застрелила. Все сожаления и сомнения Хью остались за рамками журнального материала, читателю оставалась только его ярость и неистовство.

Мишель было известно и другое. Хью Ренвик страдал сердечным заболеванием. Как бы он ни любил охоту, самое большое наслаждение он испытывал просто от того, что был жив. Он любил природу. Он обожал своих дочерей. Мир был слишком мал для его страстей: ему хотелось всего в избытке, причем не только для себя, но и для других, особенно для своей семьи. Но после того несчастного случая он замкнулся в себе. Мишель наблюдала, как он каждый день оплакивал того юношу, напиваясь в одиночку в темном углу бара «Ренвик-Инн», молчаливо склонив голову.

К нему часто подходили художники. Он был с ними вежлив, иногда позволял себя утешить. Хью мог часами глядеть в одну точку пространства между поставленными на стол локтями, наблюдая, как повышается и падает уровень виски в его стакане. Присутствия старшей дочери он не выносил, хотя и предпочитал пить в ее отеле. Мишель не могла видеть, как Каролина пыталась приблизиться к нему, поговорить. Он тут же становился сердитым, даже разгневанным. Это выглядело так, словно она напоминала ему о самом дорогом в жизни, о том, что он так и не сумел защитить. Не один раз Мишель приходилось слышать слова от него самого, что он поломал жизнь Скай.

В баре висело три его работы. Ренвик написал их, когда его дочери были совсем юными. Безупречность и жизненная правдивость портретов не оставляла сомнений в том, насколько сильно он любил девочек. Хью изобразил их во время охоты на Редхоке, каждую — в разное время года и с разными трофеями. Кли, среди весеннего пейзажа, та держала в одной руке радужную форель, в другой —

удочку. На осенней картине Скай демонстрировала огромный нож и извивающуюся змею.

Но зимний портрет Каролины был самым поразительным. Девочка держала в руках небольшую рыжую лисицу. Из рта зверя по каплям вытекала кровь. Горы были покрыты снегом, щеки Каролины раскраснелись от холода. Черные волосы падали на лицо, но за ними были видны синие глаза, полные страха. В левой руке она сжимала ружье, из которого застрелила лису. Кисть отца уловила ее сострадание и сожаление; портрет дышал любовью к старшей дочери. Сколько бы Мишель ни смотрела на него, всякий раз ее пробирала дрожь.

Каролина появилась на пороге своего кабинета. На ней были очки, придававшие ей вид сексуальной библиотечарши.

— Что это за сообщение? — спросила она, помахивая в воздухе листком бумаги.

— А! — сказала Мишель, проглядывая его. — Он позвонил сегодня рано утром. Оставил весьма запутанные инструкции, как звонить с берега на корабль. Наверное, это один из тех моряков, что были здесь вчера вечером. Они заняли комнаты 6 и 9, но я полагаю, тот, кто звонил, остался на корабле.

— Он не сказал, что ему нужно? — поинтересовалась Каролина.

— Нет. Просто просил тебя перезвонить.

— Спасибо, — ответила Каролина. Она зашла обратно в кабинет и закрыла за собой дверь.

Каролина набрала номер оператора морской связи и попросила соединить ее с исследовательским судном «Метеор». Пока она ожидала соединения, ее взгляд был устремлен в окно на реку Ибис, на белых цапель, бродящих по мелководью. Она заметила зимородка, отвесно спикировавшего в воду, и вытянула шею, чтобы увидеть, с какой добычей он вынырнет.

— «Метеор» слушает, — прорвался сквозь помехи мужской голос. — Прием.

— Служба морской связи. Звонок мистеру Джо Коннору.

— Соединяю с капитаном Коннором, — ответил мужчина.

Прошло не меньше минуты. Наконец в трубке послышался голос Джо.

Оператор отключился.

— Привет! Это Каролина. Я получила твоё сообщение.

— С твоей сестрой все в порядке?

— Почему ты спрашиваешь? — удивленная тем, что Джо уже известно о Скай, спросила Каролина.

— Она оставила сообщение в портовой конторе, — ответил Джо. — Прошлой ночью. Что-то про то, что ей нужно встретиться со мной, и это очень важно.

— Ты разговаривал с ней?

— Лично — нет. Она сказала, что сейчас приедет, но так и не появилась. Я не знал точно, как связаться с ней. Поэтому позвонил тебе.

— Она в больнице, — напрягшись, ответила Каролина.

— О, нет, — ошарашенно произнес Джо. — Что случилось?

— Разбилась на машине.

— Сожалею, — сказал Джо. — Как она?

— Не слишком хорошо, — ответила Каролина, сдерживая слезы. У него был такой добрый голос. Говоря с Джо о Скай, она не могла прогнать мысли о том, что когда-то они были близкими друзьями. Сейчас Каролина не воспринимала его как друга, но память об их переписке была сильна.

— Зачем она хотела встретиться со мной? Ты не знаешь?

— Она была не совсем в себе, — ответила Каролина, не желая вдаваться в подробности.

— Извини, — сказал Джо. — Я сожалею, что так вышло.

— Спасибо, — произнесла Каролина.

Сон было невозможно отличить от яви. Она снова была в горах, вновь чувствовала запах пороха. Горный воздух был прохладен и свеж, желтые листья сыпались на землю, как падающие звезды. За ее спиной Скай пыталась не дышать. Каролина пробралась сквозь густой кустарник и наконец увидела, что за оленя подстрелила Скай. Он лежал

на земле большой бурой кучей. Ей не хотелось смотреть, но она заставила себя, ради Скай.

Это был человек. На нем была коричневая вельветовая куртка, похожая оттенком на оленью шкуру. Рыжие волосы полыхали на солнце. В широко распахнутых глазах читалось удивление. Они встретились взглядами, когда Каролина склонилась над ним. Она сознавала, что должна смотреть ему в глаза, не отводя взгляда, поэтому едва заметила рану в его груди, из которой, как настоящий ключ, била струя крови.

Она услышала, как Скай начала всхлипывать, а потом разревелась. Каролина чувствовала, как ей в бок тычется мокрым носом пес мужчины, молодой золотистый ретривер. Собака пыталась лизнуть и хозяина, и наклонившуюся над ним незнакомку. Каролина ощутила холод, расстегивая и снимая с себя красную курточку. Но, пытаясь зажать ею рану, она едва не отдернула руку, такой невыносимо горячей показалась ей кровь.

— Я его застрелила? — спрашивала Скай. — Да? Да? Что я наделала?! — Каролина, которая никогда в жизни не позволяла себе игнорировать младшую сестру, на этот раз не обратила на нее никакого внимания.

— Как тебя зовут? — спросила она, глядя в глаза молодому человеку.

— Эндрю, — ответил он. Он был немногим старше Каролины, такого же возраста, как самые молодые преподаватели в ее колледже.

У Эндрю были такие яркие глаза. Они смотрели спокойно и мягко, убеждая Каролину, что она действительно делает все, что от нее зависит, что он прекрасно понимает, как она хочет помочь ему. Вначале в них вообще не было страха. Секунды текли еще медленнее, чем билось сердце. Каролина чувствовала, как кровь вытекает из его тела, пропитывает куртку, струится сквозь ее пальцы на траву. Их палаточный лагерь находился всего лишь в пяти милях отсюда по грязной дороге, но это было слишком далеко. И от этого не было совершенно никакой пользы. Время остановилось для них — для Каролины и Скай Ренвик, Эндрю и его собаки.

— Я думала, это олень, — рыдала Скай.

Небо было неестественно голубым. День был слишком хорош. Пес все пытался понюхать кровь хозяина и облизать ему лицо.

— Гомер, — проговорил Эндрю.

— Он еще совсем молодой, да? — спросила Каролина, обратив внимание на еще видневшийся кое-где среди шерсти пса щенячий пух, толстоватые неуклюжие лапы и жизнерадостную морду. Он едва достиг размеров взрослой собаки.

— Да, — ответил Эндрю.

— Позови его, Скай. Позови Гомера, — попросила Каролина, потому что пес уже успел измазать морду в крови, и она подумала, что Эндрю может увидеть кровь и испугаться.

— Гомер, — тонким, срывающимся голосом позвала Скай, — ко мне, малыш.

Пес подбежал к ней. Только тогда Эндрю отвел взгляд от Каролины. Он смотрел, как убегает его питомец, но потом снова взглянул на Каролину.

— Я умру, да? — спросил он.

Каролина знала, что это так. Она видела, как белеют его губы, как все медленнее вытекает из раны кровь. Она слышала всхлипы сестры у себя за спиной, почувствовала, как вернувшийся Гомер пытается пролезть между ними, желая быть поближе к хозяину. Каролина вспомнила о Джо Конноре и о том уроке, который она усвоила, — как важно не лгать, когда речь идет о жизни и смерти, что это самое малое, что может сделать один человек для другого, даже если все остальное уже не в его власти.

— Я думаю, да, — кивнула она.

— Боже! — проговорил Эндрю. В его глазах наконец появился страх. Смотреть на это было невыносимо. Каролина сильнее прижала к груди мужчины промокшую куртку, но сама понимала, что уже ничего не может сделать. Его пальцы сгибались и разгибались. Гомер издал звук, очень похожий на человеческий плач, горестный всхлип, прорвавшийся из самой глубины. Скай подошла к ним так близко, что ее дрожащие колени уперлись в спину Каролины.

— Я не знала, — плакала она. — Я думала, это олень.

— Гомер, — произнес Эндрю.

Пес лизал его лицо. Каролина понимала, что это действует на юношу успокаивающе. Даже сейчас, чувствуя, как его жизнь утекает сквозь ее пальцы, она видела, что ему легче, когда рядом с ним четвероногий друг. Она продолжала видеть это в его глазах, пока они не закрылись и он не затих с тем же умиротворенным выражением на лице. Потом он перестал дышать.

— Большой букет, — сказал Джо Коннор женщине у цветочного лотка.

— Вам только циннии с подсолнухами или еще и полевые цветы? — спросила его женщина.

— Всякие, — ответил Джо.

Он смотрел, как она собирает букет. Продавщица стояла под полосатым желто-белым навесом, вытаскивая цветы из больших ведер с водой. Она была коренастой и очень смуглой, на ней был выцветший красный халат и шарф, повязанный на голове. Вид у нее был хмурый. Зрелище несчастливой женщины, которой приходится много работать, напомнило Джо о собственной матери.

— Вы сами собираете цветы? — поинтересовался Джо.

— Да. И выращиваю тоже, — ответила она, гордо улыбнувшись.

— Они замечательные, — произнес Джо, доставая бумажник. Цветы стоили пять долларов, но он дал ей двадцать. Она начала отсчитывать сдачу, но Джо покачал головой. Женщина кинула быстрый взгляд на своего мужа, но тот был погружен в чтение спортивной газеты, сидя на пустых картонных коробках от молока. Она благодарно кивнула Джо и положила деньги не в свой карман, а в кассу.

— Эй! — окликнул Джо мужчину. — Тебе стоит сводить жену пообедать.

Мужчина что-то проворчал. У него были маленькие красные глазки, и сам он чем-то походил на кабана. Джо очень захотелось ничком сбросить его с картонок.

— Ты должен заказать ей омара, — сказал Джо, — в ее любимом ресторане.

— Угу, — ответил мужчина.

Джо поехал дальше. Несчастные женщины были для него болезненным вопросом. Он не мог спокойно смотреть на хмурые женские лица. Он видел, как его мать из красивой веселой женщины превратилась в мрачную, страдающую, разочарованную тень. Работая в две смены в компании по ловле омаров и крабов, все свободное время она проводила в ожидании звонка от Хью Ренвика. А потом, после смерти мужа, погрузилась в осознание собственной вины. Она вышла замуж вторично, но к тому моменту прошло несколько мрачных лет.

Джо испытывал желание разбить голову всем, кто заставлял его мать страдать. Владельцам компании — за то, что они заставляли ее тяжело и много работать. Хью Ренвику — за то, что он разбил сердца обоим его родителям. Отец Джо скончался на кухне дома Ренвиков, во враждебном окружении, совсем один. В момент смерти на нем были золотые часы, отец всегда позволял сыну играть с ними, а его мать даже не озаботилась потребовать их назад. Для Джо утраченные часы отца были символом всего, чего он лишился в жизни.

Продолжать дружить с Каролиной после того, как он узнал правду, было просто невозможно. В семнадцатый день рождения дядя Джо взял его с собой в бар «Морская пена», чтобы напиться. Конечно, Джо был несовершеннолетним, но здесь на это никто не обращал внимания. Они уселись на высокие стулья у барной стойки, и за коктейлями дядя Марти рассказал племяннику правду о гибели его отца. Он был ревнивый мужчина, сказал дядя Марти, уже ничего не соображая. Вышиб себе мозги прямо посреди кухни у Ренвиков. Там были дети, добавил он, Каролина и Кли. Значит, Каролина видела, как умер его отец, слышала его последние слова.

Как может друг знать нечто подобное, нечто настолько важное для него, и молчать? Это был конец дружбе с Каролиной. Виски притупило первый шок, поэтому Джо продолжал пить. Он занялся океанологией и выпивкой, чтобы забыть. Чтобы не допускать до себя эту боль, гнев, который она порождала. Спустя некоторое время пить он бросил, но остальной метод до сих пор помогал.

Стараясь забыть о женщине-цветочнице, Джо занимался своими делами. Ему нужно было приобрести кое-что для «Метеора», отправить кое-какие письма и посылки. Его ныряльщики собрали образцы древесины и ржавчины с железных деталей затонувшего корабля, и нужно было отослать их в Вудс-Хоул для анализа, чтобы точно определить возраст судна. Сегодня он планировал спуститься к месту его гибели, когда будет подходящий уровень воды, поэтому теперь он торопился вернуться на свой корабль. Ничто лучше, чем погружения, не спасало от ненужных эмоций.

Но, прежде чем вернуться в море, ему нужно было сделать еще одну остановку. Он проехал по Мэйн-стрит прочь от делового центра города и завернул на тенистую парковку Центральной Прибрежной больницы.

— Я хотел бы передать этот букет для одной пациентки, — сказал он обряженной в голубое даме у информационной стойки.

— Имя, пожалуйста, — вежливо попросила она.

— Скай Ренвик.

— По мужу она Уитфорд, — улыбнулась дама. Она даже не стала набирать имя Скай на компьютере, и Джо узнал привычную ему черту маленьких городков. — Но я боюсь, сейчас она не может принимать посетителей.

— Ничего, — облегченно отозвался Джо, потому что он в любом случае не собирался сейчас видаться с ней. Он написал записку и передал даме букет. — Вы можете проследить за тем, чтобы она это получила?

— Какая прелесть! — воскликнула женщина. — Конечно, я прослежу!

— Спасибо, — ответил Джо, повернулся и направился к выходу. Кондиционированный воздух душил его. Ему не терпелось полной грудью вдохнуть морской бриз. Примерно час спустя он был уже в воде и погружался к месту гибели «Кембрии». Джо был вдали ото всех, он был свободен.

Каролина знала, что к Скай запрещено пускать даже родственников, но, выйдя из лифта с папкой бумаг под мышкой, уверенно прошла мимо дежурной сестры, лишь коротко поздоровавшись с ней и ни о чем не спрашивая.

Никто ее не остановил. Она знала, что так и будет, еще с тех пор, когда пробиралась сюда, чтобы навестить отца.

Скай была в сознании. Она полусидела, облокотившись на подушки, и разглядывала открытку, которую кто-то прислал ей. Это была большая, дорогая поздравительная карточка с синими птицами, розами, водопадами и радугой. Все это должно было выглядеть живописно и красиво, но художник, возможно, ненамеренно, придал птицам какое-то плутовато-похотливое выражение больших глаз. Они были чем-то похожи на маленьких крылатых бесов.

— Получите, распишитесь, — проговорила Каролина. — Веселая почта!

Скай подняла глаза и вымученно улыбнулась. Ее синяки потемнели и пожелтели. Повязка на лбу сбилась после сна; сегодня ее еще не меняли. Было больно смотреть, как трясутся ее руки из-за отсутствия спиртного, но Каролина все равно не могла отвести взгляда от лица сестры.

— Кто этот прислал? — спросила она. Хотя, конечно, и сама знала.

— Мама, — ответила Скай, на этот раз улыбнувшись по-настоящему. Она передала открытку Каролине, и улыбка стала еще шире. Всем Ренвикам было известно, что их мать посылает открытки по любому поводу, чем более сентиментальные и вычурные, тем лучше. Аугуста, в свою очередь, получая открытки, всегда первым делом смотрела на обратную сторону, чтобы узнать, сколько потратил на нее отправитель.

Каролина перевернула открытку, чтобы посмотреть на цену.

— Вау! — проговорила она. — Я смотрю, тебя недешево оценили.

— Четырехдолларовая открытка, — продолжая улыбаться, кивнула Скай. — Ты что, ревнуешь?

— Не трави душу, — ответила Каролина, делая вид, что насупилась. Она прочла написанный от руки текст:

*Дорогая,
когда же ты научишься просить, если тебе что-нибудь
нужно? Моя машина в твоем распоряжении, когда бы она
тебе ни понадобилась. Тебе совершенно незачем было ни-*

куда ездить на этом старом рыдване, тем более в Щунс-тоун-Пойнт. И вообще, зачем тебя туда понесло? Возвращайся побыстрее домой! Этот огромный дом без тебя меня пугает!

С любовью,

Мама.

— Мама в своем репертуаре, — заметила Каролина, кладя открытку рядом с подносом с завтраком Скай.

— Ей меня не хватает, — сказала Скай.

— Ей не хватает понимания, — добавила Каролина.

— Хм, — произнесла Скай.

— Ни слова о водке в этой четырехдолларовой открытке.

— Каролина, мне и так достаточно плохо, — произнесла Скай. — Хватит, ладно? Конечно, я была дурой, что сразу помчалась туда. Конечно, теперь Джо Коннор убежден, что я сумасшедшая. Конечно, ты ничего не понимаешь, и я не думаю, что сейчас мне хотелось бы что-то объяснять, но у меня на самом деле было что сказать ему.

— Скажи мне, — предложила Каролина. Она присела на край кровати, желая, чтобы сестра попробовала объяснить ей ситуацию. Выражение лица Скай стало замкнутым.

— Не мучай меня. Я получила по заслугам. Признаю.

— Ты ничего не помнишь, да?

— Полный провал, — созналась Скай.

— Скай, это не смешно, — проговорила Каролина. — Вчера твой врач сказал нам, что у тебя серьезная алкогольная зависимость.

— Они так обо всех говорят, — отмахнулась Скай. — Видишь, где я оказалась? В реабилитационном отделении. Им же надо как-то зарабатывать деньги. Они считают алкоголиком любого, кто выпьет больше пары кружек пива.

— И ты себя такой не считаешь?

— Нет! Конечно, нет! Но я собираюсь завязать.

— Серьезно? — Каролина не ожидала услышать такое от Скай.

— Да. Я признаю, что последнее время слишком много пила. Ты довольна? Но вся эта история с Саймоном... и то, что я не могу работать... А Гомер по мне скучает?

— Наверняка. Я сегодня утром заезжала погулять с ним.

— Здорово. Он вернулся домой? — Скай улыбнулась, желая отвлечь Каролину обсуждением тайной жизни Гомера. Он часто убегал, и они понятия не имели, когда ему придет в голову вернуться. Но Каролина не хотела отвлекаться от самой Скай. Она сидела молча.

— Я переживала, — продолжала Скай. — А вдруг он не вернется? Ну ты же понимаешь, он уже старый. А кажется, совсем недавно был еще щенком.

— Это все из-за того, что появился Джо, — вымолвила наконец Каролина, когда Скай замолчала.

— Что?

— Это выбило всех из колеи. В том числе и тебя.

— Меня — нет, — сказала Скай, неуверенно улыбаясь.

Изо всех сил стараясь поднять Каролине настроение, Скай не замечала, что ее повязка сползла на один глаз. Потянувшись к ней, Каролина аккуратно поправила ее.

— Когда ты была пьяна, — осторожно начала Каролина, — ты сказала, что, может быть, отец Джо не собирался покончить с собой, и я поняла, что ты думала о том, что произошло с тобой. О том, что ты застрелила Эндрю Локвуда.

— Самое восхитительное во всем этом... — начала Скай. Она сидела в кровати, подтянув к груди колени и вытягивая петлю из байкового одеяла. — ...что я на самом деле совершенно не помню, что в тот момент было у меня в голове.

Обе сестры казались полностью поглощенными вытянутой из одеяла нитью. Скай так искусно заправила ее обратно, что Каролина не могла теперь угадать, где была вытащенная петля. Через несколько минут Скай прикрыла глаза и сделала вид, что засыпает. Каролина тихо сидела рядом, не зная, что сказать. В палату зашел посыльный с тележкой цветов и поставил на тумбочку большую вазу с роскошным букетом.

— Смотри! — воскликнула Каролина, заставив Скай открыть глаза, и передала ей маленькую карточку.

— Ого! — произнесла Скай, озабоченно взглянув на букет. Потом прочла записку и улыбнулась, подняв глаза на Каролину. — Это от твоего парня.

Каролина прочла короткую записку:

— «Поправляйся быстрее. Если опять захочешь поговорить, позвони мне. Джо Коннор». Скажешь тоже — мой парень.

— У него красивый почерк, — заметила Скай, отбирая у сестры карточку. — Такой мужественный. Хочешь, я проведу для тебя экспертизу? — Она прищурилась, разглядывая написанное.

Помимо собственной воли Каролина заинтересовалась. Конечно, Скай не была специалистом по почерку, она просто дурачилась. Но все равно любопытство Каролины разыгралось.

— Ну и что ты видишь? — поинтересовалась она.

— Он очень одинок, — начала Скай, пытаясь говорить таинственным голосом. — Ему не с кем поговорить. Он ищет сокровища, чтобы заменить ими главное, чего ему не хватает в жизни.

— И чего же?

— Надежды? Любви? — спросила Скай. — Его давно потерянной возлюбленной. Не знаю. Тебе нужно у него спросить. С тебя три доллара.

— Извините, я забыла свою чековую книжку, — сказала Каролина.

— Ладно, — ответила Скай. — Я все равно тебе должна.

Когда Каролина въехала на Холм Светлячков, она обнаружила, что машины матери нет на месте. Она поднялась по лестнице и вошла в дом через кухню. Гомер лежал на своем коврикe. Услышав шаги Каролины, пес поднял голову. Несмотря на то что он почти не пошевелился, выражение его глаз заметно изменилось — он казался очень счастливым оттого, что видит ее. Потом он начал стучать по полу хвостом. Хвост сметал с половиц пылинки и мелкий мусор. Наконец поднялся на ноги, немного дрожа. И двинулся через кухню, чтобы поприветствовать ее.

— Привет, мальчик, — сказала Каролина, потирая лоб. — Хороший пес. Ты хороший пес, Гомер.

Он притащил ей в зубах выцветшее синее полотенце. Это полотенце, или по крайней мере точно такое же, было его игрушкой с тех самых пор, как он впервые попал в «Светлячковый Холм» четырнадцать лет назад. Первое дал ему ее отец. Каролина схватила за полотенце и потянула к себе. Гомер наклонил голову, игриво упираясь.

— Ты выиграл, — сказала Каролина.

Пес встал у двери, ожидая приглашения на прогулку. Каролина прошла через двор, сопровождаемая Гомером: сегодня он явно не был намерен совершать одну из своих таинственных вылазок. На горизонте виднелись суда, Джо Коннор искал с их помощью свои сокровища. Каролина с минуту смотрела на них, но Гомер настойчиво звал ее на пляж.

Он оставил полотенце на верхней ступеньке длинной лестницы, спускающейся по травянистому склону. Нельзя было без боли смотреть, как медленно он двигается, как каждый шаг труден для его лап и спины. Его некогда роскошная золотистая шкура стала редкой и клочковатой, местами сквозь шерсть просвечивала голая кожа. Глядя, как он спускается по ступенькам, Каролина вспоминала его убитым горем молодым псом, с мордой, перепачканной в крови хозяина.

Они шли по Берегу Светлячков, вдоль линии прилива. За шкуру собаки цеплялись обрывки сухих водорослей и морской травы, но Гомер не обращал на это внимания. Он был счастлив оттого, что гуляет с Каролиной, с человеком, которого он любил больше всех после Эндрю Локвуда. Когда они повернули обратно к дому, Каролина услышала, как кто-то окликнул ее по имени.

Это была Мэрипат. Племяннице было девять, и сейчас она со всех ног неслась по песку, сжимая в руках какую-то книгу. Гомер залаял от радости встречи с еще одним членом семьи. Его задняя лапа подвернулась, и он упал, но когда Мэрипат добежала, снова был на ногах и даже пытался подпрыгнуть, чтобы лизнуть ее.

На девочке были синие шорты и футболка, которую Каролина привезла ей из Нантакета. Гладкие каштановые волосы были заплетены во французскую косичку. У нее были глаза Ренвиков — большие и ясные, сиявшие за стеклами очков в зеленоватой оправе.

— Я тебе кое-что принесла, — объявила Мэрипат, целуя тетю и трепя за уши Гомера.

— Мне или Гомеру? — уточнила Каролина.

— Тебе, — улыбнулась Мэрипат.

— И что же это? — спросила Каролина, беря в руки книгу, которую протянула ей Мэрипат.

— Мама рассказала мне про твоего знакомого — пирата. Он что, и вправду пират?

— Ну, он так говорит, — ответила Каролина. — Вон, видишь, там его флотилия. — Мэрипат прикрыла глаза от солнца козырьком ладони, разглядывая большие белоснежные корабли, ослепительно сверкавшие в закатных лучах.

— Похожи на простые яхты, — с сомнением сказала она.

— Это современные пираты, — объяснила Каролина. — Они сами не понимают, чего им не хватает. Слишком много роскоши, и слишком мало старых скрипучих досок. И что же это за книга?

— Помнишь про тот затонувший корабль? — с горящими глазами спросила Мэрипат, которой не терпелось рассказать тете нечто, что той пока неизвестно. — «Кембрию»? Ну, ту английскую баркентину, или бригантину, или как ее там, все время забываю.

— По-моему, это была баркентина, — заметила Каролина, мысленно возвращаясь в свой третий класс.

— Ну вот, а капитан на ней был настоящая свинья, — продолжала Мэрипат, — потому что он явился на маяк и влюбился в даму, которая там жила. А она была женой смотрителя маяка.

— Действительно, мерзкий тип, — согласилась Каролина.

— А у этой дамы была дочка, — продолжала Мэрипат.

— Да, и правда. Я об этом совсем забыла, — призналась Каролина, наблюдая за Гомером, который вырыл в прохладном песке яму и улегся в ней. — Как их там звали?

— Капитана звали Натаниэль Торн, даму — Элизабет Рэндалл. А ее дочку — Кларисса. — Мэрипат остановилась, совершенно явно готовясь сообщить главную сенсацию, так что не хватало только фанфар и барабанной дроби. — А это — ее дневник! — Она хлопнула по книжке.

— Чей?

— Клариссы! Его нашла одна старая леди, у которой муж служил в береговой охране и смотрел за маяком, и напечатала. Я бы просто убила свою маму, если бы она поступила со мной так! Нам задали прочитать это в школе, а

когда мама рассказала мне про этого парня с сокровищами, я сказала... О боже! Читай!

Они открыли книгу, и Каролина прочла первую запись:

19 июля 1769

Сегодня я нашла кита-полосатика, который выбросился на берег. Он был больше шлюпки и цветом — как камни на нашем острове и лежал на южном берегу, глаза его были широко открыты и глядели в небо. Мы с мамой много часов пытались спасти его, пока не стало темно. Мы поливали его морской водой из пожарного ведра, потому что мама сказала, что он умрет, если его кожа высохнет. И она поручила мне смотреть за дыркой, откуда кит пускает фонтан, потому что именно ею он дышит, и если туда зальется вода, он захлебнется. Прилив подступал так долго! У меня теперь болят все руки от ведер с водой и от того, как мы тянули кита за хвост, чтобы стащить с камней. Но это того стоило! Когда прилив наконец стал самым высоким, мы с мамой увидели, как наш кит уплывает в море, в котором отражается оранжевая круглая луна.

— Мне она нравится, — сказала Мэрипат. — А тебе? Правда, она здорово пишет?

— Очень, — согласилась Каролина, растроганная тем, что племянница принесла ей дневник Клариссы. — Когда я училась в третьем классе, о нем еще никто не знал.

— Наверное, тогда еще никто не удосужился его напечатать, — предположила Мэрипат. — А вы с мамой и тетей Скай когда-нибудь спасали полосатиков? Их же раньше было здесь много?

— Нет, никогда, — с улыбкой ответила Каролина. Ей было забавно, как Мэрипат говорит и думает, что ее мама и тетки жили «тогда» давным-давно, почти в такое же историческое время, как Кларисса Рэндалл, когда полосатиков в море было больше, чем пескарей в речке.

— Ты не хочешь показать этот дневник тому парню?

— Какому парню?

Мэрипат махнула рукой в сторону моря. Каролине показалось, что девочка пытается скрыть улыбку, и она задумалась, что Кли рассказывала ей про Джо.

— Вон, ему, — ответила Мэрипат.

— Возможно, об этом стоит подумать, — рассудила Каролина.

— Он ныряет к затонувшему кораблю, — разумно пояснила Мэрипат. — Мне кажется, он должен знать, что за люди в этом участвовали.

— Это абсолютно резонно. Когда я прочитаю сама, то одолжу книгу ему. Она из библиотеки?

— Да, из школьной. Там дают книжки только ученикам, но эту я взяла до сентября. Чтобы ты почитала, — с застенчивой гордостью сказала Мэрипат.

— Спасибо, — ответила Каролина.

— Он был тебе как брат, правда? — поинтересовалась Мэрипат, чуть краснея. — Вы переписывались?

— Да, вроде того, в детстве, — ответила Каролина. Она чувствовала, что Мэрипат хочет расспросить о большем. Ее племянница выросла в абсолютно стабильной семье, ее родителями были люди, поженившиеся один раз и навсегда, и жизнь тетушек с их волнующим миром разных мужчин тревожил ее воображение. Бывшие любовники, бурные страсти, даже разрушившаяся дружба с мальчиком не могли оставить ее равнодушной.

— Где твоя мама? — спросила Каролина.

— Там, наверху, — ответила Мэрипат, бросая взгляд на дом.

— Пойдем-ка к ней, — предложила Каролина.

Они подождали Гомера, который не сразу поднялся на лапы, и Каролина старалась идти по более твердому песку, чтобы старому псу было легче. Вокруг его носа, жужжа, вилась муха, но он не обращал на нее внимание. Каролине грустно было это видеть. Еще совсем недавно он не успокоился бы, пока не поймал назойливое насекомое.

— Бедняга Гомер, — сказала Мэрипат. — Ему тяжело ходить.

— Ему уже шестнадцать лет. Для собаки это много.

— Ты его любишь, да? — спросила Мэрипат. — Он как будто твой ребенок.

— Он живет со мной с тех пор, как был еще щенком, — заметила Каролина.

— Совсем маленьким?

— Ну, не совсем.

— Мне так хочется, чтобы мама разрешила нам завести собачку, — вздохнула Мэрипат. — И чтобы разрешила ей спать со мной на кровати. У меня обязательно будет собака-девочка. Конечно, Гомер чудный — я знаю, он же мальчик, это называется кобель, да? — но в нашем доме одного паца-на уже хватит. Марк меня просто выводит из себя...

Каролина кивала, слушая болтовню племянницы, которая радостно жаловалась ей на своего брата, на отсутствие домашних животных, на своих соперниц из группы по плаванию, на появляющуюся у отца лысину, на то, что она только недавно обнаружила, что есть лимонные леденцы в виде большой белой акулы... Каролина была благодарна за то, что девочка не продолжила разговор о Гомере. У ребенка вопросы возникают так же непринужденно, как вдох, а Каролина была более чем уверена, что Кли не рассказывала дочери о первом хозяине Гомера. И совершенно не была настроена рассказывать об этом сама.

Мэрипат взбиралась по крутым ступенькам первой, Каролина с Гомером отставали. Подбадривая пса, Каролина бросила взгляд на белеющие в открытом море корабли. Джо Коннор. Правда о жизни и смерти может завести тебя в не самые приятные места, не важно, какую дорогу ты при этом выберешь.

Когда они наконец взобрались на последнюю ступеньку, Гомер остановился. Западная часть поместья была естественным убежищем, холм здесь зарос нетронутым дубовым лесом и виргинскими соснами. Под деревьями было прохладно и дико, как в настоящем густом лесу, и они словно перекликались таинственными голосами. Гомер с выраженной максимально ясной любовью взглянул на Каролину. А потом развернулся и быстро направился прочь, вскоре затерявшись среди деревьев и кустарника.

Каролина проводила своего любимца взглядом, не забывая ни на секунду о том, что нашла его тоже в лесу.

2 апреля 1978

Дорогой Джо!

Я сама не понимаю, как это до сих пор не спрашивала у тебя, есть ли у тебя домашние животные? Люди обычно

говорят, что бывают кошатники и собачники, а быть одновременно тем и другим невозможно. В таком случае я какая-то ненормальная. Я одинаково люблю и собак и кошек. Проблема в том, что я так люблю море, что мне хочется завести такое животное, которое бы тоже его любило. Своего первого щенка я учила плавать. Вначале он пошел ко дну, и я нырнула за ним, и увидела, как он шагает через заросли водорослей. Но потом он всплыл сам и стал плавать, как настоящий чемпион! (На самом деле я еле смогла вытащить его из воды, и он тут же начал рваться обратно.) А вот кошки — это совсем другая история. Они больше любят свернуться калачиком на подоконнике и слушать прибой.

Ладно, мне пора все-таки заняться своими сестричками. Они требуют, чтобы я кончала писать и шла с ними гулять. Так что — пока!

С любовью,

Каролина.

15 апреля 1978

Дорогая Каролина!

Это письмо будет кратким, потому что мне хочется выйти в море, а ветер сейчас самый лучший. Пока у меня нет никаких домашних животных, кроме моей лодки. Она пятнадцать футов в длину, очень быстрая и не требует много еды. Если бы я мог всю жизнь прожить на море, я был бы счастлив. Может быть, так оно и будет. Ты собачница и кошатница, а я — лодочник.

С любовью,

Джо.

Глава 6

— **У**то ты там разглядываешь? — спросила Аугуста, которая терпеть не могла тишину. Ее старшая дочь стояла у большого панорамного окна, смотрящего на море, не отрываясь от подзорной трубы Хью Ренвика. Когда Аугуста вернулась несколько часов назад домой, она почувствовала, как комнаты заполняет тревожное молчание, похожее на ползущий с моря серый туман, так что Кли и Мэрипат не стали задерживаться надолго.

— Подожди секунду, — попросила Каролина. Ее тон обидел мать. Она сидела на низенькой кушетке, ссутулившись под кашемировой шалью, и вышивала подушечку для Скай — лебедей и замок по мотивам «Лебединого озера».

— Я уже почти закончила, — сказала Аугуста, только чтобы поддержать разговор. — «Лебединое Озеро». Какие у вас с сестрами, должно быть, счастливые воспоминания о нем. Помнишь тот вечер, когда отец повез вас на балет? В самый Нью-Йорк, в этих чудесных черных бархатных платьях... Когда вы вернулись, то все трое заявили, что хотите стать балеринами. Может быть, действительно стоило убедить Скай заняться танцами.

— Хм.

— Она всегда была так критична к себе. Она считает, что не умеет рисовать, и теперь, когда у нее такой период, когда она не может лепить, наверное, было бы прекрасно, если бы у нее появилось какое-нибудь другое занятие.

— Нельзя стать балериной только если больше нечем заняться.

Аугуста подняла глаза. Ну понятно, она сказала глупость. Разговаривая с Каролиной о Скай, она чувствовала себя так, словно ходит по тонкому льду — уверенность в себе совершенно покидала ее.

Но вдруг, словно прочитав ее мысли, Каролина улыбнулась и, пытаясь успокоить мать, сказала:

— Я хочу сказать, что танец — это такое же дело всей жизни, как и скульптура. Мне кажется, может быть либо то, либо другое, совмещать такое невозможно. Это очень всепоглощающие профессии.

— Все равно, что любить твоего отца, — откликнулась Аугуста, пытаясь пошутить.

Но Каролина не засмеялась. Она никогда не обсуждала это с матерью. Она всегда казалась так крепко стоящей на ногах, всегда заботилась о сестрах, опекая их, как наседка. Особенно в моменты наибольшего напряжения в отношениях родителей, когда Аугуста как будто совершенно забывала о материнских обязанностях, погружившись в свои тревоги. Оглядываясь назад, Аугуста признавала, что ей есть в чем покаяться, но одно она знала твердо: своих дочерей она любила неистово, пусть это и не выразилось в рутинной опеке и заботе. Эта убежденность дала ей силы, чтобы продолжать.

— Любая из вас могла бы выступить в балете, — сказала она. — Может быть, и не профессионально, но утонченности и силы духа для этого у вас бы хватило. А ноги? Помнишь, как твой отец разглядывал твои ноги и говорил, что они нарушают все законы красоты?

Каролина промолчала. Аугуста вновь погружилась в вышивание. Все три ее дочери были изысканно и одухотворенно красивы; если говорить о старшей, то в настоящий момент акцент следовало бы сделать на одухотворенности. Глядя на нее, Аугуста могла только пытаться вообразить, какие обвинения в адрес родителей, не выполнивших своих обязанностей, крутятся в ее голове.

Каролина всегда была начеку, подготовленная к любым неожиданностям, готовая защищать младших сестер от любой опасности. Даже от собственных родителей, подумала Аугуста, стараясь признать это без обиды и боли. Сейчас Каролина, вглядывающаяся в морскую даль, напоминала ей верного стража, не спускающего глаз с того, кто дороже жизни. Ее сердце обливалось кровью за старшую дочь, которой в жизни явно не хватало любви. И что всегда была той, кто всех защищает.

Ей нужен мужчина, подумала Аугуста. Какая она красивая и в то же время твердая, с темными волосами, строго зачесанными наверх и в платье цвета скал или строений: вся гамма оттенков гранита, плитняка, кирпича и известняка. Такая успешная деловая женщина, внушавшая страх всем мужчинам в городе, они действительно боялись ее до полусмерти, предпочитая не связываться. Все свободное время она отдавала путешествиям, как будто вообще не была способна долго оставаться на одном месте, в родных краях. Или просто бродила в одиночестве по лесам.

— Каролина, — проговорила Аугуста, поднимаясь, — что же там может быть такого увлекательного?

— Иди посмотри, — отозвалась Каролина. Она передала матери подзорную трубу и помогла удерживать окуляр у правого глаза. — Вон там.

Аугуста вцепилась в латунную трубку, пытаясь сфокусировать взгляд.

Металл в ее руках хранил тепло ладоней Каролины. Аугуста моргала, крутила окуляр, пытаясь понять, на что же такое она смотрит. Крутлый участок открытого океана с несколькими кораблями посередине.

— Рыбаки, — сказала она.

— Нет, — возразила Каролина. — Это не рыбаки.

Аугуста рассмеялась. Каролина что — шутит? Она же живет здесь и смотрит в это самое окно по сто раз на день. Уж ей ли не знать рыбацкие яхты?! Они пробираются через проход в рифе Мунстоун и забрасывают свои удочки в надежде поймать луфарь или небольшую акулу. И Хью, бывало, рыбачил там, хотя по большей части его увлекала более крупная добыча, за которой он отправлялся на Расщелину за островами Блок, или на юг, к Багамам, или в Кис. Но она продолжала смотреть на суда. А это что за фонтан — бьет как из реактивного двигателя!

— Что они там делают? — спросила она.

— Ныряют за сокровищами, — ответила Каролина.

Аугуста опустила трубу. Она посмотрела в прекрасные серовато-синие глаза Каролины и увидела в них столько жизни, столько огня, что потеряла дар речи. Что-то

происходило. Это было все равно что лицеизреть человека, только что озаренного божественным откровением.

— Милая, ты что, шутишь? — поинтересовалась Аугуста.

— Они достают со дна погибшие суда, — серьезно пояснила Каролина.

— Что — правда? — все еще не могла поверить Аугуста. Происшествия, подобные кораблекрушениям, вызывали у нее суеверный трепет, граничащий с восторгом. Иначе чего ради она продолжала жить в богом забытой усадьбе на берегу пролива? Более того, она ощущала, что это каким-то образом сближает их с Каролиной. Кораблекрушения и сокровища — это нечто, чем они могут восторгаться вместе. Заинтригованная, она вновь поднесла подзорную трубу к глазу. — А ты-то откуда знаешь?

— Один знакомый рассказал. Они опускаются к обломкам «Кембрии».

— «Кембрии»... — проговорила Аугуста. Название было каким-то знакомым.

— А тот фонтан, что ты видишь, это на самом деле песок. У них на борту компрессор, который откачивает песок с места гибели судна и отбрасывает его подальше, чтобы он не мешал доставать золото.

— Как ты все это узнала? — поразились Аугуста. — Это же, наверное, страшный секрет! Я не видела ни намека на это в газетах. И ни от кого не слышала.

— Да, полагаю, это действительно держится в тайне, — согласилась Каролина.

— Ты же знаешь, я умею хранить секреты, как никто другой, — сказала Аугуста. Но тут она заметила на лице Каролины такое пугающее выражение, что ее сердце провалилось в пятки.

— Я знаю, — кивнула Каролина, но в ее устах это прозвучало как обвинение. Затем пересекла комнату и уселась в виндзорскую качалку. За это время она успела взять себя в руки. Когда она вновь посмотрела на мать, ее лицо было спокойным. Аугуста проглотила вставший в горле комок. У нее создавалось впечатление, что ее ждет что-то такое, что наверняка ей не понравится.

— Нам нужно поговорить о Скай, — сказала Каролина.

Аугуста бессознательно тронула жемчуг на шее. Почему он называется черным, когда на самом деле это самый восхитительный оттенок сизовато-серого? Она снова взглянула на дочь.

— Я уже говорила тебе, что твои глаза точно такого же цвета, как мой жемчуг? — спросила она, улыбаясь, продолжая трогать жемчужины.

— Да, — ответила Каролина, терпеливо раскачиваясь в кресле.

— Глаза цвета черного жемчуга. Это такая редкость... Наступит день, и какой-нибудь чудесный мужчина обязательно это увидит. Так и будет. Обычный мужчина посмотрит на тебя и скажет, что глаза у тебя синие или синевато-серые, но настоящий мужчина сразу же увидит другое. И скажет тебе, что у тебя глаза цвета черного жемчуга.

— Мам, ты слышала, что говорил доктор Хендерсон, — начала Каролина, подавшись вперед. — Что у нее серьезная алкогольная зависимость.

Аугуста замотала головой. У нее было время обдумать слова доктора. Хотя она знала об эмоциональной неустойчивости Скай, но в то, что ее дочь — алкоголичка, Аугуста поверить не могла. Однако Каролина продолжала раскачиваться в кресле и не желала отступать от темы.

— Он идиот, — сказала Аугуста. — Он совсем ее не знает. Она — художник, как твой отец. Для художника пить — нормально.

— Не надо сравнивать ее с отцом.

— Какая тяжкая обида! — печально вздохнула Аугуста. — Ты и твои сестры так злились на вашего отца из-за этих поездок на охоту, а он всего лишь хотел провести немного времени со своими девочками.

— И превратить нас в мальчиков, — добавила Каролина.

— Это неправда. Хью набросился бы с кулаками на любого, кто предположил бы, что он жалеет, что хотя бы одна из вас родилась девочкой, а не мальчиком. Он хотел, чтобы вы наслаждались природой так же, как он.

— Нет, все было несколько сложнее, — запнувшись на самый краткий миг, тихо проговорила Каролина.

— Ну ладно, — начала Аугуста, но так и не стала продолжать. У нее не было сил спорить. К тому же она была слишком уступчивой. Она не верила в силу пистолетов и ножей. Аугуста не хотела, чтобы ее дочери подвергались опасностям встреч с дикими зверями или просто ночевок под открытым небом. Но она боготворила мужа выше всех разумных пределов. Когда он захотел ездить с девочками на охоту в горы, она не стала возражать, хотя сердцем чувствовала, что тот не прав.

— Так что мы будем делать, мам? Если оставим обвинения в адрес отца и признаем Скай алкоголичкой, чем мы реально можем ей помочь?

— Мы заберем ее домой. Мы будем поддерживать и любить ее.

— Конечно, все так и будет. Так и было всегда. Но теперь этого недостаточно.

Аугуста смотрела, как Каролина склонилась над чешущимся Гомером, внезапно появившемся в комнате. Вытаскивая колючку из свалявшейся шерсти, она потянула слишком сильно. Заскулив, пес бросил через плечо взгляд на Аугусту, его глаза увлажнились от боли.

— Это не я, — сказала Аугуста собаке.

— Помнишь, как мы привезли его домой? — спросила Каролина, почесывая старого пса. Тот закрыл глаза; сквозь желтую кожу отчетливо выступали ребра.

— Я с ним уже замучилась, — произнесла Аугуста, не демонстрируя истинной глубины своих чувств и пропуская мимо ушей вопрос Каролины. Именно собака помогла Каролине и Скай пережить первые, самые ужасные недели после происшествия на охоте, хотя Аугуста знала, что Каролина считает наоборот, — что это она помогла псу пережить его горе.

— Ты же любишь его, мам, — сказала Каролина. — Ты не обманешь никого из нас.

— Если бы не я, он шатался бы по подворотням, — заметила Аугуста, глядя, как он пускает слюни на платье Каролины. — Интересно, об этом еще кто-нибудь помнит?

Молодой человек жил в Нью-Гемпшире, неподалеку от Дартмута, но его родные жили в Сан-Франциско и не хотели взваливать на себя заботы по перевозке собаки че-

рез всю страну, а потом держать ее в многоквартирном доме в центре города. Полиция отправила Гомера в приют для бездомных животных в Хановере. Аугуста позволила псу поселиться у них в доме, потому что Каролина не могла примириться с тем, что он останется брошенным, и убеждала мать, что собака в доме может помочь Скай. И еще потому, что Хью испытывал потребность в том же самом.

— Так что насчет Скай, мам?

— Я не понимаю, что могло настолько выбить ее из колеи, — осторожно проговорила Аугуста. — Почему она вдруг так расстроилась. Мне кажется, мы должны дать ей вернуться домой, отдохнуть немного и не ждать заранее проблем. Прошное — это минное поле, и лично я уже устала по нему ходить.

— Мам...

— Все, сказочке конец. Слышишь, Каролина? — резко спросила Аугуста. Она сняла очки и поверх головы Гомера посмотрела на дочь.

— Мам, ты не права, — сказала Каролина, поднимаясь. — Никакого конца «сказочке», как ты выражаешься, здесь быть не может.

— А что же тогда будет? Ты и твои сестры будете продолжать плакаться первому встречному, который согласится выслушать, о своем жестоком отце? А я буду сидеть тут и пытаться защищать его? Он любил вас всех. И я запрещаю говорить кому угодно, а особенно себе самой, что-нибудь другое.

— Мама, если все будет продолжаться так, как ты говоришь, и мы будем делать вид, будто ничего не случилось, то закончится это похоронами Скай, глухим от слез и сдерживаемого гнева голосом проговорила Каролина. Ее глаза цвета черного жемчуга были полны страдания и ярости.

— Не смей так говорить! — воскликнула Аугуста.

— Возможно, она упадет и разобьет голову или примет слишком много таблеток. Может, в следующий раз случится не автомобильная авария, а что-нибудь другое. А может, и то же самое. Мам, она убила человека, и я думаю, что из-за этого она хочет убить и себя.

— Каролина, — предупреждающим тоном произнесла Аугуста, чувствуя, что у нее начинает дергаться голова,

как бывало только в моменты наивысшего нервного напряжения.

Каролина подошла к ней. Опустившись на ковер у кресла матери, она взяла ее за руки. Для Аугусты вид ее красавицы-дочери, склонившейся перед ней в такой униженной позе, оказался невыносимым. Она попыталась отстраниться, но Каролина не отпускала ее.

— Мама, пожалуйста, — проговорила Каролина, уже не в силах сдерживать слезы. — О тебе я думаю почти так же много, как и о Скай. Я понимаю, что ты будешь чувствовать, если случится несчастье. Ты не сможешь это пережить. Ты так любишь Скай. Давай наконец действовать сообща. Давай сделаем все, чтобы помочь ей. И давай начнем с того, что не будем друг другу врать, о'кей?

Аугуста сделала глубокий вдох. Она наклонилась и коснулась кончиком своего носа кончика носа дочери. Их глаза оказались близко-близко, и уже не в первый раз Аугуста поразились глубине, красоте и состраданию, застывшему в зрачках Каролины. Переполюнявшие ее эмоции были почти запредельными. Хью удалось уловить это однажды, всего лишь однажды, в том самом портрете, знаменитой «Девушке в белом платье».

Отстранившись, Аугуста убрала выбившуюся прядь цвета воронова крыла со лба Каролины. Она отложила вязанье, прогнувшись в поясице, выпрямилась во весь рост. Глядя на стоявшую на коленях дочь, она вспомнила свое собственное детство, о том, как она ходила в церковь и молила Господа о помощи. Она не знала теперь, помнят ли ее дети о своем католическом воспитании, молятся ли они хоть когда-нибудь? Или перестали верить вместе с Аугустой и Хью после того случая на Редхоке?

— Ваш отец любил вас, — произнесла Аугуста, разглядывая лицо Каролины. Оно оставалось лишенным всякого выражения. — Эти поездки на охоту были для него способом сказать об этом... Он был слишком велик для этой жизни и демонстрировал свою любовь по-особенному.

— Я знаю, — проговорила Каролина.

— Ты не хочешь выпить? — спросила Аугуста. — Я, пожалуйста, приготавливаю себе коктейль.

Каролина склонила голову и ничего не ответила. Казалось, что она всерьез задумалась над предложением матери; сидела не двигаясь, в позе покорности и мольбы. Аугуста решила, что смешает две порции на всякий случай. Она погладила дочь по голове и вышла, направившись в зимний сад, где у нее помещался бар.

По-особенному. Каролина сидела наверху лестницы, ведущей к пляжу, с Гомером, вспоминая своего отца. По дороге на Редхок она всегда была штурманом. Она должна была говорить «правь на северо-восток» вместо «поворачивай направо», а когда они выезжали на перекресток и оглядывались по сторонам, должна была сказать отцу «все чисто», точно, как второй пилот. Она знала, что может сделать его счастливым, и с удовольствием подыгрывала ему.

Однажды она заболела. Выезжая в горы, она была здорова и полна задора. Но ночью, лежа в одиночестве в палатке, почувствовала себя плохо. Ее горло саднило, а голова раскалывалась от боли. Было больно прикасаться даже к волосам. Ее бил озноб. Ей было пятнадцать лет. Если она заболела дома, то знала, что делать, но тогда, в лесу, ей стало страшно. Она лежала и плакала, не в силах дожидаться рассвета.

Отец услышал ее. Он пришел к ней в палатку, потрогал лоб и обнял, чувствуя, как ее трясет. Все время, когда они оставались на ночлег в разных палатках, она привыкла считать, что вокруг никого нет. То, что отец пришел в ответ на ее зов, было удивительно, и она расплакалась еще сильнее, не в силах противостоять лихорадке.

— Солнышко, ты же заболела, — сказал он. — Надо сейчас же ехать домой.

Он укутал ее и попросил посидеть спокойно, пока он сходит за сестрами. Каролина осталась ждать отца, не веря в то, что произошло. Ей было пятнадцать, и она не привыкла, чтобы о ней заботились. Поездки на охоту были для нее возможностью побыть с отцом, но никогда она не чувствовала его любовь так, как в этот раз, когда он сказал, что они поедут домой. Когда узнал, что она больна, и сделал то, что было необходимо.

Пока сестры собирали палатки, отец отвел Каролину в машину. Он завел мотор, устроил ее на переднем сиденье и постоянно трогал лоб, чтобы проверить, не спадает ли температура. Он был таким большим и сильным, и его серые глаза обычно не отражали никаких чувств, но Каролина навсегда запомнила, каким обеспокоенным он выглядел в ту ночь. Было уже за полночь; сестры должны были бы зевать, но вместо этого они были возбуждены, как никогда. Прижавшись к отцу, вся дрожа, несмотря на свой жар, Каролина чувствовала себя невероятно счастливой.

Оказалось, что у нее корь.

Но потом она вспомнила о другом времени, несколько лет спустя, о том, как ехала домой с той же самой горы после того, как Скай застрелила Эндрю Локвуда.

День они провели в полицейском участке. Скай была в одной комнате для допросов, Каролина — в другой. Огромное количество вопросов: вы знали этого человека? Вы когда-нибудь видели его? Разговаривали ли вы о чем-нибудь до того, как прозвучал выстрел? Может быть, вы поспорили? Ваша сестра не была рассерженной? Какое у нее было настроение?

Каролина была в шоке. Теперь она это понимала, но в тот момент ей казалось, что она просто ужасно устала. Все, чего ей хотелось, — это уронить голову на стол и отключиться. Перед глазами стоял образ молодого человека, в ушах звучал ее собственный спокойный голос, спрашивающий, как его зовут. Она слышала ответ: «Эндрю». Его глаза, его губы, ощущение его ладони в ее. Они были связаны навеки; никто не мог узнать его лучше, чем она. Думая об Эндрю, она дала себе обещание, что позаботится о его собаке.

После допроса они поехали домой. Их посадили в полицейский фургон; формальности продолжали соблюдаться, но они уже чувствовали облегчение. Все суетились вокруг Скай. С нее сняли обвинение в предумышленном убийстве. Аугуста ждала их в «Светлячковом Холме», но и в этот раз, как всегда, роль матери играла Каролина. Она укрыла Скай пледом, устроила ее на заднем сиденье, Кли села рядом с ней. Сама Каролина ехала впереди с отцом.

Багажник был оставлен для Гомера. Они остановились у приюта, чтобы забрать его и отвезти к себе. Как только они вошли в бетонное здание, их оглушил разрывающий сердце вой. Передав Хью документы на подпись, служитель отправился за собакой. Каролина не могла усидеть на месте в ожидании. Она боялась, что пес при виде убийц своего хозяина отнесется к ним враждебно. Но как только Гомер увидел ее, он перестал жалобно скулить.

Кли, открыв дверцу багажника, впустила пса в машину. Здесь она устроила для него лежанку из старого пляжного покрывала. Хью, подойдя к машине, захлопнул дверцу багажника и посмотрел на старшую дочь.

— Ты ему нравишься, — произнес он.

— Не знаю, почему, — заметила она, отводя взгляд. — Я же была там, когда...

— Ты помогаешь ему, Каролина, — сказал Хью. — Пусть он едет с тобой впереди. Так он будет чувствовать себя спокойнее. — Тон отца был непривычным для Каролины, и, оглядываясь назад, она теперь понимала, что это было первыми признаками отчаянного горя, которое в конце концов и убило его.

Всю дорогу до Коннектикута Гомер ехал, положив голову на колени Каролине. Вначале он поскуливал, но потом замолчал. Кли надела наушники и повторяла про себя урок французского. Скай, Каролина и Хью не проронили ни слова. Но Хью то и дело тянулся к соседнему сиденью, чтобы потрепать пса по голове; чтобы взглянуть на Каролину и попытаться понять, что скрывает ее взгляд. Чтобы изобразить улыбку.

По-особенному.

Джо Коннор стоял в рубке «Метеора», глядя на гладкую, как стекло, воду. Весь день дул ровный ветер, перемещающий воду, и стих только вечером, когда для погружения было уже слишком темно. Он посмотрел вперед, на линию носа, задирающуюся вверх, а потом плавно опускающуюся. Небо над головой было усыпано звездами. Джо подумал о прошедшем дне и пожалел, что сделано слишком мало.

Сильные течения не давали его команде добраться до места кораблекрушения. Погодные условия в районе мыса Гаттерас создавали у побережья сильное волнение, и под поверхностью моря таились опасные глубинные течения. Джо каждый час посылал вниз аквалангистов, спускался сам утром и еще раз, перед тем как стемнело. Но вода была слишком беспокойна, чтобы рассчитывать на какой-то успех.

Тем не менее за то короткое время, что они были на месте, им все же удалось кое-чего добиться. Они составили схему расположения обломков судна, расчистили ил и песок. Сделали подводные снимки, провели анализ древесины, изучили конструкцию судна. Члены команды пришли к единодушному выводу, что судно было построено в Англии до 1800 года, возможно, даже до 1750-го. На основании письма Каролины к Джо, написанного в 1971 году, он был уверен, что они нашли именно «Кембрию».

Письмо Каролины и золотые монеты. Они уже начали попадаться им на дне. Дно здесь было полно опасностей, место гибели «Кембрии» представляло собой настоящий лес из поломанных мачт и рей. Острые деревянные обломки могли зацепиться за воздушный шланг аквалангиста или прорвать гидрокостюм. Обследование погибшего корабля требовало внимания и осторожности, как расчистка пути сквозь непроходимые джунгли. Но зато при этом им удалось найти желанное сокровище.

Это было несомненной удачей. Джо оплачивал все расходы на экспедицию из собственного кармана, и ему было мучительно видеть, как день проходит, не принося никаких ощутимых результатов. Он хотел побыстрее завершить этот проект. Компания парней из его команды отправилась на берег расслабиться в таверне «Кошачья Лапка», и он начал подумывать, что лучше было бы присоединиться к ним.

Одна из шлюпок возвращалась обратно. Он слышал приближающийся рокот мотора. Шлюпка обошла «Метеор» кругом и пришвартовалась у кормы. На борт вскарабкался Дэн.

— Привет, шкипер, — сказал он, заходя в рубку.

— Ты что, забыл что-нибудь?

— Нет, но сегодня почему-то не тянет развлекаться. Что-то я подустал от всего этого.

— Понимаю, — отозвался Джо. Среди команды накап-ливалось раздражение, если не удавалось совершить до-статочно много погружений. Постоянно находясь вместе, они изливали друг на друга свое недовольство. Все начи-нали тосковать по сухопутной жизни, по женам и детям, своим девушкам или еще каким-то близким людям, и это начинало проявляться все явственнее. Джо, которого ни-когда ничего особенно не привязывало к берегу, тосковал по земле вообще.

— Это тебе, — сказал Дэн выкладывая на столик с кар-тами несколько писем и большой коричневый пакет. — Начальник пристани попросил передать.

Среди писем было одно от Сэма, брата Джо. Его мучи-ло одиночество и беспокойство, и он очень обрадовался. Большой коричневый пакет на первый взгляд выглядел как какие-то деловые материалы. Может быть, результаты лабораторных анализов ткани парусов и дерева, которые он посылал в Вудс-Хоул, или исторические документы от его знакомого из картографического отделения в Йеле. Но потом он заметил знакомый почерк. Он узнал бы его где угодно. Джо удивился, с чего бы Каролине потребовалось сейчас писать ему. Что ж, есть только один способ это узнать. Отложив остальную почту, он разорвал пакет.

В нем была толстая пачка фотокопий каких-то руко-писных бумаг. Джо увидел дату — 1769 год; почерк был мелкий и аккуратный. Каролина приложила к отпечаткам записку на голубоватой почтовой бумаге. По характерным смазанным кое-где линиям он видел, что она писала руч-кой с пером, и вспомнил, что она иногда пользовалась та-кой и в детстве, когда писала ему.

Дорогой Джо!

Этот дневник показала мне моя племянница, и я подгу-мала, что тебе это может быть интересно. Он написан Клариссой Рэндалл, девочкой, мать которой была той са-мой женщиной, что сбежала с капитаном «Кембрии». Я не весь его успела прочитать, но здесь рассказано кое-что о

том, каково было жить на маяке в XVIII веке, когда один из родителей покинул тебя ради любви к кому-то другому и уже никогда не вернулся домой. Звучит очень знакомо...

Я задумалась, может быть, ты именно поэтому решил найти «Кембрию». Конечно, это меня совершенно не касается. Я не представляю, как ты отнесешься к тому, что я послала тебе это, но я надеюсь, что ты примешь его из чисто научного интереса. В конце концов, я чувствую себя в определенной степени ответственной за то, что ты приехал сюда. Когда я заезжаю к маме, я смотрю в окно дома и вижу твои корабли. И, честно говоря, ощущаю какую-то гордость.

*Цветы, которые ты послал Скай, были великолепны.
Всего наилучшего,*

Каролина.

Джо посмотрел на дневник. Начиная читать, он полностью контролировал свои эмоции. Уже по первым нескольким записям у него сложилось впечатление, что это подлинная вещь, добросовестно воспроизведенный на бумаге взгляд с точки зрения родного человека сбежавшей женщины. Там было немного об окружающей местности, о семейной жизни. Но постепенно, по мере того как до него начал доходить смысл записки Каролины, он почувствовал, что сердце стремится выпрыгнуть из груди. Дэн все еще был тут, и Джо старался, чтобы на лице ничего не отражалось.

— Смелая женщина, — как будто про себя заметил он.

— Что? — переспросил Дэн.

— Да нет, это я так, — отмахнулся Джо и добавил про себя: смелая или сумасшедшая. Какое бесстрашие нужно иметь, чтобы осмелиться провести параллели между «Кембрией» и историей его семьи?! Смерть и неверность. Не совсем то, о чем ему хотелось бы думать. Отправляясь сюда, он понимал, что неизбежно столкнется с набором сложных чувств, связанных с его отцом. Но он был взрослым мужчиной, уже долгое время вел абсолютно трезвый образ жизни. И сумел перешагнуть через прошлое, оставив его позади, что бы там ни думала Каролина Ренвик.

Наконец, чтобы считать вечер законченным, он распечатал письмо от Сэма. Уже зная, что в нем, он все равно

начал читать. Кажется, он вздохнул слишком выразительно, потому что Дэн заглянул ему через плечо в страницы письма.

— Что, мальчишка все-таки приедет? — поинтересовался он.

— Угу, — отозвался Джо.

— Ему нравятся кораблекрушения, а? Ну и как ты себя чувствуешь в качестве образца для подражания? — спросил Дэн.

— Чертовски прекрасно, — уныло улыбаясь, ответил Джо.

— Парню не откажешь в упорстве, — заметил Дэн, посмеиваясь. — Ты каждый раз его выпроваживаешь, а он опять возвращается.

— Да, он упрямый, — тихо согласился Джо.

Ночь была ясной. «Метеор» чуть покачивался на морской глади. Стоя у планшета с картами, Джо смотрел на письма. Лампа с зеленым абажуром отбрасывала мягкий, приятный для глаз свет. О днище судна плескались волны. Может, пригласить сюда Каролину, чтобы она поняла, что подъем затонувших кораблей — сугубо коммерческое и научное дело, в котором нет места для запутанных переживаний и личных ассоциаций? Он с нетерпением ждал утра, чтобы можно было совершить погружение. Он не хотел думать сейчас о людях, из-за которых чувствовал себя грустным и раздосадованным.

Каролина стояла на вершине горы Серендипити и смотрела на море. Она еще не отдышалась после подъема по крутой узкой тропе. Отсюда ей были видны Хоторн и Блэк-Холл, а за ними — место впадения реки Ибис в Коннектикут, и дальше — в пролив Лонг-Айленд. Повсюду зажигались огни. Каролина насчитала два маяка на коннектикутском берегу, и четыре — напротив, на Лонг-Айленде. Она видела огни какого-то судна и подумала, не «Метеор» ли это.

Где-то прокричала ночная птица. Звук был одиноким и красивым, он напомнил Каролине о ночах, проведенных в горах. Она немного отдохнула, сидя неподвижно и пытаясь угадать, где в кронах сосен скрывается птица. После отдельных трелей полилась хрустальная песня. Воздух

был прозрачным и терпким. Шумно взмахивая крыльями, пролетела сова.

Как бы не ненавидела охоту Каролина, в ней все-таки были и приятные моменты. Ощущение одиночества, прогулки по узким тропкам, которые неожиданно выводили на прогалины с захватывающей дух перспективой, в долины, купающиеся в летнем голубоватом мареве. Ночевки под открытым небом, прохладный ветерок, овевающий обнаженные руки, — все это давало ей ощущение свободы. Каролина всегда любила природу. Ей нравились неожиданности пеших прогулок, встречи со зверями и птицами, которых не предполагаешь увидеть. Ей не нравилось только убивать их.

Хью Ренвик пытался привить дочерям любовь к своему любимому спорту, но невозможно внушить жажду крови тому, кто от рождения ее лишен. Каролина помнила, как убила лисицу. Она действительно чувствовала себя убийцей. Это было в декабре, и в ту ночь она впервые в жизни увидела северное сияние. Она прижимала к себе убитого зверька, и его тело согревало.

Сейчас со своего обзорного пункта на вершине горы она высматривала падающую звезду, чтобы загадать желание, в память об Эндрю Локвуде. Она всегда поступала так. Заметив одну, она вздрогнула, хотя летняя ночь была теплой. Потом дождалась еще одной — на этот раз за отца. Вспоминать его было не всегда легко. Но она все равно заставляла себя это делать.

Вдыхая пахнувший морем воздух, Каролина подумала, получил ли уже Джо ее посылку. Рассердила ли его ее записка? Хотя это было не важно, ведь она писала ее не для того, чтобы добиться от него определенной реакции. Стоя на вершине, глядя на корабль, который, как она представляла, принадлежал Джо, она ощущала с ним мистическую связь. Наверняка он любит природу, раз проводит столько времени в море.

Ненавидя охоту, Каролина, однако, обожала рыбалку, из-за чего порой чувствовала себя виноватой. Ей доставлял наслаждение первый рывок, натяжение лески, борьба между ней и рыбой. Глядя в глаза подводным тварям, она ощущала с ними странное родство. Обычно она отпускала

рыбу обратно в воду. Она могла часами забрасывать спиннинг на рифе Мунстоун. В августе там часто попадалась луфарь и каменный окунь, у дна прятались таутоги и камбалы. Каролина знала, что места кораблекрушений привлекают рыбу, и ей было интересно, замечает ли Джо живых существ или под водой его глаза настроены только на блеск золотого металла.

Возможно, его вообще не заинтересует дневник Клариссы. Может быть, ему нужны только сокровища и ему наплевать на историю, скрывающуюся за ними. Джо бежал от собственного прошлого. К тому моменту как Каролина была готова рассказать ему о своем участии в нем, он был ослеплен и оглушен гневом.

Или страхом.

Когда Каролина направилась по тропинке обратно вниз, на небе появилась половинка луны. Она слышала шорох ночных существ в ветвях деревьев, но они не пугали ее. Ноги уверенно ступали по трудной тропе, в руке была походная трость. Она прошла вдоль реки Ибис до парка при отеле, где гости устроили вечеринку. Она слышала музыку, нетрезвые возгласы. Несколько человек, раздевшись, опасливо заходили на речное мелководье.

Добравшись до своего домика, Каролина услышала, что звонит телефон. Сначала она решила не отвечать. В такое время звонила, скорее всего, ее мать. Вероятно, та была выпивши и хотела принести извинения за предыдущий неприятный разговор с Каролиной. Она стояла и глядела на телефон, считая звонки. Пять, шесть...

А если это Скай? Вдруг что-то случилось? Каролина сняла трубку:

— Алло!

Ответом была тишина. Тихонько потрескивали статические заряды на линии. Создавалось ощущение, что звонили откуда-то издалека, с другой стороны земного шара, или с самолета, летящего над океаном...

Или с корабля.

Каролина вообразила, что слышит звуки ветра и волн. Она прислушалась получше и уже почти различала чье-то дыхание в трубке. Но там никого не было. Всего лишь случайно замкнувшиеся провода. Раздалось громкое

жужжание, словно в трубке поселился рой злобных пчел, но тут же оно оборвалось.

Наступила полная тишина. Каролина повесила трубку.

На следующий день, с самого раннего утра, Мишель взгромоздилась на деревянную стремянку и начала развешивать японские фонарики. До бала еще оставалось время, но чтобы все подготовить, требовался не один день. На деревьях были закреплены канделябры, во дворе установили танцплощадку. Каролина назвала это ежегодное мероприятие Карнавалом Светлячков, в честь своих родителей, и хотела, чтобы везде горели свечи. Она заказала восковые свечи в салоне для новобрачных, и Мэй Тэйлор только что привезла их.

Мэй и ее семья — три поколения женщин — управляли салоном, занимаясь устройством свадебных торжеств на побережье и самостоятельно выращивая овощи и зелень для банкетов. Мэй и ее пятилетняя дочь Кайли, казалось, были в полном восторге от предстоящего праздника, от того, что их чудесные яркие свечи будут зажжены на каждом столе.

Позади сарая были сложены тридцать круглых столиков, днем из прачечной должны были доставить белые камчатные скатерти. Японские фонарики были яркими и изящными; они раскачивались на проволоке по всему периметру лужайки позади отеля. Каролина надеялась, что жара вернется ко дню карнавала, как это бывало каждый год.

Со стороны Саванны шел тропический циклон, неся с собой влагу и жару под сорок градусов. Мишель и Каролина хотели, чтобы карнавальная ночь была горячей и душевной. Каролине нравился вид мужчин без пиджаков, в белых рубашках, прилипших к потным спинам; она хотела, чтобы плечи женщин были обнажены и они танцевали босиком на прохладной траве. На Карнавале Светлячков гости — художники — могли, не стесняясь, выставлять напоказ дикие и страстные стороны своей натуры.

Каждый год Каролина выбирала новую тему для праздника, черпая идеи в различных видах искусства. На этот раз бал устраивался под вывеской «Моя любимая

картина». Приглашенные гости имели возможность проявить свою приверженность к определенному стилю. Кли и Питер всегда приходили в костюмах. В прошлом году, на бал «Моя любимая песня», они оделись в стиле «Голубой рапсодии», как двое любовников, окутанных голубым шифоном. Скай и Саймон явились на бал прямо из своей студии, не сменив заляпанных краской и глиной одежду, многие из которых за ночь оказались развешаны по кустам в самых разных местах вокруг отеля. Но Каролина, как хозяйка, всегда была в простом платье.

Мишель было очень интересно, во что же оденутся гости на этот раз. Они с Тимом планировали одеться как персонажи «Grande Jatte» Сёра. У Мишель должно было быть длинное белое платье и солнечный зонтик, а Тиму, наверное, вполне подойдут гетры и котелок. Каролина всегда настаивала, чтобы они присутствовали на балу как гости — не выполняя никаких обязанностей, а просто веселясь от души.

Стоя на стремянке с малиновым фонариком в руке, Мишель заметила Саймона Уитфорда. Тот стоял у входа в отель, уперев руки в бедра и щурясь на солнце. Он пытался выглядеть порочно-притягательным, как истинный художник, один из тех, для кого не существует правил, принятых в среде обычных людей. Но Саймон был всего лишь жалкой попыткой подражать Хью Ренвику.

Бедная Скай, подумала Мишель. Выйти замуж за мужчину с яростной натурой ее отца, но без малейшей частички его нежной души. Мишель не понимала, что ему здесь надо. Судя по всему, встретиться со Скай, что же еще? Каролина наверняка не пригласила его на Карнавал Светлячков. Стычка назревала: со своего наблюдательно-го пункта на лестнице Мишель увидела, как из отеля выходит Каролина и направляется к своему зятю. Она покрепче уцепилась за стремянку и вытянула шею, чтобы лучше их видеть.

Предыдущей ночью Каролина долго лежала без сна. Телефонный звонок ниоткуда взволновал ее. Она ворочалась и ерзала в постели, не в состоянии устроиться удобно. После полуночи сгустился туман, одеялом накрыл дом и

вызвал у нее головную боль. В море были сирены. Каролина ждала, что телефон зазвонит снова, но он молчал.

Утром, в начале рабочего дня, Мишель положила на стол начальницы оставленное вчера сообщение. Оно было от Джо Коннора, он приглашал ее пообедать на «Метеоре». — Связь была ужасной, сказала Мишель. Сплошные помехи, как будто корабль был в самом сердце грозы. Опасаясь разрыва связи, Джо говорил быстро и попросил Мишель передать Каролине, что, если она хочет посетить место поисков, ей нужно подойти на пристань в четверг, в восемь.

Невыспавшаяся и измученная, Каролина не знала, как к этому отнестись. Он когда-то вычеркнул ее из своей жизни, а теперь хочет с ней пообедать. Озабоченная всем этим, она спускалась по задней лестнице отеля и наткнулась на своего зятя.

— Какого черта тебе здесь надо? — спросила Каролина, не веря своим глазам.

— Поздороваться с тобой, Каролина, — ответил Саймон, затаптывая окурки на каменной ступеньке.

— Я не желаю тебя здесь видеть, — сказала она.

— Я встречаюсь здесь со Скай. Куда я, по-твоему, должен деваться? С квартиры мы съехали. А в доме у твоей матери меня вряд ли примут с распростертыми объятиями.

— И поэтому ты решил пожить в моем отеле? И наверняка не собираешься за это платить? Так вот, все родственные привилегии ты потерял, бросив мою сестру.

— Каролина, пожалуйста, разреши мне остаться здесь. Я могу ночевать в сарае, в своей старой студии. Я уже проверял — сейчас она никем не занята. Мне нужно увидеться со Скай. Я хочу помочь ей.

Каролина покусывала кончик авторучки и разглядывала Саймона. Он был высоким, статным, с буйной черной шевелюрой и худощавым лицом, глубоко посаженные темные глаза горели тем сексуальным огнем, который сводил с ума Скай, а Каролину и Кли заставлял не доверять ему ни на йоту. Он умел втираться к людям в доверие и манипулировать ими. Черные джинсы низко сидели на стройных бедрах, торс обтягивала белая футболка с пожелтевшими после стирки, но все равно заметными пят-

нами краски. Сейчас вид у него был изможденный, потерянный и художественно-страдальческий.

Видимо, он женился на Скай для полного довершения картины, цинично подумала Каролина.

— Ага, помянешь черта, он тут как тут, — раздался голос со стороны сада. Каролина обернулась, узнав голос Кли, и увидела свою красавицу-сестру, расслабленно приближающуюся к ним через лужайку в потрясающем абрикосовом сарафане и больших темных очках. Она обошла Саймона, как хищная акула вокруг истекающего кровью пловца.

— Привет, Кли, — сказал Саймон. Каролина не хотела поддаваться, но голос его звучал как будто искренне страдающе. Вдвоем с Кли они были его самым страшным кошмаром. Он обидел их маленькую сестренку — и очень сильно обидел — и Каролина с трудом могла представить, как он чувствует себя в этот момент, стоя между ними и принимая на себя все их насмешки и презрение.

— Что заставило тебя вернуться в город? — поинтересовалась Кли. — Неужели ты забыл опустошить еще какой-нибудь банковский счет?

— Кли, я могу сказать тебе то же самое, что уже говорил Каролине. Я хочу помочь Скай. Да, я совершил ошибку. Я люблю ее и хочу к ней вернуться.

— Да ну? — недоверчиво проговорила Каролина.

— Да. Ну можно мне остаться? В сарае?

— Я не хочу, чтобы ты оставался здесь, — отрезала Каролина.

— А Скай хочет.

— За каким дьяволом ты ей нужен? — поразились его уверенности Каролина, размышляя, может ли действительно помочь Скай встреча с человеком, который растоптал ее любовь.

— А как ты думаешь, как я узнал об аварии? — спросил Саймон, разминая очередную сигарету и поджигая ее трясущимися руками. — Она мне позвонила. Я ей нужен, точно так же, как и она мне.

— Она ему позвонила, — сказала Каролина Кли. Сестры несколько секунд смотрели друг на друга, переваривая услышанное.

— Это меняет дело, — отрезала Кли.

— Может, она и позвонила тебе, но это не значит, что она в тебе нуждается, — сказала Каролина, прищурив глаза. — Давай все-таки не путать.

— Ты можешь думать все, что угодно.

— Ладно, я позволю тебе остаться. Я найду для тебя место.

— Я буду жить в сарае...

Каролина покачала головой:

— Нет, ты будешь жить в доме. У тебя есть последний шанс все исправить, и я не собираюсь заставлять тебя спать на соломе.

— Спасибо, — ответил он. Саймон сделал движение, как будто хотел обнять Каролину, но ее взгляд остановил его. Склонив голову, он отступил назад. И направился к автостоянке, чтобы забрать свои вещи.

— Человеческий мусор, — со вздохом заметила Кли, — но Скай его любит.

— До сих пор, — кивнула Каролина.

— Сестры направились по изумрудной лужайке к старому сараю, куда Каролина и шла до того, как столкнулась с Саймоном. Старый сарай, отделенный от двора отеля кирпичной стеной и окруженный белым штакетником, с живописно облезавшей со стен красной краской, так и просился на холст. Многие художники, в том числе и Хью Ренвик, уже прославили его. Картины, на которых был запечатлен сарай Ренвиков, висели в институте Кларка, в собрании Филипс, в музеях Гатри и Фарнсуорта, галерее Коркоран и художественном музее «Метрополитен».

Внутри было прохладно и сумрачно, пахло сеном. Дед Каролины держал в нем коров и лошадей. Ее отец учил дочерей ездить верхом именно здесь; теперь отдельные стойла превратились в художественные студии. Самые дорогие номера отеля предоставлялись в комплекте со студией. Сейчас почти все закутки были заняты художниками и скульпторами, работавшими здесь и одновременно пытающимися познакомиться друг с другом поближе. Из стойла/студии в самом дальнем конце сарая доносились отчетливые звуки чьей-то страсти, заставившие Каролину и Кли тихонько рассмеяться.

— В этом сарае я потеряла девственность, — прошептала Кли.

— Как минимум два раза, — хихикнула Каролина.

— Карнавал совсем скоро, — проговорила Кли, оглядывая помещение и чувствуя нарастающее возбуждение. Сверху, с сеновала, косо падали солнечные лучи.

— Я правильно сделала, что разрешила Саймону остаться? — поинтересовалась Каролина у сестры.

— Скай — взрослый человек, — ответила Кли. — А мы иногда про это забываем. Мы не можем постоянно защищать ее.

— Если можем вообще, — заметила Каролина. И неожиданно для себя самой проговорила: — Я послала Джо копию дневника, который принесла мне Мэрипат.

— Да?

— А он пригласил меня пообедать в четверг у него на корабле.

— Да ну?! — восхитилась Кли.

— Угу. Но я не знаю, стоит ли идти. И хочу ли я этого.

— А почему нет?

— Ох, — вздохнула Каролина, разламывая пальцами соломинку. — Вероятно, потому, что мы не слишком нравимся друг другу.

— Может, ты обнаружишь, что он не так уж плох. А про тебя я это и так знаю. Так что, может быть, вас ждет приятный сюрприз.

— Я хотела ненадолго съездить в Шотландию. Буквально на несколько дней, хочу посмотреть новый туристический объект на одном из западных островов. Там старый монастырь с чудесным видом на горы и море, а еще рядом лабиринт. Правда, это заманчиво? Я прочитала об этом в журнале, когда летела последний раз из Венеции, а мне нужны новые идеи для отеля...

— И ты собиралась лететь завтра? Очень удачно. Мне кажется, ты должна остаться и пообедать с Джо.

— Мне нужно. — Желание уехать было очень настойчивым. Каролина всегда отдыхала таким образом от повседневных забот. Она останавливалась в чудесных сельских гостиницах, стараясь посетить как можно больше мест, как она говорила всем, ради вдохновения. Она

путешествовала, как будто бежала от чего-то, — поскорее добраться до места, поскорее все осмотреть, и постоянно оглядываясь назад. В дороге она могла ни о чем не думать. И сейчас, когда в ее город приехал Джо Коннор, для поездки было самое подходящее время.

Каролина зевнула, передернув плечами.

— Ты выглядишь уставшей, — заметила Кли.

— Да, действительно устала, — призналась Каролина. — Вчера вечером я забиралась на Серендипити...

— Господи, Каролина, — покачала головой Кли.

— Что? — не поняла та.

— Я просто не могу думать, как ты ночью карабкаешься по этим утесам... Ты же можешь сорваться. И вообще, неизвестно, на кого ты там можешь наткнуться. Тебя могут изнасиловать. Я только недавно читала о двух девушках, которые путешествовали по Аппалачам, их изнасиловали и убили...

— Кли, ну что ты говоришь? На горе Серендипити мне ничего не угрожает.

— Кто знает. Но зато ты хочешь улететь в Шотландию и избежать встречи с этим человеком на его корабле.

Каролина открыла рот, чтобы ответить, и остановилась, как будто чем-то пораженная.

— Ты что? — удивилась Кли.

— Ты меня поймала, — улыбнулась Каролина. — Я как раз пыталась вспомнить расписание рейсов.

— Я тут принесла кое-какие старые фотографии, — сказала Аугуста Скай.

— Мам, я устала, — отозвалась Скай. Она лежала на своей больничной кровати. Ей перестали давать обезболивающие, кроме тайленола. Но она чувствовала себя настолько измученной, настолько вялой, что единственное, чего ей хотелось — спать.

— Это тебя повеселит, — заметила Аугуста.

Скай посмотрела на фотоальбом. Ее родители снимали всегда все подряд. Скай не относилась к тем детям, которые жаловались, что их родители увлекались фотосъемкой старших детей, а потом потеряли интерес к процессу. Нет. У Ренвиков было четыре альбома с фотографиями од-

ной только Скай. Все они были одинаковыми, в обложках из марокканской кожи с монограммой H&A.

Аугуста начала перелистывать страницы. В этом альбоме были фотографии периода начала семидесятых, когда Скай была совсем маленькой. Там были снимки девочек на пляже, на каруселях, в лодке. Хью с мольбертом, молодой и увлеченный.

— Смотри, как он похож на Саймона, — сказала Аугуста, показывая Скай эту фотографию. — У нас с тобой одинаковые вкусы на мужчин.

— Ммм, — произнесла Скай.

Вошла санитарка. Она была из новой, только что заступившей на работу смены, и ей нужно было снять показания состояния Скай. Женщина надела на нее манжету тонометра и несколько раз с силой нажала на черную резиновую грушу.

— А что это у вас? — поинтересовалась она, глядя на альбом.

— Семейные фото, — просияла Аугуста.

— Как чудесно, — проговорила санитарка. Она записала цифры в блокнот, затем вписала туда показания термометра.

— Вот ваша пациентка в двухлетнем возрасте, — проговорила Аугуста, показывая фотографию Скай с кистью в руке.

— Настоящая художница! — заметила санитарка.

— А вы как думали! — гордо отозвалась Аугуста. Она перевернула страницу. — А это сестры Скай. Они ее обожали, правда, это видно даже здесь? А это ее отец... и это тоже он. Ой, не смотрите, тут я с остриженными волосами. Просто ужас, зачем я это сделала?! Вот мой муж верхом, а это наша конюшня... а это он на этюдах в бухте Турнель.

— А это кто? — спросила санитарка, склонившись над альбомом, чтобы разглядеть фото получше.

На черно-белой фотографии была группа мужчин в смокингах. У них был элегантный и гордый собой вид, некоторые держали в руках кисти, палитры или небольшие холсты. У других были ружья, луки и стрелы. Они стояли перед массивным каменным строением, напоминающим французский шато.

— О, это члены мужского клуба, — ответила Аугуста, бросив обеспокоенный взгляд на дочь. Чувствуя, что это расстраивает Скай, она хотела перевернуть страницу, но ее взгляд упал на Хью. Она вздохнула и провела пальцами по его фигуре.

— Вот, видите моего супруга? — с нежностью в голосе спросила она.

Санитарка взгляделась в Хью Ренвика, стоящего во втором ряду, в центре. Его широкие плечи распирали костюм, лицо было напряженным, он смотрел в камеру так, словно хотел уничтожить ее. В руке он, словно скипетр, держал соболевую кисть. Взглянув на фото, Скай сразу поняла, где оно было сделано, и ее сердце начало лихорадочно стучать. Она закрыла глаза.

— Какие они элегантные, — произнесла санитарка. — Совсем как в старину.

— Да, изысканное общество, — согласилась Аугуста, считая, что подобрала самое удачное определение. — Они встречались дважды в год, обязательно в таких официальных костюмах. Наверное, обсуждали свои дела. Все члены этого клуба достигли довольно высокого положения. Вы же знаете, мой муж был весьма знаменитым художником.

— А что это за место? — поинтересовалась санитарка. — Просто восхитительное! Это где-нибудь в Европе?

— Нет. На самом деле в Нью-Гемпшире. Довольно высоко в горах, они называли себя клубом «Редхок». Там в окрестностях у них были великолепные парки и укромные уголки для живописи. И для охоты. Многие мужчины любят пострелять.

— Только мужчины?

— Да, — ответила Аугуста, и в ее голосе прозвучала странная смесь гордости и самозащиты. — Хотя мой муж считал, что это глупо. Наши девочки умели стрелять не хуже любого мужчины.

Скай казалось, что ее сердце выпрыгнет из груди. Она крепко зажмурилась. Сейчас она мечтала о стакане спиртного, об уколе морфия, о том, чтобы оказаться подальше от того места, где находилась.

— Художники и охотники? — спросила санитарка. — По-моему, занятное сочетание.

— И в том, и в другом — наслаждение жизнью, — сказала Аугуста. — Мой муж считал, что два этих занятия имеют много общего. — И как будто только что вспомнив о Скай и о том, как на нее может подействовать этот разговор, она поспешно перевернула страницу.

Скай выдохнула, и это прозвучало как стон.

Санитарка, мерившая ей пульс, нахмурилась и сильнее сжала запястье больной. Как будто не могла поверить, что у ее пациентки в лежачем состоянии может быть настолько учащенное сердцебиение. Глаза Скай были плотно закрыты. Она лежала на подушке отвернувшись. Чтобы успокоиться, она попыталась думать о Каролине.

— Ну-ка давайте попробуем еще раз, — сказала женщина, стараясь поудачнее взяться за запястье Скай. Та чувствовала, как пальцы санитарки аккуратно скользят по ее коже. — Я так отвлеклась, глядя на этих красавцев-мужчин, что, наверное, посчитала неправильно.

Красавцы-мужчины, подумала Скай. Перед ее глазами стояло лишь одно лицо — Эндрю Локвуда, с карими глазами, прямым носом и большим ртом, умиравшего в пяти милях от этого роскошного замка. Она старалась прогнать это воспоминание, накрыть его покровом тьмы. Черным клочком безлунной ночи, когда все лесные существа могут не бояться охотников.

Не бояться, думала Скай, лежа в больничной постели, представляя Эндрю в его могиле.

4 июня 1978

Дорогой Джо!

В мире так много таинственных мест... Когда ты проезжаешь через горы, через леса, среди утесов, думаешь ли ты когда-нибудь о том, куда ведут тайные тропы? Огни богатые люди, у которых некуда девать деньги, построили дворец в европейском стиле. Они говорят, что сделали это для спорта и искусства, но на самом деле только ради показухи. Он здесь совершенно не к месту, торчит среди дикой природы, где должны быть только сосны и гранит, а не красное дерево и мрамор. Но, наверное, художникам виднее.

Моя сестра Скай — настоящая художница. Не только по духу, который так прекрасен и нежен, что я не могу

описать словами. Нет, дело не только в этом. Видел бы ты ее работы! Одна линия ее карандаша может стать пляжем, скалой или человеческим лицом. Она талантливее всех, кого я знаю. Даже талантливее, чем мой отец. А как ты? Я имею в виду как художник?

С любовью,

Каролина.

15 июня 1978

Дорогая Каролина!

Искусство — это не по мне. Вот всякие тайны — грубое дело. Здесь, в Ньюпорте, их множество. Я могу проникнуть в любой особняк на Бельвью-авеню. Я знаю многих зрителей. В каждом таком доме есть винные погреба, туннели, потайные лестницы.

Сэм нарисовал для тебя мою лодку, но потом пролил на рисунок апельсиновый сок. Ну ладно. А лично я — не художник. Погул ветер — пора в море.

С любовью,

Джо.

Глава 7

Мать оставила альбом, и, когда она ушла, Скай снова раскрыла его на фотографии Редхока. В первый раз она шокировала ее; она совсем забыла о ее существовании. Теперь она разглядывала холодный камень и мужчин, застывших на пленке, и ее сердце билось спокойно. Этот снимок почти не трогал ее.

Клуб «Редхок». Ее отца приводило в негодование, что дочери не могут вступить в этот клуб. Он везде брал их с собой. Научил их стрелять лучше, чем это делали мальчишки, с такой гордостью рассказывал об их достижениях. Люди поддразнивали его, говоря, что, может, ему лучше было бы иметь сыновей, а он сразу лез в драку.

Однажды Хью въехал с дочерьми в широкие ворота клуба, припарковался и повел их на площадку для стрельбы. На глазах у всех он заставил девочек стрелять по глиняным голубкам, и они не промахнулись ни разу. Повернувшись к менеджеру клуба, который как раз подошел, чтобы сделать ему предупреждение, Ренвик протянул ему заявление о выходе из клуба.

Он чувствовал себя победителем. Если бы им только нравилась его любимая забава!

«Наслаждение, жизнью», — сказала Аугуста; Скай словно наяву слышала, как ее отец произносит эти слова. Хью ощущал всю полноту и буйство жизни, когда писал, вдохновение переполняло все его существо и изливалось на холст; и точно такой же восторг охватывал его на охоте, когда он отслеживал живых существ, которые пытались скрыться от него при свете звезд.

Отец научил ее живописи. Они изучали анатомию, вскрывая животных, которых она убивала. Она рисовала мышцы, кости и хрящи, а он объяснял ей, что это и она

сама — такое же животное, как и те, на которых они охотятся. Он хотел, чтобы дочь поняла, насколько примитивен тот радостный подъем, который она испытывала, рисуя и занимаясь лепкой, насколько он схож с глубинной и древней потребностью охотиться. Что обжигающая страсть творчества, когда забываешь, кто ты есть, и вообще о том, что ты существуешь, не более и не менее прекрасна и торжественна, чем смерть.

Скай любила отца и пыталась полюбить охоту. Стремясь испытать тот же экстаз и самозабвение, которые охватывали ее в студии, она изо всех сил пыталась преодолеть свой страх перед горами. Ей было стыдно и противно убивать любое живое существо, но она боялась признаться в этом отцу. Сейчас, глядя на фотографию Редхока, она вспоминала, как отчаянно пыталась избежать этих поездок. Увидев, насколько эффективной оказалась болезнь Каролины, Скай вечно притворялась, что у нее болит горло, в надежде, что мать оставит ее дома.

— Привет, детка, — раздался голос Саймона.

Удивленная звуком человеческой речи, как будто кто-то из людей с фотографии заговорил с ней с того света, она подпрыгнула на постели.

— Привет, — едва выговорила Скай.

Они смотрели друг на друга, муж и жена. Скай не могла проглотить тут же появившийся в горле ком: он был таким влекущим и сексуальным, таким озабоченным. Она видела, что последнее время Саймон явно плохо питался.

— До чего ты хочешь меня довести? — спросил он, прислонившись к дверному косяку, глядя на нее полным беспокойства взглядом. Он медленно двинулся к кровати, отодвинул покрывало и склонился над ней, чтобы нежно поцеловать.

— Довести тебя? — переспросила Скай, не понимая.

— Ты попала в эту аварию, — прошептал он. — Если бы ты погибла, я бы этого не пережил.

— Не говори глупостей, — сказала Скай. — Пережил бы.

— Хочешь, поклянусь? — Сейчас, находясь с ней рядом, он не мог сдержаться, чтобы не дотронуться до нее. До ее покрытых синяками щек, до ее рук, до ее губ. Она

почувствовала жар мужского тела, наполненный электричеством воздух между ними, и внезапно их бросило друг к другу, так что кожа, разделяющая их тела, показалась почти невыносимым барьером.

— Я люблю тебя, Скай, — прошептал он, — больше, чем когда-либо. Прости меня, ради бога, прости.

Скай не хотела слышать этих просьб о прощении. Она ощущала его руки, обнимающие ее, ладони, поглаживающие спину, и ей казалось, что без него она была жива лишь наполовину — животное, брошенное умирать на лесной тропе.

— Скажи что-нибудь, — попросил он.

— Почему? — спросила она. Это было единственное слово, пришедшее ей на ум.

— Потому что я скотина. Ты об этом спрашиваешь? Почему я бросил тебя?

Скай не знала. Она просто хотела, чтобы Саймон продолжал обнимать ее. Она чувствовала, как будто у них общая кровь, общая кожа, и на нее нахлынула успокаивающая волна любви, участия, человеческого прикосновения. Она смыла ее печаль и отчаяние. Прогнала прочь мысли об Эндрю. Но из-за того, что муж просил ее сказать что-нибудь и мог снова отдалиться, если она не сделает этого, она ответила:

— Да.

— Это она во всем виновата, ты же понимаешь. Биба. — Он произнес ее имя извиняющимся тоном, как будто само это слово могло ранить Скай. Но Скай было все равно. Она закрыла глаза и чувствовала, как его руки гладят ее спину. — Она налетела на меня, как ураган. Ты же знаешь натурщиц, они раздеваются за деньги. Чего я должен был ждать от нее? Что она с уважением отнесется к нашему браку?

— Это зависит только от нас с тобой, — прежде чем смогла удержать себя, тихо сказала Скай.

Саймон перестал гладить ее. Он выпрямился и отбросил темные волосы с глаз. Пристально глядя на Скай, он словно изучал ее.

— Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, они скоро выпустят тебя отсюда или как?

— Я тоже на это надеюсь, — кивнула она.

Теперь, когда Саймон отстранился, ее чувства поменялись. Они сразу же остыли. Казалось, что его физическая близость оказывает на нее наркотический эффект, что иллюзия их любви успокаивает ее, заставляет стихнуть бушующий внутри шторм. Скай хотела, чтобы муж снова обнял ее, но сознавала, что так же хорошо могла бы подействовать и выпивка. Или обезболивающее.

— А это что такое? — спросил Саймон, заметив фотоальбом.

— Семейные фотографии, — произнесла Скай, переверачивая страницы и открывая серию снимков из Санта-Лючии, где они были с сестрами еще маленькими. Они смотрели на пальмы, на большие белые облака в ярко-синем небе, на черного марлина, которого поймал их отец, подвешенного над пристанью рядом с арендованной ими яхтой.

— Очередной рекорд Хью, — восхищенно рассмеялся Саймон. — Или это ты выловила такого?

— Нет, он, — тихо ответила Скай. И словно со стороны услышала свой голос: — А то, что ты говорил, будто ты не пережил бы... Я никогда не смогу сделать что-то, что убило бы тебя. Я никогда не смогу причинить тебе боль. Ты же это сам знаешь.

— Да, детка, — сказал он, снова начиная гладить ее спину, придвигаясь так близко, что они опять словно слились в одно целое. — Я это знаю.

Аугусту Ренвик терзало любопытство по поводу охотников за сокровищами. С того самого дня, как у нее была Каролина и показала ей корабли у рифа Мунстоун, Аугуста не отходила от окна. Глядя через подзорную трубу Хью, она все надеялась заметить, когда из глубины достанут что-нибудь сверкающее. Увлечшись такой замечательной деятельностью, она могла не помнить о том, что ее младшая дочь находится в больнице. Конечно, не забыть совершенно, но хотя бы на время отвлечься. Она встретила доктора Хендерсона в холле у палаты Скай. Они осторожно обошли друг друга. Аугуста ему не доверяла. Его убежденный и участливый тон заставлял ее передергиваться.

Стоя у панорамного окна, Аугуста пыталась разглядеть, что делают люди с кораблей. Склоняются над чем-то, поднимают что-то к свету. Она тщательнее пристроила у глаза окуляр.

Это незначительное действие, легкий поворот оправленного стеклышка вернул ее на двадцать лет назад: через эту самую подзорную трубу она следила за Хью и одной из его любовниц на поляне в лесу севернее Хоторна, испытывая одновременно стыд и ярость. С ней были дочери. Они были тогда еще маленькими — девяти, семи и четырех лет. Она не сказала им, зачем они направляются на прогулку и чем она занимается, но она подозревала, что девочки все поняли.

Ее дочери были одарены исключительной способностью к пониманию.

Она прищурилась, приглядываясь к кораблю, но все очарование куда-то улетучилось. Эта вспышка вины из прошлого разрушила его. Какой надо быть, чтобы взять с собой детей шпионить за собственным мужем?

Может, стоит выпить чашечку чая. Она пошла на кухню. Прохладный бриз колыхал белые занавески на окнах. Воздух пах свежестью, морем и травами из сада. Аугуста поставила чайник на огонь и вышла через раздвижную дверь в маленький заброшенный садик. Гомер, тяжело вздыхая, последовал за ней.

Спланированный в виде круга, садик был засажен растениями, история которых насчитывала целую сотню лет: Аугуста брала отростки и отводки из сада своей матери в Джеймстауне и бабки в Торнтоне. Каждый раз, когда она выходила сюда за веточкой розмарина, шалфея или тимьяна, она чувствовала бесконечную любовь этих двух замечательных женщин. У самой Аугусты не было сестер. Она была единственным ребенком в семье, и когда сама стала матерью троих девочек, то считала это величайшим благословением.

То, что у нее есть дочери, и то, что они могут быть друг другу сестрами, чего была лишена она сама, наполняло ее таким счастьем, как будто она одарила их чем-то совершенно невообразимым. Вздохнув, Аугуста опустилась на каменную скамью. Наклонившись, помяла в пальцах ве-

точки мяты. Стебли были темно-красными, листочки — пушистыми и ярко-зелеными. Понюхав пальцы, она мысленно возвратилась в сад своей бабушки, где всегда была окружена любовью и заботой, которую только может представить ребенок. Именно этими чувствами она хотела наградить своих дочерей и внуков.

Она услышала приближающееся урчание мотора. Звук разрушил волшебство момента, но Аугуста не двинулась с места. Она давно научилась узнавать на слух старый джип Каролины. Аугуста могла бы обойти дом, чтобы встретить дочь, или пойти на кухню, чтобы приготовить лишнюю чашку чая, но не стала этого делать. Она знала, что будет хорошо, если Каролина найдет ее здесь, в травяном садике. Это внушит ей симпатию. Травы сами по себе — невысказанная связь с добрым прошлым, с любимыми бабушкой и прабабушкой Каролины.

Гомер, заслышав шаги Каролины, бросился ей навстречу, и Аугуста знала, что он приведет ее сюда.

— Привет, мам, — сказала Каролина.

Аугуста открыла глаза. Она казалась удивленной, как будто только что проснулась. Она сидела на скамейке в саду в своих жемчугах и соломенной шляпе, сжимая в руке пучок трав. Каролина была тронута, увидев мать здесь, в травяном садике бабушки, наслаждающуюся солнышком и игривым морским ветерком.

— Каролина! — воскликнула она с улыбкой.

— Я подумала, что хорошо бы искупаться, — произнесла Каролина. — Не желаешь надеть купальник и пойти со мной на пляж?

— Прекрасная идея, — отозвалась Аугуста. — Подожди только, я выключу чайник.

Каролина пошла вверх переодеться. Она пользовалась все той же спальней, которая в детстве была ее. Окна комнаты выходили на пляж, и был виден корабль Джо. Натянув свой черный купальник, она босиком направилась к заднему входу в усадьбу. В этой части дома было пусто и темно: полы были из темного дуба, стенные панели почти почернели от времени. Спальни и гостиные были оформлены в ярких тонах и полны картин и разнообразной ме-

бели. Но здесь, в помещениях, изначально предназначенных для прислуги, было сумрачно; проходя эти комнаты, Каролина и сестры всегда испытывали какой-то страх, словно среди теней скрывалось что-то злое.

Она сбежала с крыльца, и на улице ее встретила мать. Женщины пошли через лужайку, заросшую высокой травой и дикими цветами. Каролина начала спускаться впереди Аугусты по длинной лестнице к Берегу Светлячков, лежащему в ста футах ниже. Пройдя с четверть пути, она услышала, что мать остановилась.

— Гомер, ты идешь? — позвала Аугуста.

Не потерявший стати старый пес стоял на верху лестницы. У него была большая и гордая голова, солнце бросало золотые отблески на поредевшую шерсть. С этого места он выглядел молодым и сильным. Каролина вспомнила, как ему нравилось бегать на пляж в первое лето его пребывания здесь. Родившись в горах, он быстро научился любить морское побережье.

— Гомер? — снова окликнула его Аугуста. Она не торопилась спускаться, глядя вверх на золотистого ретривера. В ее позе было видно нетерпение и побуждение. Казалось, что она хочет своей волей заставить пса двигаться.

— Мама, он устал, — попыталась уговорить ее Каролина.

— Да, пожалуй, — согласилась Аугуста и, не говоря больше ни слова, последовала за дочерью вниз.

Эти купания дарили драгоценные минуты им обоим. Каролина обязательно два-три раза в месяц выбиралась с матерью на пляж. Они купались вместе. Вода была холодной и соленой, Каролина доплыла до большого торчащего из воды камня и вернулась обратно к берегу. Она наслаждалась ласковым прикосновением волн, чувствуя себя так, будто рождалась заново. Так бывало с ней всякий раз, когда они с матерью купались вместе при высоком приливе. Они делали это вот уже тридцать шесть лет подряд, и всякий раз, приезжая на Берег Светлячков, чтобы искупаться, она молилась, чтобы это лето не оказалось последним.

Выбравшись обратно на берег, женщины растянулись на песке, каждая на своем полотенце. Было уже почти пять, но воздух был еще теплым и солнце ярким. Оно свер-

кало на волнах и превращало мелкие мокрые камушки в гроздь янтаря. Каролина видела, как мать открыла книгу и начала читать. Она посмотрела вдаль, на море. «Метеор» был там, качался на волнах. Всего через несколько часов она поедет туда.

Каролина достала из сумки дневник Клариссы. Это была та самая книга, которую дала ей Мэрипат, поэтому она обращалась с ней осторожно, держа подальше от песка.

1 августа 1769

Сегодня видела семь шхун, один бриг и одну барку. Нашла двадцать две красные морские звезды. После завтрака съела две тянучки. Видела трех орлов, двадцать скоп и больше сотни чаек. Больше тысячи. Больше семи тысяч. Но ни одной подружки! Ни одной девочки, с которой можно было бы поиграть. Только мама и папа, если он не очень устал. Завтра утром пойдем за ракушками.

4 августа 1769

Папа принес четырех гусей. Выстрелы его ружья напугали меня, и я плакала, но нигде не могла найти маму. Ее не было. Я нашла ее, только когда почти стемнело, на южном берегу, где мы обнаружили кита. До этого я была уже везде и только там нашла ее. Мама была такой же печальной, как когда умерла бабуля, и ей надо было ехать в Провиденс на похороны, но сегодня никто не умер. Она сказала, что она не плакала, но я поняла, что она обманывает, и когда я поцеловала ее, то почувствовала вкус слез. Я рассказала ей про гусей и думала, что она обрадуется, потому что мы всегда готовили гуся на Рождество, но она только еще сильнее расплакалась.

— Что это? — спросила Аугуста, заинтересовавшись.

— Старинный дневник, — нехотя ответила Каролина. — Маленькая девочка писала о своей жизни. Вот здесь она пишет о своей матери.

— Она ее любила?

— Очень.

— Это хорошо, — довольно заключила Аугуста.

Каролина подумала, как странно, что Аугуста спросила, любила ли девочка свою мать. Не совсем естественный вопрос для матери.

Почему она так неуверена в себе? И чувствовала ли она это много лет назад, когда ее дочери были маленькими? Каролина принимала это как объяснение всему, что происходило в прошлом, тому факту, что их детство оказалось таким неровным. Охоты, ссоры, расставания и воссоединения Аугусты и Хью. И тогда и сейчас, сердце Каролины ныло за мать.

— Это дневник Клариссы Рэндалл, — сообщила Каролина. — Дочери той женщины, что погибла в этом кораблекрушении.

— Вон там? — переспросила Аугуста, глядя из-под козырька ладони на корабли на горизонте.

— Да.

— Дорогая, как это увлекательно! — воскликнула Аугуста. — Я все время за ними наблюдаю. Кажется, работа у них кипит. Они и днем и ночью чем-то заняты. О, у меня возникла такая идея...

— Какая?

— Тебе нужно послать капитану копию этого дневника! Правда, замечательно будет? И я думаю, ему это окажется очень полезно. Может быть, там есть какой-нибудь шифр, какой-нибудь ключ к пропавшим сокровищам!

— Мам, — сказала Каролина.

— Милая, я серьезно. Капитан обязательно полюбит тебя за это.

Каролине хотелось сказать матери, что капитаном был Джо Коннор. Желание все объяснить, сообщить, что она уже послала ему дневник, что он приехал сюда за сокровищами с «Кембрии» из-за ее письма, написанного много лет назад, было почти нестерпимым. Но Скай оставалась в больнице, а мать ненавидела Конноров. В ее представлении все Конноры были врагами.

— Помнишь сокровище, которое мы нашли? Золотую цепь? — спросила Аугуста, сама меняя тему разговора.

— Да, ту, что папа подарил тебе, — с готовностью поддержала Каролина.

— Ты собираешься в Шотландию? — после долгой паузы, заполненной мыслями о Хью, вновь спросила Аугуста. — Ты, кажется, говорила о какой-то краткой поездке?

— Да, — ответила Каролина, неожиданно испытывая желание действительно улететь сегодня вечером, — но не сейчас.

— Ты срываешься с места так стремительно, — сказала Аугуста, качая головой. — Через раз, когда я звоню Мишель, она объявляет, что ты как раз сейчас в самолете.

— Ну не через раз, — возразила Каролина.

— Это хорошо, дочка. Я имею в виду, что ты не едешь сию минуту. Ты очень нужна Скай. Я старалась поддержать ее там, но я же знаю, что ей нужна ты.

Каролина различила боль в голосе матери. Ей хотелось сказать, что это не так, что она — замечательная мать, что она нужна Скай больше, чем кто-либо другой. Но она знала, что Аугуста ей не поверит, что ложь только сделает ей еще больнее.

— Она любит тебя, мама, — сказала Каролина то, что было правдой.

— Я знаю, милая. Но мне бы так хотелось, чтобы я больше делала раньше. Чтобы я не упустила свой шанс.

Слова повисли в воздухе, напоминая Каролине об ошибках любви. Люди так стараются, но слишком часто упускают самые важные моменты. Она медленно подняла глаза, глядя в морскую даль, туда, где на солнце сверкали белые корабли. Каролина подумала о Скай, которая напилась и хотела встретиться с Джо. Их трагедии были крепко сцеплены между собой, и от этого никуда нельзя было деться.

Даже если улететь сегодня вечером в Шотландию.

— Как это замечательно, спасибо, что приехала искупаться со мной, — поблагодарила Аугуста.

— Это мое лучшее купание за все лето, — ответила Каролина, желая, чтобы она смогла дать матери нечто большее.

— Я устала, — сказала Аугуста, собирая вещи. — Как приятно было посидеть с тобой на пляже. Быть вместе. Больше ничего не имеет значения, Каролина. В самом окончательном итоге, когда уже все сказано и сделано, имеет значение только это — быть вместе.

Аугуста с усилием поднялась на ноги. Ее ступни слегка заскользили по песку, но она удержалась. Потянувшись, чтобы поддержать ее, Каролина ощутила такую волну любви к матери, за ее образ жизни, за все ее страхи, которые она старательно пыталась скрыть, за все то, чего она так никогда и не узнает. Такую нежность ощущала сейчас Каролина к своей матери, к этой стареющей женщине, и ей пришлось закусить губу, чтобы не разреветься.

Гомер, должно быть, увидел приближающихся женщин. Он подждал их, поднявшись на лапы, и радостно залаял, когда они подошли ближе. Стоя на верхней ступеньке лестницы, он выглядел, как истинный хранитель «Светлячкового Холма». Он гавкнул еще и еще раз, полный радости и ожидания.

— Наверное, он проголодался, — сказала Каролина.

— Нет, дорогая, — ответила Аугуста, улыбаясь и прощаясь, на месте ли ее черный жемчуг. — Он просто радуется, что мы возвращаемся домой.

Каролина не сказала ничего, и выражение ее лица не изменилось. Но, шагая вдоль берега, она ощущала странную радость. Скоро появятся светлячки и начнут свои ночные танцы. Там, справа от нее, в море, — «Метеор»; и она совершенно не представляет, чем закончится сегодняшний вечер. Но песок под ее босыми ногами был прохладным, и она с трудом удерживалась, чтобы не взять Аугусту за руку. Ей было тридцать шесть, но она все еще была счастлива, когда слышала, что ее мать разговаривает, как истинная мать.

7 июля 1978

Дорогой Джо!

Я понимаю, что мы все надеемся, что найдем сокровища с «Кембрии», но вчера случилось кое-что еще. Мы с мамой пошли купаться, и я заметила, что в песке сверкает что-то золотое. Как будто светлячок упал на пляж! Я побежала, чтобы подобрать эту вещь, и обнаружила, что это браслет. Не с «Кембрии», а принадлежащий моей собственной семье! Мой папа давным-давно подарил его маме, а она прошлым летом потеряла его. И он прятался в песке всю зиму, тихо-спокойно, как будто ждал, что мы его найдем.

*Не падай духом, Джо, в следующий раз это обязательно
будут золотые монеты, и я пошлю тебе одну.*

С любовью,

Каролина.

15 июля 1978

Дорогая Каролина!

*В песке может тихо-спокойно лежать много чего, не
только браслет твоей мамы. Части того старинного ко-
рабля, вполне возможно, еще в прекрасном состоянии. Но
все равно браслет — это здорово. Мне так хотелось бы
идти по пляжу и найти часы своего отца. Он всегда носил
их, и мне бы хотелось, чтобы они теперь были у меня.*

*Жизнь — странная штука. Если не быть вниматель-
ным, можно начать терять нечто очень важное.*

Так что будь внимательнее, К.

Джо

P.S. У вас там действительно волшебные светлячки.

Глава 8

Тем же вечером, почти в восемь, Каролина сидела в своем автомобиле у пристани в ожидании Джо. Вечер был прохладным и хрустально-прозрачным, на море не было ни ветерка. Солнце только что село, и небо и море у горизонта было темно-красным и пурпурным, дальше темнеющим с оттенками от серебряного до фиолетового и глянцево-черного. Океан был похож на пластину из оникса.

Каролина смотрела за быстро приближавшейся шлюпкой, фонари на которой бледно светились на фоне заката. Она спустилась к пристани, ощущая нервозность. Вечерний холод выстуживал кровь и повышал чувствительность. Отец учил их обращать внимание на свои страхи, полагаться на инстинкты. По позвоночнику пробегали мурашки, но, может быть, дело было всего лишь в вечернем воздухе.

Оставаясь настороже, она вскинула руку в приветственном жесте. Джо привстал, чтобы помочь ей спуститься с причала на палубу, а она протянула ему бутылку вина, которую захватила с собой. На ней были джинсы и мягкий кашемировый свитер, надетый поверх шелковой маечки; сейчас она накинула толстую шерстяную куртку, которую взяла из машины.

— Это правильно, — заметил он, одобрительно кивая. — На воде прохладно.

— Я догадывалась об этом, — сказала Каролина.

— Чудесный ясный вечер, — проговорил он, глядя на небо.

— Такие ясные ночи часто бывают самыми холодными, — отозвалась Каролина, размышляя, будут ли они весь вечер продолжать говорить о погоде. Она попыталась улыбнуться. — Спасибо за приглашение.

— Спасибо, что прислала мне дневник, — ответил Джо, улыбнувшись в ответ.

Он завел мотор. Восемнадцатифутовый ялик сорвался с места так быстро, что Каролина едва удержалась на ногах. Она повисла на поручнях, восстанавливая равновесие, но не собиралась доставлять удовольствие Джо увидеть ее валяющейся на палубе. Она заметила про себя, что он не проявляет особой вежливости в управлении лодкой.

От носа летели брызги, оседавшие у Каролины на лице. Разговаривать было невозможно из-за громкого рычания мотора. Джо стоял у рулевой панели, полностью сосредоточившись на управлении. Она поймала себя на том, что уставилась на его запястья. Он был одет в темно-зеленую шерстяную рубашку с почти совсем вытертым ворсом, рукава были подтянуты вверх. Крепкие мужские запястья покрывали курчавые светлые волосы. На них было смотреть надежнее, чем на его лицо. Оглянувшись, Каролина увидела Берег Светлячков с еще светившимися в отсветах заката золотисто-зелеными лужайками.

Вдали показались несколько более крупных судов. На носу одного из них сверкали яркие огни, рядом с ним из моря била та самая струя воды с песком, которую Каролина видела с Холма Светлячков. На палубе толпились люди. Джо снизил обороты, проговорив что-то в микрофон. Ему ответили, до нее донеслись одни помехи. Джо еще более замедлил ход ялика, так что они не спеша закачались на маленьких волнах, подходя к кораблям.

В двух местах на поверхности моря виднелись красно-белые аквалангистские буйки. Джо заложил широкий вираж, чтобы обойти их. Ялик пришвартовался к корме другого судна, поменьше, чем первое. Они поднялись на борт.

Глазам Каролины открылась впечатляющая сцена. Компрессор пыхтел, как паровоз; из воды на двадцать футов вверх вздымался столб воды и песка. Вдоль палубы стояли аквалангисты в полном облачении. Другие плавали между кораблем и местом, отмеченным буйками, их блестящие черные головы напоминали тюленей. Двое сидели на палубе, мягкими кисточками очищая песок и ракушки с чего-то, напоминавшего бейсбольные мячи.

— Эй, шкипер! — окликнул одного из них Джо. Он махнул Каролине, чтобы она следовала за ним, и подошел к людям. Наклонившись, выслушал, что сказал ему один из них. Потом кивнул, отвечая, протянул руку, взяв какой-то предмет, и протянул его Каролине. Он помещался у Джо в ладони и, судя по всему, пролежал на морском дне долгое время. Всю его поверхность покрывали ракушки и мшисто-зеленые водоросли.

Шар был весом с добрую гантель. От неожиданной тяжести шара Каролина согнулась и едва не выпустила его из руки. Джо рассмеялся, возможно, над тем, что она чуть не отбила себе ногу.

— Пушечное ядро. Мы нашли его сегодня, — проговорила Джо, приблизившись к ее уху.

— О! — Каролина не могла сдержать неожиданно охватившего ее восторга. Она наклонилась над предметами, лежащими на палубе, рассматривая их ближе. Здесь была кучка монет, почти потерявших форму из-за морских обрастаний. Джо поднял одну и положил Каролине в руку. Она ощутила царапанье острых ракушек.

— Они с «Кембрии», — проговорила она. Это не было вопросом.

— Да, — подтвердил Джо.

Она перевернула монетку, изучая ее. Потом протянула обратно Джо, но он накрыл ее руку своей и крепко сжал пальцы.

— Это тебе, — сказал он.

— Спасибо, — ответила Каролина, разглядывая свою расцарапанную ладонь.

Огни прожекторов, освещавших море, были слепяще-яркими. Два судна стояли вплотную друг к другу, соприкасаясь бортами; Джо помог Каролине перебраться через поручни с одного на другое. Второй корабль был в длину футов семьдесят, корпус был стройным и величественным, все в нем, казалось, идеально приспособлено для работы. Все кругом сверкало белым пластиком, сталью и алюминием. Каролина заглянула в рубку, полную блестящих инструментов и приборов. Она показалась ей похожей на логово футуристического океанографа-безумца.

Все вокруг были чем-то заняты, но обратили внимание на них с Джо. Он вел ее от одной группы людей к другой, громко выкрикивая приветствия. Каролина вежливо кивала, пожимая многочисленные мокрые руки. Она заметила, что мужчины глядели на нее оценивающе. Означало ли это, что они сравнивали ее с другими женщинами, которых Джо приводил сюда? Или это было необычно для них и он редко появлялся с женщинами где-либо? Да и какая разница?

Она прошла в рубку, пока Джо собирал команду на палубе. Когда все окружили его, он обратился к ним с несколькими словами, и неожиданно она осознала, что компрессор замолчал. Прожектора погасли. Вся команда, словно гости, разъезжающиеся с вечеринки, начала перебираться с большого судна на маленькое. Кто-то завел мотор, кто-то еще перебрался в ялик и отвязал его от кормы. Потом все замахали руками и судно запыхтело прочь.

— Ну вот, так-то лучше, — заметил Джо. — Теперь мы можем друг друга слышать. Тут и впрямь было слишком шумно. — Он стоял очень близко к Каролине. Она ощутила запах его волос. На губах Джо появилась беззаботная, отчаянная улыбка, темно-синие глаза смотрели пристально.

— Что произошло? — поинтересовалась Каролина.

— Я послал их в твой отель, — ответил он. — Дал им отгул на ночь.

— Серьезно? — подозрительно спросила она. — Значит, я одна посреди моря с Джо Коннором. Ты собираешься выкинуть меня за борт?

— Нет, — ответил он. — Я подумал, что у нас есть несколько лет жизни, которые стоит обсудить, и я не хочу, чтобы вся команда это слушала.

— Ты не должен был делать это ради меня, — сказала Каролина, хотя втайне была счастлива. Ей было очень приятно, что мужчина прекращает всю работу на корабле только для того, чтобы они могли спокойно поговорить друг с другом.

— Стаканчик вина? — предложил Джо, и Каролина заметила, что он держит бутылку, которую она отдала ему. — Или что-нибудь еще?

— Да, вина, пожалуй, — согласилась Каролина. — Было бы неплохо.

Он на короткое время скрылся вниз и тут же появился с пустым бокалом, штопором и стаканом чего-то, похожего на сок, для себя. Они вышли на палубу, на холодный ночной воздух. Его прикосновение было резким. На небе появлялись искорки звезд.

Они облокотились на поручни. Сейчас, когда все уехали, корабль казался пустынным и очень темным. О корпус плескались мелкие волны. Внизу тихо гудел генератор, но этот звук был ненавязчивым, даже успокаивающим. Зеленые огоньки приборов тихо светились в рубке на фоне теплого света латунной лампы. Каролина почувствовала, как по плечам пробежала дрожь.

— Как красиво, — проговорила она.

— Ты всегда любила воду, — сказал он. — Соленую воду.

— До сих пор люблю.

— Я тоже.

— Как здорово, что ты можешь жить здесь. Когда тебе первый раз пришла в голову идея заняться охотой за сокровищами?

— Когда я получил твое письмо о «Кембрии», — ответил он.

Она засмеялась и пригубила вино.

— Нет, честно?

— Абсолютно честно. Но пока я учился в колледже, эта мысль все больше овладевала мною. Я отправился в свое первое морское путешествие в Индийский океан, на маленьком исследовательском судне, изучавшем донные отложения и соленость. Но нам попались остатки какого-то затонувшего корабля, очень древнего, ему оказалось около тысячи лет, и меня это захватило. Нам удалось найти кучу золота.

— Тысяча лет?

— Да. Это было турецкое судно торговца шелком, с трюмами, полными сапфиров и рубинов, золотых медальонов, статуэток, слитков, янтарных ожерелий. И монет, датированных 990 годом нашей эры.

— Потрясающе, — сказала Каролина, представляя себе, что испытал Джо, впервые оказавшись на судне,

нашедшем сокровища. — А ты вообще занимался океанографией в итоге?

— Несколько лет — да. Работал в Скриппсе, в Ладжолле, потом — в Вудс-Хоуле. Но в свободное время читал все, что возможно, о кораблекрушениях. Ну, понимаешь, искал всякие местные легенды, информацию о неудавшихся аквалангистских экспедициях, в общем, все, что только попадалось. Проводил отпуска в наиболее вероятных местах нахождения затонувших судов, составлял карты. Накопил немного денег, предпринял первую настоящую экспедицию и добыл достаточно средств, чтобы хватило на следующую.

— И совсем забросил науку?

Джо покачал головой:

— Нет, что ты. Я и не забрасывал ее никогда. Я занимаюсь именно наукой. Без нее — никуда. Только я не принадлежу к штату какого-либо института.

— И вот ты приплыл сюда, за «Кембрией», — проговорила Каролина, глядя на черную воду.

— Я не мог забыть о ней, — признался он. — Все это время, в каком бы океане я ни был. Я все время думал о «Кембрии», лежащей на морском дне где-то в Новой Англии, и знал, что должен обязательно оказаться здесь.

— Ты все время в это верил?

— Да, — ответил Джо, вглядываясь в воду так, словно видел сквозь нее.

— Это хорошо, что твоя мечта осуществилась, — сказала Каролина, сама удивляясь своим словам. — Хорошо, что это сделал ты, а не кто-нибудь другой. Мне кажется, это правильно... Мне только странно, что до сих пор никто этим не занялся.

— Занимались, — заметил Джо. — Но это непростая задача. Здесь требуется... ну, скажем, некоторая сноровка, чтобы добраться до корабля, не получив увечий.

— Ты хочешь сказать, что ты — большой мастер? — спросила Каролина, смеясь и потягивая вино.

— Не совсем так, — недовольно отозвался Джо. — Но у меня отличная команда и отличный корабль. И у меня есть средства, чтобы сделать все правильно.

— А теперь еще и дневник Клариссы.

— Это сложная штука, — сказал Джо, — читать дневник, потом спускаться на дно, чувствовать связь с теми, кто имел отношение к этому крушению.

— Это волнует тебя? — поинтересовалась Каролина.

Джо немного задумался, глядя на звезды, появляющиеся над горизонтом.

— Да, — наконец ответил он. — Это бывает нелегко. Но я все равно хочу все это знать.

— Почему нелегко?

— Сложно остаться безучастным, как было раньше. Мне доводилось наткаться на человеческие останки, но...

— Что?

— Это были просто скелеты. У них не было имен. А сейчас у меня есть дневник, и поэтому все становится более личным. Не говоря уже о тех параллелях, на которые ты намекала в своей записке.

Каролине хотелось поговорить о них с Джо, но она не знала, как начать этот разговор. В голове путались слова, которые могли бы связать те дни, когда они переписывались, с днем сегодняшним. Но она не могла выбрать из них нужные. Поднимался ветер. Пальцы Каролины, сжимавшие ножку бокала, заоченели, она чувствовала, как холод кусает щеки и лоб. Она задрожала, и Джо заметил это.

— Пойдем внутрь, — сказал он.

— Мне нравится здесь, — возразила она, оглядываясь вокруг. В лицо задувал усиливавшийся ветер, бросая на глаза пряди длинных темных волос. Она отвела их прочь.

— Я всегда представлял тебя именно так, — тихо произнес он, не давая ей додумать до конца мысль. — На свежем воздухе. Полной жизни, вдали от всего, кроме стихий. Как в этих путешествиях по горам.

— Дикая девочка, — проговорила она, смущаясь.

Он рассмеялся и открыл дверь. Они прошли через рубку. Каролина ощущала присутствие мужчины за своей спиной, хотя он не касался ее, пока они шли узким коридором. Она чувствовала только возросшее давление воздуха между ними, и от этого по коже бежали мурашки.

Она спустилась за Джо по узкому трапу; ей показалось, что они очутились на совершенно другом корабле. Все высокотехнологичное сверкание и блеск уступили место старомодной элегантности и уюту. Нижний салон был обшит деревом. Полированное дерево поблескивало в неярком свете бронзовых светильников. Вдоль одной стены стояли шкафы с документами и картами. Над диванами висели картины с изображением кораблей.

Вся мебель была встроенной, приспособленной для жизни на море. Диваны были обтянуты травянисто-зеленой тканью, на них лежали вышитые подушечки. Барометры, указатели ветра, обшивка вокруг иллюминаторов — все блестело начищенной бронзой. В одном углу прятался небольшой камин, выложенный дельфтскими изразцами, в его глубине потрескивал огонь.

— Вот так она выглядела, — сказал он, протягивая ей карандашный рисунок. На нем была изображена красивая баркентина, трехмачтовое судно с квадратными парусами на передней мачте и косыми на основной и задней.

— Это «Кембрия»?

— Ну что-то вроде, — ответил он, кивнув. — «Кембрия» была английским судном, перевозила оружие и золото. Пошла на дно при шторме в 1769 году. На рифе Мунстоун.

— Прямо под нами, — сказала Каролина, представляя себе судно, лежащее в толще песка и ила в нескольких футах под ее ногами. Глядя на рисунок, она могла яснее представить себе корабль. Каждое кораблекрушение скрывало трагедию, но, как сказал Джо, это как-то более касалось их лично.

— Как это печально, — проговорила она. — Такая история любви.

Джо вздохнул и покачал головой.

— Ты про женщину и капитана?

— Да.

— А про ее мужа и ребенка ты не думала? — спросил Джо. — Хотя, конечно, я принял этот дневник чересчур близко к сердцу. Я слишком ясно и отчетливо уловил твой намек о параллелях.

— Ты когда-нибудь видел маяк на Уикландской скале? — поинтересовалась она.

Джо пожал плечами.

— Это очень уединенное место. Туда невозможно добраться без лодки. Наверняка она чувствовала себя там страшно несчастной, — сказала Каролина. — Я не оправдываю ее, но она, видимо, пребывала в полном отчаянии, оттого и решилась на такое.

Каролина смотрела на рисунок, представляя молодую женщину, которая жила на маяке, на скале посередине моря, и влюбилась в капитана этого корабля. Она словно со стороны слышала, как защищает Элизабет Рэндалл, но, может быть, это было только из-за желания поспорить с Джо? Ей самой не нравилось то, что сделала Элизабет. Насколько дурна должна быть жизнь, чтобы женщина смогла сбежать, бросив не только мужа, но и собственную дочь? Каролину раздирали противоречия, и она понимала, что дело тут не только в отношении к старой истории, но и в давней обиде на Джо, за то обвинение, что он несправедливо возложил на нее.

— Когда родители в первую очередь думали о детях? — спросил Джо. — Если они были увлечены собственными планами? Мне кажется, нам с тобой это известно лучше, чем кому-либо другому.

— Джо, — начала она, поднимая глаза. Но он уже куда-то исчез. Она слышала, как он делает что-то на камбузе. Каролина постаралась успокоить дыхание, взять эмоции под контроль. Она начала разглядывать библиотеку, чтобы успокоиться.

Джо появился снова, неся металлическое блюдо. Он поставил его на столик, сервированный на двоих. Снова наполнил бокал Каролины и долил себе сока. Сдвинув кукую-то панель в стене, он нажал несколько кнопок, и салон наполнился звуками Моцарта из колонок, расставленных в четырех углах. Настолько качественного звука она не слышала, пожалуй, еще никогда. Джо поворошил дрова в камине.

— Потрясающе, — сказала она, беря себя в руки и стараясь быть учливой. — Просто не верится, что я на корабле. Настоящий камин!

— Здесь бывает нежарко, — ответил он. — Даже летом. А побывала бы ты в море в ноябре! Но поздняя осень

в северном море — развлечение не для меня и моих ребят. Хотя ты сама — арктический тип.

— Арктический?

— А где были те горы, куда вы ездили на охоту? По-моему, где-то в Канаде?

— В Нью-Гемпшире, — поправила она. — Я бы не сказала, что это рядом с Полярным кругом.

Квадратный столик располагался в углу. Каролина усеелась с одной стороны диванчика, Джо — с другой. Она еще продолжала слегка дрожать после произошедшего разговора. Их колени слегка касались друг друга; Джо положил на обе тарелки баранину, тушенную с овощами. Помимо этого, были поданы покрытые аппетитной корочкой французские булочки, зеленый салат, заправленный соусом, и сырная закуска.

— Отменная кухня, — стесняясь, заметила Каролина. — Неужели ты сам готовишь?

— Хотелось бы ответить «да», но не стану врать — это не я, а наш повар.

— Вот бы украсть его для «Ренвик-Инн», — пошутила Каролина.

Джо рассмеялся:

— Он ни за что не согласится. Он из Сент-Круа и ждет не дождется, когда мы вернемся обратно на юг. Для него новоанглийское лето — жестоко и непривычно.

— Сент-Круа, — проговорила Каролина. — Я была там прошлой зимой, посещала некоторые отели. Там есть замечательное место на мысу, перестроенная сахарная фабрика. Все увито бугенвиллеей, и пляж с темным песком. Мне там очень понравилось.

— Значит, ты все-таки иногда выбираешься на юг, — без всякого выражения заметил Джо. — А не только на север.

— Нет, жизнь существует и за пределами Полярного круга, — негромко ответила Каролина. — Я не так холодна, как тебе кажется.

Джо улыбнулся. Заметив, что ее стакан снова опустел, он налил ей еще вина.

— Ты не любишь такое? — поинтересовалась Каролина, кивая на бутылку «Мерло».

— Я не пью, — ответил он.

— Вообще? — спросила она, думая о Скай.

— Теперь — вообще. Когда-то я слишком пристрастился к этому. Нет, я не влипал в неприятности всякий раз, когда напивался. Но всякий раз, когда я влипал в неприятности, я бывал пьян. Связь была слишком очевидна. А неприятностей у меня хватало.

— Правда? — спросила Каролина, поглаживая пальцами ножку бокала, представляя Скай, попавшую в аварию, с бутылкой под рукой, и зная, что очень многое из самого плохого, что выпало на долю их семьи, было связано с выпивкой.

— Правда, — ответил он. — Вначале пить было весело, но веселье продолжалось недолго. Я пил и пил все больше и больше. Я ощущал пустоту внутри, и ответом всегда было слово «еще».

— О! — произнесла Каролина. Пустота: это было ей прекрасно известно. Иногда и она ощущала внутри такую бездонную печаль, горе, жажду и одиночество, что пыталась заполнить ее чем угодно — вином, путешествиями, бизнесом, заботой о сестрах.

— В общем, в какой-то момент это дошло до состояния, когда один стакан — уже было слишком много, а сотня — слишком мало. Вот я и остановился.

— Я очень беспокоюсь об одном человеке, — сказала Каролина, — который слишком много пьет.

— Это печально, — отозвался Джо.

Каролине хотелось рассказать ему про Скай, но она удержалась, ощущая себя настороже.

Они закончили есть, обсуждая безопасные темы вроде студенческих выходов, кинофильмов, виденных недавно, и мест, где они проводили последнее Рождество — Каролина в отеле и в «Светлячковом Холме» с родными, Джо — со своей командой на Серебряном Берегу в Вест-Индии.

Каролина отхлебнула еще вина, но оно уже не показалось ей таким вкусным, как раньше. Она подняла глаза и обнаружила, что Джо наблюдает за ней. Она попыталась изобразить улыбку. Но ей казалось, что вокруг стола кружится рой призраков из их общего прошлого, словно только ожидая малейшего знака, чтобы воплотиться.

Они переместились ближе к камину, и Джо принес кофе. Он был крепким, черным, обжигающим. Наверху поднимался ветер, и Каролина чувствовала, как сильнее стало раскачиваться судно. Джо поворошил угли и прикрыл камин стеклянной заслонкой. Потом поднялся и пошел наверх проверить якорный канат. Когда он вернулся и сел на место, Каролина спросила:

— Ты все время проводишь на море? Или у тебя все-таки есть где-то дом?

— Можно сказать и так и так, — ответил он. — У меня есть квартира в Майами, но я провожу в море не меньше девяти месяцев в году.

— Майами далековато от Ньюпорта, где ты жил когда-то, — сказала Каролина, глядя в его темно-синие глаза. Она заметила, что он переводит взгляд то на нее, то в сторону, словно испытывая неловкость.

— Дом был не... — Он запнулся, подыскивая подходящее слово. — Ну, в общем, мне хотелось уехать оттуда. На самом деле я был даже несколько удивлен, что ты осталась жить так близко к родовому гнезду. Смогла оставить в прошлом все, что связано с твоим отцом и этими охотничьими приключениями... — Он приподнял брови, давая понять, что на этот раз не собирается уклоняться от темы.

— Ты помнишь об охотах, — произнесла Каролина.

— А ты думала — нет? Ты писала мне об этом два раза в год. Он оставлял вас в лесу с консервами и перочинным ножиком и рассчитывал, что вы сами сможете позаботиться о себе.

— Он хотел, чтобы мы научились самостоятельно постоять за себя, — ответила Каролина, поймав себя на мысли, что хочет защитить отца. Она попыталась вспомнить, о чем писала когда-то в письмах к Джо; в памяти всплыло, что по крайней мере одно из них было полностью отчаянным, откровенно подробным и наполненным всеми ужасами, которые ей пришлось испытать во время этих поездок. Но сейчас, спустя все эти годы, она смотрела на все иначе. Сейчас ей хотелось, чтобы она никогда не рассказывала ему об этом. В конце концов, их отец делал все это из-за того, что вначале сделал его отец.

— Ты была просто вне себя, — ровно проговорил Джо, — в первый раз, когда с вами поехала Скай. Она была не готова к этому, говорила ты. Она была так напугана, она не хотела стрелять из ружья. Это она пьет?

— Почему ты спрашиваешь? — спросила Каролина с отчаянно бьющимся сердцем.

— Потому что она разбилась на машине.

Каролина отхлебнула кофе, но он уже остыл. Она поставила чашку на столик, пристально глядя в глаза Джо.

— Зачем ты пригласил меня? — холодно спросила она.

— Хотел сказать тебе спасибо, — ответил он. — За дневник, за то, что именно ты первая рассказала мне о «Кембрии». Ты помогла мне найти ее...

— Но зачем ты пригласил меня сюда, на «Метеор»? — продолжала настаивать Каролина. Ее сердце стучало, как молот. Во рту пересохло. Она сидела рядом с Джо Коннором после стольких лет отчуждения и не знала, что делать.

— Чтобы поговорить с тобой, — продолжал Джо спокойным, низким голосом, — о том вечере.

— Вечере, когда умер твой отец, — произнесла Каролина.

— Когда мне позвонила твоя сестра — оставила мне то сообщение, — я подумал, что, может быть, она хочет что-то рассказать мне о случившемся. Что-то, чего я не знаю.

— Она почувствовала связь между нами и тобой, — сказала Каролина. — Мы все это ощущаем.

— Потому что вы были там.

— Я мало что помню. — Даже спустя все это время Каролина не хотела говорить с ним об этом.

— Расскажи, — попросил Джо.

— Обязательно, — согласилась Каролина, стараясь, чтобы ее голос прозвучал как можно мягче, — но вначале ты должен мне кое-что объяснить.

— Что именно?

— Отчего ты возненавидел меня?

Джо не стал возражать. Глядя на нее, он спокойно заговорил:

— До того как мне исполнилось семнадцать, я был уверен, что мой отец скончался от сердечного приступа. Я знал, что отец умер у вас дома, но я считал его другом Хью Ренвика

и думал, что он пришел навестить его. Мне было приятно думать, что он умер среди друзей. Это успокаивало меня.

— Джо, я тоже была ребенком. Точно так же, как и ты. Для меня слишком большой ответственностью было рассказать тебе всю правду.

— Тогда скажи мне ее сейчас, — проговорил Джо, заглядывая в глаза Каролине. — Пожалуйста.

Каролина могла за одно мгновение собрать воедино все, что помнила о том вечере. Она прикрыла глаза и словно наяву увидела кухню родительского дома, почувствовала запах пекущихся пирожных. Перед ее глазами всплыли глаза Джеймса Коннора.

— Твой отец был очень грустный, — начала Каролина. — Это запомнилось мне лучше всего. Он вел себя как безумный, но это было из-за того, что он слишком сильно любил твою мать.

— Он так сказал?

Каролина кивнула. Вопрос Джо снова возвратил ее в прошлое. Она увидела пистолет в трясущейся руке мужчины, белые следы муки на выпирающем животе матери, ужас в глазах Кли.

— Он плакал, — продолжала Каролина. — Я раньше никогда не видела, как плачут взрослые. Он сказал моей маме, что отец не любит ее больше. Потому что любит твою мать. Он был вне себя.

— И потом он застрелился?

— Он собирался убить нас, — произнесла Каролина и по выражению глаз Джо поняла, что эта часть истории ему неизвестна. Он выглядел совершенно ошарашенным.

— Тебя и твою мать?

— Да, и еще Кли и Скай. Хотя Скай тогда даже не родилась. Она появилась на свет через два дня, в самое Рождество, поэтому я и думаю о ней так, словно она уже была с нами.

— Но почему?

Каролина посмотрела на Джо. Его синие глаза были затуманены мрачными предчувствиями, губы сжаты. Он боится услышать ответ, подумала Каролина. Неожиданно она вспомнила улыбающегося шестилетнего мальчугана с фотографии, дрожащей в руке Джеймса Коннора.

— Потому что мой отец украл то, что любил твой, — ровным голосом проговорила она. — Я полагаю, он думал, что, убив нас, лишит нашего отца того, что любил он.

— Его жену и дочерей. Мой отец собирался убить вас.

— Но он не сделал этого, Джо, — сказала Каролина. — Твой отец не смог этого сделать.

Джо закрыл глаза.

— Я всегда вспоминала о нем как о хорошем человеке, — добавила Каролина, засовывая руку в карман. Ее пальцы дрожали, когда она протянула Джо его собственную фотографию, заляпанную кровью отца.

Джо взял карточку и долго смотрел на нее. Потом посмотрел на Каролину, в его блестящих от слез глазах была ярость. Он вытер их.

— Какого черта, — произнес он.

— Он любил тебя, — сказала Каролина, почувствовав, что испытывает Джо из-за того, что она видит его почти плачущим. Мужчина смотрел куда-то поверх ее головы, пытаясь взять себя в руки. Потом закрыл глаза, темные ресницы легли на обветренные щеки.

— Это правда, — произнесла она, видя, что Джо молчит.

Его губы лишь скривились в ответ. Море волновалось все больше. На палубе хлопал какой-то непривязанный канат, бился, как живой зверь, и этот звук заставил Джо открыть глаза. На ветру металл звенел о металл. Ясные синие глаза Джо снова остановились на фотографии.

— Мне очень нравится этот снимок, — заметила Каролина. — Однако я пойму, если ты захочешь оставить его себе. Он принадлежал твоему отцу, но очень много значил для меня.

— Мой снимок? — жестче, чем раньше, переспросил Джо. — Почему?

— Это мой старый друг, — ответила Каролина. — Джо Коннор.

— Но я же положил конец этой дружбе.

— Я не могла в это поверить, когда ты попросил меня не писать тебе больше. Я не знала, что ты думал, что наши отцы дружили. Я предполагала, что ты все знаешь, и считала, что это не мое дело — рассказывать тебе подробности.

— Это и не было твоим делом, — сказал Джо. — Я долго думал о прошлом, но я ошибался. Мы были детьми.

Каролина опустила глаза, пытаясь успокоиться и заставить свои руки не дрожать. Простил ли он ее за ту боль, что она причинила ему ненамеренно? Почему у нее создавалось впечатление, что Джо нелегко изменить свое отношение к ней, нелегко даже сейчас, после их объяснения? Его губы были плотно сжаты, глаза смотрели отстраненно и жестко. Складывалось ощущение, что мужчина получил то, что хотел. И теперь мечтает только о том, чтобы она исчезла. Когда она вновь подняла глаза, то увидела, что он смотрит на фотографию.

— Наверняка это было ужасно, — проговорила Каролина, — для твоей семьи.

Джо опустил подбородок на руки и продолжал смотреть на фото, трогая пальцем брызги крови.

— Да? — спросила Каролина. — То, что произошло...

— Ничего особенного, — ответил Джо. — Через несколько лет мать снова вышла замуж. У них родился сын, и у нее появился шанс во второй раз сделать все, как надо.

— Сэм, — проговорила она.

Для Каролины сестры были Божьим даром, большим подарком судьбы. Она не могла представить себе жизни без Кли и Скай. Возможно, Джо испытывал к брату те же чувства, потому что его взгляд смягчился и губы расслабились. Он подтолкнул фотографию через стол к Каролине, как будто для него все с ней было покончено. Возможно, он не собирался ронять ее, но фотография соскользнула со столика на пол.

— Угу, — сказал Джо в ответ на замечание Каролины. — Он — настоящая заноза в заднице, но все равно чудный пацан. Океанограф с ног до головы, пошел по моим стопам. Двадцать семь лет от роду и семи пядей во лбу.

— Такое впечатление, что он действительно берет пример с тебя, — улынулась Каролина.

Джо пожал плечами. Его улыбка погасла, он внимательно посмотрел в глаза Каролине.

— Я обвинял во всем случившемся твоего отца, — проговорил он.

— А я — твою мать.

— Он не должен был давать вам в руки оружие. Особенно после того, что случилось с моим отцом. Прямо на ваших глазах.

Джо вздохнул и покачал головой.

Каролина задумалась, что бы он чувствовал, если бы знал всю историю. Она не собиралась рассказывать о ней и не была уверена, что Скай снова захочет позвонить ему. Вспоминая случившееся в Редхоке, Каролина прикрыла глаза.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — начала она напряженным голосом, но остановилась, заметив, что Джо продолжает качать головой.

— Нет, ты не понимаешь, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Мой отец застрелился, — сказал Джо. — Это чертовски тяжело — узнать, что твоему отцу было настолько хреново, что он предпочел вышибить себе мозги, чем возвращаться домой.

— Я понимаю, — повторила она. Ее сердце билось учащенно, руки тряслись. Волнение на море усилилось, корабль ходил ходуном.

— Нет, Каролина, — проговорил Джо, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. Она понимала, что этому мужчине кажется, что он — один на целом свете и его боль не может сравниться ни с чьей, что Каролина во всей этой истории — не больше чем свидетель. — Прости, но тебе этого действительно не понять.

— Я была там, Джо! — воскликнула Каролина, слова раздирали ей горло. Почему он не может понять, каково это было ей, почему не способен поверить, что ее это настолько глубоко коснулось... — Я была там с ним! Это одно из первых моих воспоминаний, образ твоего умирающего отца! Джо, меня это все слишком сильно касается. Все, что имеет отношение к твоему отцу и к тебе. — Налетел шквалистый ветер. Растревоженные волны все громче ударялись о борт корабля; сердце Каролины готово было разорваться в этом бунтующем океане переполняющих ее эмоций. — Мы были почти ровесниками — ты и я, и все, о чем я могла думать тогда, — это то, что отец этого

маленького мальчика умер. — Она резко замолчала, пытаясь взять себя в руки.

Джо смотрел на нее, не произнося ни слова и не пытаясь придвинуться ближе.

— Наши родители были слишком злы на него и хотели, чтобы мы относились к этому так же. Моего папу приводила в бешенство мысль о том, что Коннор нам угрожал. Вот поэтому он и дал нам оружие в руки, именно из-за того, что произошло.

— И поэтому он стал брать вас на охоту?

Каролина продолжала, как будто не слышала вопроса Джо:

— Мои родители ненавидели твоего отца и хотели, чтобы я и сестры испытывали то же самое. А мы не могли. Ты не представляешь, как они были рассержены из-за того, что я хотела переписываться с тобой. Но я должна была это сделать.

— Почему? — спросил он.

— Чтобы утешить тебя.

— Тебе было всего лишь пять лет, — сказал Джо. — Почему ты считала, что это твоя обязанность — меня утешать?

— Это была не обязанность. Я не могла не думать о тебе, — ответила она.

Каролина чувствовала, как корабль все сильнее подпрыгивает на волнах. Она вдруг подумала о том, что ощущаешь при землетрясении, когда под ногами ходит ходун-земля. И тут она ощутила, что руки Джо обнимают ее. Вначале прикосновение было неуклюжим. Мужчина приподнял ее вверх, поднимаясь на ноги. Она не могла видеть его лица, но пальцы Джо нежно прикоснулись к ее шее. Он провел ими по волосам, и она словно со стороны услышала, что он стонет сквозь слезы.

Теплые губы легонько коснулись ее щеки, и она наконец подняла лицо, чтобы ответить на поцелуй. Его лицо покрывала двухдневная щетина, он крепко прижал ее к себе. Поцелуй был яростным и грубым, и Каролина чувствовала себя так, словно оказалась на палубе в сильный шторм. Мужские пальцы, слегка вздрагивая, блуждали по ее телу, он шептал ее имя, и она вся содрогалась от возбуждения.

Напуганная собственными эмоциями, Каролина наконец попыталась отстраниться. Глаза Джо потемнели, их заполнила сильная ярость, и он не собирался отпускать женщину. Он казался ошеломленным, как будто сам не мог поверить в то, что только что целовал ее. Схватив Каролину за руки, он удерживал ее на месте. Его губы вновь скользнули по ее щеке уже более уверенно, и он прошептал что-то, но она не расслышала. Когда Джо отстранился, его глаза стали почти нежными. Но это продолжалось не более секунды. Он разжал руки.

— Мне, наверное, пора, — дрожащим голосом проговорила она.

Каролина чувствовала болезненную смесь безумного страдания и желания, возбуждения и облегчения. Но сейчас дышать ей стало легче. Не взглянув на Джо, она наклонилась, чтобы поднять с пола фотографию. Смахнула с нее пыль и убрала обратно в карман. Если он и видел это, то все равно ничего не сказал.

Они поднялись на палубу, чтобы остыть на ветру. Из Канады пришел циклон, вздымавший волны на поверхности открытого океана. Каролина плотнее запахнула куртку. Палуба раскачивалась. Ветер вспенивал на волнах барашки; Каролина могла разглядеть их при свете звезд. Ей хотелось плакать, она сама не знала почему.

Под ними, среди камней рифа, лежало старинное судно. Волнение на море усиливалось. Если они еще замешкаются, плыть на шлюпке будет опасно. Каролина перебралась через ограждение, внутренне трепеща и ощущая тревогу. Черный океан шумел и пенился. Ее охватил первобытный страх. Каролина хорошо плавала, но ей показалось, что если она сейчас упадет в воду, то исчезнет в тот же миг. Теснее прижавшись к Джо, который взялся за руль, она ощущала через толстую ткань курток, как соприкасаются их руки.

Джо управлял лодкой уже не так отчаянно, как по пути на корабль, словно ему удалось избавиться от каких-то демонов. Или, возможно, старался править лодкой аккуратнее при сильном волнении на море. Пальцы Каролины нащупали монетку, которую он дал ей сегодня. Сжимая ее в руке, она думала о ней как о талисмане, что отведет от них

опасность по дороге к берегу. Сквозь воду проносились какие-то морские существа, вспыхивающие неоновыми огнями, и Каролина содрогнулась от неожиданности. Рыба оставила в воде фосфоресцирующий след.

Когда они вышли на берег, Джо остановился напротив нее, не зная, что сказать. У Каролины возникло ощущение, что он хочет извиниться за поцелуй. Чтобы снять с Джо этот груз, она заговорила сама, хотя голос ее дрожал:

— Спасибо за ужин.

— Спасибо за то, что приехала.

— Ты уверен, что сможешь добраться обратно до «Метеора»? — спросила она, глядя на пенящиеся волны и маленькую шляпку, подпрыгивающую у причала.

— Да, смогу, — ответил он.

Почему она вдруг почувствовала себя разочарованной? С их поцелуя начало что-то происходить. У нее в груди разрастался жар, и она поняла, что хочет, чтобы Джо снова обнял ее. Каролина вздрогнула, ведь желание было настолько неожиданным, сильным и незнакомым.

Волны бились о причал, она ощущала холодные брызги на лице. Эти иголки охлаждали и успокаивали, Каролина почувствовала, как ветер и море уносят прочь все то, что она вдруг ощутила к Джо.

Поэт сказал, что храмы никогда не строят у моря, потому что оно слишком прекрасно и может отвлекать людей от молитвы. Каролина была с ним согласна. Большую часть своих поездок она совершала к берегам других океанов и ощущала, что скоро ей необходимо будет предпринять новое путешествие. Ей надо убежать от всего этого.

Взглянув на Джо, она заметила, что он как будто собирается заговорить. Мужчина шагнул к ней, но почему-то остановился.

По дороге приближалась машина. Сквозь ветер им был слышен звук мотора, и они обернулись как раз в тот момент, когда на стоянку въехало желтое такси. На заднем сиденье был один пассажир. Он расплатился с шофером и вышел, стаскивая с багажника матерчатую спортивную сумку и огромный рюкзак.

Такси уехало прочь, и на пристани остался человек, силуэт которого вырисовывался на фоне стены конторы.

— Какая приятная встреча! — прокричал он. Голос его был возбужденным и шутливым.

— Черт возьми, — пробормотал Джо.

Он засунул руки в карманы джинсов, выпрямился и расправил плечи. На губах промелькнула едва заметная улыбка, но он изо всех сил старался прогнать выражение радости из глаз.

Приехавший оказался молодым мужчиной. Он походил на студента. На нем была бейсболка, надетая козырьком назад. Юноша был худощав, на носу сидели очки в тонкой оправе. Он направился к ним с немного смущенной улыбкой на лице. Когда тот снял кепку, Каролина заметила коротко постриженные светлые волосы, немного темнее, чем у Джо.

— Откуда ты узнал, что я приезжаю сегодня? — спросил он, бросая на землю багаж и заключая Джо в объятия. — Я так хотел сделать тебе сюрприз! А ты стоишь тут и меня поджидаешь! Проклятие!

— Я не знал, — ответил Джо. Каролина начала улыбаться, глядя, как он не пытается отстраниться и улизнуть от объятий. Она не могла ни с чем перепутать представленную ее взору картину встречи братьев.

— Привет, — наконец сказал вновь прибывший, отступая от Джо и заметив Каролину. У него была замечательная открытая улыбка, и она неожиданно осознала, что именно так должен был выглядеть Джо, если бы был полностью счастлив.

— Каролина, это мой брат, Сэм Тревор. Сэм, это Каролина Ренвик.

Они пожали друг другу руки. Каролине только показалось, или Сэм действительно встрепнулся, услышав ее фамилию? Сегодня вечером она имела возможность убедиться, какой злой силой обладает эта фамилия для его старшего брата, и могла представить, что на младшего она будет производить такое же впечатление.

— Рада познакомиться, — произнесла Каролина.

— Я тоже, — отозвался Сэм, продолжая радостно улыбаться. — Вы собираетесь на судно?

— На самом деле я направляюсь домой, — ответила Каролина.

— Да, она как раз уезжает, — подтвердил Джо с ненамеренной резкостью. А может быть, он специально хотел произнести это именно так, грубо и категорично.

— Старый брюзга, — рассмеялся Сэм. — Он пытался точно так же вести себя со мной, но я больше не обращаю на него внимание.

— Я не имел в виду... — пробормотал Джо, глядя на Каролину с извиняющимся выражением.

Каролина улынулась. Она не знала, какого Джо нужно считать истинным — грубого или кающегося. Как бы то ни было, Каролина поняла намек. Она попрощалась с братьями, забралась в свою машину и отъехала со стоянки.

Только когда она выехала на главную дорогу, она заметила на востоке вспышку света. Вспышка была яркой и внезапной, совсем близко к горизонту. За ней последовала еще одна, выше на небосводе.

Падающие звезды, подумала Каролина. Это была ночь метеоритного дождя Персеид, но на протяжении всего вечера она была слишком занята Джо Коннором, их прошлым и настоящим, — и их поцелуем, — чтобы смотреть на небо и считать метеориты.

Каролина Ренвик медленно вела автомобиль к своему отелю, сжимая в руке шершавую от ракушек монетку — подарок Джо Коннора.

5 августа 1978

Дорогой Джо!

Прошлой ночью ты мне приснился. Это был очень странный сон — как будто я стою на скале посреди пролива, а кругом бесятся волны. Меня уже почти смыло, но тут я услышала твою лодку. Ты плыл, чтобы спасти меня. Я слышала плеск твоих весел, и мое сердце колотилось как сумасшедшее, я гумала, что утону. Но я знала, что ты успеешь. И ты успел. Ты во сне выглядел точно, как ты. Но на самом деле я даже не знаю, узнаю ли тебя, если увижу. Но мне все-таки кажется, что да, просто из-за твоих писем. Ох, как же здорово, что я запомнила этот сон!

С благодарностью за все,

К.

14 августа 1978

Милая К.,

ты думаешь, что если бы я знал, что ты тонешь, я поплыл бы к тебе на веслах? Я бы примчался на самом быстром катере, который только смог бы найти.

С любовью,

Джо.

P.S. Я тоже об этом думал. О том, что здорово было бы увидеть тебя наяву.

Глава 9

Скай в больнице хотелось знать обо всем. Если не обращать внимания на запах лекарств, снующих мимо медсестер и Скай в пижаме в середине дня, Каролина вполне могла вообразить, что они — просто сестры, встретившиеся за чашечкой кофе. Правда, вместо кофе был чуть теплый чай в бумажных стаканчиках. А лицо ее сестры было покрыто синяками всех оттенков желтизны и бледнеющего синего.

— И какой он? — поинтересовалась Скай.

— У него поразительное судно, — ответила Каролина. — Настоящая плавучая лаборатория, сплошные высокие технологии, ты себе не представляешь. Они проводят анализ отложений и всяких предметов непосредственно там, в море...

— Я не про корабль, — прервала ее Скай. — Мне интересно про него самого.

— Он очень закрытый, — проговорила Каролина, заливаясь краской при воспоминании об объятиях и поцелуе Джо. — Очень... ну ладно, это совершенно неинтересно. Как ты себя чувствуешь?

— Почему ты не даешь мне интересоваться твоими делами?

— О чем ты говоришь? — не поняла Каролина.

— Я хочу узнать про то, что происходит с тобой, а ты все время переводишь разговор на меня.

— Я тебе уже все сказала...

— Почти ничего, только чтобы отделаться от меня. Ты вечно так. Даже, может быть, сама этого не замечаешь. — Скай вздохнула. — Он хоть понимает, что влюблен в тебя?

— Скай, — произнесла Каролина, качая головой.

— Конечно, влюблен. Ты что, сомневаешься? Зачем же он тогда приехал в Блэк-Холл? Только не рассказывай мне про этот затонувший корабль. В мире кучи затонувших сокровищ. Он приехал из-за тебя. Он все эти годы не мог выкинуть тебя из головы и теперь приплыл, чтобы забрать тебя с собой.

— Это ерунда, — возразила Каролина.

— Он тебя любит, — упрямо повторила Скай, глядя в окно.

— Нельзя все объяснять одной любовью, — не уступала Каролина, нервничая из-за подозрений Скай. — Как бы тебе этого ни хотелось.

— Он оказался похож на то, чего ты ожидала? — спросила Скай. — Столько времени прошло, наверняка ты представляла, каким он стал.

— Не знаю, — задумалась Каролина, мысленно сравнивая памятный образ мальчика с чубчиком с серьезным синеглазым мужчиной. Самое странное было то, что они действительно были во многом похожи, только мужчина утратил открытую, радостную детскую улыбку.

— Наверное, это как мечта, вдруг ставшая реальностью, — заметила Скай. — Увидеть спустя столько лет человека, который много значил для тебя... Очевидно, ты должна чувствовать...

— Что я, по-твоему, должна чувствовать, Скай? — поспешно перебила Каролина, испуганная переменой в голосе сестры.

Скай сидела опустив голову, но, когда заговорила, Каролина догадалась, что она еле сдерживает слезы.

— Наверное, это так же, как если бы Эндрю Локвуд вдруг оказался жив.

Воцарилась тишина. А что, если бы это действительно могло быть правдой? Каролина прекрасно помнила его, этого второго юношу из их трагического прошлого. Глаза у него были не синими, а карими, и жил он не на море, а в горах. Она обняла Скай за плечи.

— А Гомер вернулся? Мама утром сказала, что он опять пропадал где-то всю ночь.

— Вернулся.

— Каролина, как ты думаешь, куда он убегает?

— Понятия не имею, — отозвалась она.

— Саймон рассказал мне, что ты пустила его пожить в отеле. Спасибо тебе.

— Не надо, — отмахнулась Каролина, отпивая чай.

— Джо что-нибудь спрашивал обо мне? Спрашивал, зачем я ему звонила?

— Да.

Скай покачала головой. Она была и так бледной, но сейчас, казалось, побледнела еще больше. Каролина прекрасно знала свою сестру, и видела, что ей не по себе, что ей стыдно за тот пьяный звонок. Ее первым желанием было успокоить Скай, но она почему-то сдержалась.

— Полное дерьмо, — проговорила Скай. — Что тут еще скажешь?

— И что ты теперь собираешься делать? — спросила Каролина.

Скай выдвинула ящик тумбочки и достала серую брошюрку под названием «Сорок вопросов». Пролистав их, Каролина поняла, что это тест для определения, является ли человек алкоголиком.

— Это нечестно, — сказала Скай.

— Что?

— Когда я это читаю, я действительно чувствую себя алкоголичкой.

Каролина ничего не ответила. Из коридора слышалось объявление по громкой связи, что доктора Диксона вызывают в приемный покой. Кто-то в соседней палате громко включил телевизор. Воздух наполнили шумные и преувеличенно жизнерадостные голоса и смех какого-то телешоу.

— Папа хотел, чтобы мы научились наслаждаться жизнью, — проговорила Скай. — Каролина, ты когда-нибудь испытывала это по-настоящему?

— Да, — ответила она, вспоминая лунные ночи и крики птиц в темных деревьях. Она вспоминала пыльные тропинки и заросшие кустарником речные берега, шорохи каких-то невидимых существ в лесу, всплески адреналина в крови.

— Это было невозможно, — произнесла Скай. — Я это ненавидела, жутко боялась, но тем не менее привыкла.

— К чему?

— К этой волне эмоций. К чувству истинной жизни. Хотя для нас это все-таки слишком.

Каролина подумала о поцелуе Джо.

— Может, и нет, — заметила она.

— Мне кажется, я должна рано умереть, — прошептала Скай.

— Лучше перестань пить.

— Тебе легко говорить. А на самом деле это очень сложно.

— Я и не считаю, что это легко.

— И я даже не знаю, хочу ли я этого.

— Тебе решать, — отозвалась Каролина мягким тоном, но испытывая совершенно противоположные эмоции.

Скай промолчала. Она смотрела на брошюрку с сорока вопросами, нахмурившись так, словно хотела взглядом заставить ее испариться.

Мишель предупредила Кли: будь начеку.

Каролина была в мрачном настроении. Она отказалась брать лосось у торговца рыбой, сказала Мишель, что ромашки на столиках в баре отвратительны, и потребовала группу молодых веселых художников из Монреаля вести себя потише, хотя они производили шуму не больше, чем любая группа молодых весельчаков за последние сто лет.

Кли заехала в отель с полным чемоданом старых тряпок, чтобы посоветоваться с Каролиной, что им с Питером стоит надеть на карнавал. Она уже почти решила уехать и вернуться попозже, но подумала, что игнорирование проблем никогда не приводило ни к чему хорошему в семействе Ренвик, и направилась в офис Каролины.

— Раз уж в этом году карнавал посвящен живописи, — сказала она, — я полагаю, нам нужно выбрать что-нибудь из папиных картин. Ты согласна?

— Я была бы счастлива, если бы все папины картины сгорели в пекле, — заметила Каролина, яростно стуча по клавишам калькулятора.

— В папе было много разного, но он писал прекрасные картины, — ответила Кли, отступая на шаг и придав голосу

выражение, с каким профессионалы спецподразделений разговаривают с террористами, захватившими заложников.

— Я сегодня была у Скай, — сообщила Каролина.

— И как она?

— Обдумывает варианты. Что лучше — умереть молодой или бросить пить.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Умереть молодой очень романтично, правда? Как истинная художница, допить до смерти. Жаль только, что это не очень эстетично. И превращает людей в полных уродов.

— Как папу.

— Мы не должны были замечать, что он спивается, — произнесла Каролина. — Или должны были прощать ему это, потому что он был Хью Ренвиком.

— К чему ты это говоришь?

— Ему было позволено такое, что не было позволено никому. У него были Большие Проблемы. Жизнь была мрачной, трагичной и жестокой, и крутом таилось Зло. Понимаешь? А он видел все это слишком ясно, потому что был великим художником. Он не мог не видеть.

— Что с тобой случилось? — спросила Кли, пораженная горячностью сестры, гневом, вспыхнувшим в ее серых глазах.

— В нашей семье ложь всегда считалась правдой, ты никогда не обращала внимания?

— Например?

— Например, история о том, что отец пил из-за того, что Скай застрелила человека. Он был так раздавлен виной за то, что возил ее на охоту, что ему ничего не оставалось, кроме как запереться у себя в студии или у меня в баре с бутылкой виски. Предположительно из-за того, что он так сильно нас любил. Потому что хотел нас защитить, а вместо этого поломал нам жизнь. Но это же кошмарная ложь!

— Почему?

— Потому что, если бы он нас действительно любил, он остался бы с нами. А так он присутствовал здесь, но на самом деле его не было.

— Он потерял надежду, — тихо отозвалась Кли.

— Почему? — не успокаивалась Каролина. — Мы же продолжали его любить. Не знаю, как вы, но я до сих пор тоскую по нему. Сейчас даже больше, чем тогда, если это возможно.

— Я понимаю.

Каролина крепко зажмурилась. Смахнув слезы кончиком пальца, она, казалось, с трудом сдерживала в груди рыдания. Кли молча смотрела на сестру; знала, что та никогда не позволит себе полностью дать волю чувствам. Они действительно никогда не могли понять, как вышло так, что их отец решил вычеркнуть себя из жизни. Он был здесь, физически всегда поблизости, но на самом деле — за миллион миль от них, потерявшись в алкогольных парах.

— Он дал жизнь дочерям в таком диком мире, — проговорила Каролина. — И хотел, чтобы мы научились им наслаждаться. Беда только в том, что его философия столкнулась с такими противоречиями. Он все наше детство таскал нас на охоту, и вдруг все кончилось в один день. Он передумал.

— Он не передумал, — ответила Кли. — Он был раздавлен. Я всегда понимала это так — он был раздавлен горем.

— Да, ты лучше понимаешь людей, чем я, — сказала Каролина.

— Эти горькие чувства ничему не помогут, — добавила Кли, накрывая ладонь Каролины своей. Та не сопротивлялась; никто не мог говорить ей такого, что могла сказать Кли. Может быть, потому, что не видела смерти Эндрю. Кли была мягче остальных сестер, доверчивее и более открытой. Она не страдала так, как Каролина и Скай.

— Каролина, он хотел быть рядом с тобой. Поэтому и приходил в твой бар.

— Он приходил, чтобы напиться! — выдохнула Каролина, сдерживая всхлип.

— Что с тобой? Ты сегодня говоришь ужасные вещи.

— Скажи, я что, действительно от всех отстраняюсь? Я не даю людям беспокоиться обо мне?

— Не совсем, — осторожно ответила Кли, напуганная отчаянием в голосе старшей сестры.

— «Не совсем»? Это как?

— Ну, ты... такая... уверенная и уравновешенная. Ты так выглядишь и так себя ведешь. Люди видят, что у тебя все получается хорошо и правильно, что вроде как тебе от них ничего не нужно.

— Мне от них нужно очень много! — отчаянно возразила Каролина, комкая свои бумаги и снова разглаживая их. — Мне нужно, чтобы Скай взяла себя в руки.

— Угу, — проговорила Кли, видя противоречие в словах сестры — в том, что даже в настолько расстроенных чувствах Каролина не выражает собственных нужд, опять обращая свое внимание на тех, кого любит.

— Прости меня, — сказала Каролина, — но если бы ты слышала Скай, ты бы меня поняла. Она в очень плохом состоянии. Мы опять запутались в семейной легенде про искусство и выпивку. Скай и папа. Какая ложь!

— Может, поэтому я и вышла замуж за священника, — улыбнулась Кли. — В конце концов, ему я могу верить. — Но, произнося эти слова как шутку, она осознала, что это правда. Кли никогда бы не полюбила обычного человека, для которого не было бы ничего дурного в невинной лжи, который бы считал, что мимолетная измена не имеет значения, если никто о ней не узнает, который мог бы лгать себе и своим родным в оправдание пьянства до смерти.

Каролина снова уткнулась в калькулятор и пачку квитанций. Кли смотрела, как ее пальцы перебирают листки, летают по клавишам. Это была Каролина в действии, Каролина в лучшем своем проявлении. Кли прекрасно знала все способы сестры спастись от жизненных проблем, и этот был одним из наиболее эффективных.

— Ты хорошо провела вчерашний вечер? — поинтересовалась Кли.

— Что? — переспросила Каролина, ее пальцы замерли над кнопками.

— Вчерашний вечер, — повторила Кли, улыбаясь. — Хорошо отдохнула? — Увидев, что Каролина не отвечает, она продолжила: — Ты же была на «Метеоре», да?

— Да. — Каролина прикрыла глаза, собираясь с мыслями. Неожиданно ее серые глаза распахнулись, и она взорвалась: — Ты бы его слышала, он такой же сумасшедший,

как Скай! Даже хуже! Такое впечатление, что я виновата в испорченном детстве всех без исключения людей отсюда до Бостона!

— В моем — нет, — заметила Кли.

— Он хотел, чтобы я рассказала ему в подробностях о том вечере, когда погиб его отец. Это было ужасно.

— Похоже на то, — согласилась Кли.

— Он практически поджарил меня на медленном огне. Я рассказала ему все, что могла, и он начал изображать из себя такого исключительного и утверждать, что я ни за что не смогу понять, что он чувствует. Но все-таки, мне кажется, он ощущает себя виноватым. Я так думаю, потому что в конце концов он меня обнял — да так, что плечо до сих пор болит, — и поцеловал.

— Поцеловал? — не поверила своим ушам Кли.

Каролина мрачно кивнула, уставившись на свои руки. Кли откинулась в кресле, боясь сказать что-нибудь не то. Она никогда не видела, чтобы старшая сестра так реагировала на мужчин. Каролина была очень закрытой, всегда на чеку и никому не позволяла застать себя врасплох. Отец снабдил их знаниями об отношениях между мужчинами и женщинами, и она выбрала свой способ обороны. Но сейчас Кли видела ясно как белый день, что эта оборона рухнула.

— Он не должен был этого делать, — сказала Каролина. — Он меня ненавидит.

— Если он тебя ненавидит, зачем ему было тебя целовать? — возразила Кли.

Каролина заморгала. Ее длинные темные ресницы на секунду задержались на щеках, потом снова взметнулись вверх; ясные синевато-серые глаза были полны замешательства.

— Чтобы заставить меня заткнуться, — сказала она. — Не знаю. Или какое-то животное влечение. Мне кажется, он хотел разорвать мне горло, но вместо этого поцеловал.

— Ты тоскуешь по нему, — произнесла Кли.

Каролина мрачно кивнула.

— Не переживай из-за этого, — мягко сказала Кли.

— Эта связь никуда не делась, — продолжала Каролина. — Мы видим друг друга насквозь. Он все понял про Скай, понял, что она пьет. Я не собиралась ему это рассказывать,

но он сам догадался. Кли, она сломалась. Я сегодня видела ее в больнице, и я боюсь, что она уже не придет в норму.

— Придет обязательно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мы ее любим, — ответила Кли. — А любовь здесь — это главное.

Каролина взглянула на сестру. Кли улыбалась, вся лучась нежностью. Она видела, как изменилось выражение лица Каролины.

— Я сегодня сказала Скай совсем другое. Что далеко не все держится на любви.

— Ты ошиблась. — Кли верила в любовь. Верила твердо и сильно, всей душой. При всех трагедиях в их жизни, при всей окружавшей их жестокости, она понимала, что только любовь друг к другу помогала им выжить до сих пор. Она делала их непобедимыми. И глядя сейчас на Каролину, Кли понимала, что ее старшая сестра страдает так же, как Скай.

И может быть, даже сильнее. И еще Кли была убеждена, что любовь, которая так нужна Каролине, та, которая обязательно должна помочь ей, в этот самый момент находится в открытом море. Там, качаясь на волнах над смертельным рифом, в пределах видимости от дома, где все это началось, ждет истинная любовь Каролины Ренвик. Кли знала это точно. При взгляде на сестру ее наполняла такая отчаянная нежность, что она думала, что сердце вот-вот разорвется.

— У него есть брат, — сказала Каролина. — Я с ним познакомилась.

— Я рада за него, — отозвалась Кли. — Сестры, конечно, лучше, но братья — тоже ничего.

Каролина ничего не ответила. Она старалась смотреть куда угодно, только не на Кли.

— Так, значит, — продолжала та, — Джо Коннор в конце концов тебя поцеловал.

— Хм, — произнесла Каролина, вытирая глаза. — И чему ты улыбаешься?

— Да так, ничему, — ответила Кли, улыбаясь еще шире. Но, произнося это, она знала, что врет. Она употребила неправильное слово, нужно было сказать — «всему».

Тем же вечером Кли с Питером пила лимонад у себя на веранде, наблюдая, как дети гоняются за светлячками. Им уже было пора ложиться спать, но они разыгрались и носились по двору, забыв обо всем на свете. Когда дети наконец остановятся и они с Питером загонят их домой, они заснут в считанные секунды.

— Ты что сегодня такая задумчивая? — поинтересовался Питер, раскачиваясь в скрипучем кресле.

— Переживаю за сестру.

— За Скай? Ей предоставляют всю необходимую помощь — дело только за тем, чтобы она приняла ее... Ты же знаешь, что никто не решит этого за нее.

— Не за Скай. За Каролину.

— Почему?

Глаза Кли наполнились слезами.

— Она окружает себя такой броней. Она такая с самого детства. Всегда была занята только нами со Скай, тем, чтобы у нас все было в порядке.

— Она прекрасная сестра.

— Самая лучшая.

— Так почему же ты беспокоишься за нее?

— Я хочу, чтобы она влюбилась.

— Влюбится, когда придет время.

Перед глазами Кли встал образ Каролины с перепуганными глазами, обнимающей Скай. Они были на Редхоке, и Скай только что застрелила человека.

— Каролина всегда оказывалась рядом, — заметила Кли. — Оба раза...

— При обоих выстрелах? — переспросил Питер.

— Да, — кивнула Кли. Ей было всего три года, когда к ним в дом ворвался Джеймс Коннор, но она помнила, как Каролина обнимала ее, закрывая от дула пистолета собственным телом.

— Это потому, что она так вас любит, — сказал Питер.

— Зачем Господь принес столько жестокости в нашу жизнь? — спросила Кли, беря мужа за руку. — Все эти кошмарные вещи... Зачем Он принес в нашу жизнь все эти смерти?

— Может быть, затем, чтобы показать вам, как сильно вы друг друга любите, — ответил Питер, вытирая своим платком слезы Кли.

— Очень сильно, — прошептала она, думая о Каролине, мечтая и молясь о том, чтобы сестра наконец отбросила свою защиту, позволила кому-то любить себя так, как она любила близких ей людей.

— Каролина была напутанна, — сказал Питер. — По-моему, мы с тобой понимаем, зачем ей все эти путешествия.

— Она старается казаться отважной, но это не так.

— Не так, — согласился Питер.

— Какие же мы счастливые, — отозвалась Кли, шмыгнув носом. — Мы с тобой.

Питер ничего не ответил, только чуть крепче обнял жену. Сейчас им были не нужны слова. Подняв голову, Кли заметила падающую звезду. Неожиданно это захлестнуло ее такой волной счастья, что она с трудом удержалась, чтобы не разрыдаться.

30 августа 1978

Дорогая Каролина!

Тебе больше не снилось хороших снов? Может, тебе не нравятся моторные катера? Может, ты поэтому давно мне не писала?

Вчера я рыбачил с гарлуном на мысе Бретон. Был очень сильный прибой, меня всего исколошматило. Я видел там яхты Кубка Америки и задумался, любишь ли ты плавать под парусом? А может, тебе хотелось бы приехать в Нью-порт и посмотреть на эти яхты? Они двенадцатиметровые, действительно очень стройные и красивые. Мы с папой часто ходили смотреть на них. Следующая регата будет в 1980 году. Я надеюсь, что смогу попасть в команду одной из них.

Пиши поскорее. Ты что, променяла меня на кого-то другого?

Остаюсь твоим другом,

Джо.

24 ноября 1978

Дорогой Джо!

Извини, что я так давно тебе не писала. На самом деле я очень стеснялась из-за того, что рассказала тебе

свой сон. Я никогда раньше никому такого не рассказывала. И ни на кого я тебя не променяла.

Я никогда не видела живьем двенадцатиметровых яхт. Мой отец когда-то их рисовал и общался с моряками. Он рассказывал про Тега Худа и Бэрона Бича, и про того молодого выпендрежника Тега Тернера, который, как он говорил, похож на него самого в молодости. Он говорит, что коллекционеры живописи любят двенадцатиметровые яхты.

Все это я написала на самом деле, чтобы ответить «да». Мне бы правда очень хотелось побывать в Ньюпорте. Но как это сделать?

С любовью,

Каролина.

Глава 10

— **Д**а, братишка, ты основательно подготовился, — сказал Сэм, попивая с утра кофе в штурманской рубке вместе с Джо. Он внимательно разглядывал приборы «Метеора», и его глаза расширялись, а голос звучал восторженно. Он не упустил из виду ничего из спутникового оборудования, начиная от коммуникационных линий и заканчивая датчиками связи с машинным отделением. Он обратил внимание на программное обеспечение типа INMARSAT и AMSC и одобрительно кивнул.

Склонившись над компьютерным терминалом, он рылся в навигационных программах. Набрав на клавиатуре какую-то комбинацию символов, он вызвал на экране карту пролива Лонг-Айленд.

— Такое впечатление, что ты способен читать карты хоть вверх ногами, как с экрана радара! — воскликнул Джо. — Компьютер соединен с глубинным эхолотом и автопилотом корабля, приливы и течения рассчитываются автоматически. Заодно можно грузить данные приемников GPS и обмениваться данными о местонахождении.

— Вот в чем разница между охотниками за золотом и государственными программами, — вздохнул Сэм. — Мне-то приходится выслеживать горбачей на каком-то ржавом корыте, где вся электроника сводится к радару и самому допотопному GPS, который только можно сыскать. Черт возьми, Джо, — проговорил Сэм, загружая батиметрическую карту. — Сверхъестественная быстрота!

Джо улыбнулся и сделал большой глоток кофе. Они не виделись с братом несколько месяцев, и первое, что делает Сэм — проверяет технические новшества. Джо чувствовал себя неудобно под недвусмысленным взглядом Сэма. Парень получил краткосрочный отпуск в своей на-

учной работе и прилетел из самой Новой Шотландии, чтобы пройти собеседование по поводу работы в университете и побывать на судне брата. Отчасти это было для Джо досадным, однако он не мог не признать, что в то же самое время его это радует.

— Ну так и что происходит там, внизу? — поинтересовался Сэм. — Каких успехов вы достигли?

— Дело движется медленно, но верно, — ответил Джо. — Честно говоря, я подзабыл, насколько в Новой Англии мутная вода. И холодная — так что работать не слишком просто.

— Очень интересно, учитывая, что ты коренной новоангличанин, — заметил Сэм.

— Я давно здесь не живу, — бесстрастно парировал Джо.

Сэм рассмеялся:

— Да, но говоришь ты абсолютно по-прежнему. Все такой же сварливый и нудный. Может, ты и мечтаешь стать одним из флоридских парней, которые отращивают пузо, разгуливая по пляжам и рыбака в Кис, но я бы советовал тебе об этом забыть. Ты для этого совершенно не подходишь.

— Не подхожу? Ну-ну, — хмыкнул Джо. Только Сэм видел его насквозь, и только Сэму он прощал такие вещи, которые не простил бы никому на свете. Джо изо всех сил старался поддерживать на должном уровне престиж старшего брата, а Сэм постоянно старался сбить с него спесь.

— А что думает о тебе Каролина? — продолжая смеяться, спросил Сэм.

— Каролина? — удивился Джо.

— Угу. Надо признать, я был слегка удивлен, увидев вас вместе. Я имею в виду, она ведь Ренвик, а я знаю, какого ты был мнения о старике...

— У нас были кое-какие незавершенные дела, — поджав губы, ответил Джо. — Теперь с ними покончено.

— А мне она понравилась, — сказал Сэм. — Пока я рос, я только и слышал ваши с мамой разговоры о том, что все Ренвики — настоящие дьяволы во плоти.

— Она не дьявол, — согласился Джо. — Просто она дочь не того человека.

— Если ты обвиняешь людей в том, кто их родители, то что ты тогда думаешь обо мне? — поинтересовался Сэм.

Джо наклонился к монитору, увеличивая масштаб карты. Потом нажал другую клавишу, выводя на экран данные о температуре верхнего слоя воды. Во рту у него пересохло. Джо и его отчим никогда не ладили. Сэм это знал и сейчас ткнул его носом в то, что он не желал замечать.

— Хватит, — тихо произнес Джо.

— Понимаешь, мне показалось, что вчера я появился не вовремя, — сказал Сэм. — Влез точно посередине чего-то важного между вами.

— Я тебе уже сказал, — настойчиво проговорил Джо, — что мы закончили со всем, что должны были друг другу сказать. И вообще, ты собираешься одеваться?

— Я одет, — невинно ответил Сэм, оглядывая свои шорты и майку. Его глаза за стеклами очков были большими и до сих пор сонными.

— Иди надень гидрокостюм. Я хочу показать тебе место кораблекрушения.

— Супер! — восхитился Сэм, оставляя на столе чашку и бросаясь из рубки, споткнувшись о лежащие на полу прожектора. Покачав головой, Джо понес чашки на камбуз. Брат напоминал ему большого неуклюжего щенка, плохо умеющего управлять собственными лапами. Но он кое-что понимал. А Джо понимал, как никто другой.

Проходя через общий салон, Джо вспомнил вчерашний вечер. Он поцеловал Каролину Ренвик. Прямо вот тут, подумал он. Ему казалось, что он до сих пор ощущает запах ее духов. Корабль пах солью, дизельным топливом, кофе и рыбой, но Джо даже остановился, ошарашенный ярвственным ароматом жасмина. Он помотал головой и пошел дальше.

Каролина. Ему совершенно незачем было целовать ее. Но дело было в том, что в тот момент он не был способен о чем-то думать. Он чувствовал себя так, словно у него не было выбора. Его руки обхватили ее, его губы нашли ее, его голос шептал ее имя. Это было так, как будто он сам не мог управлять собственными действиями.

Джо Коннор никогда бы не поцеловал Каролину Ренвик. Ненависть — слишком сильное чувство, но можно

было сказать без преувеличения, что Джо ненавидел семью Ренвиков. Он пил именно из-за этого, заливая виски огонь внутри.

Но факты оставались фактами. Джо был ученым, и он понимал, что такое беспристрастная истина данных. Вчера вечером он стоял в этом помещении, обнимая красивую женщину, их тела были прижаты друг к другу, их языки сплетались в горячем волшебстве, и он хотел ее так, как не хотел никого и никогда в жизни. Она заставляла мурашки бежать по его позвоночнику, а волосы на руках — вставать дыбом, как от электричества. Он обнимал Каролину с такой нежностью, какой не предполагал в себе, и больше всего желал, чтобы она осталась с ним на корабле.

Тот момент, когда она сказала ему, насколько близко к сердцу принимала судьбу его отца и его самого — призналась, что не могла перестать думать о нем, — перебросил его через предел. Сострадание в голосе женщины, обращенное к нему и только к нему, невозможно было вынести. Он должен был либо сбежать тут же, либо поцеловать ее; слишком сильный гнев все равно продолжал держать его за шкуру. Он хотел покончить с этим, на самом деле очень хотел. С этим до боли родным чувством обиды.

— Ты готов? — раздался восторженный голос Сэма. Он стоял на ступенях трапа, застегивая молнию на гидрокостюме. Посмотрев на брата, Джо подумал о младшей из сестер Ренвик. Он почувствовал вчера беспокойство Каролины и благодарил судьбу за то, что ему не приходится так беспокоиться о Сэме.

— Сначала вымой вот это, — сказал Джо, суя в руки Сэма чашки. — Какой же ты моряк, если за тобой должен кто-то убирать?

— Извините, капитан, — ответил Сэм, забирая чашки у брата, чтобы тот мог тоже пойти переодеться. Но в его голосе совершенно не слышалось раскаяния. Он звучал довольно и чуть-чуть снисходительно. Как будто он прекрасно понимал, что поведение Джо — не более чем демонстрация. Как будто чувствовал, что под ворчливой наружностью скрывается любящий брат, добрейшей души человек, одинокий мужчина, который хотел бы всех простить, но пока не мог.

Скай и Саймон вышли прогуляться в больничном саду. Облаченные в белое сиделки по дорожкам катили пациентов в креслах-каталках. Несколько раскидистых кленов давали густую тень, вдоль выложенных плиткой дорожек росли аккуратно подстриженные кусты самшита. На правильных геометрических клумбах цвели лимонно-желтые ноготки и яркие цинии. Скай редко приходилось видеть сад, который не хотелось бы нарисовать, но этот был как раз таким.

Заметив свободную каменную скамью, Скай поспешила присесть. Она не провела на ногах и десяти минут, но уже чувствовала себя изможденной. От физических усилий у нее кружилась голова, так что ей пришлось наклонить ее к коленям. Если бы здесь был хоть клочок зеленой травы, она с удовольствием упала бы на нее.

Саймон достал из кармана сигарету. Прикурив, он выдул струю дыма поверх головы Скай. Она услышала недовольство в его вздохе и подняла голову.

— Ты чем-то недоволен? — спросила она.

Саймон пожал плечами.

Скай пыталась убедить себя не переживать. В конце концов, это она была больной, и это о ней должны были беспокоиться. Но она не могла не замечать настроения мужа, его желаний и чувств. Она привыкла давать ему то, чего он хотел.

В детстве Скай видела, как отец в гнев крушит студию и как он целыми днями презрительно молчит. Но как бы тот себя ни вел, мать всегда была готова подчиниться его малейшему жесту. И так же привыкли вести себя Каролина, Кли и сама Скай.

— И долго ты собираешься тут оставаться? — поинтересовался Саймон.

— Не знаю. Физически мне уже лучше, но они пытаются уговорить меня записаться на курс реабилитации.

Саймон коротко усмехнулся, понимающе взглянув на Скай:

— Со всеми этими алкашами и торчками?

— Да. В отделении наркологической помощи.

— Но ты же не относишься к этому серьезно?

— Пока я ничего им не ответила.

— Скай, для твоего творчества это смертельно. Это превратит тебя в очередную бесцветную посредственность. И ты все равно станешь пить еще больше. Ты же не какая-нибудь маленькая домохозяйка с машиной для поездок за продуктами и ипотечным кредитом. Ты — скульптор.

— Слишком часто похмелье не дает мне лепить, — сказала Скай, глядя на свои руки, пытаясь вспомнить, когда они последний раз касались глины.

— Вспомни всех художников, которые пили. Писателей. Ты очень эмоциональна, и это проявляется в твоём творчестве. Если спиртное помогает тебе испытать вдохновение, я считаю, что отказываться от него не нужно. — Он придвинулся к ней ближе, коснувшись своим бедром. — Я не хочу остаться без моей выпивающей киски.

— Я понимаю, — отозвалась Скай. Это и было тем, чего она боялась, в числе всего прочего, — как они смогут жить с Саймоном, если она бросит пить? Выпивка занимала в их отношениях слишком важное место. Сумасшедшие ночи, когда идеи текли быстрее, чем виски, декадентские тосканские обеды с вином и граппой, когда они представляли, что снова оказались в Бадии, где проводили медовый месяц. Но были и дикие ссоры, порожденные алкоголем, ночи, когда прекрасное вино превращалось в отвратительное пойло. Нет, всего этого она не хочет лишаться.

— Почувствуй наконец, что ты жива, — добавил Саймон. — Представь себе большую бутылку «Калон-сегюр». Или нежное, свежее весеннее португальское вино. Помнишь, как мы ездили в Альгарве? Когда целых шесть дней провели обнаженными, поедая креветок и запивая их холодным белым вином?

— Я помню, — проговорила Скай.

Он достал карандаш и бумагу и расправил ее на коленке. Потом взглянул на Скай и начал делать быстрый набросок.

Скай откинулась на спинку скамьи и пыталась расслабиться. Ее муж был прекрасным художником. Сегодня он был в отличном расположении духа, потому что известный коллекционер оценил его работы и согласился посетить

его студию. Тем не менее Скай всегда испытывала неловкость из-за того, что в мире искусства ее работы ценились выше, чем произведения Саймона. Она знала, что это расстраивает его, и сама страдала из-за этого.

Скай закрыла глаза и слушала, как карандаш шуршит по бумаге. Этот милый жест — то, что он рисовал ее в саду — напоминал о первых днях их знакомства. У нее хранилась не одна коробка с нарисованными им ее портретами, точно так же, как у ее матери — рисунки Хью. Эти быстрые, но выразительные карандашные наброски вызывали у Скай чувство гордости и сознание того, что она любима, и более того — любима талантливым художником. Сейчас ее светлые волосы были в беспорядке, и она знала, что выглядит не лучшим образом, но решила довериться Саймону.

— Вот, — наконец сказал он.

Рисунок был замечательным. Стиль Саймона был сдержанным, линии простыми; он изобразил вытянувшуюся горизонтально фигуру с упавшими вниз волосами и закрытыми глазами. Это была мертвая Скай, лежащая в усыпальнице.

— Оставаясь здесь, ты себя убиваешь, — прошептал он. — Здесь ты отгорожена от мира, от своего творчества.

— Мне нужна помощь, — прошептала в ответ Скай.

— Тебе нужно творить, — сказал Саймон. — Это твой дар. Ты не должна растрачивать свои силы и свою страсть на то, чтобы пытаться соответствовать остальному миру. Ты должна выражать ее в глине, иначе ты сама себя задушишь. Давай уйдем отсюда сейчас. Просто уйдем со мной.

— Я не могу, — возразила Скай.

— Можешь, — не уступал Саймон, протягивая ей руку. — Давай. Просто уйдем. Мы нужны друг другу. Так было всегда, и так будет. — Его глаза смотрели на нее убежденно и страстно.

Скай кивнула. Саймон был прав, ее ничто не удерживало здесь. В его рисунке была возможная перспектива, которая приводила ее в ужас. Скай не могла продолжать оставаться здесь одна. Она должна попробовать бросить пить самостоятельно.

Он раскрыл ей объятия, и, когда Скай прижалась к мужу, она вдруг почувствовала, что в этот момент предает своих сестер. Как это удастся Каролине? Никогда не поддаваться любви? С другой стороны, Каролина оставалась одинокой. Отец учил их защищаться. Мать учила их жертвовать собой ради мужчин.

Скай взяла мужа за руку. И они направились к воротам сада.

Кли только успела загрузить в стиральную машину кипу белья, как зазвонил телефон. Она быстро высыпала порошок и побежала отвечать.

— Алло, — голосом «бежала со всех ног» проговорила она.

— Кли, это я, — слышался голос Каролины.

— Что случилось?

— Скай сбежала из больницы. Ушла, никому ничего не сказав.

— И где она сейчас?

— Понятия не имею. Я заехала к ней и обнаружила, что ее нет. Никто не видел, как она ушла...

— Ох, Каролина. — Кли слышала нотки паники в голосе сестры. Поддержка, которую они пытались оказать Скай, была слишком неустойчива. Кли услышала в трубке сигнал, что поступил звонок по другой линии.

— Подожди секунду, — сказала она. — Может, это она звонит. — Щелкнув клавишей, Кли приняла второй звонок. — Алло?

— Дорогая, — услышала она голос Аугусты.

— Mam, я перезвоню чуть попозже, ладно? — попросила Кли, чувствуя, как трепыхается сердце. — У тебя нет никаких новостей о Скай?

— Новостей? Она сейчас здесь, у себя в комнате. Ей надоела эта больница, и она вернулась домой, к родным стенам. С Саймоном. Да, послушай, нам с тобой надо обсудить карнавальные костюмы.

— Костюмы? У меня там Каролина на другой линии. Я должна сообщить ей про Скай. Она очень волнуется.

Кли вернулась на линию Каролины.

— Она у мамы. Цела и невредима.

— Что произошло? Почему она ушла из больницы? Если этот придурок Саймон будет впутывать ее в какие-нибудь безумные дела, я его убью. Это она звонит по другой линии? Скажи ей, что мне нужно с ней поговорить. Ты не можешь нас соединить?

— Это звонит мама. Сейчас, я попробую все выяснить. Успокойся и подожди немножко, я вернусь и расскажу тебе подробности. Ладно?

— Черт бы их всех побрал, — пробормотала Каролина, вешая трубку.

— Там звонила Каролина... — снова начала Кли, возвращаясь к разговору с матерью и принимая соответствующий тон.

— Замечательно, — откликнулась Аугуста. — Ей я тоже хотела сказать. Я придумала, кем я буду на Балу Светлячков.

— На балу? — переспросила Кли, потирая лоб. — Мам, так что там со Скай? Мы с Каролиной так за нее волновались.

— Как это чудесно, что вы, девочки, так близки, — с чувством проговорила Аугуста. — Я так благодарна небу за это! Ты, наверное, и не осознаешь, как это удивительно — иметь сестер. Я рассказывала тебе, как мечтала в детстве, чтобы у меня была сестренка, как тоскливо мне было одной играть со своими куклами?

— Да, мама, ты рассказывала, но...

— Так вот, дорогая. Насчет бала. Я подумала, что мне стоит нарядиться во что-нибудь из розового периода Пикассо. Точнее, в арлекина. Все будут думать, что я оденусь в персонажа твоего отца — это было бы само собой разумеющимся — а я сразу их наповал! Это будет самый фантастический сюрприз!

— Арлекин, — проговорила Кли, сдаваясь.

— Или ты думаешь, это слишком легкомысленно? — спросила Аугуста. — Слишком эксцентрично для женщины в моем возрасте? Но понимаешь, никому в голову не может прийти, что вдова Хью Ренвика нарядится в персонажа Пикассо! В арлекина, а?

— Звучит восхитительно, — безнадежно согласилась Кли.

— Я уже представила маленькую черную маску, контрастные клетки, туфли с загнутыми носами. Божественно...

Кли проговорила с матерью еще несколько минут, пока та не поделилась с ней всеми своими идеями. Она понимала, что Аугуста нервничает, как никогда. Разговаривать о карнавале было куда легче, чем думать о том, что Скай сбежала из больницы, и Кли была рада, что Каролина не слышит всего этого.

— Ты будешь выглядеть превосходно, — сказала матери Кли.

— Мм, — неопределенно протянула Аугуста.

Воцарилась тишина. Кли глубоко вздохнула. Едва она собралась снова спросить о Скай, как Аугуста заговорила:

— Может, вы с Питером и ребятами заедете на коктейль? Я могу позвонить Каролине. Надо же как-то отпраздновать возвращение Саймона в лоно семьи. Как бы я ни относилась к тому, как он поступил со Скай, все-таки он ее законный муж.

— Мама, только не коктейль, — возразила Кли.

— Ну хорошо, тогда барбекю. Ну что-нибудь, главное — повеселиться.

— Может, Скай пока лучше отдохнуть?

— Она прекрасно себя чувствует, — запротестовала Аугуста. — Ты обязательно должна ее повидать. Она снова такая же бодрая, как раньше. Господи, как я рада, что она опять дома!

— Да, мам, я понимаю, — ответила Кли.

— Давай не будем трястись над ней, — сказала Аугуста. — Ей нужна наша поддержка и опора, но не чтобы мы ходили вокруг нее на цыпочках. Она должна снова встать на ноги и вернуться к обычной жизни.

— Она пострадала, — начала Кли, осознавая, насколько тяжело матери признать, что Скай требуется восстановление не только после полученных травм.

— Да, но теперь она поправилась. Моя дочь вернулась домой победительницей. Как раз к Балу Светлячков. Правда, Каролина будет очень рада? Она бы очень расстроилась, если бы Скай не смогла прийти на бал.

— Мне кажется, Каролина бы не обиделась, — заметила Кли, понимая, как тяжело будет Скай, только вступающей

на путь воздержания, присутствовать на вечеринке, где спиртное будет течь рекой, по всей лужайке будут расставлены ведерки со льдом и охлаждающимся шампанским, а мимо то и дело будут мелькать официанты с подносами разнообразных алкогольных напитков.

— Ну, так если ты передумаешь, — сказала Аугуста, — мы будем рады тебя видеть сегодня вечером. Мы могли бы прекрасно провести время, придумывая карнавальные костюмы.

— Мам, пожалуйста, не пей на глазах у Скай, — попросила Кли.

— Даже ее доктору не пришла бы в голову такая нелепость! — нетвердо заверила ее Аугуста. — Господи, Кли, ты, похоже, считаешь, что жизнь на земле прекратилась из-за того, что твоя сестра на прошлой неделе выпила лишнего.

— Нет, я так не считаю, — вздохнула Кли, — но было бы неплохо. — Она попрощалась и повесила трубку. Потом перезвонила Каролине, чтобы поделиться подробностями.

Когда Каролина позвонила матери, чтобы высказать ей свои строгие предупреждения, было уже поздно. Час коктейля настал. Аугуста и Саймон сделали себе мартини, но Скай ограничилась диетической кока-колой. Она знала, что не должна пить, и, кажется, нисколько из-за этого не переживала. На самом деле, сказала Аугуста, она сама настояла, чтобы мать и муж не отказывались от своего мартини ради нее. Это бы только сильнее расстроило ее.

Через несколько дней в отеле собрались пообедать моряки с «Метеора». Они заказывали один столик, но когда появились, стало ясно, что им потребуется два, сдвинутых вместе. Пока они ждали в баре, Каролина и Мишель устраивали перестановку в столовой. Им пришлось попросить компанию из четверых гостей пересест за другой столик, и в компенсацию за беспокойство выставили им выпивку за счет заведения.

Каролина, засунув меню под мышку, направилась в бар. Она старалась сохранять хладнокровие, присматриваясь, нет ли среди прибывших Джо. Его товарищи по ко-

манде смеялись и шумно обсуждали то, что удалось достать со дна в этот день, радуясь достигнутым успехам. Заметив Сэма, Каролина подошла к ним.

— Привет, — с улыбкой поздоровалась она.

Сэм расплылся в ответной улыбке. Пытаясь откинуть с глаз русые волосы, он задел очки, которые свалились с носа. А наклонившись за ними, он пролил на пол пиво.

— Черт, — проговорил он. — Прошу прощения. Ты Каролина, я не перепутал?

— Она самая. А ты — Сэм.

— Я не был уверен, что это ты, — сказал он, отставляя кружку, чтобы пожать ей руку. — Когда мы виделись в прошлый раз, было как-то темновато. — Продолжая улыбаться, он, кажется, изучал ее. Каролина засмущалась.

— Что такое? — поинтересовалась она.

— Ты не производишь впечатления злобной и подлой, — ответил Сэм, пытаясь наклониться, чтобы заглянуть ей в лицо, так как с высоты его роста ему была хорошо видна только ее макушка.

— Это именно то, что ты обо мне слышал?

— Всю свою жизнь. Это исторический момент — я стою тут и разговариваю с кем-то из Ренвиков. Если бы я не видел Джо за тем же самым занятием, я бы сейчас чувствовал себя вероломным предателем. Вступаю в близкие контакты с неприятелем, понимаешь?

— А ты представь, что я испытываю, подавая тебе обед, — парировала Каролина.

— Да, могу представить, — согласился Сэм. — Так значит, вы с Джо наконец выяснили все недоразумения?

— А он что говорит? — спросила Каролина.

— Что он говорит? Он вообще ничего не говорит. Ты что, до сих пор этого не заметила? — Глядя на непонимающее выражение лица Каролины, Сэм убежденно кивнул: — Больше всего Джо любит геофизику, но он также может поговорить о солености воды и новшествах в морских технологиях. Он очень хорошо разбирается в спутниковой навигации, и его уже не заткнешь, если он увлечется темой новых методов углеродной датировки материалов, которые находит на месте кораблекрушения. Но что касается всего остального...

— Этот мужчина лишнего не скажет, — вставила Каролина.

— Именно так.

Кое-кто из ученых и пиратов начал перемещаться по бару. Они завязали беседу с группой симпатичных художниц-акварельщиц из Атланты, которые каждый год приезжали на неделю в «Ренвик-Инн». Каролина глядела на Сэма Тревора и чувствовала, что невольно улыбается. Она подозревала, что он вызывает такую реакцию практически у любого, с кем встречается. Между передними зубами у него был очаровательный промежуток. В уголках синих глаз притаились веселые морщинки. Оправа очков была погнута, как будто он не раз на них садился.

— Как ты считаешь, зачем он приехал сюда? Учитывая, что в океане полно затонувших судов, почему он решил заняться именно «Кембрией»?

— Похоже, ты надо мной смеешься, — сказал Сэм, пихая ее локтем, как будто услышал от нее удачную шутку.

— Ничего подобного, — возразила она. — Честное слово.

Сэм посерьезнел.

— Это выдающееся судно, — заметил он, — как с исторической, так и с материальной точки зрения. Джо ищет золото. Какие бы еще факторы ни присутствовали, если бы он не рассчитывал на прибыль, он не стал бы утруждаться.

— Серьезно?

— Абсолютно. «Кембрия» налетела на риф, поэтому можно предположить, что она лежит неглубоко. Но она съехала во впадину, одну из самых глубоких во всем проливе.

— Во впадину?

— Такое геологическое образование на морском дне, — извиняющимся тоном пояснил Сэм. Было понятно, что он не из тех, кто стремится произвести на всех впечатление. Это был молодой «ботаник», честный и безыскусный. Хотя они с Джо и работали в одной области, их стили были совершенно различны. Каролина смотрела на этого юношу и думала о Джо, о его темном загаре и выгоревших на солнце волосах, его глазах пирата и сексуальных запястьях. Она

улыбнулась про себя тому, насколько разными — и в то же время похожими — могут быть два человека. Прямо как она и ее сестры.

— Ну вот, яма оказалась глубокой, но у Джо есть необходимое оборудование. Приливы и течения вообще непредсказуемы. Вода здесь холодная, а большая часть команды Джо — южане. Сами остатки корабля очень неустойчивы — нос лежит на камнях, а корма погрузилась в ил, так что ему приходится постоянно рассчитывать, как поведет себя вся конструкция при воздействии на нее...

— Для меня это все совершенно непостижимо, — нервно хихикнув, сказала Каролина.

— Другим подъемным командам показалось точно так же. Вот поэтому «Кембрия» и привлекла Джо. У него лучший корабль для таких работ, который можно представить, и соответствующая команда. И место здесь, по счастью, крайне интересное для него как для геолога. Все-таки в первую и самую главную очередь мой брат — океанограф. Он всегда готов идти на риск там, где другие отступают, и это всегда приносит ему выгоду.

— Ты это имел в виду под «прочими факторами»? Опасность?

— Нет, — ответил Сэм, моргая своими совиными глазами. — Прочие факторы — это ты.

Каролина ощутила, что краснеет. Она уставилась на свои туфли, потом все-таки снова взглянула на Сэма. На его добродушном лице было написано внимательное ожидание, как будто он только что сообщил ей нечто непростое и теперь великодушно предоставлял ей время переварить услышанные новости.

— Я?

— Ну да. Ты же сама должна понимать. Уж не знаю точно, что там между вами произошло, но одно могу сказать точно: это капитально выбило его из колеи. Поэтому возможность оказаться поблизости от тебя сыграла немалую роль в его решении поднять «Кембрию».

— Выбило из колеи, — про себя повторила Каролина.

— Ну да. Совершенно. Для меня так удивительно, что мы обедаем в «Ренвик-Инн». Никаких там обид и всего такого. Но все-таки фамилия Ренвик...

— Вселяет ужас в сердца бесстрашных пиратов, — договорила Каролина.

— Во-во, — утрюмо кивнул Сэм.

— То есть он сегодня не составит тебе компанию? — спросила Каролина, стараясь, чтобы ее голос звучал обыденно.

— Нет, почему, он придет, — ответил Сэм.

Каролина не могла точно определить своих чувств, когда увидела Джо Коннора, паркующего свой фургон и выходящего из него. Она смотрела, как мужчина потянулся, разминая затекшие мышцы. Любовалась, как выгибаются его предплечья, как натягивается на плечах ткань клетчатой рубашки. Он заправил ее в джинсы, и она обратила внимание на его плоский живот и широкую грудную клетку. Джо был высок и красив, и при воспоминании о его поцелуе на борту «Метеора» она почувствовала, как залилось краской лицо.

Но сейчас в ее памяти были еще свежи слова Сэма о «злой и подлой», о том, как она «выбила Джо из колеи», и что он сам удивляется тому, что Джо вообще пожелал обедать в «Ренвик-Инн». Она почувствовала, как напряглась помимо ее воли спина.

Он остановился у входа, широко расставив ноги и засунув шершавые ладони в карманы джинсов. У Каролины по шее побежали мурашки.

— Привет, Джо, — сказала она.

— Привет, — ответил он, как будто удивившись тому, что видит ее. — Ты так поздно на работе?

— Я же хозяйка заведения, — напомнила она. — Так что провожу здесь большую часть времени.

— Вроде капитана на судне, — заметил он, пытаясь изобразить улыбку. — Никогда не чувствуешь себя до конца свободным от обязанностей.

— Ваш столик уже готов, — сообщила она, приглашая его в столовую.

Все заказали стейки и салат, хотя «Ренвик-Инн» всегда считался местом, где принято лакомиться устрицами и фуа-гра. Джо наблюдал, как его команда хлещет пиво, из-

редка откусывая по кусочку говядины, и травит морские байки, и ощущал, что окружающее общество художников понемногу напрягается. Дважды он просил товарищей вести себя потише и следить за языками, но громкость продолжала расти вопреки всем его стараниям. Так же, как степень нецензурности выражений.

Собираясь в отель, Джо убеждал себя, что Каролина не должна быть здесь, но теперь, увидев ее, постоянно ловил себя на мысли, что ждет ее появления. Его внимание было полностью приковано к дверям столовой. Она дважды проходила мимо, очень изящная и элегантная в своем длинном черном платье. И оба раза она мельком бросала взгляд на большой стол. Но, может быть, причиной был производимый ими шум. Сэм рассказывал длинную историю о выбивании денег на исследования из Государственного научного фонда, а Дэн постоянно перебивал его рассказами о проститутках с Фиджи. Джо почти не слушал их. Его взгляд не отрывался от дверей.

После обеда команда Джо снова переместилась в бар. Несколько художников из Нью-Йорка позвали их за свой столик. Они начали сравнивать татуировки. У художников преобладали цветы, бабочки и колючая проволока. У моряков — женские имена, эмблемы судов и змей. Пиво продолжало течь рекой. Некоторые из парней перешли на «Южную Усладу». Джо припомнил прошлое, когда он еще употреблял алкоголь, и почти реально ощутил, как опускается в желудок горячая волна. Он увидел, как Сэм опрокидывает рюмку, и вдруг понял, что никогда не пил со своим братом.

Не сказав никому ни слова, Джо вышел на улицу. Свежий воздух приятно вскружил ему голову. Он уже давно не чувствовал себя уютно в барах. Слишком сильны были старые желания. Когда Джо был в море, он не имел возможности посещать собрания анонимных алкоголиков. Он это понимал и старался держаться подальше от опасных мест и ситуаций.

Джо окружал травяной садик. Сильный запах тимьяна и вербены еще сильнее вскружил голову и вызвал воспоминания о Греции. Летняя ночь была теплой, ветер стих.

Позади яркими огнями светился отель. Из бара доносилась музыка и громкие голоса, и он ощутил знакомое состояние неучастия в происходящем. Заглянув в старинное окно с помутневшим стеклом, он увидел, что в бар зашла Каролина. Женщина огляделась, и Джо не смог не подумать о том, кого она ищет. И не смог не понадеяться, что его. На какую-то секунду запах трав показался ему более резким, одурманив так, что он действительно почувствовал себя точно пьяным.

На стоянку въехал старый «порше». Из машины вышли двое. Они вцепились друг в друга и начали жадно и долго целоваться, прислонившись к автомобилю. Наконец, оторвавшись друг от друга, парочка, смеясь, устремилась в отель. Зайдя в бар, влюбленные заняли столик и заказали напитки. Девушка была настоящей красавицей. Невысокая и хрупкая, она казалась чем-то похожей на Каролину, несмотря на светлые волосы. Она подняла стакан, чокаясь со своим спутником, но тут между ними возникла Каролина. Заинтересовавшись, Джо зашел внутрь.

— Нет, Скай, — произнесла Каролина, держа девушку за запястье. — Вспомни папу на этом самом месте. Вспомни, что мы чувствовали, наблюдая, как он исчезает из жизни.

— Каролина, она взрослая девочка, — сказал мужчина, слишком безразлично, чтобы в глазах появилось хоть какое-то выражение. Он был худощав, одет во все черное, длинные темные волосы спадали на болезненное, бледное лицо. Некоторые из художников знали его; они подходили, чтобы поздороваться, но, заметив признаки надвигающейся ссоры, спешили исчезнуть.

— Саймон, не лезь в это, — хлестко осадила его Каролина.

В бокале у Скай было шампанское. Джо видел, как в нем отражаются огоньки свечей. Пузырьки стройным потоком поднимались от дна к поверхности бокала. Девушка явно колебалась. Она переводила взгляд с Каролины на тощего художника и обратно.

— Всего один бокал, — сказала она.

— Вспомни папу, — хрипло проговорила Каролина.

— Он здесь совершенно ни при чем, — взвилась Скай, разгневанно взглянув на сестру. — Оставь меня в покое наконец!

— Если тебе неприятно на нас смотреть, мы уйдем, — сказал Саймон. — Мы хотели повидаться здесь с друзьями — гостями твоего отеля. Ты их наверняка знаешь — Трент и Аня. Они из Сент-Маркс-Плейса и приезжают сюда каждое лето на две недели...

— Саймон, заткнись, — предостерегающе оборвала его Каролина.

— Ненавижу, когда вы ссоритесь, — проговорила Скай. — Прекратите, пожалуйста. — Она сделала глоток, еще один. Издав звук, напоминающий всхлип, Каролина вышла из бара.

Джо направился за ней. Но его опередил Сэм. Джо наблюдал со стороны, решив не приближаться, как его младший брат вышел следом за Каролиной Ренвик в двойные стеклянные двери. Она быстро прошла через травяной садик и пошла по тропинке к реке; Сэм следовал за ней по пятам.

— Каролина!

Быстро шагая по дорожке, Каролина услышала за спиной мужской голос. Ей не хотелось останавливаться, не хотелось ни с кем разговаривать. Десять минут назад она искала Джо Коннора, но в этот момент это был последний человек, которого она желала видеть. Она не хотела, чтобы кто-нибудь пытался ей помочь. Сдерживая слезы, она ускорила шаг.

— Каролина! — снова послышалось сзади.

— Со мной все в порядке, — сказала она, пытаясь взять себя в руки. Она обернулась, чтобы посмотреть на него, изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимой, и, к своему крайнему изумлению, увидела, что ее догоняет не Джо, а Сэм.

— Ты правда в порядке? — спросил он.

— Да, я в порядке, — повторила она. То, что Сэм застал ее врасплох, совершенно сбило ее с толку, и она чувствовала, что вот-вот расплачется.

— Нет, ты обманываешь. Тебе плохо, — заметил он.

— Нет, я...

— Ты знаешь, что не можешь остановить ее.

— Я могла распорядиться не подавать ей алкоголь, — сказала Каролина. — Так я и должна была поступить. Запретить бармену подавать ей даже этот единственный стакан...

— И она могла бы получить его в другом месте. Это твоя сестра?

Каролина кивнула. Она вытирала слезы тыльной стороной ладони. Пока Скай была в больнице, она начала чувствовать себя более уверенно. Как будто Скай могли помочь, была какая-то надежда. Но потом опять появился Саймон, Скай сбежала из больницы, и вот она снова пьет.

— Мне это знакомо, — произнес Сэм. — Я долгие годы наблюдал, как мой брат практически убивает себя.

— Джо?

— Угу. Может, я не должен был тебе об этом говорить, но у него были большие проблемы с выпивкой.

— Он сам мне это рассказал.

— Он был таким жалким, — продолжал Сэм. — Он пил, чтобы ему стало легче, но становилось только хуже. Я нечасто видел его таким, но иногда... Когда он приезжал на Рождество, или однажды, когда он на летних каникулах взял меня с собой в Мэн ходить на яхте... — Глаза Сэма затуманились воспоминаниями. — Он был как Джекил и Хайд. Только что — самый лучший в мире брат, а потом вдруг — какой-то лунатик. Тогда-то он больше всего говорил о тебе. Когда напивался.

— О! — произнесла Каролина, пытаясь осознать, что услышала.

— В такие моменты он был как сумасшедший. Правда, как будто терял рассудок, не знал, чего хочет, что могло бы помочь.

— Ты же, наверное, был еще тогда совсем мальчишкой, — сказала Каролина, испытывая жалость к маленькому мальчику, бывшему свидетелем саморазрушительных поступков старшего брата. Но легче ли видеть такое для взрослой женщины? Она чувствовала, как по щекам ее текут слезы.

— Угу. Мне было очень хреново.

— Ну... У Джо в прошлом было достаточно плохого, — медленно проговорила Каролина, вспоминая их разговор

на борту «Метеора». — К тебе это, наверное, не имело отношения. Но... — Она очень осторожно подбирала слова. — Я не понимаю, почему Скай, а не я? В нашем детстве было столько общего. Все плохое, что случалось, случалось с нами обеими. Ну или почти все.

— Может быть, дело как раз в этом «почти», — сказал Сэм.

Каролина никогда не умела просить помощи. Когда случалось что-то плохое, это она всегда готова была протянуть руку тому, кто в этом нуждался. Она не собиралась менять этого, не хотела, чтобы было иначе, но в этот самый момент она чувствовала себя совершенно растерявшейся.

— Кто знает? — продолжал Сэм. — Лично я знаю только одно: в такой ситуации человек должен остановиться сам. Мы здесь ничего не можем сделать.

— У вас все в порядке?

Услышав голос Джо, Сэм протянул Каролине носовой платок. Она высморкалась. Звук получился таким громким, что вспугнул уток на реке. Они сорвались с места, шлепая по воде лапами.

— Все нормально, — ответил Сэм. Его голос звучал до странности гордо, как будто он был уполномочен охранять Каролину и теперь докладывал Джо о выполнении задания.

— Да? Ты уверен?

— Я уверена, — вмешалась Каролина.

— Переживаешь из-за сестры, — сказал Джо. Это был не вопрос, а утверждение.

— Да.

Джо кивнул. Сквозь кроны деревьев проникал сумеречный свет. Утки кружили над рекой, выбирая место, где присесть. Их силуэты обрисовывались на фоне луны. На той стороне прокричал козодой.

— Лучше бы она пила где-нибудь в другом месте, а не в отеле у Каролины, — попытался рассуждать Сэм.

— Никакой разницы, — оборвал его Джо.

Каролина кивнула, чувствуя себя ужасно. Она хотела вернуться в отель, но боялась снова увидеть Скай. Вид младшей сестры заставлял ее чувствовать страх, гнев и свою беспомощность. Сэм неуверенно сделал шаг в сторону отеля. Джо и Каролина оказались лицом к лицу. Лунный

свет едва пробивался сквозь ветви дерева, и в полумраке ей показалось, что она видит боль в глазах Джо.

— А это зачем? — спросил Сэм, указывая на японские фонарики.

Одна из гирлянд, протянувшаяся от заднего входа в отель до сарая, уже была включена. Фонарики висели неподвижно, как будто пойманные ветками деревьев, расцвечивая безветренную ночь оранжевыми, янтарными, бирюзовыми и алыми огоньками.

— Это для Бала Светлячков, — объяснила Каролина.

— А что это такое?

— Просто вечеринка, — ответила Каролина, сглатывая застрявший в горле ком. Джо смотрел ей в глаза, и она была не в состоянии отвести взгляд. Она снова подумала о Скай, и по щекам опять потекли слезы. Сэм разглядывал фонарики и не видел, как его брат взял Каролину за руку. Пальцы Каролины ощутили загрубевшую кожу на костяшках у Джо, и она задумалась, насколько дорого дался ему этот жест.

— Он бывает каждый год? — продолжал расспрашивать Сэм.

— Да.

— А мне можно прийти?

— Сэм, — резко одернул его Джо, отводя взгляд от Каролины ровно на столько, чтобы не успеть заметить промелькнувшую в ее глазах улыбку.

— Конечно, — ответила она. — Я буду очень рада.

— Только мне или и Джо тоже?

— Приходите все, о'кей? Всей командой. Это будет костюмированный бал.

— А как мы должны нарядиться? — поинтересовался Сэм.

— Конечно, пиратами, — ответила Каролина, глядя в прятавшиеся в тени ресниц синие глаза его старшего брата, самого отчаянного в мире пирата.

6 января 1979

Дорогая Каролина!

Как тебе побывать в Ньюпорте... вот это вопрос. Я хотел сделать тебе сюрприз, приехать в Коннектикут и за-

брать тебя с собой, но понимаешь, слегка застрял. Неудачное сочетание пива, маминой машины и младшего брата.

Но на самом деле я очень хочу, чтобы ты приехала сюда. У меня куча карт, и я уже гдую, что можно было бы приплыть за тобой на яхте. Через залив Наррагансетт, потом в пролив Блок-Айленд и мимо Рыбачьих островов, а там уже Темза и Блэк-Холл.

И Светлячковый Холм.

Черт, кому я вешаю лапшу? Плыть до тебя будет слишком долго, к тому же сейчас середина зимы. Я вел себя как дурак и вот теперь вынужден сидеть дома. Самое плохое — это то, что дураки имеют свойство не учиться на собственных ошибках. К., я очень по тебе скучаю.

Люблю,

Джо.

4 февраля 1979

Дорогой Джо!

Если ты сидишь дома из-за того, что покалечился сам или покалечил Сэма, я ни за что тебя не прощу! Ты должен за мной приехать! Больше я никак не могу попасть в Нью-порт, чтобы быть с тобой. Я тоже скучаю по тебе, так сильно, что едва могу вынести. Как это возможно, если мы даже не знаем друг друга лично? Или все-таки знаем? Джо, поторопись!

Жду с нетерпением,

твоя К.

Глава 11

Сидя перед огромным панорамным окном, Аугуста пришивала к балетным туфелькам большие войлочные помпоны. На подушечке перед ней лежал альбом живописи, раскрытый на репродукции одного из арлекинов Пикассо, и она старательно копировала детали его костюма. Арлекины приводили ее в восторг. Такие загадочные, такие проказливые: таинственные шуты! Она снова поздравила себя с удачной идеей.

Персонаж Пикассо должен быть узнаваемым. Она не хотела обижать наименее искушенных из гостей Каролины, явившись в какой-нибудь слишком трудно узнаваемой роли. Конечно, она могла выбрать персонажа с картины Карски или де Кубзака, художников, о которых никто не слышал, но потом весь вечер объяснять, что она имела в виду? Ну уж нет, увольте!

К тому же Аугуста знала, что у нее отличная фигура. Арлекин должен быть длинным и худощавым, как она сама, и в клетчатом костюме она будет выглядеть восхитительно. Это будет заманчиво, волнующе и остроумно.

Единственная проблема была в том, что Хью терпеть не мог Пикассо.

Хью отдавал должное его таланту. Было бы нелепо предполагать иное. Кто бы стал умалять заслуги человека, который как будто походя заложил основы искусства всего двадцатого века, мастера линии, отца кубизма? Кто посмел бы взглянуть свысока на художника, который мог нарисовать человека в профиль, глядя на него в анфас?

Нет, Хью очевидно завидовал самой жизни Пикассо, потому и не переносил его на дух. Для Хью Ренвика известный французский живописец был всего лишь Пабло, ровней. А так как английским эквивалентом имени Пабло

было имя Пол, в разговорах Хью называл Пикассо просто Полом. Назвать его Пабло или, еще хуже, Пикассо, означало слишком большую честь для заносчивого испанца.

Хью испытывал безумную ревность к Пикассо. Он завидовал его женщинам, обожанию и поклонению, которыми он был окружен, завидовал югу Франции, корриде, легенде. И у Хью были свои женщины, свое обожание и поклонение окружающих, но побережье Новой Англии мало походило на Ривьеру, а по сравнению с корридой остальные кровавые забавы были детскими шалостями.

Рыбалка и охота не могли удовлетворить его, особенно из-за того, что их сделал своей вотчиной Хемингуэй, которого Хью Ренвик действительно знал лично и называл «Папой». Папа бы только посмеялся над тем, как Хью возил дочерей на охоту. Когда речь идет об охоте, дочерей нельзя сравнить с сыновьями. Особенно если они наделены тонкими душами, а жизнь потчует их настолько жестокими ударами.

Хью на самом деле никогда не был таким жестким человеком, каким считал себя. Он заводил романы, убивал животных, пытался жить, как Пабло Пикассо. Но как только пострадали его дочери, он беспомощно развалился на кусочки. Он покинул этот мир, приканчивая себя алкоголем. И покинул Аугусту.

Доктор Хендерсон мог бы сказать, что костюм, который выбрала Аугуста, является проявлением неповиновения по отношению к покойному мужу. Мужу, которого она любила без памяти, но на которого все же таила обиду.

Мастеря в тишине свои арлекинские туфли, Аугуста воображала, что подумал бы супруг, увидев ее в таком наряде. Она любила Хью со страстной настойчивостью. С каждым днем она тосковала по нему все больше и больше. Иногда она признавалась самой себе, что любить его теперь было проще, чем при жизни. Чувству больше не мешали жестокие проявления реальности. Она была ревнивой женщиной.

Аугуста ревновала Хью не только к другим женщинам, но и к собственным дочерям. Помогли ей Господь, подумала

она, вспоминая, что испытывала, глядя, как Хью пишет портрет Каролины.

Услышав хлопок кухонной двери, она подняла голову от рукоделия и увидела входящих Скай и Саймона.

— Здравствуйте, мои хорошие, — сказала она. Только глянув на Скай, она поняла, что та выпила. Ее глаза покраснели, волосы растрепались. Было пять вечера, но дочь выглядела так, словно только что встала с кровати: похмельной и жалкой. Сердце у Аугусты болезненно сжалось. — Где вы были ночью? — спросила она.

— Мы остались в отеле, — ответил Саймон. — Приехали наши друзья из Ист-Вилладжа, и мы общались с ними.

— Скай, налить тебе чего-нибудь холодненького? — предложила ей мать.

Скай кивнула. Аугуста направилась в оранжерею. Наливая в кувшин ледяную воду, она с удивлением заметила, как дрожат ее руки. Бросив в керамическую мисочку таблетку аспирина, она поставила все на поднос и пошла с ним обратно.

— Ужасно пить хочется, — сказала Скай, залпом осушая высокий бокал. Она налила себе еще один, проглотила аспирин и запила его водой.

— Что же случилось? — поинтересовалась Аугуста, чувствуя, как ее трясет. — Я думала, ты решила некоторое время не пить.

— Я и не пила. Целую неделю. Но это так бессмысленно... — попыталась засмеяться Скай.

— А, бессмысленно... моя прекрасная маленькая экзистенциалистка. Может, поговорим о Камю? — спросил Саймон, невозмутимо поджигая сигарету.

— Только если ты сначала сделаешь нам мартини, — проговорила Скай. — Мам, ты же не откажешься от стаканчика?

— Ну, да, — неуверенно ответила Аугуста. — Но я не знаю, может быть, тебе все же не стоит...

— Мама, ну ужели ты думаешь, что мне хочется быть похожей на этих святош-трезвенников? Они такие противные! — воскликнула Скай, тряхнув головой.

— Лично я считаю, что лучший вариант — умеренность, — сказала Аугуста. — Но у твоих сестер по этому

поводу другое мнение. Они убеждены, что ты должна полностью завязать с выпивкой.

— Они завидуют, — произнес Саймон, выпуская из губ тонкую струю дыма, — творческой натуры Скай.

Его безапелляционность заставила Аугусту поморщиться, хотя она могла допустить, что он прав.

— Может, уже хватит разговоров о выпивке и пора выпить? — дрожащим от напряжения голосом спросила Скай. Аугуста обеспокоенно взглянула на дочь и заметила, что губы у нее почти побелели. Скай крайне редко огрызалась на Саймона, точно так же, как сама Аугуста в свое время практически никогда не повышала голос на Хью. Скай должна была быть действительно в очень плохом настроении, чтобы так разговаривать с мужем, однако она тут же пошла на попятный.

— Саймон, прости меня, — проговорила она, проводя рукой по лицу.

Саймон разглядывал ее в упор. Он был тощим и мрачным, глубоко сидящие темные глаза придавали ему сходство с каким-то енотом-развратником. Аугуста подумала о том, что его попытки представить себя как мужчину из того же разряда, что Хью, производят жалкое впечатление. Для нее извинением зятю могло служить только то, что она понимала, как Скай любит его. Эту любовь нельзя было объяснить рационально, и с ней невозможно было ничего поделать.

— Я приготавливаю коктейль, — мрачно произнес Саймон.

— Саймон прав, — сказала Аугуста, сжимая ладонь Скай и чувствуя, как внутри растет тошнотворное ощущение паники. — Тебе станет гораздо лучше, когда ты вернешься в свою студию.

— Ох, мама, — прошептала Скай.

Ни от чего Аугуста не чувствовала себя настолько беспомощной, как от попыток повлиять на любую из дочерей, попыток, которые неизменно терпели крах.

— Я не хочу становиться алкоголичкой, — проговорила Скай со слезами.

— Ты не алкоголичка, — пыталась утешить ее Аугуста.

— Я ненавижу это слово.

— Я тоже.

— Я хочу пить меньше, я понимаю, что должна. Я же могу это, правда?

— Конечно, дорогая моя. Я буду тебе помогать. Мы выпьем всего по одному бокалу и ни капли больше. Договорились?

Скай кивнула. Но слезы продолжали катиться по ее лицу.

Вернулся Саймон с подносом, уставленным всем необходимым для коктейля. Он не забыл даже блюдечко с ассорти из орехов. Серебряный шейкер, два сифона, распространяющие аромат джина и вермута, три маленькие оливки. Скай тупо смотрела, как он наливает мартини в охлажденные бокалы. В этот момент Аугусте стало ясно, как никогда, окончательно и бесповоротно: Скай нельзя пить. Вообще.

Аугусте стало страшно. Она была в ужасе от того, что не знала, как прекратить то, что сама начала. Каролина будет в отчаянии, когда узнает.

Они подняли бокалы и чокнулись.

— За Скай! — провозгласила Аугуста. — За возвращение домой!

Каролина в одиночестве сидела у себя на задней веранде. Завернувшись в шаль, она тихонько раскачивалась в кресле, вспоминая прошлый вечер. Пока Скай накачивалась в баре, они с Джо и Сэмом гуляли вдоль реки. Мужчины сказали ей: ты ничего не можешь сделать. Это личное дело Скай.

Рядом с ней на столике горела маленькая масляная лампа. Ночь была темной и душной, и художники в отеле уже притихли. Где-то вдали лаяла собака; на болотах кричали ночные птицы, и этот звук вызывал в памяти Каролины беспокойные воспоминания из далекого-далекого прошлого.

Она думала о Джо. Прошлым вечером он был здесь с ней. Вот здесь, у реки. Он держал ее за руку. Они не упоминали об этом, вообще ни о чем не говорили. Сэм, кажется, ничего не заметил, а когда они вернулись в отель, Джо отпустил ее руку и отошел. Но пока они гуляли среди тростника, он без слов предложил ей свою поддержку. А Каролина практически никогда ни от кого не принимала ее.

Как странно, думала она. Она крепко уперлась в полступнями и раскачала кресло, как лодку на волнах. Она сидит здесь, на своей веранде, и не пытается никуда сбежать. Поразительно. Совершенно на нее не похоже. Она раскрыла лежавшую рядом папку и достала дневник Клариссы Рэндалл.

Пока Джо был в милях от берега, доставая со дна корабль, в котором покоились кости Элизабет Рэндалл, Каролина в тихом домашнем покое читала записки ее дочери. Это вызывало у нее в душе странное чувство, что она как будто становится опекуной маленькой девочки, хранительницей горьких воспоминаний. Маленькие девочки нуждаются в заботе; Каролина всегда это знала.

У Клариссы был очень мелкий, аккуратный почерк. Строчки тянулись по бумаге, тонкие, будто паутинка. Девочка писала пером. Каролина заметила это, потому что сама иногда пользовалась перьевой ручкой. Когда она была маленькой, она нашла перо чайки, отцовским ножом заострила конец и, обмакивая его в тушь, записывала свои наблюдения и размышления.

15 августа 1789

Сегодня ужасный шторм. Таких волн я не видела с прошлой зимы, а ветер так трясет маяк, что я боюсь, что огонь погаснет. Папа сказал, что на Уикландские мели налетел корабль, но, к счастью, все спаслось. Я рада, что мы живем здесь и зажигаем огонь.

17 августа

Мамы не было почти весь день. Я хотела ее найти, поэтому обошла все кругом. Представляла, что ее бурей смыло в море, и очень боялась. Папа рассказывал про пиратов, которые орудуют вдоль побережья, это гурные люди, которые забирают то, что им не принадлежит, и иногда даже ради своей наживы нападают на людей с оружием. Я думала о том, что у мамы есть всякие красивые штучки, и что, если ее украли пираты? Она всегда носит на шее бабушкину камею. А еще жемчуг и гранатовые подвески. Папа подарил их ей на свадьбу. Пираты точно соблазнились бы такими сокровищами. Я думала, вдруг они сделали

маме больно, когда отбирали драгоценности? Или похитили ее и утащили на свой корабль, чтобы она готовила им еду и стала женой капитана.

Но я ошибалась. Мама вернулась. Когда я спросила, где она была, она посмотрела на меня хитро. Она сказала, что у женщин тоже есть свои секреты, совсем как у девочек, и иногда ей нужно побыть со своими секретами одной. Ее секреты оберегают ее, сказала она. Какие странные слова! Но она выглядит счастливой, значит, и мне нужно быть такой же.

18 августа

Мама опять пропала! Теперь это кажется мне занятым, как игра. У нее есть свое потайное место! Где же оно может быть? Вот было бы здорово, если бы оно оказалось одним из моих! Ну-ка посмотрим: у меня есть Скала Молнии, самый огромный гранитный валун на северном берегу. И приливные озерки на южном, где мы в начале лета нашли кита. Еще у меня есть сосновые пустоши, зеленая котловина и комнатка на чердаке над маяком. Что мне делать: позволить маме хранить свой секрет или попробовать раскрыть его?

20 августа

К нам приходил капитан Торн с «Кембрии». Принес китовый жир и лаванду. Мне он не понравился.

22 августа

Ветрено. Пошла поиграть в лодочном сарае и увидела, как мама разговаривает с капитаном Торном. Мне он не нравится. Он из Англии и так выговаривает слова, что папа смеется. Мама запретила мне рассказывать папе о том, что они встречались. По дороге домой нашли омара, сбрасывающего среди фукусов панцирь. Мама приготовила его папе на ужин и дала мне маленькие клешни. Я так и не нашла мамино потайное место.

Читая, Каролина поймала себя на том, что тяжело дышит от волнения. Кларисса раскрыла секрет своей матери, сама об этом не зная. Маминым секретом был капитан

Торн, но Кларисса была слишком невинна, чтобы заподозрить такое. Точно так же, как было, когда Хью встречался с матерью Джо или какой-нибудь другой женщиной, а Каролина думала, что он где-то пишет свои картины.

24 августа

Сегодня у пляжа плавали морские свиньи, а за ними — кит. Я хотела поплавать с ними, но мама не разрешила. Она молча сидела на песке, такая печальная, какой я не видела ее много недель. Когда она увидела птенцов крачки, которые выпрашивали у своих мамаш рыбу, она расплакалась, а я спросила «Что с тобой, мама?» Обычно мы смеялись, глядя на птенцов. Но она почему-то сказала, что я должна быть хорошей девочкой и вести себя правильно, что бы ни случилось. Потому что если мамы не могут быть рядом и заботиться о своих детях, они все равно должны знать, что с ними все в порядке.

29 августа

Просто поверить не могу. Мамы больше нет! Капитан Торн забрал ее с собой на «Кембрию», и они утонули на рифе Мунстоун! Милый Боже, верни мне мою маму!

Каролина читала страшные слова, закусив губу. Бедная малышка! Мать бросила ее, и ради чего? Чтобы умереть с любовником в морских волнах во время бури? Кларисса осталась одна и должна была пережить все это сама, без всякой помощи людей, которые обязаны были оберегать ее. А самое страшное — что она потеряла того из родителей, которого по-настоящему любила.

За болотами прокричал козодой. Галдели чайки и другие морские птицы, но песню козодоя нельзя было перепутать ни с чем. Она звенела в ночи, напоминая Каролине о Редхоке. О той горной тропе, засыпанной желтой листвой, на которой она начала терять своего отца.

Рядом с ней зазвонил телефон.

Каролина уставилась на него, думая о Скай. Потом взяла трубку:

— Алло?

— Привет. Это Джо.

— Привет, — ответила Каролина. Она задрожала, хотя ночь была жаркой. Держась за трубку обеими руками, она пыталась представить, как выглядит море в такую ночь, как сегодня.

— У тебя все в порядке? — спросил он. — Вчера ты была такой расстроенной.

— Все нормально.

— На самом деле, — сказал Джо, — скорее всего, это не так, но ты не можешь изменить то, что она делает.

— Так говоришь ты. И Сэм.

— Он-то знает. Он долго смотрел, как я спиваюсь.

— Он чудесный парень.

Джо то ли фыркнул, то ли усмехнулся:

— Тот еще тип.

Каролина улыбнулась. Ей нравилось наблюдать за братьями, когда они были вместе, и она радовалась, слыша, как смягчается тон Джо, едва речь заходит о Сэме. Слушая его дыхание в трубке, она закрыла глаза. Дул теплый ветерок, заставляя волоски у нее на шее приподниматься. Все, о чем она мечтала в жизни, — это иметь друга, думала она. Почему же это так сложно?

— Я позвонил, потому что мне в голову пришло кое-что, что может помочь. Может, не Скай, но, во всяком случае, тебе.

— И что же это? — поинтересовалась Каролина.

— Просто надо быть честной, — сказал он. — Настолько честной, насколько это возможно, во всем.

— Но я... — начала она, уязвленная его словами.

— Я знаю. Я верю, что это так. Но...

Каролина молчала, прислушиваясь к его дыханию. Что-то переменялось в ней, серьезно сдвинув все пласты, имевшие отношение к ее одиночеству, к прошлому. Она понимала, что это началось с приездом в город Джо и имело отношение к медленному самоубийству Скай. Она всегда оберегала тех, кого любила, но сейчас она понимала, что ей самой нужна помощь. Она крепче сжала телефонную трубку.

— Иногда нужно забраться в самую глубину, — говорил Джо. — Я не могу этого объяснить, но для меня это работает. Когда я понял, от чего я пытаюсь скрыться, я... почувствовал себя более готовым к тому, чтобы завязать.

— Завязать?

— Бросить пить. Правда дает свободу.

Каролина кивнула. Она снова закрыла глаза, размышляя над его словами. Перед глазами встал образ десятилетней Скай, одной среди гор. Девочка лежала в своей палатке. Был август, и ночь была холодной. Под ее спальным мешком, под полом палатки, извивались змеи. Снаружи были койоты. Скай лежала с широко открытыми глазами, сжимая в руке нож.

Эндрю Локвуд окажется на их пути лишь через несколько лет, но и тогда смерть уже носилась в воздухе. Они были такими юными, и они были слишком одинокими. Но Каролина научилась не жаловаться на судьбу.

— Правда бывает слишком тяжелой, — прошептала она.

— Нет, — возразил Джо, сам впервые осознав, что на самом деле верно противоположное. — Она может казаться такой, но это не так. Это свобода.

Каролина слушала эхо в трубке. До нее доносился треск электрических разрядов, чьи-то далекие голоса. Послышалась какая-то возня, словно кто-то отбирал у Джо трубку.

— Подожди, — недовольно проговорил он. — Тут кое-кто хочет с тобой поговорить.

— Каролина, привет!

— Привет, Сэм, — отозвалась она, беря себя в руки.

— Каролина, что ты делаешь завтра после обеда?

Ей было слышно, как Джо пытается оттащить Сэма от телефона или телефон от Сэма. Пластмассовый корпус стучал по столу. Она услышала смех, приглушенный возглас, резкий и настойчивый голос Джо. Сэм снова захватил контроль над трубкой.

— Ну так что? — спросил он, как будто ничего не случилось. — Ты занята?

— Утром у меня собрание акционеров в банке, — ответила она. — Но потом я совершенно свободна.

— Джо читает в Йеле лекцию. Пускают всех желающих.

— Во сколько? — спросила Каролина.

— В три. В Крофорд-Холле.

— А что, Йель дает научные степени по охоте за сокровищами?

Сэм рассмеялся:

— Нет, но завтра охотник за сокровищами временно превратится в ученого. Если ты придешь, то услышишь, как прелестны донные отложения. А знаешь, я собираюсь преподавать там.

— Что, правда? В Йеле?

— Ну, пока они не предлагали мне работу, но обязательно предложат когда-нибудь... — Сэм снова захихикал, борьба за трубку возобновилась. Каролина слышала, как Джо приказывает ему немедленно заткнуться, но его голос звучал шутливо, он почти смеялся.

— Я постараюсь приехать, — пообещала Каролина. Она ждала, что Джо вернется на линию, но Сэм первым повесил трубку. Послышались гудки.

На следующий день после обеда Каролина заехала за Кли. Вместе они поехали на запад по 95-й трассе, по направлению к Нью-Хейвену. Кли не нашла ничего странного в том, чтобы поехать в Йель слушать лекцию Джо Коннора о морских донных отложениях. Она только улыбнулась и сказала Каролине, что та выглядит замечательно в своем платье цвета морской волны, жемчужных сережках и браслете.

— Спасибо, — ответила Каролина. Она бросила быстрый взгляд на сестру: — Я что, слишком шикарно выглядела?

— Ты выглядишь великолепно.

— Я вообще толком не понимаю, зачем мы туда едем, — заметила Каролина. — За исключением того, что Сэм был в слишком большом восторге, а мне не хочется его огорчать. Он чудный парень.

— Это замечательный повод проделать весь путь до Нью-Хейвена по сорокаградусной жаре. И послушать лекцию про донную грязь, — с невозмутимой улыбкой отозвалась Кли.

— Если ты не хочешь... — пробурчала Каролина.

— Я ни за что такого не пропущу, — заявила Кли.

95-я трасса была загружена. Автомобильные пробки начались с Гилфорда, а к тому времени, как они добрались

до большой эстакады, огибающей нефтяные цистерны в глубине Нью-Хейвенского порта, они поняли, что времени у них в обрез.

— Видишь вон ту башню, похожую на колокольню? — спросила Кли, указывая куда-то в направлении затягивающегося тучами горизонта над гаванью. — Это Харкнесс. Точно в центре Йеля, в двух кварталах от Крофорд-Холла.

— Помнишь, как мы ездили в Йель после папиной смерти? — продолжила она.

— Угу. Он оставил музею ту картину, и нам всем пришлось надевать вечерние туалеты и пить чай с попечителями. Мама попросила официанта налить ей в чашку бренди.

— И вела себя совершенно неприлично, чтобы никто не заметил, как ей грустно.

— Как же она ненавидела заниматься чем-нибудь без отца.

— Ладно, давай не будем об этом, — проговорила Кли, передернув плечами. — Не хочу сейчас забивать этим голову.

Каролина свернула с трассы на Йорк-стрит. Она вела машину мимо гранитных колледжских зданий и кованых ворот Йеля, наконец нашла место для парковки на углу главного проспекта и улицы Роши. Не говоря больше ни слова о прошлом, они с Кли направились по дорожке к Крофорд-Холлу.

Гранитные ступени привели их к сводчатому строению. Студенты старших курсов и публика со стороны толпились в прохладном переднем зале. Лекция Джо входила в популярный цикл, посвященный океану; его публиковали местные газеты и «Нью-Йорк Таймс». Постепенно люди начали заполнять аудиторию.

Из толпы им помахал Сэм. Он сидел во втором ряду и занял место для Каролины.

— Это Кли, моя сестра, — сказала она, и они пожали друг другу руки. Сэм попросил людей, сидевших в том же ряду, подвинуться на одно место, и они уселись, Каролина — между Сэмом и Кли. На Сэме были брюки цвета хаки, джинсовая рубашка и галстук. Волосы были аккуратно причесаны, но все равно постоянно падали ему на глаза.

На коленях у него лежала раскрытая тетрадь, как будто он собирался делать записи по ходу лекции.

На сцену поднялся профессор Джо Коннор и занял свое место на кафедре. На нем была коричневая твидовая куртка, белая рубашка и галстук в полоску. Он держался уверенно и приветливо и был действительно похож на молодого привлекательного профессора колледжа. Он прочистил горло, перебирая листы с текстом лекции загорелыми пальцами. Джо оглядывал аудиторию совершенно спокойно, как будто ему было не впервой стоять перед учениками и читать лекции.

Он рассказывал о том, как бороздил моря на своем «Метеоре», исследуя обломки кораблекрушений и морское дно. В его лекции научные исследования представляли побочным продуктом охоты за сокровищами. Джо объяснял, как изменялся в прошлом климат и уровень моря, как осадки накапливались слоями сложной структуры. Как извлеченные со дна колонки донных отложений датировались корабельным палеонтологом по содержащимся в них микроокаменелостям.

— Бурение скважин в морском дне и взятие проб ила и скальных пород позволили нам интерпретировать давнее прошлое нашей планеты вплоть до тридцати пяти миллионов лет назад, — говорил Джо. — Работы с такими судами, как затонувшая «Кембрия», — возможность лучше узнать о последних двух столетиях.

Он рассказывал о том, как в его исследованиях геология сочетается с археологией, как ему удастся удовлетворять свой интерес к морским отложениям с любопытством по поводу человеческих поступков. Затем по сигналу лектора свет притушили и на появившемся экране возникли слайды.

— Наше настоящее место работы — прекрасный пример, — говорил он. — «Кембрия» была английской баркентиной с трюмами, наполненными королевским золотом. Судно пошло ко дну во время бури в 1769 году, и вся команда погибла, в том числе и капитан с влюбленной в него женщиной. — Джо остановился и откашлялся.

На экране возник трехмачтовый корабль. Это был тот самый рисунок, который Каролина видела в штурманской

рубке «Метеора». Джо щелкнул кнопкой, и появилось изображение золотых монет и обросших ракушками пушечных ядер. Еще один щелчок, и на экране возникла страница из дневника Клариссы.

— Та женщина была женой и матерью, и после ее смерти ее маленькая дочь осталась сиротой, — рассказывал Джо. — Девочка вела дневник, и недавно мне в руки попала его копия.

— Та самая, что дала тебе Мэрипат! — воскликнула шепотом Кли. Каролина кивнула, не сводя глаз с Джо.

— Это дало нам возможность установить исторический контекст событий. — Голос Джо был глубоким и звучным, он наполнял все закоулки аудитории. — История Земли, возможно, записана на океанском дне с большей точностью, чем где-либо еще. За исключением, может быть, дневника маленькой девочки, потерявшей мать. Эти горькие записи, оставленные человеком, который никогда не задумывался о потенциальном читателе, исторически достоверны и совершенно правдивы. Кларисса помогла нам сложить вместе историю всех артефактов, которые мы подняли со дна.

Этот дневник дала мне та же самая особа, которая и первой рассказала мне об этом кораблекрушении еще много лет назад, — продолжал Джо, и Каролина почувствовала, как краснеет в темноте. — Наши собственные жизненные истории переплелись подобно историям героев этой катастрофы. Когда-то нас можно было назвать близкими друзьями, но потом мы превратились скорее во врагов. Все меняется в этом мире. Даже истина, или вернее, ее восприятие с течением времени. В подобных случаях это ничего не меняет, но все равно кажется крайне важным.

Мы подняли на борт «Метеора» множество предметов и большое количество донных образцов. До последнего времени нам еще не было понятно, что имеет ценность, а что — нет. Никогда невозможно сказать, пока образец металла не окажется в лаборатории, золото это или никель. Содержатся ли в наших буровых колонках поддающиеся расшифровке данные об изменении уровня моря или одна лишь грязь. Но потом оказывается, — он глубоко вздохнул, — что в них одна лишь грязь.

Аудитория рассмеялась, а когда все поняли, что Джо закончил, разразилась аплодисментами. Каролина вжалась в спинку кресла. Она смотрела на Джо и могла поклясться, что тот нашел ее взглядом в полумраке и тоже смотрел на нее. Его синие глаза были ясными и чистыми и слегка щурились в луче света от проектора. Включили верхний свет, а он продолжал смотреть на нее, пока зрители проходили между ними.

— Было очень интересно, — сказала Кли, наклоняясь через Каролину к Сэму. — Твой брат — замечательный оратор.

— Ему предлагали место в Йеле, — сообщил Сэм, — читать лекции в качестве приглашенного профессора в следующем учебном году. Не то чтобы я страшно завидую или что-нибудь такое...

— А я думала, это ты проходил собеседование, — вступила в разговор Каролина.

— А ты — профессор? — спросила Кли.

— Нет, но мне хотелось бы им стать. Я в течение семестра стажировался в Дартмуте, но сейчас я в основном провожу время на исследовательском судне в Северной Атлантике и рассылую резюме из каждого городишки на Ньюфаундленде и Лабрадоре, где есть почтовое отделение. Я проходил здесь собеседование, но пока мне не дали никакого ответа. А вот мой брат...

— Ты это серьезно? — спросила Каролина. — Джо хочет работать в Йеле? — Она продолжала смотреть на Джо, размышляя, собирается ли он действительно принять это предложение. Что, если он на самом деле на некоторое время оседет здесь и перестанет путешествовать? Она пыталась не нервничать так по поводу его возможного решения, но это было сложно, потому что Джо уже направлялся к ней, сверля ее глазами, как двумя исследовательскими бурами.

— Ты все-таки приехала, — произнес он. — Спасибо.

— Мне понравилась ваша лекция, — проговорила Каролина, глядя ему в глаза, — доктор Коннор.

— Надеюсь, ты не обиделась на меня, что я взял твой пример, чтобы проиллюстрировать свой рассказ, — заметил он.

— Мне кажется, это кое от чего зависит, — задумчиво проговорила Каролина.

— И от чего же? — поинтересовался Джо, склонив голову набок. В его глазах мелькнула тень улыбки. Он ждал.

— Джо, это же очевидно, — встрял Сэм.

— Да ну? Тогда скажи.

— Стали ли вы теперь снова друзьями, — ответила за него Кли. — Или до сих пор враги.

— Господи, все семейство сговорилось, — заметила Каролина, стараясь скрыть за шуткой смущение.

— Друзья, — тихо ответил Джо. — Конечно, мы друзья.

По дороге домой Каролина продолжала прокручивать в голове его слова: «Конечно, мы друзья».

— Приятно было его послушать, — сказала Кли. — Из него мог бы получиться прекрасный профессор.

— Да, — согласилась Каролина.

— Правда, было бы здорово, если бы они с братом могли преподавать вместе?

— Да, правда.

— Здесь, в Йеле. Совсем близко. Наверное, тогда мы могли бы с ними иногда встречаться, — нейтральным тоном продолжала Кли, — раз уж вы снова стали друзьями.

— Кли, — прервала ее Каролина резко, однако улыбаясь.

Они съехали с шоссе и углубились в улочки Блэк-Холла. Здесь были большие белоснежные коттеджи судостроителей с черными ставнями и ящиками красных гераней, белых петуний и синих лобелий на окнах; белые штакетники; желтый георгианский особняк, где когда-то был пансион американских импрессионистов, а теперь — музей; бензозаправочная станция; стройные буки и клены; понатыканные повсюду звездно-полосатые флаги; две белые церкви: одна — конгрегационистская, со знаменитыми фресками, другая — католическая. Дальше к югу, уже за городом, вдоль дороги потянулись соленые марши и притоки Коннектикута; третья белая церковь — на этот раз епископальная; рыбный рынок с голубым флюгером-рыбкой на крыше.

— Ты не хочешь заехать к маме? — спросила Каролина. — Повидать Скай?

— Прекрасная мысль, — отозвалась Кли.

Продолжая путь между крутыми склонами по правую руку и водой по левую, они через некоторое время выехали на дорогу вдоль побережья. Она нырнула в темный лесной туннель из тсуг и древних дубов, полностью закрывавших ветвями небо. Справа взметнулся скалистый склон, и дорога вырвалась из древесного сумрака. Перед ними раскинулась панорама открытого моря, на гребешках волн играли солнечные блики.

Дорога повернула вверх, снова нырнув в лес. Подъезд к усадьбе сторожили фонарные столбы, увенчанные коваными фигурками злобных на вид летучих мышей. Ренвик заказал их знакомому художнику из Вермонта. Некоторые расправили крылья, у других они были прижаты к костлявым телам; когда зажигали фонари, глаза нетопырей светились зловещим красным огнем. Хью установил их для устрашения незваных гостей, чтобы ничто злое больше не могло проникнуть на Холм Светлячков.

Каролина почувствовала, как желудок скручивается узлом. Что они увидят, добравшись до дома матери? Она уговаривала себя перестать волноваться, ведь Скай — взрослая женщина и сама несет ответственность за свою жизнь. Каролина пыталась сделать вид, что цель их визита с Кли — не только проверить, в каком состоянии находится их младшая сестра.

Когда они приехали, Скай была пьяна.

Аугуста с расстроенным видом занималась вышивкой. Саймон и Скай сидели рядом на диване, перелистывая журнал о дизайне. Скай с трудом удерживала голову прямо.

— Привет, — сказала Каролина с упавшим сердцем. Кли молча стояла рядом с ней.

— Скай целый день работала в студии, — неуверенно проговорила Аугуста. Ее глаза покраснели и забегали. Она взглянула на Скай, но тут же отвела взгляд. Рядом со Скай за ножкой дивана стояла бутылка пива. Она наклонилась, взяла бутылку и, глядя в глаза Каролине, сделала глоток.

— Ей именно это было нужно всегда, — лениво произнес Саймон.

— Мне всегда был нужен ты, — прошептала Скай. — И твой большой...

Насколько она пьяна, задалась вопросом Каролина, слушая, как Скай нашептывает на ухо Саймону что-то неприличное. При виде красавицы-сестры, так унижающей себя, у Каролины сильнее разболелось сердце. Аугуста делала вид, что ничего не слышит, но в глазах ее застыло отчаяние. Кли тяжело дышала, как будто только что взбежала на холм. Вся семья чувствует то же самое, подумала Каролина.

— Скай, — жестко произнесла она.

Скай сделала вид, что не услышала сестру. Она продолжала теревить Саймона, шепча ему на ухо сальности, лишь чуть-чуть громче, чем следовало.

— Скай, прекрати, — сказала Каролина.

На лице Скай появилось такое выражение, будто ее ударили.

— Он мой муж.

— Значит, ты должна его уважать и отложить подобные разговоры до того момента, когда вы останетесь наедине. — Слова вырвались у Каролины так внезапно, что даже она сама удивилась. Это и есть — говорить правду? — подумала она. Это я только что сделала? Кли стиснула ее руку.

Скай залилась краской. Саймон скривился, пробурчал: «О господи!» и вышел из комнаты. Но на лице Аугусты отразилось облегчение. Каролина наблюдала за матерью и увидела, как расслабились ее губы, а пальцы перестали лихорадочно перебирать черный жемчуг.

— Лучше найди собственного мужика, — мрачно проговорила Скай.

— Когда ты пьяна, ты становишься отвратительной, — отрезала Каролина. — Тебе это известно?

— И что же ты сегодня делала в студии? — поинтересовалась Кли, поспешно пытаясь разрядить напряженную обстановку и восстановить мир между сестрами.

Наступившая тишина была тягостной, как гроза, что вот-вот разразится. Каролина и Скай смотрели друг на

друга. Гомер ткнулся своим мокрым носом в лицо Скай. От неожиданности она дернула головой. Это вмешательство, казалось, заставило ее забыть о ссоре.

— Что? — переспросила она.

— Что ты сегодня делала? — повторно задала свой вопрос Кли. — Мама сказала, что ты работала в студии.

— Вот это, — ответила Скай, указывая в сторону.

Взгляд Каролины упал на ком глины. Он лежал на столике рядом с вазой, полной красодневом, дикими розочками, жимолостью, ветками лиственницы, душистым горошком и мятой, и был похож на шестидюймовый горный хребет с тремя вершинами. Обычно Скай не работала в абстрактной манере. Ее скульптурные изображения людей отличались живостью и эмоциональностью, в них чувствовались человеческие стремления. Она часто создавала скульптуры женщин, известных своей страстностью и яркой жизнью, — Жанны д'Арк, Сафо, Лины Хорн, Амелии Эрхарт.

— Что это? — спросила Каролина, наклоняясь.

Кли склонилась рядом с сестрой. Она повернула кусок глины другой стороной, чтобы разглядеть его получше.

— Редхок, — горько отозвалась Скай. — Видите эти горные вершины?

— Нет, — сказала Кли, глядя ей в глаза. — Это что-то другое. Так ведь?

Скай кивнула, глаза ее неожиданно наполнились слезами.

— Ох эти горы! — произнесла Аугуста с другого конца комнаты. — Какой покинутой я себя чувствовала! Но я хотела, чтобы мои девочки проводили время с отцом...

— Это не Редхок? — поинтересовалась Каролина, задумавшись, станет ли плачевное состояние творческих способностей Скай постоянным результатом ее пьянства.

Скай покачала головой. Теперь она плакала, не таясь; потянулась за своим пивом, но пить не стала. Она стискивала бутылку, пока костяшки пальцев не побелели.

— Это сестры, — прошептала она.

— Мы? — так же шепотом отозвалась Каролина, пораженная, стараясь скрыть разочарование в голосе.

Скай кивнула:

— Ты, я и Кли.

— Мне нравится, — отчаянно проговорила Кли.

Каролина начала внимательнее разглядывать комок глины. Примитивно, незаконченно, так, как мог бы сделать ребенок. Три фигуры были соединены, но вместе с тем и разделены друг от друга. Они соприкасались основаниями, но своими верхушками клонились в разные стороны. В скульптуре не было характерных для Скай мастерства и точности, однако, глядя на нее, Каролина почувствовала, как ее захлестывает шквал эмоций.

— Вы видите? — сквозь слезы спросила Скай. — Видите трех сестер?

— Я вижу, — ответила Каролина, начиная плакать сама. — Мне тоже нравится.

Ответ Каролины словно спустил какую-то пружину внутри Скай, и та разразилась рыданиями. Она больше не могла сдерживаться. Скай сидела на диване, судорожно вцепившись в коричневую пивную бутылку, а сестры окружили ее с обеих сторон. И все три сестры Ренвик обнялись так крепко, как только могли.

«Нам нравится скульптура Скай», — думала Каролина. Три куса глины, слепленных вместе. Морской ил Джо. Вспомнив о Джо, его слова о правде, Каролина еще крепче прижала к себе обеих сестер. Сестры. Три сестры. Она подумала о первом объяснении Скай, о том, что это горы, и поняла, что и это отчасти правда.

Для трех сестер правда не может быть однородной и общей, подумала Каролина. Пьянство Скай — это в какой-то мере ее, Каролины, путешествия. Когда одна из них хочет сказать правду, двое других могут продолжать стремиться скрыть ее. Прекратите таиться, думала она, обнимая сестер.

После лекции в Йеле Джо не терпелось вернуться к месту кораблекрушения.

— Ты собираешься здесь преподавать? — спросил Сэм, пытаясь вытащить правую ногу из левой штанины гидрокостюма, куда она попала по ошибке.

— Вряд ли, — ответил Джо, наблюдая, как брат запутывается все больше.

— А почему? — поинтересовался Сэм, наконец выдерживая ногу и ударяясь ей о крепительную утку. Джо наклонился и отцепил застежку на лодыжке брата. В голове мелькнуло смутное воспоминание о том, как когда-то засовывал малыша в комбинезон.

— А зачем мне это надо? Мне нравится то, чем я занимаюсь. Если ты мечтаешь преподавать в Йеле, это еще не значит, что все мечтают о том же.

Здесь, в открытом море, небо было ясным и перспектива протяженной. Джо вдохнул полной грудью и подумал, что именно такой он любит жизнь: ясной, с хорошим обзором вдаль. Ничего лишнего рядом. Только он, обломки затонувшего корабля, океан и донный ил.

— Ты взрослеешь, парень, — сказал Сэм. — Пока ты тут разыгрываешь из себя пирата, полный университет студентов жаждет знаний о всякой морской грязюке. Понимаешь? О древних остатках, камнях и иле, рассказывающих историю времен. Точно, как ты говорил в своей речи. Это было замечательно, кстати.

— Спасибо, — сухо отозвался Джо. Стянув с себя рубашку и штаны, он облачился в свой гидрокостюм. Сэм протянул ему кислородный баллон, и он пристегнул его за спиной. Мужчины были готовы к погружению.

— Я серьезно, Джо, — действительно серьезным тоном проговорил Сэм. — У каждого должна быть где-то своя гавань. И, по-моему, здесь, рядом с Блэк-Холлом, для твоей самое место.

— При чем здесь Блэк-Холл?

— Подумай сам, придурок. Только подумай об этом.

Джо столкнул Сэма за борт и смотрел, как тот ошарашенно бьет по воде руками и отплеивается. Потом последовал за ним, опустившись в холодную воду. Братья протерли маски и надвинули их на глаза. Сэм подмигнул Джо и погрузил его под воду. Тело Джо мгновенно отреагировало на ледяную воду, сердце заколотилось, он резко вдохнул, потом еще и еще раз, пытаясь привыкнуть к температуре.

— Блэк-Холл, — проговорил он, загребая руками воду. — Господи боже!

— Только подумай об этом, — повторил Сэм.

Они заложили в рот наконечники шлангов и нырнули.

Солнечные лучи проникали на глубину в двести футов, но для человеческого глаза темнота сгустилась раньше этой отметки. Погружаясь рядом с братом, Джо каким-то шестым чувством ощущал, как перед ними возникает остов корабля. Он висел, зацепившись за риф, обнажение ледниковых пород, словно нагромождение стволов, сваленных бурей. Три мачты были сломаны пополам, реи и фалы валялись на песке, частично погруженные в него.

Аквалангисты, члены его команды, сновали вокруг, как деловитые пчелы, занимаясь своей работой. Их движения в толще воды действительно напоминали полет. Они заплывали в пролом в носовой части корабля, похожий на черный зев пещеры. И выплывали наружу, держа в руках части корабельных конструкций и его груза.

Сэм устремился вперед, горя желанием скорее проникнуть внутрь корабля. Джо предостерегающим жестом задержал его. В свете фонаря Джо разглядел широко раскрытые в предвкушении глаза младшего брата за маской, и его захлестнуло стремление защитить его от возможных опасностей. Энтузиазм парня постоянно оказывался причиной неприятностей, отправлялся ли он в велосипедную прогулку по загруженному шоссе или хватался за работу, которую ему предлагали.

Джо жестами объяснил Сэму, что он должен подождать здесь. Внутренности корабля были слишком опасным местом. Сэм попытался спорить, но Джо был неумолим. Он сделал сердитое лицо и постарался напустить устрашающее выражение во взгляде. Сэм выдохнул большую тучу пузырей и подчинился. Джо хотелось бы чувствовать себя победителем, однако вместо этого он испытывал неловкость из-за того, что разочаровал брата.

Рассекая безмолвные воды глубин, Джо поддался мрачному чувству — потому, что был вынужден оставить Сэма позади, и потому, что спуск в затонувшее судно походил на спуск в гробницу. По сути, так оно и было; вплывая внутрь «Кембрии», Джо чувствовал, что выполняет некий долг. Он хотел воздать последние почести матери Клариссы, которая погибла, не имея возможности получить

их. В его воображении образ Клариссы застыл образом одиннадцатилетней девочки, ребенка, чья мама уплыла в море и не вернулась домой. Читая дневник, он пытался выудить оттуда информацию, которая помогла бы идентифицировать останки Элизабет. Эмоции, которые против его воли наполняли душу, он старался отогнать прочь.

Джо вплыл в черную дыру. По длинному и полному опасностей проходу среди изломанных и перевернутых предметов обстановки он направлялся на тусклый свет подводного фонаря, отмечающего нужное место, и был рад, что не дал Сэму спуститься сюда. Правильное дыхание на глубине требовало большого хладнокровия. Ему приходилось видеть, как страдали от кессонной болезни ныряльщики, чья кровь практически вскипала от избытка азота в результате того, что те начинали лихорадочно заглатывать воздух, поддавшись панике. Поэтому он думал о Клариссе и старательно следил за своим дыханием.

Впереди стал яснее виден яркий голубой свет. Это были прожектора, установленные на разломанной корме «Кембрии», красновато-коричневом массиве дерева, покрытом ракушками, почти слившемся с рифом. Туда-сюда сновали рыбки; дно вокруг было практически свободным от мелкого мусора после работы песчаного насоса. Аквалангисты старательно разгребали оставшиеся обломки, доставая монеты.

Джо увидел два скелета. Они сцепились вместе, завалившись на один из бортов. Их рты зияли, кости вытягивались вперед. Казалось, они молили о помощи, о прощении.

Джо запретил себе проявление каких-либо чувств.

Он завис в воде, словно рыба, стараясь быть безразличным к увиденному. Но сердце отчаянно колотилось, мешая спокойному ходу мыслей. Заглотив слишком большое количество воздуха, он отвел глаза. Потом снова посмотрел на них. Эти люди погибли из-за любви. Они уплыли прочь с мечтой о счастье, их страсть друг к другу заставила броситься в опасное путешествие, оставив прошлое позади. У этой женщины была дочь.

Стоило ли это того? Джо хотелось спросить об этом у нее самой. Погибнуть на этом рифе, застигнутой внезап-

ным штормом. Они не отошли и на двадцать миль от маяка Элизабет. Джо подумал о своем отце, погибшем в пятидесяти милях от дома. О своей матери и Хью Ренвике, о всех бедах и безумии, что породила их связь.

Джо слышал, как гулко стучит сердце. Всю жизнь женщины были для него подобны остановкам в портах, он оставлял их позади одну за другой, избегая всего сложного и долговременного в отношениях, и понятно почему: только посмотрите на этот символ страдания. Он подплыл к скелетам поближе. Взяв у Дэна фонарь, он направил луч на черепа.

И нашел то, что искал: вещь, по которой можно было идентифицировать кости Элизабет Рэндалл. Руки словно налились свинцом, в горле пересохло. Если верить дневнику Клариссы, она никогда не снимала ее. Обвинившиеся вокруг позвоночника водоросли почти скрывали покрытый зеленью и ракушками твердый предмет, лежащий на ключицах. Джо протянул руку и осторожно отцепил его. За долгие годы и многочисленные экспедиции к останкам погибших кораблей он научился подавлять сердечный трепет перед лицом свидетельств чьей-то смерти. Он проделывал это сотню раз, роясь среди костей и высвобождая из них золотую цепь, бриллиантовые подвески или карманные часы. В такие моменты Джо был не более чем ученым. Он забирал предметы и никогда не оглядывался назад.

Но камья Элизабет должна была достаться по наследству Клариссе. Как это повелось, должно быть, издавна в их семье, по прошествии времени, мать, старея, должна была передать свою самую драгоценную вещь дочери. Джо подумал о своем отце, его золотых часах, которые он так никогда и не увидел больше после его смерти. Когда родители умирают вдали от дома, они забирают все свое с собой. Забирают вещи, которые могли бы дать их детям успокоение, утешение и, может быть, даже необходимые ответы.

Конечно, этих вещей было недостаточно, однако это было бы хоть что-то, за что можно ухватиться. Их можно держать в руках и разглядывать, они служили бы напоминанием о тех, кто когда-то любил тебя. А ведь порой эти

вещи были единственным, что могло бы остаться от дорогих сердцу людей.

Джо смотрел на кости. Он попытался прочесть молитву за упокой души этой женщины, но каким-то образом в нее вплелись Каролина и Сэм. Глотка у Джо горела. Балласт тянул его ко дну, дыхание скрежетало в ушах. Он старательно спрятал камешек и повернулся к выходу, не в силах более оставаться здесь.

Выбравшись из пролома в корпусе корабля, он огляделся в поисках Сэма. Не заметив его сразу же, он почувствовал, что сердце снова начинает бешено стучать. Черт возьми, подумал он. Дьявольски трудно погружаться с кем-то, о ком ты беспокоишься. Он поплыл вокруг корабельного остова, максимально быстро, оглядывая группы водолазов.

Он нашел Сэма на рифе. Удалившись от места кораблекрушения, не прельщаясь золотом, брат охотился за собственными сокровищами. За рыбой. Как биолога, его интересовали пелагические виды, точно так же как Джо — донный ил. В мозгу у Джо мелькнула мысль: а что, если и вправду мы оба окажемся в Йеле? Что, если сможем жить рядом, а не разделенные двумя океанами? Что, если станем делать то, чему учились, и будем преподавать в престижном университете?

Нет, не навсегда, подумал Джо, такое все-таки слишком сложно представить. Но хотя бы какое-то время?

Сэм что-то говорил. На глубине в двести футов, двигаясь в толще воды среди рыбьих стай рифа Мунстоун, его брат выговаривал губами какие-то слова. Он вытащил загубник изо рта и старательно артикулировал. Его губы шевелились, снова и снова повторяя одни и те же фразы. Наконец, Джо смог прочитать по губам брата два слога:

— Блэк-Холл, — говорил Сэм, выпуская изо рта тучи пузырей, устремлявшихся к поверхности. — Блэк-Холл.

14 марта 1979

Милый Джо!

Ладно, признаю, в прошлом письме меня немножко занесло. Мне кажется таким чудным, что я так рвусь увидеться с тобой, хотя до сих пор не знаю тебя лично. С тех

самых пор как ты написал о том, что мог бы приплыть сюда, я все время пытаюсь разглядеть парус на горизонте.

Мне кажется, что-то со мной происходит.

Люблю,

Каролина.

20 апреля 1979

Милая Каролина!

Со мной тоже происходит что-то. Продолжай наблюдать за морем — я приплыву, как только починю главный парус. Его порвало ветром на прошлой неделе. Я не должен был выходить в море в такую погоду, но я надеялся, что ветер поможет мне добраться до Коннектикута (т.е. до тебя).

Люблю,

Джо.

Глава 12

Скай сидела в своей студии, пытаясь настроиться на работу. Комната выходила на северную сторону, и в ней было прохладно. Глина была готова. Скай сидела на своем привычном месте, на высоком металлическом табурете, придвинутом к гладкому каменному столу. Ее огрубелые кончики пальцев гладили скользкую поверхность. Язык не помещался во рту. В голове шумело. В левом виске утнездилась непроходящая тупая боль; она бессознательно все время трогала его, нажимая, чтобы проверить, станет ли боль от этого сильнее.

Вчера ночью она упала. Направляясь из сада в дом, споткнулась и грохнулась на землю. Она разодрала колени и ударилась головой о камень. Костяшки на обеих руках были ободраны. На одежду нацепились травинки, к коже прилип песок и мелкие камушки. Придя в себя, она обнаружила, что Гомер облизывает ей лицо.

Это напугало Скай. Она не чувствовала головокружения, а глядя в зеркало, не обнаружила новых синяков. Но в голове сбоку возникло и не проходило какое-то неприятное ощущение, как будто она едва ли не раскrojила себе череп. И было больно. Мать и Саймон были в доме, а она вышла... зачем? Сейчас она с трудом могла это вспомнить. Ее что-то обидело, и она выскочила вон, чтобы посмотреть на море. И Гомер как раз оказался рядом, только что вернувшись из своего очередного путешествия.

Скай смотрела на глину и не ощущала потребности творить. Вдохновение, чувство единения материала и замысла сегодня покинули ее. В последнее время обрести их становилось все труднее и труднее. Скай было необходимо, чтобы ее чувства прорывались наружу, проходили от мозга в кончики пальцев, чтобы глина в руках обрела

форму и жизнь. Но спиртное заперало их внутри. Оно притупляло боль, но вместе с ней и любовь.

Каждое утро она просыпалась с похмельем и обещала себе, что сегодня не будет пить. Голова у нее болела и до падения. Скай представляла, как алкоголь разрушает ее мозг изнутри. Но в какой-то момент каждый день она начинала испытывать жажду. Пустота внутри превосходила боль в голове, и она знала, что спиртное поможет справиться с худшим из ощущений. По крайней мере, на какое-то время.

Сейчас она как раз испытывала необходимость выпить стаканчик. Она посмотрела на часы на столе: три часа дня. Скай заключила с собой сделку: еще два часа. Поработаю до пяти, а потом вознагражу себя бокалом вина. Я имею на это право. Один бокал меня не убьет.

В комнату вошел Саймон. От мужчины пахло табаком и скипидаром, и его выцветшие глаза могли рассказать собственную историю о пьянстве. Он встал у стола Скай, молча глядя на глину. О чем он думал? Скай не знала. Понимает ли он, что у нее проблемы? Это слово удивило ее саму, и она задумалась, откуда оно взялось. Проблемы.

— Ну, как движется? — спросил Саймон, наливая большой стакан воды и залпом выпивая его.

— Нормально, — ответила Скай.

— Твоя матушка внизу, возится со своим костюмом. — Скай улыбнулась, представив эту сцену, а Саймон продолжал: — Она хочет знать, что мы собираемся надеть к Каролине на карнавал. А нас вообще туда звали?

— Конечно. А почему нет?

— Потому что она меня ненавидит. И завидует тебе.

Скай покачала головой. Она не любила, когда муж нелестно отзывался о сестрах, а сегодня ей стало от этого по-настоящему плохо. Чему должна завидовать Каролина? Мучающейся с похмелья, опустившейся скульпторше, которая не может лепить? Скай потянулась мимо глины к одному из предметов, которые всегда держала на столе. Там были плоский серый камешек, белоснежное птичье перо, змеиный скелет, ружейная гильза и бледно-голубая раскрепанная лента.

— Зачем ты все это хранишь? — поинтересовался Саймон, забирая у нее камень. — Мы женаты уже пять

лет, а я не знаю и половины истории. Эти таинственные штучки — ваши ренниковские семейные фетиши, — ты никогда о них не рассказываешь.

— Это обычные предметы, — сказала Скай. — На которые можно смотреть.

Саймон взглянул на нее глазами в красных прожилках. Он казался совсем вымотанным. Жизнь — пьянство, живопись, попытки любить Скай — взимала с него свою дань, и это было ясно видно. Он придал лицу такое выражение, словно обдумывал что-то. Он хотел, чтобы жена поняла ход его мыслей: мне уйти или остаться? Саймон любил играть с ней в такие рассудочные игры. Самое плохое сейчас было в том, что Скай совершенно не чувствовала в себе сил сопротивляться.

— Ну вот, к примеру, — проговорил Саймон, кладя на место камень и взяв со стола гильзу. — Зачем тебе вот это?

— Это память об олене, которого застрелили этой пулей, — ответила Скай, представляя лунную ночь в горах, олениху, рухнувшую на камни, черную кровь, хлынувшую из ее горла, стук копыт бьющегося в агонии животного по каменной осыпи. Это было первое живое существо, которое она убила. Очень долго она не могла взглянуть без слез на эту пустую гильзу.

— А вот это? — продолжал он, трогая белое перо.

— Это лебединое перо. Отец дал по одному всем нам, когда повез нас на «Лебединое озеро».

— Он дал вам по лебединому перу, — произнес Саймон, поджимая губы. Его очаровывала любая история, касающаяся Хью Ренвика, какой бы банальной она ни была.

— Чтобы мы не забывали о природе. О том, что природа — величайший источник вдохновения Чайковского — любовь и природа.

— Повезти вас на балет и дать вам по лебединому перу. Потрясающе. — Саймон покачал головой. — А змея?

— Змея напоминает мне об опасности, — ответила Скай. — О том, что нужно быть внимательной.

Она смотрела на змеинный скелет. Это был самый большой предмет на столе, длинный и извилистый. В глубине плоского треугольного черепа, если взглянуть под определенным углом, были видны ядовитые зубы.

— Это та змея, которая тебя укусила?

— Нет, — ответила Скай. — Но такая же.

Саймон дотронулся до волос Скай. Она чувствовала, как мужские знакомые пальцы перебирают их, заправляя за уши. Она закрыла глаза и попыталась сдержать дрожь, охватившую все тело. Вспоминала ночевку в палатке, шевеление змей под полиэтиленовым днищем.

— Когда на тебя действует яд, ты чувствуешь себя теплой и сонной, как от виски? — спросил он. — Как после выкуренного косяка?

— Нет, — ответила Скай. — Ты чувствуешь темноту и боль. Мне казалось, что из меня выкачали весь воздух, и я была уверена, что умру. Но Каролина высосала яд.

Пальцы Саймона, скользящие по ее шее, были мягкими, словно лишенными костей, как будто он специально хотел вызвать у нее воспоминание о змеях. Она вздрогнула помимо собственной воли.

— Твой отец бросил тебя одну. И никто, кроме Каролины, не присматривал за тобой. Ну еще Кли, только я могу поклясться, что она даже не выглянула из палатки. Он вполне мог бы посадить ее где-нибудь в пригороде. Слепец ведет безумца.

— Саймон, прекрати!

Она смотрела на скульптуру, которую начала лепить несколько дней назад. Три сестры. Каролина, Кли и Скай. Прижавшиеся друг к другу, защищая друг друга в горах.

— Каролина была старше, она должна была знать, что ты ставишь палатку прямо на расщелине. Она что, не видела? — спросил Саймон.

— В траве не было ничего видно, — ответила Скай. — Там была такая мягкая трава. Она думала, что на этом месте очень удобно поставить палатку, как будто на перине. В горах редко встретишь такую траву.

— Целое логово гремучих змей, — проговорил Саймон, снова касаясь ее шеи. — Ты, наверное, потеряла рассудок, когда они начали выползать из дыры. В темноте, одна-одинешенька в своей палатке, а сестры — в своих. Бедняжка Скай. Наверное, ты испугалась до беспамятства, когда почувствовала, как эти твари копошатся под твоим спальником. Слушай, а может, Каролина сделала это

специально? Она все знала, когда посоветовала тебе поставить там палатку. Ей надоело быть для тебя мамочкой.

— Ни за что!

— Ну конечно. Святая Каролина. А голубая лента к чему?

— А, лента, — проговорила Скай, не желая вспоминать, — она была на мне однажды.

— В день свидания с другим мужчиной? Который нравился тебе больше, чем я?

Скай покачала головой.

— Где ты носила эту ленту?

Скай ответила после небольшой паузы:

— На Редхоке.

— А, в горах, — протянул Саймон. — Это когда ты застрелила того парня?

— Да.

— Я женился на убийце, — прошептал он ей в ухо.

Скай почувствовала, как к глазам подступают слезы. Она смотрела на ленту. Тогда у нее были длинные волосы, и она собирала их в хвостик, чтобы они не падали на глаза. Так было удобнее прицеливаться.

— Ты когда-нибудь чувствовала, что обладаешь особым могуществом? — шептал Саймон. — Зная, что отняла у человека жизнь?

— Нет, я всегда чувствовала от этого ужас, — прошептала она в ответ.

— Я знаю. Я знаю, сколько ты страдала. Но в самой глубине души, глубже всех слоев сознания, неужели в тебе не скрывалась крохотная часть, которая чувствовала себя богом? Та часть, которая всегда жаждет нового опыта... которая хочет испытать все в полной мере?

— Нет, Саймон, — проговорила Скай. Она смотрела на голубую ленту. Темное пятнышко на одном ее конце, похожее на выцветшую ржавчину, было кровью Эндрю Локвуда. Когда Каролина сидела рядом с умирающим, держа его за руку, она наклонилась, чтобы поймать Гомера, и конец ленты попал в кровь.

— Можешь поклясться?

— Ты — мой муж, и ты уже должен был достаточно узнать меня, — сказала Скай дрожащим голосом. Она не

могла продолжать этот разговор, нужно было выпить. Она жаждала ощутить, как теплая волна облегчения омоет мозг, унося мучительные мысли.

— Покажи, как ты меня любишь, — произнес он. — Ну давай, покажи.

Она сползла с табурета и опустилась на колени.

Стоя на коленях перед Саймоном, Скай обхватила его руками за талию и прижалась щекой к его бедру. Она чувствовала себя больной и уставшей. Больше всего в этот момент ей хотелось испариться, и она подумала: как вообще я допустила все это? Как я превратилась в женщину, которая чувствует такое и ведет себя так?

— Ты хочешь? — спросил он.

— Да, — прошептала она, потому что солгать было проще, чем сказать правду.

Мужчина запустил пальцы в ее волосы и откинул ее голову назад. Она почувствовала влагу на своих ресницах. В горле был соленый вкус. «Он мой муж, — думала она. — Любовь ли это? Я делаю это только для того, чтобы больше не разговаривать». Она потянулась к молнии на его брюках; расстегнула ее и сунула руку внутрь.

В ее лицо ткнулся носом Гомер, дружелюбно глядя на Скай своими карими глазами, полными бескорыстной любви.

— Привет, мальчик, — сказала она.

— Черт побери! — воскликнул Саймон. — Убери отсюда эту собаку!

Скай попыталась оттолкнуть Гомера, но пес отказывался уходить. Скай заметила, что его уши вылиняли уже почти полностью, шерсть поредела, как у игрушки, которую очень любили и никогда с ней не расставались. Гомер пролез между Скай и Саймоном. Он прижался к Скай, пытаясь отодвинуть ее от мужа.

— Зараза! — раздраженно произнес Саймон, шлепая собаку.

Старый пес остался стоять на месте, глядя на Саймона печальными карими глазами, исполненными чувства собственного достоинства. Саймон снова замахнулся. Гомер не дрогнул. Не показал зубы и не завилял хвостом. Он просто смотрел на Саймона так, словно ждал от этого мужчины самого худшего.

— Не смей его бить, — вырвалось у Скай.

— Он все испортил! — взорвался Саймон, застегивая штаны. — Ее долбаный пес все испортил! Дьявол. Каролина собственной персоной не справилась бы с этим лучше.

Скай захотелось рассмеяться. Она не поднимала головы, чувствуя, как из груди рвется смех, и недоумевала, не сошла ли она с ума. Она была просто похмельной пьянчужкой, которая хотела снова напиться и которая предпочитала сделать то, что хотел от нее муж, чем признать, что он ей неприятен, а ее защитил милейший золотистый ретривер ее сестры.

Саймон ураганом вылетел из студии. Скай слышала, как хлопнула за ним дверь, его шаги пронеслись по лестнице, после этого он завел машину и уехал. Гомер лежал на полу рядом с ней. Он давным-давно простил ей случай, который свел их вместе. Скай легла на пол рядом с собакой, прижавшись щекой к холодному каменному полу и накрыв ладонью лапу Гомера. Она закрыла глаза и молча молила небеса о том, чтобы когда-нибудь смогла сама простить себя.

Каролина инспектировала территорию отеля. В сумерках должен был начаться Бал Светлячков, и она хотела окончательно убедиться в том, что все готово. Деревья, фонари, сам отель тонули в тяжелой жаре. Длинные белые льняные скатерти едва заметно колебались в дуновении слабого бриза. Музыканты настраивали свои инструменты. Посреди сцены одинокий басист без рубашки склонился к аппаратуре.

По обеим сторонам танцплощадки были устроены бары. В сарае ждало своего часа в многочисленных ведерках со льдом шампанское. Каролина остановила Мишель, которая пробежала мимо с папкой в руках.

— Передай барменам, чтобы они не наливали Скай, — сказала Каролина.

— Что? — не поняла Мишель.

— Она только что из больницы. Ей нельзя принимать алкоголь одновременно с лекарствами.

Мишель разглядела правду за этой ложью. Но она уважала Каролину и понимала, как та беспокоится из-за сестры.

— Обязательно передам. А твоя мама придет?

— Конечно, — ответила Каролина, невольно улыбаясь. — Аугуста ни за что такого не пропустит.

— Да, там пришли парни с корабля и сказали, что ты их пригласила, — вспомнила Мишель. — Ну эти, охотники за сокровищами. Они, кажется, в полном восторге.

— Правда?

— Да, а что?

Каролина повернулась и поглядела на свою помощницу. Та прижимала к груди свою папку, улыбаясь, как гордая мамаша.

— Ты выглядишь изумительно.

— Спасибо, — отозвалась Каролина, зардевшись. Зная, что у нее масса дел, она заранее оделась на бал. Ее темные волосы были заплетены во французскую косичку, на ней было белоснежное платье с длинной шуршащей юбкой и никаких украшений, кроме жемчужных сережек.

— Ты одевалась по какой-то определенной картине? — спросила Мишель. — Наверное, это «Девушка в белом» твоего отца?

— Я не имела в виду именно это, — ответила Каролина. Но на самом деле знала, что Мишель права. Она действительно надела точно такое же платье, в котором была изображена на картине отца.

— Это то же самое платье? — поинтересовалась Мишель.

— Нет.

Того белого платья, в котором рисовал Каролину отец, уже давно не было — оно было подарено Уодсвортскому музею для выставки предметов, изображенных на знаменитых полотнах. Но, взглянув на себя, точно со стороны, Каролина поняла, что платье действительно почти такое же.

— Многие эту картину должны узнать, — заметила Мишель. — Мне кажется, среди этой публики твой отец очень знаменит.

— Да, наверное, ты права, — согласилась Каролина, поправляя букет на одном из столиков. Но сама она понимала, что выбрала картину отца не из-за ее известности, не потому, что многие из гостей должны узнать ее. Она

надела белое платье только потому, что его должен был узнать один-единственный гость.

Каролина знала, что Джо Коннор видел ее портрет в музее «Метрополитен», он сам рассказал ей об этом. Это была мелочь, но все-таки зацепка. А такие зацепки иногда стоят дорогого.

8 сентября 1979

Дорогой Джо!

Мне нужно что-то сказать тебе. Но это можно сказать только лично. Господи, почему Ньюпорт так далеко от Блэк-Холла?! Скорее! Только обязательно будь осторожен!

Люблю,

Каролина.

30 сентября 1979

Дорогая К.

На самом деле Ньюпорт не так уж далеко от Блэк-Холла. Проблема лишь в том, что ты там, а я здесь. Нужно только оказаться обоим здесь или там; по крайней мере ты подала мне идею. Новый парус стоит больше, чем у меня сейчас есть.

Что ты хочешь сказать мне? Мне кажется, я догадываюсь, потому что сам хочу сказать тебе то же самое. Иногда мне кажется, что у меня нет никого, кроме тебя, на белом свете, К. У матери есть новая семья — Сэм и его отец. Я живу с ними, но я для них совсем не то, что Сэм.

С тобой все по-другому. Ты можешь заставить меня улыбаться, как никто другой. Каждый раз, когда я вижу твой почерк, я думаю, что все должно быть хорошо. В мире есть только один человек, которому я доверяю, и этот человек — ты. Я вижу, у меня получилось глинное письмо, но уже поздно, а я не могу заснуть. Я думаю о тебе, Каролина. Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь! Но я все равно могу сказать тебе —

я люблю тебя.

Джо

Глава 13

Весь день температура воздуха зашкаливала под сорок, и небо перед закатом казалось жемчужно-бледным, а солнце висело над горизонтом дрожащим багровым шаром. После заката взошла луна. Она поднималась все выше и выше, белея в туманном темном небе, а внизу, на Балу Светлячков, сияли бумажные фонарики и музыка разливалась в ночи.

В морском баре на льду сверкали свежие устрицы и мидии. Каролина и Мишель разложили часть из них в духе натюрморта Дега. Гости сложили копны сена, имитируя пейзажи Моне, расставили пляжные зонтики и белые тенты, как у Бодэна. Мерцали свечи, музыканты играли «Каждое наше прощание».

Территория отеля была запружена гостями, наряженными героями любимых картин. Здесь было много старинных туалетов, в духе «Завтрака на воде» Ренуара или «Мадам Икс» Саржента, — элегантные длинные платья, больше всего вдохновлявшие женщин. Мэй Тэйлор появилась в костюме собственной бабки Эмили Данн, основательницы «Свадебного салона», сошедшая с портрета Хью Ренвика. С русыми волосами, убранными в высокую прическу, она выглядела одновременно мило и благородно. Кли и Питер пришли в костюмах ирландской пары с картины Хью «Гэльский танец», а Скай и Саймон — в черном, изображая самих себя. Заключив очередное из своих неустойчивых перемирий, супруги пришли вдвоем, сопровождаемые Аугустой, и заняли столик между рекой и танцплощадкой.

Каролина видела, как прибыли ее родственники и, спрятавшись за углом, наблюдала за ними. Она пока не знала, что сказать Скай. Она слишком хорошо знала сестру и слишком сильно ее любила. Но почему-то они утратили

способность нормально общаться. Несколько последних встреч прошли так, как будто они говорили на разных языках.

— Каролина! — окликнула дочь Аугуста, заметив ее.

Улыбаясь, Каролина направилась к родным. Аугуста в своем костюме арлекина и черных жемчугах выглядела легкомысленно и озорно. Все встали со своих мест, приветствуя хозяйку бала, и та расцеловалась с матерью, сестрами и их мужьями. Они похвалили костюмы друг друга, и каждый отметил огромную работу, которую проделала Каролина, готовя этот карнавал.

— Твой отец гордился бы тобой, — сказала Аугуста, пожимая дочери руку. Ее глаза сверкали под маской арлекина. С каждым годом Аугуста становилась все сентиментальнее. — Ты должна быть довольна тем, что сделала, дорогая.

— Спасибо, мама, — ответила польщенная Каролина. Одобрение родителей всегда много значило и продолжало значить для нее.

— Это платье... — проговорила Аугуста, глядя на Каролину. — Оно так похоже на то, что было на тебе... Ты помнишь, как позировала тогда? На веранде «Светлячкового Холма»?

— Да, мама, я помню, — ответила Каролина. Как она могла такое забыть? Был уже конец года, последний бесснежный уик-энд. Эндрю Локвуд был месяц как мертв, и семья продолжала пребывать в состоянии шока. Это была последняя картина, которую написал ее отец. После того как он закончил «Девушку в белом», он отложил кисти и краски до лучших времен, которые так и не наступили.

— Это прикончило его, Каролина, — заметила Аугуста.

— Что?

— Эта картина. Она отняла у него все силы. Когда Хью закончил, он сказал, что у него внутри больше нет ничего. Он так и не стал снова собой после этого... Но здесь он смог поймать что-то такое...

Каролина снова посмотрела на мать. Ее голос звучал горько, как будто костюм Каролины напоминал ей о слишком тяжелых потерях, несчастьях и несправедливости, доставшихся на их с Хью долю.

— Что поймать?

— Твои внутренние качества. Этот скрытый запас...

— Мое равнодушие? — почувствовав укол страха, спросила Каролина, припоминая, что сказала ей Скай и настраиваясь на опровержение.

— Нет. Ты была юной и страстной, и ты держала все это в себе. Эффект оказался таким таинственным и влекущим. Я помню, как смотрела на твоего отца в момент создания этой картины и думала, что тот, кто взглянет на этот портрет, будет уверен, что художник был влюблен в эту девушку.

— Мама! — произнесла Каролина.

Аугуста отвернулась, чтобы скрыть внезапное разочарование в глазах. Не знай Каролина ее так хорошо, она могла бы подумать, что в голосе матери звучала ревность. Но это не могло быть так.

— «Девушка в белом». Ты прекрасно выглядишь, — сказала Скай. В руках у нее был бокал; но в нем, похоже, была минералка.

— Ты тоже, — ответила Каролина.

Они стеснялись, как будто две собаки, обходящие друг друга подальше на узкой дороге. Кли подалась вперед.

— Послушайте, — произнесла она. Музыкальная группа играла «Спокойной ночи, мой Некто». Скай пела эту песню в восьмом классе, на весеннем концерте, а Каролина и Кли сбежали из колледжа, чтобы пробраться туда и послушать. Песня объединяла сестер воспоминанием из прошлого, и Каролина и Скай попытались улыбнуться друг другу.

— О боже! — проговорила Аугуста. — Что это?!

На бал прибыла команда «Метеора». Банда пиратов, разодетых в драные рубахи и просоленные штаны, с повязками поперек глаза у некоторых, прокладывала себе путь к бару через толпу гостей. Приличные группки приглашенных поспешно рассыпались, как будто мужчины были настоящими пиратами. Моряки собрались у бара, разобрали заказанное пиво и разглядывали присутствующих.

— Их сюда приглашали? — с сомнением в голосе поинтересовалась Аугуста.

— Это друзья Каролины, — ответила Кли.

Самый худощавый из морских разбойников поставил пиво на стойку и начал прокладывать себе путь через толпу. Он явно двигался к определенной цели, рассчитав траекторию, как будто перелетая через палубу корабля на оборванной брам-стенге, и целью этой была Каролина. В конце концов он предстал перед ней, уперев руки в боки и комично играя мускулами, в повязанном на белобрысой голове красном платке и в белой рубашке.

— Хей-хо! — воскликнул он. Одно стекло его круглых очков пересекала черная повязка.

— Привет, Сэм, — отозвалась Каролина. — Это моя семья. Познакомьтесь, пожалуйста, это Сэм Тревор. — Она говорила обиденным тоном, улыбаясь Сэму, но внутренне чувствовала, что атмосфера изменилась. Сэм был здесь, и Джо тоже, а его присутствие меняло все.

— Я явился, чтобы поддержать дурную славу пиратов всех морей, — извиняющимся тоном проговорил Сэм.

— Каким образом?

— Похитив тебя, — ответил он, протягивая Каролине руку, — на один танец.

Каролина последовала за Сэмом на танцплощадку. Музыканты играли довольно спокойную мелодию, и на площадке было достаточно места, чтобы развернуться. Сэм старался изо всех сил; действительно, делал все, на что был способен и даже больше. Он знал, куда нужно положить руку и как двигать ногами, но он подчинялся совершенно иному ритму, чем Каролина и сама мелодия. Каролина заметила растерянность на его лице. Она старалась приспособить свои движения к его, совершенно покоренная старанием своего партнера.

— Извини, — проговорил он, краснея.

— За что? Я сама хотела потанцевать с тобой, — ответила Каролина.

— Со мной опасно танцевать, — сказал Сэм. — Я все время наступаю на ноги.

— Ты любишь музыку?

— Да, очень.

— Остальное не имеет значения, — проговорила Каролина, как будто утешая младшего братишку. — Просто расслабься и получай удовольствие.

— Спасибо тебе, — ответил Сэм. Они молча танцевали с минуту. Сэм слегка расслабился, но с ритмом у него было все так же плохо. Пока они двигались по танцплощадке, Каролина разглядывала толпу. Она видела, что пираты продолжают пить у барной стойки, но Джо среди них не было.

— Как ваша работа? — поинтересовалась Каролина.

— Прекрасно. Я на этой неделе нырлял два раза. Джо брал меня с собой.

— О! А он...

Он был здесь, глава пиратской шайки. Джо Коннор стоял поодаль, прислонившись к дереву. На нем была белая рубаша, порванная на плечах и на груди, и тесные черные штаны. Он был босиком. На голове лихо сидела черная шляпа, опущенная на один глаз. Увидев его, Каролина вздрогнула, как будто температура мгновенно упала градусов на двадцать.

— Мы нашли скелеты, — рассказывал Сэм. — Они частично погрузились в ил и прекрасно сохранились. Но на самом деле мы достали изрядное количество золота...

Когда Сэм говорил, он еще больше возбуждался, и его танцевальные па становились совершенно ни на что не похожими. Они кружились, и Каролина потеряла Джо из виду. Но Сэм развернул ее обратно, и она снова увидела его. Тот направлялся куда-то, лавируя среди людей. Его синие глаза казались темными, и они смотрели на нее. Гости расступались перед ним и глядели вслед. Он распространял вокруг себя атмосферу ощутимой опасности, как настоящий пират.

Ночной воздух пах жимолостью и розмарином. Сэм увидел, что брат приближается к ним, и улыбнулся. Каролина чувствовала, как у нее в груди поднимается горячая волна.

— Потанцуем? — спросил Джо.

— Мне придется подчиниться, или он заставит меня уехать, — сказал Сэм, отходя в сторону.

Каролина стояла, не двигаясь, слушая музыку. Вокруг них кружились в танце пары, иногда задевая ее. Она почти не замечала их и Сэма, который удалился прочь. Джо смотрел на нее своими темными глазами. По их выражению нельзя было сказать, что он чего-то ждет или добивается.

Он мог быть чужаком, случайно затесавшимся в толпу гостей. Каролина кивнула. Джо сделал шаг к ней и обвил ее стан руками.

Дыхание перехватило. Они танцевали вместе, так близко, что она ощущала его теплое дыхание у своего виска. Музыка была медленной и мелодичной. Они не разговаривали, и Каролине нравилось, как они двигаются, будто морская трава на течении, изысканно и ритмично. Ее горло сдавило болью, от чего — она сама не понимала.

— Спасибо за танец с Сэмом, — сказал он спустя минуту.

— Я сама захотела, — ответила она, удивившись.

— Парень не способен танцевать. У него обе ноги левые.

— Но он так старался. Это самое главное, — сказала Каролина. Глядя через плечо Джо, она видела своих родных. Саймон и Скай покинули места за столиком. Она надеялась, что они пошли танцевать, но Саймон направился к бару, а Скай осталась в стороне, наблюдая за ним.

— Сэм рассказал, что ты брал его с собой под воду, — произнесла Каролина, искренне желая в данный момент не думать о Скай.

— Угу.

— Ты показывал ему скелеты?

— Да, — ответил Джо, крепче обнимая Каролину.

Она ощущала его руки на своих обнаженных плечах, его губы, касавшиеся уха. Мужчина прижал ее кисть к своей груди жесткой, грубой ладонью. Ее пальцы скользнули по курчавым волосам на груди и прижались к теплой коже. Она чувствовала в его теле такое же сильное напряжение, как и в своем собственном. Они перестали разговаривать. Каролина прижалась щекой к груди Джо; она прикрыла глаза и подумала, чувствует ли он, как бьется ее сердце, бьется совсем рядом с его?

Аугуста бродила среди гостей. В руке у нее был бокал с мартини. В качестве вдовы Хью Ренвика она была здесь звездой. В какой-то момент она поняла, что рассказывает группе молодых художников о том, что стакан в ее руке принадлежал самому Хью.

— Хью Ренвик пил из этого бокала? — с почтением спросил какой-то молодой человек. Как и Аугуста, он был

одет персонажем Пикассо: быком из «Герники». На нем была тупая, скошенная маска из папье-маше, но от шеи и ниже он выглядел вполне привлекательно в костюме торeadора.

— Да, — соврала Аугуста. — Не желаете испить из священного кубка Хью?

— Если бы он помог мне писать так, как Хью Ренвик! — воскликнул молодой человек, восторженно вцепляясь в бокал обеими руками, как будто он действительно был священным предметом, и пытаясь сделать из него глоток через нелепую прорезь маски.

— Этого я гарантировать не могу, мой милый, — скрипнув губы, ответила Аугуста. — Хью был бы очень недоволен нами обоими, если бы увидел, что мы оделись в Пикассо, а не в Ренвика. Он недолюбливал Пола.

— Пола? — переспросил бык.

— Пикассо, мой милый, — пояснила Аугуста, оглядываясь в поисках дочерей. Кли и Питер были на месте, такие мило общительные, какими и должны быть взрослые дети на веселом костюмированном балу. Скай куда-то исчезла, заставляя Аугусту заметно нервничать. Она шпионила за Саймоном, который заигрывал с молоденькой официанткой, пытаясь произвести на нее впечатление своим обычным пассивно-агрессивным мрачным видом. Каролина с кем-то танцевала, заслоненная от нее толпой.

— Я бы оделся в Ренвика, — говорил бык, — но он писал преимущественно пейзажи и женские портреты. Мне как-то не захотелось наряжаться красным сараем или обнаженной девицей.

— Я вас понимаю, — согласилась Аугуста, наконец заметив Каролину. Она, извинившись, покинула быка и остановилась понаблюдать за старшей дочерью. Каролина в этот вечер выглядела превосходно. Она словно сияла изнутри; ее кожа нежно светилась, как шкурка персика, огромные глаза были ясными и прекрасными, белое платье идеально сидело на ее фигуре. Аугуста ощутила острое раскаяние за ту застарелую ревность, которая снова вернулась к ней этим вечером. Но она тогда сказала правду: «Девушка в белом», написанная сразу после гибели того юноши, прикончила Хью. И Аугуста так отчаянно желала,

чтобы это она была на том портрете, самом знаменитом произведении своего мужа.

Когда толпа разошлась, Аугуста смогла хорошенько рассмотреть мужчину, с которым танцевала Каролина.

Это был самый красивый мужчина, которого Аугуста Ренвик видела за много лет: выше шести футов ростом, широкоплечий. Это был один из пиратов. Он был достаточно крепко сложен, чтобы походить на рабочего, однако держался с некоей небрежной элегантностью. У него был красивый морской загар и самые ясные синие глаза, какие ей только доводилось видеть. Но в шок ее привел не его вид, а то, как он смотрел на Каролину. Это был взгляд, полный яростного, дикого желания и страсти.

— Мама?

Аугуста почувствовала прикосновение Кли к своему запястью.

— Милая, что это за мужчина танцует с Каролиной?

— Пират.

— Это я вижу. Но кто он такой?

— Наверное, знакомый. Мам, ты не видела Скай?

— Они ведут себя, как любовники. Ты только посмотри, как он на нее смотрит!

— Это же медленный танец. Мам...

— Я сама искала Скай, — сказала Аугуста. Она с трудом оторвалась от созерцания танцующей дочери и пирата и огляделась вокруг. Отхлебнула martini, чувствуя себя не в своей тарелке. Что это — усилившаяся ревность или тоска по Хью? Она снова перевела взгляд на танцующую пару. Вожделение у мужчины в глазах было сравнимо с тем, что было во взгляде Каролины, и напомнило Аугусте о том, как она сама страстно желала своего мужа, как она боялась потерять его.

— Мне показалось, что она слишком тихая, — заметила Кли. — Она чем-то удручена?

Аугуста вздохнула. Почему они не могут просто веселиться? Почему все должно быть таким серьезным и мрачным? Она не так воспитывала своих дочерей. Она же всегда предоставляла им максимум свободы.

В то время как прочие мамы контролировали каждое движение своих чад, Аугуста давала дочерям возмож-

ность расти и познавать мир самостоятельно. Она подавляла свои материнские инстинкты и позволяла Хью брать их на охоту. Он хотел научить их самостоятельно заботиться о себе, и ей казалось, что муж добился успеха. Все эти одинокие ночевки в горах! Но вот они здесь, беспокоятся за Скай, потому что она исчезла из поля зрения.

— Я уверена, что с ней все в порядке, — отозвалась Аугуста.

— Посмотри на Саймона, — сказала Кли.

Тот тащил официантку на танцплощадку. Она оставила свой поднос на столике, скинула туфли и таяла в его объятиях. Саймон курил сигарету. Он говорил что-то, не вынимая ее изо рта, и синий дым застилал ему глаза. Аугусте показалось, что у зятя злобный, грязный и глупый вид.

— Зачем Скай вышла за него? — спросила Кли. — Такое ощущение, что она нарочно выбрала мужчину, который стал бы обращаться с ней хуже всех.

Аугуста сдавленно застонала, глядя, как ладони Саймона ложатся на бедра официантки.

— Твой отец убил бы его на месте, — заметила она.

— Он бы убил Скай, — возразила Кли. — Он был непреклонен в отношении мужчин, больше всего хотел, чтобы мы были сильными и не стали бы ничьими жертвами. Только этому он и мечтал нас научить.

— Он научил тебя, — сказала Аугуста. Хью обманывал Аугусту, утверждая, что ничего не может с собой поделаться, что так поступают все мужчины. Но больше всего в жизни он желал, чтобы никто не обидел его дочерей.

— Научил меня? — переспросила Кли.

— Ты вышла замуж за хорошего человека. Милый Питер, — проговорила Аугуста. — У тебя одной все получилось. Скай вышла за подонка, а Каролина так и осталась одна.

Но когда Аугуста произносила эти слова, они с Кли видели, как Каролина танцует в объятиях пирата. Тот выглядел воплощением того, от чего предостерегал дочерей Хью. Мужчина был сильным и уверенным в себе, с явственно выраженной сексуальностью, и его руки держали Каролину так, как будто он поймал ее и намеревался овладеть ею. Но самое странное, во что Аугуста не могла до конца поверить, — было выражение в его глазах.

Ей казалось, что, с точки зрения любого стороннего наблюдателя, пират, танцующий с ее дочерью, выглядит по уши влюбленным.

Песня закончилась. Каролина отступила назад. Джо стоял молча. Ему хотелось попросить ее танцевать с ним дальше. Но это был ее отец и ее бал, и, наверное, у нее были неотложные дела и обязательства перед гостями. Кругом так и вились мужчины, которые, очевидно, тоже хотели бы потанцевать с ней. Но Каролина не двигалась. Она продолжала стоять на месте. На ней было то самое платье, которое Джо помнил по картине ее отца, и все, чего он хотел, — увести ее к реке и там остаться с ней наедине.

— Спасибо, — наконец произнес он.

— О! — проговорила она. — Это было замечательно.

Джо смотрел на нее. Странно, но он совершенно не чувствовал, что злится на эту женщину. В первый раз за столько лет он мог думать о Каролине Ренвик и не испытывать обиды. Наоборот. Он ощущал незнакомую прежде нежность, и это заставляло его так нервничать, что он отступил на шаг.

— Ну, ладно, — сказала она.

Музыка зазвучала снова. Бумажные фонарики закачались в легком порыве ветерка. Каролина смотрела на Джо в ожидании. Тот сунул руку в карман. Он принес кое-что с корабля, чтобы показать ей, и сейчас его пальцы сжимали эту вещь. Он мог попросить ее еще потанцевать с ним и передать ей это, когда они будут двигаться под музыку. Он мог попробовать рассказать ей, что почувствовал, найдя эту вещь...

Кто-то врезался в него сзади.

Саймон, пресмыкающееся, которого Джо видел пьющим в баре со Скай неделю назад, толкнул Джо, потом Каролину. От парня несло выпивкой и наркотиками. Он был так занят девушкой, с которой танцевал, что вряд ли замечал собственную неуклюжесть.

— Упс, — произнесла девушка, встретившись глазами с Каролиной.

— Где Скай? — спросила Каролина у Саймона, не обращая внимания на официантку.

— Ей вздумалось прогуляться, — ответил Саймон, все так же не выпуская изо рта сигарету. Джо хотелось затолкать ее ему в глотку и отправить его на поиски жены.

— Дора, разве ты не должна быть на рабочем месте? — поинтересовалась Каролина, с трудом сдерживая ярость.

— Простите, — проговорила Дора, исчезая с танцплощадки.

— Я беспокоюсь за Скай, — сказала Саймону Каролина. — Я хотела бы вместе поискать ее.

— Я не нанимался за ней следить, — отрезал тот, глядя вслед официантке. — И ты тоже.

— Это не значит, что ты не можешь ее поискать, — заметил Джо, — особенно если твоя свояченица об этом просит.

— А это что за гребанный... — начал Саймон, от злости у него на шее вздулись жилы. Сейчас у него был такой вид, как будто он готов броситься на кого угодно. Саймон был маленький и злобный, и Джо не пришлось напрягать свое воображение, чтобы представить, как тот бьет Скай. Молча Джо встал между Саймоном и Каролиной.

— Саймон, просто помоги нам, о'кей? — натянуто спросила Каролина.

— Ладно, — согласился Саймон, швыряя окурки на пол, и направился прочь, оставив его тлеть. Каролина бросила извиняющийся взгляд на Джо и пошла за ним. Джо поднял окурки и положил его в пепельницу на барной стойке. Он поглядел вслед Каролине, а потом направился в другую сторону — искать Скай.

Над потоком с берега на берег перекинулось упавшее дерево. Оно пролежало здесь уже некоторое время — среди ветвей, вытянувшихся с одного конца, в них застряли пеньки, палочки и прочий мусор. Вода текла под бревном, ленивая и черно-зеленая, и почти сразу же за ним ручей расширился, впадая в реку Коннектикут. Один берег густо зарос сосняком, на другом перешептывались камыши.

Скай стояла на одном конце бревна. Ветерок шевелил подол ее черного платья. Она смотрела на воду. К поверхности приблизилась рыба, оставляя круги на воде. Скай вспоминала ночь на другом речном берегу в двухстах

милях к северу. Тогда звезды низко мерцали над причудливой линией холмистого горизонта. Отец оставил их в лесу голодных, чтобы они сами добыли себе пищу. Заострив палку, она ждала в зарослях тростника.

Лягушка была жирной. Она знала, что ей нужно ее убить. Наклонившись, она рассматривала ее блестящее тело. Отец научил их раскладывать костер и говорил, что приготовление лягушки ничем не отличается от приготовления рыбы. Но почему-то она чувствовала разницу. У огромной лягушки были сонные глазки и растянутый, словно в ухмылке, рот. После того как Скай ударила, лягушка задергалась и начала задыхаться. Какой бы уставшей и голодной ни была Скай, она предпочла обойтись без ужина. Она убила живое существо ни за что.

— И не в последний раз, — вслух проговорила она сейчас.

Над ручьем стелился туман, и Скай балансировала на бревне. В руке она держала серебряную фляжку. Из-за деревьев доносилась музыка; можно было представить себя балериной. Скай была балериной; стоя на одной ноге, она закружилась под музыку и отхлебнула водки. Русской водки, вполне подходящей для «Лебединого озера».

Среди ветвей деревьев поблескивали огоньки светлячков. Скай глотнула еще. Зная о том, как переживает Каролина и как она не хочет, чтобы Скай пила, она припасла с собой эту фляжку. Не хотела, чтобы сестра чувствовала себя неловко, утешая Скай спиртным, которое, по ее убеждению, только вредило ей.

С другой стороны, Скай не хотелось, чтобы кто-нибудь видел ее с фляжкой. Поэтому она и спряталась в лесу, танцуя на поваленном бревне, вспоминая первый и единственный поход с отцом на балет. «Лебединое озеро». Умиравший лебедь. От всей души желая, чтобы отец почаще брал их на балет и пореже — на охоту, Скай почему-то ненавидела «Лебединое озеро». Его трагическая красота задевала слишком много тревожных нот в душе.

— Танцы уже закончились.

Низкий голос прозвучал откуда-то из темноты. Скай была так испугана, что едва не упала с бревна. Отшатнувшись от источника звука, она ощутила панику внутри.

— Кто здесь? — спросила она.

Из темноты выступил мужчина, разглядывая ее выразительными синими глазами. Высокий, в порванной рубашке, обнажающей загорелые плечи, он выглядел зловещим. Он был одет в костюм пирата; впрочем, на нем эта одежда даже не выглядела карнавальным костюмом.

— Не упади, — заметил он.

— Не подходи ко мне, — сказала Скай.

— Не буду.

Скай покачивалась на бревне. Вода была всего в шести футах внизу. Если он начнет приближаться к ней, она прыгнет. Черная вода сомкнется над головой. Она может задержать дыхание и доплыть до берега. Глупый умирающий лебедь. Она сможет сыграть эту роль. Водка, которую она успела выпить, заставляла голову кружиться.

— Сядь, — сказал мужчина.

— Не подходи ближе, — предупредила она. Он что, пытается ей помочь? Или хочет схватить ее, сорвать платье и зажать рукой рот, чтобы никто не услышал ее крики? Эта мысль, внезапно возникшая в голове, заставила Скай повернуться и побежать. Ее нога зацепилась за обломок сучка, и она почувствовала, что падает.

Мужчина подхватил ее. Всего два шага — и он оказался на месте. Он обхватил ее, стараясь удержать. Скай вырывалась. Она кричала, царапалась, пытаясь выцарапать ему глаза. Они боролись на бревне, и мужчина каким-то образом умудрялся удерживать их обоих от падения.

— Уйди от меня! — вопила Скай, вцепляясь в его лицо.

— Скай...

— Клянусь, я убью тебя, не думай, что я не... — выпалила Скай. Он что, только что назвал ее по имени?

— Скай, сядь, пожалуйста, — попросил он. — Все в порядке, тебе ничто не угрожает. Просто сядь, ради бога.

— Кто ты, черт побери, такой?

Мужчина держал ее за плечи. Ноги Скай почти не касались бревна. Он держал ее крепко. Она расцарапала ему лицо, по нему текла кровь. Не в силах сдержать дрожь, она посмотрела на него. Лицо было каким-то знакомым. Скай не помнила, откуда знает его, но она точно его где-то видела.

— Садись, ладно? — продолжал уговаривать он. Коснувшись щеки, он посмотрел на испачканные кровью пальцы.

Голова Скай подергивалась. В горле пересохло. Желудок скрутило, и ее вырвало в воду. Она ни на секунду не доверяла ему, но у нее не было другого выхода. Она была пьяной, шатающейся и измученной. Она мечтала хлебнуть водки, но она выронила фляжку. Мужчина помог ей усесться на бревне.

Скай всхлипнула.

Мужчина достал из кармана платок и протянул ей.

— Вот, возьми, — сказал он.

Скай потрясла головой. Она открыла глаза и огляделась в поисках фляжки. Может, она не упала в воду.

— Ее нет, — произнес мужчина. — Я видел, как она утонула.

Скай посмотрела на него с отчаянием. Откуда он узнал, что она ищет? Наклонившись к нему, она увидела, как по его щеке стекает кровь. Она закрыла глаза и застонала.

— Давай уйдем с бревна, — предложил он. Подав ей руку, он ждал, пока она встанет.

— Откуда я тебя знаю? — спросила Скай, пытаясь решить, что ей делать.

— Мы виделись как-то в отеле. Ты была в баре со своим мужем.

Скай смотрела на него. Нет, не то. Его лицо было знакомо ей уже давно. Сейчас он был старше, но эти синие глаза... волевая челюсть, прямой нос... Она моргала, глядя на него и усиленно пыталась вспомнить. Она искала ответ среди водочных паров и испуга от неожиданного появления мужчины, застилавших мозг.

— Нет, — проговорила она. Ей все еще было страшно, но что-то в этих синих глазах успокаивало ее, убеждало в том, что он не причинит ей зла. Она протянула ему руку. Мужчина помог ей спуститься с бревна. Земля под ногами показалась твердой, но небо над головой кружилось. Она покачнулась.

— Скай, я знаю, что сейчас ты меня не услышишь, — жестко сказал он.

— Я тебя слышу, — возразила она.

— Нет, потому что ты пьяна, — добавил он. — Но когда-нибудь потом, когда ты протрезвеешь, я хочу, чтобы ты кое-что вспомнила.

— Я не пьяна... — начала Скай.

— Пьяна, и изрядно. Но завтра, когда твоя голова будет раскалываться, тебя будет тошнить и тебе будет хотеться умереть, вспомни кое о чем, договорились?

— О чем? — спросила она, глядя на свои дрожащие пальцы.

— Ты больше никогда не должна чувствовать себя так.

— Не надо...

— Это путь к спасению.

Глаза мужчины глядели внимательно и прямо. Он взял Скай за плечи, и хотя его голос звучал сурово, в нем слышалась и доброта. Он казался совершенно спокойным. Скай понимала, что откуда-то знает его, но самое странное было то, что он разговаривал с ней так, как будто знает ее еще лучше. Она почти поймала ускользающее воспоминание; продолжала смотреть на него, пытаясь вспомнить изо всех сил.

Они вернулись на бал. По пути мужчина отводил ветви, чтобы Скай могла пройти. Они появились из-за деревьев, и практически в ту же секунду рядом с ними оказалась Каролина. Она посмотрела на Скай, потом — на мужчину. И в этот момент его взгляд поменялся. До этого он был жестким, почти гневным в своей настойчивости, но при виде Каролины тут же смягчился.

— Скай, — проговорила она, и Скай почти упала к ней в объятия.

Держась за Каролину, она чувствовала себя в безопасности. Скай дрожала от выпитой водки и от пережитого испуга после встречи в лесу с незнакомым мужчиной, от попыток изобразить на бревне «Лебединое озеро» и от воспоминания о том, как Каролина так же обнимала ее когда-то в другом лесу.

— Ты ее нашел, — говорила Каролина.

— Да.

— Огромное тебе спасибо, — сказала Каролина. Скай прижималась щекой к груди сестры и чувствовала, что та дрожит.

— Кто ты? — спросила Скай. — Я тебя знаю...

— Скай, это Джо Коннор, — ответила Каролина.

Это имя взорвалось искрами в голове. Скай наклонила голову набок, глядя на Каролину. Та держала Скай за

руку, но не могла оторвать взгляда от мужчины. Над их головами на проволоке плясали японские фонарики, заливая их лица то красным, то синим.

— О, так вот откуда я тебя знаю, — проговорила Скай, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

Джо не улыбнулся, не двинулся с места. Он стоял совершенно спокойно; из оставленных Скай царапин на его лице все еще сочилась кровь. Она вспомнила улыбающегося мальчишку с фотографии, его открытое лицо, дырку вместо переднего зуба, щеки в веснушках.

В мужчине, который стоял перед ней сейчас, не осталось и следа той открытости. Он суров, подумала она. Вот что делает его таким непохожим, вот почему я не смогла его узнать. Жизнь научила его быть настороже. Скай это понимала, потому что с ней произошло то же самое.

— Ты в порядке? — сдержанно спросил он.

Скай кивнула.

— Постарайся вспомнить мои слова. Завтра.

Скай склонила голову, испытывая стыд из-за того, что он видел, как она пила из фляжки.

— Ты всегда был с нами, — прошептала Скай.

— Что? — переспросил Джо.

— Ты был с нами. Понимаешь, одним из нас... как будто брат. Я знала, что Каролина пишет тебе письма, и всегда представляла, что ты тоже знаешь об этом.

— Лишь отчасти, — заметил он. — Я же был на другой стороне.

Скай покачала головой:

— Нет, неправда. Наши родители были по разные стороны, да, но только не мы. Ты был одним из нас.

Все это сейчас обрело совершенно явный смысл. Летняя ночь была жаркой, в ветвях деревьев перемитивались светлячки, а она стояла в тесном кругу с Каролиной и Джо Коннором. Их объединяли выстрелы, гибель других людей.

Через лужайку к ним шла Аугуста. С ней был Саймон, с угрюмой миной на лице. Скай на расстоянии чувствовала, как он зол, и от этого ее желудок скрутило. Ей потом придется расплачиваться за перенесенное им унижение. Сразу за ними шли Кли и Питер. Вслед — некий молодой

человек, живописно украшенный пиратской косынкой и черной повязкой на глазу.

— Господи боже, где она была? — спросила Аугуста. — Я только посмотрела кругом — и тут вижу, как она появляется из леса с этим пиратом...

Скай видела, как мать разглядывает Джо.

— Вначале я вижу, как он танцует с Каролиной, а потом наблюдаю, как он выходит из лесу со Скай! — взволнованно жестикулируя, не унималась Аугуста.

— Мама, он мне помог, — поспешно перебила ее Скай, желая прекратить не совсем уместные намеки. — Я чуть не упала в воду.

— Что за фигня, Скай? — спросил Саймон, хватая ее за руку. — Ты трахалась с ним в лесу?

— Следи за собой, грубиян, — проговорил Джо, аккуратно отрывая пальцы Саймона от запястья Скай.

Саймон был взбешен. Скай видела это по его глазам. Они сверкали жестокой злобой, но он был слишком поражен отповедью, чтобы сразу же ответить.

— Что ж, благодарю вас, — вежливо произнесла Аугуста, возвращая ситуации приличие, — за то, что вы помогли моей дочери. Мистер?..

— Джо Коннор, — представился он.

Имя повисло в воздухе.

— Коннор? — переспросила Аугуста.

— Да, — подтвердил он.

— Коннор, — повторила Аугуста, осознавая услышанное.

— Именно так.

— Случайно не сын Джеймса Коннора? — недоверчиво поинтересовалась Аугуста.

— Да. Он был моим отцом.

Голос Джо звучал суровее, чем когда-либо, словно был готов к битве. Гнев вернулся в его глаза. Каролина выступила вперед, пытаясь предотвратить столкновение, но Джо не обратил на нее внимание, продолжая глядеть на Аугусту.

— Господи боже! — проговорила та, и ее глаза наполнились болью.

— Миссис Ренвик, — вмешался Сэм, выпрямляясь во весь рост. Он постарался звучать примирительно, твердо,

но без злости. — Прошное — это прошное. У вас чудесные дочери, мы только что познакомились друг с другом. Мы с Джо — друзья Каролины. Она пригласила нас сюда.

— Да, мама, — ласково кивнула Каролина. — Пожалуйста, не надо, они действительно мои друзья...

Аугуста взглянула на нее странно, как будто Каролина оказалась предательницей семьи и сама этого не понимала. Она бросила взгляд на Сэма, пытаясь уловить смысл того, что он только что сказал. Потом обняла Каролину за талию:

— Ты же помнишь, как это было? Помнишь, конечно... это же был настоящий кошмар. Его отец причинил нам всем такую боль. Пожалуйста, пойдем со мной. Сейчас же.

— Мама, послушай, — запротестовала Каролина, бросая взгляд на Джо и подаваясь вперед, чтобы не дать матери продолжить.

— Что я должна еще слушать? — в отчаянии спросила Аугуста. — Какая разница, что еще вы скажете! Слова не возместят той боли, что он причинил нам. Я была матерью с маленькими детьми, а он явился к нам в дом, чтобы убить нас.

— Мама, но он же этого не сделал, — умоляюще проговорила Каролина.

— Убийство было в его сердце, — провозгласила Аугуста.

— Кажется, вы говорите о моем отце, — вмешался Джо, ловя ее взгляд.

— Ваш отец... — начала Аугуста.

— Джо, — тихо произнес Сэм.

— Я очень сожалею о том, что он угрожал вашим дочерям. Но я не могу позволить вам говорить о нем так. Понимаете?

— Я понимаю только то, — дрожа, заметила Аугуста, — что не желаю видеть вас рядом с моими дочерьми.

— Пойдем, Сэм, — позвал Джо, поворачиваясь.

— Джо, брат, подожди, — попытался остановить его Сэм, все еще надеясь, что возможно установить мир.

Джо уходил не оборачиваясь. Он не извинился перед Аугустой. Он не попрощался с Кли и Питером, не стал ждать брата. Он не бросил на Саймона последний уничтожающий взгляд. Он не напомнил Скай о том, что сказал ей

раньше. Но самое главное, что смогла увидеть даже Скай сквозь алкогольные пары, он не попрощался с Каролиной.

Каролина смотрела, как он уходит. Прижав руку к груди, печально-прекрасная с растрепавшимися волосами и в белом платье, облепившем стройные ноги, она стояла среди своих родных с выражением полной безнадежности на лице и смотрела, как Джо Коннор уходит прочь.

1 ноября 1979

Милый Джо!

Я никогда еще не чувствовала себя так. Когда я вскрыла твое последнее письмо, я была готова смеяться, потому что ты всегда рассказываешь такие веселые вещи, или узнать что-нибудь новое о тебе, или услышать что-нибудь про Сэма.

Но я ни за что не представляла, что прочитаю о том, что чувствую сама. Я тоже люблю тебя, Джо! Я понимаю, что мы еще очень молоды, и почти не знаем грут грута, и даже никогда не встречались. Но почему ничего это не имеет для меня значения?

Живопись — такая странная штука. Иногда я гляжу в галерею на портрет какой-нибудь девушки, она сидит в кресле, или смотрит в окно, или идет по пляжу, и у меня где-то внутри возникает странное ощущение. Почему-то я понимаю, что эта девушка влюблена. Мне всегда было интересно, откуда берется это ощущение, ведь я сама никогда раньше не влюблялась.

А теперь я влюблена сама — и поняла, что была права. Когда я вижу эти картины, смотрю на этих девушек, я чувствую себя так, как будто смотрюсь в зеркало. Это все равно что смотреть на саму себя, когда я гдую о тебе. И люблю тебя, Джо. Люблю.

К.

Глава 14

— **К**аролина, как ты могла? — спрашивала Аугуста. Они сидели в травяном садике «Светлячкового Холма». В воздухе плыл запах вербены. Волны перекатывались через отмель, с тихим шипением набегая на пляж. Вдали, среди сверкающих бликов на воде, белоснежной звездой сиял «Метеор». Каролина не могла смотреть туда. Она отвернулась, глядя на мать.

— Я даже не понимаю, о чем ты, мам. Мы с Джо теперь друзья. Я хотела, чтобы он был там.

Аугуста покачала головой. На ней было длинное муслиновое платье и соломенная шляпа. Она скрючилась в уголке садовой скамейки, нервно перебирая свой черный жемчуг. Наклонившись через подлокотник, она начала выдергивать сорняки из грядки с тимьяном и кровохлебкой. Потом вдруг остановилась и переложила с места на место несколько ракушек гребешков.

— Пригласить его на бал, — продолжала Аугуста, как будто Каролина ничего и не говорила. — Принимать его так тепло после всех тех несчастий, в которых повинна его семья. Всех несчастий...

— Его семья?

— Ты понимаешь, о чем я, — сказала Аугуста, снимая темные очки и глядя на дочь страдающими глазами. — Его мать соблазнила твоего отца. Это так отвратительно. Это так ранит меня. У твоего отца была любовница. Это разбило мне сердце, а его отца свело с ума. В прямом смысле. Он явился к нам, — говорила Аугуста, указывая на дверь кухни, — и застрелился на глазах у моих детей.

— Мам, сколько лет назад это было? — резко спросила Каролина. — Сколько?

— Это не имеет значения, сколько прошло лет! Мы до сих пор ощущаем последствия того шока. Наш брак едва

не распался из-за этого, Каролина. А вашему отцу взбрело в голову, что он должен научить вас стрелять, и твоя сестра убила человека. Насилие порождает насилие, а первым начал этот замкнутый круг его отец.

— Нет, начал папа, — возразила Каролина. — Если уж тебе угодно докапываться до истоков. Он начал первым, заведя этот роман.

— Так мы ни к чему не придем, — сказала Аугуста.

— А мы с Джо, значит, должны расплачиваться за ваше прошлое?

— Я с ума схожу из-за Скай, — жалобно проговорила Аугуста, — а теперь еще и беспокоюсь за твое здравомыслие.

— Не надо, — отрезала Каролина.

— Это плохо кончится.

— Мама, я справлюсь со всем сама.

— Я знаю. Все мы всегда полагаемся на тебя, — вздохнула Аугуста. — Может быть, слишком. — Она протянула руку, чтобы потрепать Каролину по коленке, и та взяла ее за руку.

Как люди могут испытывать по отношению друг к другу такие сильные и противоречивые чувства? Как часто в юности Каролина ненавидела родителей, сестер? Одновременно прекрасно понимая, что готова умереть за них. Она сидела рядом с матерью, вдыхая успокаивающий аромат шалфея и розмарина. Мать нежно поглаживала тыльную сторону ее ладони большим пальцем.

— Я увидела, как ты танцуешь с ним, — произнесла Аугуста, — еще до того, как узнала, кто он такой.

— Ты видела?

— Угу. Мм... Видела. И я подумала... — Аугуста замолчала, подбирая слова.

— Что же ты подумала?

— Каролина все-таки это сделала.

Каролина закрыла глаза. С моря дул ветер, и она подняла вверх лицо, чтобы лучше чувствовать его. Может быть, он пролетал через палубу «Метеора», через корабль Джо, касался его кожи...

— Так что же я, по-твоему, сделала? — спросила Каролина.

— Влюбилась в опасного мужчину, — ответила Аугуста. Каролина покачала головой.

— В такого же, как твой отец. Точно так же, как я сама, как твоя сестра Скай... Я видела мужчину и видела, как вы смотрите друг на друга. Видела, какой он высокий, какое крепкое у него тело. И видела любовь в его глазах.

Каролина не могла шевельнуться. Она позволила матери держать себя за руку и ощущала, как ее большой палец нежно чертит круги на коже. Голос у Аугусты надломился.

— Может быть, именно это меня и взволновало больше всего, — сказала она. — Ты так долго сохраняла свою свободу. Свободу и спокойствие. Милая моя, мне невыносимо думать, что кто-то обидит тебя!

— Мама, я справлюсь, — снова повторила Каролина, чувствуя комок, застрявший в горле. Все было так. Она хорошо усвоила все уроки и сохраняла свою свободу, спокойствие и силу — и одиночество. Ее матери не нужно ни о чем беспокоиться. Они с Джо никогда не смогут быть вместе.

— Слава богу, Каролина, — шмыгая носом, проговорила Аугуста. — Ты меня простила?

— За что?

— За вчерашний вечер. Не за мои эмоции, а за мои поступки. Я совершенно потеряла контроль...

— Ты испытала потрясение, — осторожно заметила Каролина, вспоминая лицо Джо. Сэма. Не только в прощении дело, подумала она, вспомнив кое-что, сказанное Джо. В первую очередь нужно научиться смотреть правде в глаза. Дело в понимании. Она сжала ладонь матери, потом отпустила ее.

— Да, — согласилась Аугуста.

— Где Скай?

— В доме. Спит, я думаю.

— Мне нужно с ней поговорить.

Аугуста кивнула. Она взглянула на солнце и заморгала, потом огляделась вокруг, словно удивляясь тому, что, оказывается, сидит в саду. Потерла верхушки нескольких кустиков лаванды, понюхала пальцы.

— Травы твоей бабушки, — сказала она. В глазах у нее блеснули слезы. — Иногда мне так не хватает моих матери

и бабки. Это были мудрые женщины. Не то что я. Они были твердыми и придерживались старых правил, как настоящие матери.

— Ты — настоящая мать, — произнесла Каролина, удивленно рассмеявшись.

— Но я оказалась не слишком хорошей.

— Ох, мама... — проговорила Каролина и тоже ощутила подступающие слезы, потому что иногда она сама так думала.

— Я не представляю, что бы я делала без моих девочек.

— Мы не представляем, что бы мы делали без тебя, — отозвалась Каролина.

— Скай... — выдохнула Аугуста, ее голос затих, пока она скользила взглядом по белой стене дома, по открытому окну, где трепетали на ветру занавески.

— Я понимаю, — сказала Каролина, проследив за взглядом матери на окно спальни Скай.

— Я наделала столько ошибок, — сказала Аугуста полным слез голосом. — И столько плохого случилось.

— И столько хорошего, — тихо проговорила Каролина, вспоминая прошлую ночь, как Джо помог Скай, как бросился на помощь Сэм, как Кли и Питер беспомощно наблюдали за происходящим. — В нашей семье все-таки очень много хорошего.

Джо смотрел на море. Волны сверкали в солнечных лучах. Был яркий солнечный летний день, но старая обида застилала зрение, как туман в Мэне. Она нависала, густая и тяжелая, и не давала ему успокоения. Он занимался делами, но его мысли все время возвращались к Ренвикам.

Зря он приехал сюда. Операция с «Кембрией» оказалась успешной, но все остальное вызывало только смятение и неприятные чувства. Он хотел наконец разделаться с некоторыми вещами, увидев воочию Блэк-Холл. Но вместо этого все это навалилось на него с новой силой. Запустив руку в карман, он нащупал там что-то непривычное. Нахмурившись, он достал камеш.

Гладкий камень жег ладонь, как раскаленный уголек. На бледном фоне был вырезан женский профиль. Черты лица были благородными и гордыми, складки вокруг рта

безошибочно свидетельствовали о пережитых печалях и внутренней силе характера. Даже на таком старинном и маленьком предмете это выражение нельзя было перепутать ни с чем. У женщины были густые волосы и высокий лоб. Она чем-то напоминала Джо Каролину. Он поморщился.

— Слушай, брат, миссис Ренвик — просто сумасшедшая пожилая дама, — проговорил Сэм, подходя к нему.

— Угу, — отозвался Джо, убирая камешку обратно в карман.

— Могло бы быть и хуже.

Джо кивнул. Он смотрел, как чайки кружатся над косяком кормящейся луфари, вода кипела и серебрилась от множества рыбьих спин. Он взглянул на Сэма. Парень, похоже, был в нормальном расположении духа, спокойно пережив все, что произошло. В сущности, он просто-напросто беззаботно улыбался.

— Жаль, конечно, испортила такую замечательную вечеринку, — продолжал Сэм. — Прогнала нас, как этих...

— Она поступила совершенно правильно, — сказал Джо.

— Почему это?

— Нам нечего было там делать.

Сэм вздернул бровь. Это производило неожиданное впечатление, как будто очки наконец-то заняли на его носу ровное положение.

— Извини, — заметил Сэм, — но, по-моему, нас пригласила Каролина.

Джо нахмурился, наблюдая, как чайки бросаются в воду за рыбой. Он искал глазами акул. В этих водах было немного опасных видов, но все-таки мако могла появиться в любой момент.

— Что, не так? — не унимался Сэм.

— Я помню, деревянная твоя башка! Но приглашение тут ни при чем. Мне нужно было проявить здравый смысл. На вечеринке у Ренвиков нам было не место.

— Миссис Ренвик просто съехала с катушек, потому что у ее мужа была связь с мамой. А нам-то что? Они все это пережили, мама вышла за моего папу, мистер Ренвик стал Хемингуэем среди живописцев, и жизнь пошла своим путем. Ну и в чем у нее такая большая проблема?

— Сэм... — предостерегающе произнес Джо. Он подумал о кровавых деталях смерти своего отца и яростным взглядом уставился в волны.

— Но Каролина же не виновата в том, что ее мамаша такая ревнивая и нервная.

— Я понимаю, — сказал Джо. Ни он, ни Каролина не были виноваты в том, что их родители были теми, кем они были.

— Так значит ли это, что ты не примешь предложение Йеля?

Джо стрельнул в него взглядом:

— Я вообще не собирался принимать предложение Йеля.

— Черт, — расстроился Сэм. — А я-то надеялся...

— Да ну? И на что?

— Что ты будешь здесь преподавать. И замолвишь словечко за меня.

— Ты не нуждаешься ни в каких словечках от меня, — со смешком отозвался Джо. — Ты и сам способен наговорить достаточно.

— Все равно, это было бы здорово. Мы бы жили с тобой поблизости и преподавали вместе. Я был бы не прочь узнать тебя получше, — добавил Сэм, крутя в пальцах канцелярскую скрепку, которую выудил из карманов шорт.

— Ты меня прекрасно знаешь.

— Угу, конечно. Ты уехал из дома, когда мне было три года. А потом ты пил...

Луфарь продолжала выпрыгивать из воды, сверкая серебром в солнечных лучах. Чайки тоже были не прочь полакомиться, то и дело ныряя вниз и поднимаясь в воздух с рыбиной в когтях. Джо трогал в кармане камешек. Она продолжала казаться ему горячее. Нужно спуститься под воду, поискать еще золото. Йель. Господи боже!

— Не хочешь нырнуть? — спросил он у Сэма.

Сэм покачал головой. Он внимательно изучал заусеницу на пальце, которая явно не давала ему покоя.

— Не, все нормально, просто у меня есть кое-какие дела. Мои исследования... Я же скоро возвращаюсь в Новую Шотландию.

— Угу, помню эти времена, — попытался выдавить улыбку Джо. — Успеть собрать данные, пока не кончился грант.

— Хватит издеваться, — сказал Сэм, пытаясь улыбнуться в ответ. Но у него это плохо получилось, его губы лишь слегка шевельнулись. Глаза были полны разочарования. Он снова занялся своей заусеницей. Джо моргнул, пытаясь снова заинтересоваться наблюдением за птицами, внутренне ненавидя себя.

Блэк-Холл.

Он помнил свое последнее погружение с Сэмом, когда он нашел камю. В тот день братишка тоже пытался уговорить его принять предложение университета. Он плавал вокруг, вызывая у Джо приступы смеха, и, пуская тучи пузырей, безмолвно выговаривал: Блэк-Холл.

Какого черта он пытается добиться? Чтобы они с Джо сняли жилье в городе и воскресили семейную жизнь, которой у них никогда не было? Преподавали вместе? Обсуждали студентов по дороге на работу? Стали новой командой в Лиге Плюща, братьями-кладоискателями? Жили в Блэк-Холле, чтобы Джо мог полюбить Каролину?

Джо вздохнул, выпрямился и потянулся. Все это большая куча дерьма. Сэм всегда был мечтателем, им и остался. Он думает, что Джо плохо его знает, и, может быть, так оно и есть. Но Джо Коннор любил своего младшего брата Сэма так, как не любил больше никого, — если он вообще знал, что означает слово «любовь».

Озирая морской простор, Джо повернулся в сторону Блэк-Холла. Он знал, что она где-то там. Он видел лишь лицо Каролины, пока ее мать осыпала его обвинениями. Эти серо-голубые глаза, цвета спокойной воды в морской гавани, полные безумной любви и переживаний за родных, тех чувств, которые Джо мог понять, но за всю жизнь не нашел времени испытать. Да и когда ему было? Получая образование, находя сокровища, читая лекции в местах вроде Йеля?

Но Джо видел. Он смотрел на Каролину и читал в ее лице, как в раскрытой книге. Однако у него не было сил ни на что, кроме того, что удавалось ему лучше всего, — уйти прочь.

И он снова сделал это.

Оставив брата одного на палубе, он отправился заниматься своими делами. Камю в кармане обжигала пальцы.

Соленый ветер щипал глаза. Царапины, оставленные Скай, горели. Блэк-Холл был далеко, по ту сторону морского простора. Йель — место для академиков. Пусть Сэм становится профессором. Джо был кладоискателем, простым и безыскусным.

А кладоискатели работают в одиночку.

Каролина поджидала Кли.

Аугуста со своим вышиванием незаметно скрылась где-то в комнатах, словно понимая, что дочерям нужно обсудить нечто серьезное без ее участия. Или, возможно, она пожелала представить это себе именно таким образом. Каролина и Кли поднялись наверх. Лестница, темная и прохладная, пахла летом и привидениями.

— Что мы собираемся ей сказать? — спросила Кли.

— Еще не знаю.

Аугуста рассказала Каролине, что Саймон не ночевал дома в прошлую ночь. До сих пор его машины не было на месте. Зная, что Скай одна, они вошли в комнату и остановились в ногах ее постели, глядя на нее, спящую. Каролина чувствовала, что сердце готово выпрыгнуть у нее из груди.

Скай лежала, свернувшись калачиком, натянув до подбородка белую простыню. Она казалась такой юной. У нее в ногах почти таким же калачиком свернулся Гомер. Увидев Каролину, он поднял голову, спустился с кровати и потянулся. Его члены утратили подвижность; он двигался, как разбитый ревматизмом старик. Доплеться до Каролины, пес поднял к ней свою седую морду, ожидая ласки. Они посмотрели друг другу в глаза, и Каролина заметила, что горло собаки дрожит от неслышного ворчания. Ее сердце было полно любви к этому милому существу и к девушке, которую он выбрал объектом защиты.

— Скай, — тихонько позвала Каролина.

— Просыпайся, уже утро, — сказала Кли тоном доброй матушки.

Скай заворочалась. Она приоткрыла глаза, увидела сестер и снова закрыла их со стоном. Она выглядела измученной и осунувшейся. Она больше не шевелилась, прячась в постели, как кролик среди чахлой травы.

— Поднимайся, Скай, — проговорила Каролина, отдергивая занавески. — Мы собираемся на пляж.

Скай явно тянула время. Она приняла душ. Приготовила себе чашечку кофе, но не стала его пить — ее мучило. Потом сделала несколько телефонных звонков из библиотеки — сестры догадались, что она ищет Саймона. Но они не стали ни о чем спрашивать. Саймон не имел отношения к делу.

Раскачиваясь в кресле-качалке на веранде, пока Кли поливала сад, Каролина вспомнила, как они бегали на Берег Светлячков детьми, как резвились и скатывались вниз с истертой каменной лестницы. Сейчас она сидела на веранде с Гомером и старалась сохранять спокойствие. Пес лежал на боку с открытыми глазами, наблюдая за плавными движениями Каролины.

Но наконец Скай была готова, и они пошли вниз. Гомер направился вперед через сад, обнюхивая каждый розовый куст.

— Простите меня за то, что произошло с Джо, — начала Скай. — Мне кажется, это я виновата в том, что мама...

— Подожди, Скай, — прервала ее Каролина. — Ты ни в чем не виновата. Но в любом случае это не имеет значения. Договорились?

Волны разбивались о берег и языками белой пены растекались по обнажившемуся в отлив песку. Морской воздух был свеж и ласкал прохладой их обнаженные руки и ноги, когда они шли по мелководью. «Метеор» лениво покачивался вдали, и Каролина старалась не смотреть в ту сторону. Ей и так было достаточно не по себе.

Сестры дошли до знакомого бревна, много лет лежавшего здесь, в зарослях густо населенной светлячками травы высоко над границей прилива. Его поверхность была отшлифована природой до серебристой гладкости, и они с удовольствием уселись. По оставленной морем полоске блестящего, как зеркало, песка, шныряли кулички-песочники. Скай обхватила голову руками. Гомер медленно спускался к ним по лестнице. Но как только его лапы коснулись песка, он припустился бегом, летя над кромкой прилива, как совсем молодой пес.

Каролина толкнула локтем Скай.

Скай подняла голову. Ее пустые глаза внезапно загорелись. Она улыбнулась, глядя, как Гомер оттоняет чаек от мертвого мечехвоста. Чувствовалось, что пробежка утешила его, однако на морде была написана неприкрытая гордость. Вывалив наружу язык, он смотрел на сестер.

— Посмотри, — сказала Каролина. — Он хочет быть уверенным, что мы его видим.

— Хороший пес! — крикнула ему Кли. — Разогнал всех чаек!

Гомер теребил панцирь мечехвоста. Это был большой экземпляр, величиной с обеденную тарелку, жесткий хвост вытягивался на добрый фут. Перевернув добычу, Гомер удостоверился, что она уже не укусит, и тогда взял ее в зубы и понес, виляя хвостом, к ногам Каролины.

— Это твой пес, — сказала Скай. Каролине не нужно было смотреть на нее, чтобы понять, что она плачет.

— Он тебя любит, — ответила Каролина. — Он не хочет, чтобы тебе все время было плохо.

Скай промолчала, уставившись на песок между своих ступней. Указательным пальцем она вытерла слезы.

— Скай, так что мы будем делать дальше? — спросила Каролина.

— Что делать? — переспросила Скай, поднимая глаза. Ее лицо покраснело, на нем виднелись влажные дорожки от слез. Кое-где еще были заметны бледно-коричневые следы синяков после аварии.

— Папа умер от пьянства, — произнесла Каролина. — Мы никогда не говорили об этом. Мы утверждали, что у него был рак желудка и он умер, потому что облучение не помогло, но это была не вся правда.

— Каролина, прекрати, — попросила Скай.

— Скай, дай ей сказать, — вмешалась Кли.

— Вы сговорились? — спросила Скай таким тоном, будто ее предали. Кли кивнула.

— Помнишь последние месяцы его жизни? Как он все время проводил в моем баре? Как ему запрещали употреблять коктейли при приеме лекарств, но он все равно пил? — Каролина остановилась, но Скай ничего не ответила. — Из-за пьянства он стал зол на весь мир, а ведь папа не был злым человеком.

— Каролина, он был обречен.

— Но он не был обречен умирать алкоголиком, Скай. Он мог бы посмотреть правде в лицо, нам в лица. Он мог бы позволить помочь ему. Мы могли бы сказать ему, что все в порядке, что мы простили его за все то, за что, как он думал, мы его ненавидим. За то, за что он ненавидел себя сам.

— Не надо говорить, что он ненавидел себя, — возразила Скай.

— Это было так. Вчера вечером мама напомнила мне кое о чем. Он перестал писать. Просто перестал.

— Помнишь, как до этого его было силком не вытащить из студии, даже чтобы пообедать? — спросила Кли.

— Даже в Рождество или День благодарения, — поддержала Каролина. — Когда он был дома, он все время проводил в студии. Я хотела, чтобы он поиграл со мной в салки или чтобы свозил меня куда-нибудь. Но если дверь студии была закрыта, все мольбы были бесполезны. И все переменилось как раз тогда, когда он начал пить. Вдруг оказалось, что он больше не может работать. Он просто не мог взяться за кисть. А ведь он так любил живопись!

— Больше всего на свете, — добавила Кли.

— Может, у него был творческий кризис, — сказала Скай. — Вы не понимаете, что это такое.

— Это выглядело так, что он перестал нас любить, — произнесла Каролина. — Не знаю, как ты, а я чувствовала именно это. Кризис в творчестве, кризис в любви к семье. И постоянное пьянство. Мы любили его, Скай.

— Наверное, он сам ничего не мог с этим сделать.

— Я никогда не могла этого понять, — призналась Каролина. — Как мог такой великолепный художник, способный изобразить самые важные вещи, так вот взять и запереть это в себе. А он именно так и сделал. Заперся внутри себя, оставив нас за дверью.

— У него была мама.

— С мамой он поступил так же нечестно. Она так любила его, что могла бы защитить от всего, что угодно. Но он и ее выставил за дверь.

— Прекратите, — взмолилась Скай, зажимая ладонями уши. Из ее глаз катились слезы. — Это все из-за меня, я знаю. Я застрелила этого парня. Папа не мог вынести та-

кого, его сокрушала вина за то, что он дал мне в руки оружие. Но если я покончу с жизнью, мне наконец станет все равно.

— Тебе не может быть все равно, — возразила Каролина, хватая Скай за руки.

— Почему?

— Потому что ты нужна нам. Мы так тебя любим...

— Тебе никто не нужен! — выкрикнула Скай, вскакивая. — Ты злая женщина, Каролина! Только послушать тебя — как ты можешь так очернять отца!

— Я его не очерняла. Я...

— Ты должна была испытывать к нему жалость из-за того, что он не мог писать. Для него это было все равно что умереть. Даже хуже. Ты эгоистка, тебя ничего не волнует, кроме выполнения собственных планов! Ты хотела сделать мне больно, и ты этого добилась! Я пыталась попросить прощения за то, что произошло с Джо, а ты проигнорировала меня!

— Скай! — произнесла ошарашенная Каролина.

— Конечно, ты у нас такая вся из себя! Мисс Совершенство! Саймон всегда говорил это про тебя, и он был прав! Я с ним полностью согласна!

— Успокойся, — попросила Кли, касаясь руки Скай.

— Я не совершенство. Я никогда этого не утверждала... — попыталась разубедить ее Каролина.

— Ты больше похожа на папу, чем я. Что с того, что я пью? По крайней мере я умею чувствовать! А ты такая зажатая, такая непрошибаемая, что даже прощения у тебя нельзя попросить!

— Ты не должна...

— Долг здесь ни при чем! Я чувствовала себя ужасно неудобно из-за того, что случилось на карнавале. Правда, ужасно. Но ты-то что-нибудь чувствовала? Тебе вообще никакой разницы, будет ли Джо еще общаться с тобой! А если и будет, то очень скоро поймет, какая ты ледышка! Тебе все равно! Ты слишком занята устройством моей жизни!

— Я не собираюсь устраивать твою жизнь... — снова попыталась возразить Каролина.

— Ты делаешь то, что ты делаешь. Пытаешься все время контролировать меня...

— Скай...

— Почему ты не можешь жить, как я? — всхлипывая, спросила Скай. — Это я хоть что-то делаю. Я влюбилась в человека и вышла за него замуж. А ты только и делала, что пыталась заставить меня бросить его. Ты похожа на неудовлетворенную святошу. Все время находишь повод для мученичества. Я убила Эндрю Локвуда, я, а не ты, Каролина. Ты держала его за руку и вывела меня из леса. Но убила его я.

— Скай, — снова повторила Каролина, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я никогда не говорила...

— Каролина, ну взорвись же! Реагируй как-нибудь! Господи! Не оставайся же ты такой холодной, прекрати бояться расстроить меня!

Парализованная шоком, Каролина была в оцепенении: не смогла ничего ответить, ничего сделать.

— И прекрати пытаться управлять моей жизнью, — яростно продолжала Скай. — Ты понятия не имеешь и не можешь иметь о том, что я чувствую.

И Скай помчалась прочь по пляжу.

2 января 1980

Милый Джо!

От тебя так давно не было никаких вестей. Пожалуйста, напиши мне. Я по тебе скучаю. Я все так же тебя люблю.

К.

30 апреля 1980

Дорогая Каролина!

Это мое последнее письмо тебе. Ты же все знала, да? Вся эта фигня о доверии, о настоящих грузях, о наших семьях, о ЛЮБВИ. А ты все знала.

Ты была там. Мой папа умер в вашей кухне. Теперь я знаю всю эту идиотскую историю. Не только в вашей семье есть оружие. Ты слышала выстрел, К.? Ты видела, как он умирал?

Как это противно, ты знала все это и молчала. Ты считала меня идиотом? Вы смеялись надо мной с сестрами? Или ты глумилась, что я так никогда ничего и не узнаю?

Что ж, я узнал.

Не пиши мне больше. Я ненавижу тебя, твоего отца и это обиталище чудовищ, которое называется «Светлячковый Холм».

Джо Коннор

12 мая 1980

Милый Джо!

Пожалуйста, не надо меня ненавидеть! Я ничего не рассказывала тебе, потому что не хотела причинять тебе боль. Твой отец был здесь, это правда, и это ты знал и раньше. Я знала все, но поверь мне, Джо, я никогда, ни за что не хотела сделать тебе больно. Наоборот.

Мне так жаль. Если в моих силах хоть что-то исправить, я согласна на все, что угодно. Пожалуйста, я прошу тебя, не надо меня ненавидеть. Ты не понимаешь, что значит для меня твоя дружба. Если ты больше не можешь меня любить, я пойму. Но только не ненависть. Мне всего шестнадцать, а тебе семнадцать. Мне страшно представить всю свою дальнейшую жизнь, если ты будешь меня ненавидеть.

Я люблю тебя,

Каролина.

P.S. Пожалуйста, ответь мне! Я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать. Я жду тебя и буду ждать всегда.

Глава 15

Каждый год Скай и Кли помогали Каролине убираться после бала. Это была традиция, которую они свято блюли. На этот раз Скай думала об этом с некоторым страхом; ей не хотелось встречаться с Каролиной после сцены на пляже. Но когда Скай пришла в отель, Мишель сообщила ей, что Каролина плохо себя чувствует и просила ее не беспокоить. Скай уже направлялась к коттеджу сестры, чтобы узнать, в чем дело, но ее перехватила Кли.

— Привет, маленькая грозовая тучка! — проговорила Кли, целуясь со Скай.

— Ей правда плохо? — спросила Скай.

— Она устала.

— Я хотела поговорить с ней...

— Она еще спит. Пусть отдыхает, — ответила Кли.

— Это из-за меня?..

— Даже если так, сейчас ее лучше не трогать.

Под руководством Мишель Кли и Скай занялись уборкой. Каждый год повторялось одно и то же. Несколько месяцев планов, приготовлений, предвкушения и наведения красоты остались в прошлом. Весь год все в Ренвик-Инн ждали нового бала. А когда он проходил, Каролина с сестрами убрали все до лучших времен. Но в этом году Каролина не участвовала в этом действе.

Снимая бумажные фонарики, Скай подумала, что это похоже на уборку новогодней елки. Она стояла на стремянке, наматывая на руку провод. Вокруг носились ласточки, то влетая в сарай, то вылетая обратно, едва не задев крыльями ее волосы. У нее кружилась голова от похмелья и от стыда за сказанные Каролине слова. В этот раз прорвалось наружу ее сумасшедшее второе «я».

В отеле зазвонил телефон, и от резкого звонка она едва не свалилась с лестницы. Она сказала матери, куда едет, и надеялась, что это Саймон разыскивает ее. Он так и не появлялся. Но это оказался всего лишь клиент, заказывавший столик для обеда.

— Эй, Мишель, — окликнула она менеджера, проходившую мимо с очередным мотком провода, — ребята с «Метеора» сейчас здесь?

— Нет, — ответила Мишель.

Скай смотрела, как та пересекает просторную веранду и скрывается за высокой дверью с витражным окном. Удивляться было нечему, но все равно она ощущала боль в душе. Она продолжала расстраиваться из-за того, что воссоединение Джо и Каролины оказалось временным.

— Ты слышала? — спросила Скай у Кли.

— Да, — отозвалась та.

— Дерьмо, — печально проговорила Скай.

— Он вернется, — вполне уверенно заявила Кли.

Когда они наконец смыли с рук грязь и зашли в отель, у Скай разламывалась спина и подкашивались ноги. Она направилась в бар за кружечкой пива, но вместо этого взяла стакан воды. Когда она на секунду остановилась, ее взгляд упал на одну из картин отца, висевших в баре. На совсем крохотном, четыре на четыре дюйма, листке, были изображены прибрежные болота.

Скай загляделась на акварель, на переливающиеся оттенки золота и зелени, совершенно такие же, как на настоящих соленых топях. Она узнала место: это были болота у Блэк-Холла, с Уикландским маяком, поблескивающим на горизонте. Глядя на картину, Скай понимала, что смотрит на зафиксированный на бумаге определенный момент времени. Пролетит облачко или чуть-чуть переместится по небосклону солнце — и все изменится.

— Он был замечательным живописцем, — сказала Кли.

— Удивительным, — согласилась Скай.

— Ты унаследовала его талант.

— Спасибо, — отозвалась Скай.

— Ты услышала то, что мы говорили тебе вчера? — заметила Кли, показывая на стакан с водой в руке у сестры.

— Может быть, что-нибудь, — ответила Скай, делая глоток.

— Ты не сможешь создавать свои замечательные скульптуры, если ты...

Скай улыбнулась, благодарная Кли за то, что она предоставила ей самой додумывать конец фразы. Каролина сказала бы «умрешь» или «сопьешься».

— Я знаю, — сказала Скай.

На противоположной стене висели портреты Скай и ее сестер, которые Хью писал после охоты. Скай смотрела на портрет Каролины с убитой лисицей. Зимний свет был холодным и голубоватым. На земле лежал глубокий снег, ручей чернел подо льдом. Лисица безжизненно свисала с рук Каролины, из уголка ее пасти капала кровь.

— Кли, посмотри сюда.

Разглядывая портрет Каролины, Скай заметила одну деталь, которую никогда не замечала раньше: отец нарисовал слезу. Может быть, это была просто тень, но с определенной точки было ясно видно слезу.

— Это всегда было так? — поинтересовалась Скай.

— Да, — ответила Кли.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Меня всегда удивляло, почему он нарисовал ее только Каролине.

Скай постоянно испытывала грусть, глядя на этот портрет, но раньше она никогда не видела слезы. Плакала ли Каролина на самом деле в тот день, когда убила лисицу? Осенила ли отца догадка, что охота неразрывно сплетена с трагедией и обрекает на нее его семью, вместо того чтобы защитить от нее? А Каролина думала об этом?

— Отец обычно не делал таких однозначных заявлений в своих работах. Он предпочитал оставлять додумывание контекста зрителю. Должно быть, он чувствовал в этом острую необходимость, раз написал Каролину плачущей.

— Скай, она несет на себе всю тяжесть мира, — тихо произнесла Кли, удваивая чувство вины, которое испытывала Скай. — Папа нарисовал лишь то, что видел.

Джо Коннор вылез из воды и дал темным струям стечь с гидрокостюма. Они сбегали по палубе в шпигат. Он ощу-

щал холод и очищение. Пока он был внизу, у затонувшего судна, здесь спустилась ночь. «Метеор» был окутан туманом, тяжелым и серым, и над водой разносились сирены буев на фарватере и низкий рев гудка на мысе Мунстоун. Джо поискал взглядом Сэма, но на палубе его не было.

Все работы на ночь прекратились. Компрессор был отключен. Аквалангисты вылезали из своих гидрокостюмов и направлялись вниз на ужин. Джо был доволен. Им есть что отметить — сегодня они наконец нашли основной груз.

Сундуки были погребены под тоннами ила и обломков корабля. На основании измерения кия Джо оценивал водоизмещение судна в двести двадцать тонн; большая часть груза при ударе о риф съехала к корме. Сейчас этот отсек представлял собой настоящий кошмар из торчащего рангоута, расщепленных досок обшивки, нагромождений камней балласта. Но с помощью осторожных раскопок, научных расчетов и слепой удачи сегодня утром Дэн обнаружил первый сундук.

Джо оказался на месте вторым. Они спустились вниз с прожекторами, проплыли мимо останков Элизабет Рэндалл. Все мысли Джо оказались мгновенно заполнены Клариссой, найденной камеей, Каролиной. Напомнив себе, что для правильного дыхания под водой необходимо сдерживать эмоции, он выбросил их из головы.

Дэн сверху подавал ему сигналы. Джо последовал за ним. Пробравшись через завалы острых камней и древесных обломков, они оказались перед дырой, похожей на логово дьявола. В свете прожекторов были видны преграждающие вход в нее острые и зловещие обломки. Но за ними, на песчаном дне, покоился сундук.

Он был из черного дерева, стянутого бронзовыми обручами, и лежал на боку. Две защелки были открыты. Часть золота высыпалась наружу и лежала на песке, как драгоценная дорожка, заросшая ракушками морских животных. Проследив, куда она тянется, аквалангисты остановились перед входом в «логово», возможно, таящее в себе неведомую опасность, и попытались определить, сколько еще сундуков там может быть и насколько велик риск проникновения туда и операции по подъему груза.

— Ну и что скажешь, капитан? — спросил Дэн, подходя к нему на палубе.

— День удался. Ты отлично поработал.

— Спасибо, — отозвался Дэн, расплываясь в довольной улыбке. Он сделал большой глоток из бутылки пива. Снизу слышался шум праздника, команда вспоминала самые выдающиеся моменты дня.

— Сэма не видел? — поинтересовался Джо.

— Он ужинает, — ответил Дэн.

Джо кивнул. Сэм собирал вещи. Проходя мимо его каюты, Джо видел рюкзак и спортивную сумку, уложенные и поставленные в угол в ожидании отъезда. Но с того вечера, когда они разговаривали о Йеле, Сэм не говорил ни слова о том, что собирается уезжать.

— Завтра нужно будет укрепить эти бревна, на всякий случай, — заметил Джо.

— Я бы спустился туда сегодня с лебедкой и сразу достал сундук. Джо, можно ведь спуститься ночью. Давай...

— Завтра, Дэнни, — отрезал Джо. Его слова прозвучали корректно, но твердо. Он не любил, когда члены команды пытались убедить его изменить отданные распоряжения. Капитаном был он, и он руководил работами со свойственной ученым осторожностью. Дэн был спасателем из Майами, одним из профессиональных пиратов. Он знал свое дело, но до этого ему не приходилось близко общаться с океанографами. Пиратам по природе и по традиции была свойственна жадность.

— Ну, Джо! Завтра же все может перевернуться! — разгорячился Дэн.

— Завтра, — повторил Джо в последний раз и пошел прочь.

Он остановился у борта, стараясь успокоиться. Он участвовал во многих экспедициях по подъему сокровищ, когда поспешность убивала весь проект. Обломки судна могли рухнуть, и тогда не видать им золота. Мог погибнуть кто-нибудь из людей. Чтобы не допустить этого, нужно продвигаться с максимальной осмотрительностью, шаг за шагом. С другой стороны, он понимал, что Дэн прав: то, что сегодня они нашли золото, еще не значит, что завтра оно окажется на том же месте. Море не успокаивается ни на минуту.

Джо чувствовал такое же нетерпение, как и остальные. Он хотел убраться отсюда, закончить операцию и бежать из Блэк-Холла как можно быстрее; если бы затонувшее судно не было в таком неустойчивом состоянии, он сам бы спустился к нему уже сейчас, поднял золото с помощью гидравлического ворота, и к восходу солнца добыча была бы подсчитана. Искушение было велико.

— Эй, а ты ужинать не собираешься? — услышал он голос Сэма, приближающегося к нему с тарелкой с персиковым пирогом.

— Собираюсь, я только проверял графики.

Сэм нахмурил брови и попытался поправить очки, и в этот момент вилка, балансировавшая на краю тарелки, со звоном упала на палубу.

— Это тебе, — сказал он, протягивая брату тарелку.

— Спасибо, — ответил Джо. Он взял тарелку и смотрел, как Сэм вытирает вилку краем рубашки. Их глаза встретились, и оба рассмеялись. По праздникам, когда Джо приезжал из колледжа домой, они все время ссорились из-за того, кому мыть посуду. Оба ненавидели это занятие, и оба превосходно умели увиливать от него.

— Очень вкусный пирог, — сообщил Сэм, протягивая Джо вилку.

— Гм, — произнес Джо, откусывая кусочек. — Ну так что ты собирался сказать мне, что уезжаешь? Или решил уехать, не попрощавшись?

— Я собирался тебе сказать... — ответил Сэм, пытаясь закрутить ногтем большого пальца крохотный винтик на дужке очков.

Джо ждал. Вид брата, пытающегося справиться с малюсеньким винтиком, заставлял болезненно переворачиваться что-то внутри. Он с трудом сдерживался, чтобы не выхватить очки у него из рук.

— Я собираюсь ехать завтра, — сказал Сэм, сражаясь с винтиком.

— Гм, — неопределенно произнес Джо.

— По крайней мере я так планировал.

— Ну и?..

Сэм поднял глаза. Он ждал, что Джо будет уговаривать его остаться. Джо чувствовал это печенкой. Он снова

вгрызся в пирог, для того чтобы отвлечься. На самом деле кусок не лез ему в горло. Аппетита не было, и он почти не спал ночами после бала в Ренвик-Инне. Его раздирали противоречия, в которых он никак не мог разобраться.

— Значит, — наконец проговорил Джо, отставляя тарелку с пирогом, — ты сам не можешь решить, что делать.

— Ну, по правде сказать, да.

— Хорошо, — медленно произнес Джо. — Тогда изложи мне аргументы в пользу каждого из вариантов.

— О'кей, — согласился Сэм, облокотившись на перила. Он был таким неловким, так притягивал к себе всякие происшествия, что Джо с трудом сдерживался, чтобы не схватить его за воротник и оттащить подальше от борта, чтобы тот не нырнул через него. Оставаться на месте было серьезным испытанием для его силы воли. — Мне нужно продолжать работу. У китов еще не наступил сезон миграций, но я могу заняться анализом воды, измерениями солености...

— И все такое прочее, — кивнул Джо, соглашаясь.

— Или же я останусь здесь...

— Да ну?

— ...еще ненадолго. Золото — это круто, а мы только сегодня обнаружили основной груз. Мне было бы любопытно присутствовать при его подъеме.

— Гм, — произнес Джо, улыбаясь про себя на его «мы».

— Ну и вот... Теперь ты и сам видишь, какая дилемма передо мной стоит, — заключил Сэм. — Но ты не думай, что я претендую на что-нибудь. В смысле золота.

— Я и не думаю, — поспешно отозвался Джо.

— Потому что, честно говоря, я считаю, что золото — это ерунда по сравнению с другими вещами. Понимаешь? Есть вещи поважнее.

— Да ну? И какие же? — спросил Джо, мысленно прикидывая собственный перечень.

— Ну, например, семья, — сказал Сэм. — Природа. Океан. Еще любовь, наверное.

Джо кивнул. Он глядел вдаль, на огни маяков на побережье. От прохладного ночного воздуха по спине бежали мурашки. Любовь. Джо присвистнул.

— А, да, — спохватился Сэм. — Еще одно. Хороший персиковый пирог.

— Этот пирог был великолепен, — кивнул Джо. — Спасибо, что беспокоился обо мне.

— Я не сильно напрягался. И как — он был достаточно хорош, чтобы быть дороже золота?

— Это сложный вопрос, — ответил Джо.

Сэм, кажется, потерял надежду починить очки. Он надел их обратно на нос и, взглянув на Джо, увидел, что тот протягивает руку.

— Дай сюда свои очки, — сказал он, подкрепляя слова жестом, и Сэм протянул их ему. Джо порылся в кармане и достал ножик. Когда Сэм рос, Джо учился в колледже, поэтому в его жизни не было всех игрушек и велосипедов, которые старший брат чинит и собирает для младшего, но теперь, стоя на палубе «Метеора», Джо закручивал винтики на очках Сэма.

— Вот, — сказал он, отдавая их обратно.

— Хэй! — воскликнул довольный Сэм, водружая их на нос. Теперь они держались ровнее, но оправа все равно оставалась погнутой, а Сэм счастливо улыбался.

— Выглядит прекрасно, — из чистой вежливости заметил Джо.

— Наверное, мне все-таки стоит взять новый рецепт, — сказал Сэм.

«Метеор» поднимало приливом, а ветер усиливался. Они стояли вдвоем на палубе корабля кладоискателей, разговаривая об очках, а в воздухе витал запах прощания. Прекрасный персиковый пирог. Превосходный.

— И сколько вы еще собираетесь оставаться здесь? — спросил Сэм.

Вопрос застал Джо врасплох. Он пока не думал о конкретных датах. Он думал о затонувшем судне, золоте, кое-каких незаконченных делах на берегу. Он хотел заехать в «Светлячковый Холм» и увидеть то самое место, на котором умер отец. Он был его единственным сыном и хотел отдать ему дань уважения. Но он понимал, что все это можно успеть сделать и за неделю.

— Десять дней, — с сомнением проговорил Джо. — Это по максимуму.

— Я спросил, — пояснил Сэм, — потому что все-таки, наверное, задержусь еще на несколько дней. Может, моя

помощь понадобится при подъеме золота или еще где-нибудь. Заодно возьму пробы отложений. Если, конечно, я тебе не мешаю.

— Нет, — ответил Джо. — Ты мне совершенно не мешаешь.

Сэм удовлетворенно кивнул.

Джо хотел, чтобы тот остался. Но у него не слишком хорошо получалось высказывать свои желания, если они касались тех вещей, о которых до этого говорил Сэм. Когда речь шла о предмете, лежащем на дне моря и погребенном в толще ила, если на нем оставили свой след прошедшие века, тут Джо Коннор был на высоте. Но если этот предмет жил и дышал, если у него было имя и он понимал, что такое любовь, — тут уж увольте. Это была не его сфера.

Но все-таки сейчас рядом с ним был младший брат, который решил остаться еще ненадолго. И Джо даже не пришлось его об этом просить. А если только представить, что может произойти, когда попробует покинуть свой корабль, вступить на твердую землю и подъехать к чьей-то двери?

Попробует высказать то, что у него на душе.

Если только представить...

Скай сидела на подоконнике в спальне, которая пока оставалась супружеской. Она любила туманные вечера. В такую погоду она почему-то чувствовала себя спокойно и вне опасности; верила, что туман может скрыть грехи, предоставляя человеку укрытие. Скай так давно жила в страхе и сознании того, что все в ее жизни плохо, что привыкла считать туман спасительным.

Под ногтями у нее оставалась невычищенная глина. Сегодня она много часов подряд работала в студии. Каким-то образом ситуация переменилась. Она не понимала, как это произошло, но разговор с Каролиной помог прорваться чему-то у нее в душе. Или же Каролина наконец попала точно в цель. Вернувшись к работе, она снова взялась за «трех сестер», скульптуре, которая выражала ее чувства по отношению к Кли, Каролине и себе самой.

Она хотела показать, насколько они близки и в то же время — что их разделяет. Скай пробовала выразить эту

идею в разных стилях — абстрактном, натуралистическом, сюрреалистическом. Она слепила одну плотную массу, которая должна была символизировать то, что порой она сама не понимала, где заканчивается она и начинаются сестры. А в какой-то момент, разозлившись, шмякнула об стол три отдельных глиняных комка, бесформенных и ничем не связанных, показывающих, насколько на самом деле им с сестрами не хватает мудрости и опыта и как плохо они на самом деле понимают друг друга.

Но после незабываемого утра на пляже с Каролиной начало проявляться нечто новое. Скульптура приобрела очертания троих стоящих в круге женщин. Они держались за руки, но взгляд одной был обращен в круг, вторая смотрела вперед, а третья — назад.

Эта композиция показалась ей занятой. Так как их было трое, в любом случае двое сестер, держащиеся за руки, смотрели в одном направлении. А третья отворачивалась от них. С какой стороны ни взгляни, двое обязательно были вместе. А третья — сама по себе. Но кто были эти двое? И кто — третья?

Работа немного успокаивала Скай. Она понимала, что внутри нее идет борьба. Она нуждалась в таком единении с сестрами и в то же самое время избегала его.

Долгое время самой серьезной своей проблемой она считала негодование, которое испытывала при мысли о том, что отец Джо застрелился у них на кухне, а ее мать перед этим предложила ему свою собственную — и ее, Скай, — жизнь в обмен на жизнь Каролины. Вот она, прелесть безумной жизни, подумала она. Когда трагических событий в ней столько, что невозможно выбрать из них то самое, из-за которого начинаешь думать о смерти как об освобождении.

Все эти годы она была уверена, что никто, кроме нее, вокруг не страдает. Остальные каким-то образом сумели победить скорбь, избежать ее заклятия. Но почему именно она из троих сестер? Все они ездили на охоту, все держали в руках оружие. Почему же именно ей было суждено совершить непоправимую ошибку? Убить человека...

Она никогда ни с кем не говорила об этом, вообще практически не упоминала вслух. Что-то было известно ее

сестрам и отцу, но ни мужу, ни матери она не рассказывала ничего. Подробности того дня были слишком личными и ужасными. Если бы она рассказала кому-нибудь, если бы решилась начать такой разговор, факты проглотили бы ее живьем.

Убийство, думала она сейчас. Слово звучало именно так, как должно: резко, жестоко, свистяще и уродливо, как полет пули. Она запустила руку за один из томов на маленькой книжной полочке, стоявшей на подоконнике, и достала бутылку водки. Плеснув немного в хрустальную рюмку, она сделала глоток.

Скай провела много часов своей жизни пьяной или напиваясь, чтобы не думать об охоте и оружии, об Эндрю Локвуде и всем прочем, с этим связанным. Она пила, чтобы успокоить себя, чтобы забыться, чтобы быть счастливой, чтобы погрузиться. Ей нравился вкус напитков, потому что она была против убийства животных, потому что ее мужу нравился грубый секс, потому что ее преследовали кошмары о змеях, копошащихся под днищем палатки, потому что ее отец перестал ее любить. Она вливала в себя спиртное, потому что ненавидела «Лебединое озеро», потому что она была на Редхоке, потому что не могла простить матери того, что та хотела обменять ее жизнь на жизнь Каролины, наконец, потому, что она сама убила человека.

Работая сегодня над своим образом трех сестер, Скай чувствовала, что что-то изменилось. Ей дышалось по-другому, боль глубоко внутри немного утихла. Жертва превращалась в охотника. Она могла вспоминать о самом ужасном и понимать, что она не одинока. Конечно, ничего выдающегося. Если не считать выдающимся желание жить. Скай словно раскачивалась взад-вперед на самоубийственных качелях — иногда ей хотелось жить, иногда она думала о смерти как об облегчении.

Скай размышляла о жизни, сидя с ногами на подоконнике в обнимку с припрятанной тайком бутылкой водки. Она сделала еще глоток, по щекам у нее потекли слезы. Водка притупляла чувства, делало страхи более приемлемыми, но в то же время она и убивала многое. Когда она последний раз радовалась утру? Когда последний раз ее

не тошнило от вида еды? Когда последний раз она не пыталась скрыться от первого встречного человека, выходя из дома? Когда последний раз у нее получалось спать что-то, чем она могла бы хоть немного гордиться?

«Ты больше никогда не должна чувствовать себя так».

Она вспоминала слова, сказанные Джо Коннором, и пыталась понять, что он имел в виду. Скай посмотрела на рюмку и отпила еще немного. Ей больше не хотелось себя так чувствовать. Она ощущала пустоту, отчаяние, дурноту и страх — и готовность изменить все к лучшему.

Она раздумывала, с чего ей нужно начинать и одновременно о том, как позвонить человеку, находящемуся на корабле в открытом море.

Глава 16

Внуки Аугусты гостили у бабушки. Они резвились на улице, носясь кругами по двору, обожая Светлячковый Холм так же, как их мама и тетки в детстве. Аугуста сидела на веранде со своим подносом для коктейлей и несколькими старыми записными книжками, надеясь, что малыши когда-нибудь все-таки устанут и придут посидеть с ней. Ах, если бы она испытывала такие чувства тридцать лет назад!

Собственные дети не радовали так Аугусту, когда были маленькими. И хуже всего было то, что она даже тогда это осознавала. Но у нее тогда не было выбора. Ею полностью владела преданность их отцу, подобно болезни, которую она не могла излечить. Лучшее, что она могла сделать для дочерей при всей своей любви к ним, — руководить ими. Снабжать их красками и бумагой; предоставлять семена, землю и цветочные горшки; предлагать им писать стихи о школе. Но важнее всего всегда было быть рядом с их отцом.

Когда девочки были маленькими, она разрешала им печь печенье и делать желе в формочках для льда, превращая кухню в полнейший бедлам. Она разрешала им есть то, что они любили, и никогда не заставляла питаться полезными овощами и рыбой. Когда Каролине было двенадцать, она каждый день ужинала макаронами с сыром.

Словом, Аугуста придумывала дочерям самые разнообразные занятия, чтобы самой иметь возможность быть с Хью. Она слишком боялась потерять его. Она постоянно его соблазняла. Ходила среди бела дня в нижнем белье, только для того, чтобы он обратил на нее внимание. Читала труды по истории искусств, изучала собрания знамени-

тейших музеев, чтобы помогать мужу в его карьере. Вместо того, чтобы помогать дочерям с домашним заданием.

Хью был ее всепоглощающей страстью. Когда его не было дома, она подозревала, что он встречается с другой. Это сводило ее с ума, занимая все мысли. Она пыталась переключить внимание на дочерей, но ее подозрения были слишком подавляющими. Когда Скай упрасивала ее почитать сказку или Кли была нужна помощь в музыкальных занятиях, Аугуста предлагала им попросить Каролину. Чтобы она могла быть с Хью.

При одном воспоминании о нем глаза Аугусты наполнялись слезами. Она так сильно любила его, а он был таким непростым человеком. Для него на первом месте была работа, потом — развлечения и где-то в самом конце списка — Аугуста и девочки. Или девочки и Аугуста. Она никогда не была точно уверена в последовательности, и ее ревность и чувство вины за нее стали только больше после происшествия на Редхоке.

То, как Хью любил дочерей, было видно в написанных им портретах. Особенно в портретах Каролины. «Девушка в белом» — его самая знаменитая картина — с потрясающей точностью воспроизводила ее красоту, хрупкость и твердость характера. Аугуста до сих пор помнила день, когда он делал с нее эскизы, прямо здесь, в «Светлячковом Холме». Аугуста наблюдала за процессом, чувствуя себя злобной мачехой из «Белоснежки», потому что ее переполняло желание, чтобы Хью вместо Каролины писал ее.

Каролина была одета в строгое белое вечернее платье. Она стояла на веранде, прислонившись к одной из колонн, глядя в морскую даль. Ее взгляд был полон страстного волнения, девушка напоминала героиню греческой трагедии. Аугуста помнила, как смотрела на свою старшую дочь, и не могла представить, что могло породить в ее душе такое глубокое и безнадежное стремление. На ее лице отражалась неподдельная печаль, которая заставляла переворачиваться материнское сердце.

Хью сумел в совершенстве передать это чувство.

Перелистывая записные книжки, Аугуста прихлебывала свой мартини и доставала из памяти воспоминание за воспоминанием. Она нашла статью, которую вырезала из

журнала после того, как «Девушка в белом» произвела сенсацию на венецианском бьеннале. Проглядывая строчки «Арт-Ньюз», она гладила пальцами репродукцию. На ней были на удивление хорошо переданы цвета — блестящие черные волосы Каролины, ее белое платье оттенка, граничащего с голубизной, вся гамма темно-синих и серых тонов неба и моря.

Но именно выражение глаз Каролины до сих пор волновало сердце матери так, что у той перехватывало дыхание. Они поражали своей одержимостью. Ни Аугуста, ни многочисленные известные современные критики никогда не видели портрета, подобного этому. Глядя на изображенное лицо Каролины, Аугуста и сейчас пыталась понять, что же породило эту мучительную тоску? Смерть — в этом у нее не было сомнений. Джеймс Коннор и Эндрю Локвуд.

Устав от этих мыслей, Аугуста подняла глаза. Она расплачивалась за прошлое каждый день, глядя, как убивает себя Скай. Аугуста никак не могла восполнить этот ущерб, но по крайней мере могла попытаться быть хорошей бабушкой.

— Дети, вы не устали? — позвала она, приложив ладони рупором ко рту. — Марк, Мэрипат! Идите подкрепиться!

— Чем? — спросил запыхавшийся Марк.

— Лимонным печеньем, — ответила Аугуста, протягивая внукам голубую китайскую тарелку. — Я сама его напекла.

Ребята взяли по одному квадратику, вежливо поблагодарили и начали медленно жевать.

— Возьмите еще, — предложила Аугуста, — не стесняйтесь. Аппетита вам это не испортит, а родителям говорить не обязательно. Хотите посмотреть старые фотографии?

Дети кивнули. Аугуста освободила место с обеих сторон от себя. У обоих внуков были пышные соломенные шевелюры, прекрасная кожа Кли и серьезные глаза Питера. Марк склонил головку Аугусте на плечо; это пронзило ее острым ощущением счастья.

Она отложила в сторону альбом с вырезками и достала другой, из совсем давних времен, с ее школьными фотографиями из Провиденса и Наррагансетта. У нее было

счастливое детство. Именно такое, которого она всегда желала своим дочерям.

— Это мои мама и папа, и наша собака Спанки... — начала она.

— А это твои кошки? — спросила Мэрипат, показывая на фотографию Мяу-Мяу и Солодки.

— О, да, — ответила Аугуста, — мы обожали своих животных. Они были для нас как члены семьи!

— А наша мама раньше ездила на охоту, — гордо объявил Марк. — Однажды она подстрелила дикую свинью.

Аугуста непроизвольно заморгала чаще.

— Дикие звери — совсем другие, — стоически проговорила она, вспоминая об этих охотах. — Они могут быть очень-очень опасными.

Желая поскорее вернуться к приятным воспоминаниям, Аугуста пролистывала страницы с семейными фотографиями на блок-айлендском пароме, в пассаже между улицами Вестминстер и Вейбоссет, на пляже в Ньюпорте, с ее балетного выступления в зале церковной общины.

— А это кто? — поинтересовался Марк, показывая на нечеткую фотографию маленькой собачки.

— О! — произнесла Аугуста. — Это Малыш.

— Какой чудесный! Это чихуа-хуа? — спросила Мэрипат, улыбаясь, разглядывая тощее тельце и чрезмерно большую голову, мордочку с высунутым язычком. Собачка сидела на атласной подушечке на кровати Аугусты.

Дети ждали ответа, их широко раскрытые глаза обратились к ней.

— Ох, Малыш... — со вздохом проговорила Аугуста. — Хотите, расскажу его историю?

— Конечно! — одновременно воскликнули Марк и Мэрипат.

Они просили так умильно, что она не смогла отказать им.

Все началось однажды утром в начале июня, когда Аугусте было девять лет. Она отправилась на своей резиновой лодке ловить луфарь. Солнце светило ярко, но было прохладно. Бросив якорь сразу за островом Пеку, она забросила удочку. Рыба гуляла, преследуя одна другую в лихорадочном возбуждении. На крючок Аугусты попалась

шестидюймовая рыбешка, которую в этот самый момент уже поедала другая, более крупная.

— Повсюду в воде была кровь и рыбы кишки. Над головой вопили чайки. Можете себе представить эту картину? Косяк луфари, охваченный неистовым пищевым возбуждением, — рассказывала Аугуста. Потом она сообщила, как заметила что-то, плывущее по воде. Вначале ей показалось, что это акулий плавник, обладательницу которого привлек запах добычи. Но у него были уши.

— Ой, бабуля! — воскликнула Мэрипат.

— Да, солнышко. Это был Малыш.

— Собака? Посреди пролива? — удивился Марк.

— И она плыла прямо в гущу луфари. Вы же знаете, какие у этой рыбы острые зубы. Она плавает большими стаями и во время кормления готова сожрать все, что попадется на пути.

— Бабуль, мы знаем про луфарь, — тактично заметила Мэрипат.

— Ну и прекрасно. В общем, я спасла Малыша из лап вернее зубов смерти. Он был ужасно худой и дрожал как осиновый листок. Был полумертв от холода и страха. Бедняжка чихуа-хуа, подумала я. Наверное, он упал с проходящей яхты.

— И ты забрала его домой, — сказал Марк.

— Пронесла тайком. У нас тогда уже была собака и две кошки, и родители категорически сказали мне: больше никаких животных. Поэтому я тихонько пронесла его к себе в спальню... — Аугуста прикрыла глаза, вспоминая своих кошек. В горле встал комок, и она глотнула martini. — Я попыталась дать ему собачьего корма Спанки, но он отказывался есть.

— Наверное, он был слишком измучен после падения в воду, — заметила Мэрипат, дотрагиваясь до фотографии Малыша пальчиком. — Бедная зверушка.

— Ну да. — Аугуста смотрела на фото. Она сделала его сама, усадив Малыша на свою розовую атласную подушечку. Зверек так покорно сидел на ней. Она вздохнула. — Он не ел, не пил воды и продолжал страшно дрожать; промерз до костей во время своего заплыва. Я уже решила, что он, наверное, умрет.

— А он? — со страхом спросила Мэрипат.

Аугуста ответила после секундной паузы:

— Нет. В эту ночь я уложила его спать с собой в постель. И кошек тоже, чтобы они его согревали. Мы все прижимались друг к дружке, как лисята в норке. Нам было тепло и уютно под моим пуховым одеяльцем.

— И вы его отогрели? — с надеждой в голосе поинтересовался Марк. — И он выжил?

— О, да. Он выжил, — сказала Аугуста, хмурясь. Она дала детям еще печенья. Мэрипат задумалась, а Марк сразу же затолкал свое в рот.

— И они подружились со Спанки, Мяу-Мяу и Солодкой? — спросила Мэрипат, слизывая с пальцев сахарную пудру.

— Ну, вообще-то нет.

— Нет? — переспросили ребята хором, заметно взволновавшись. Аугуста начала сомневаться, стоило ли ей вообще начинать рассказывать эту историю. Она попыталась свести ее к чему-нибудь милому и невинному.

— Он наконец начал пить. Я давала ему молоко из кукольной бутылочки, потом налила немного в мисочку. Мне нужно было идти в школу, но перед уходом я отдала ему остатки своей каши.

— Ой, наверное, он был так доволен!

— Мм... Я пошла в школу со Спанки — он всегда провожал меня. Знаете, дети, я очень хорошо училась, — начала Аугуста, уводя беседу в сторону. — Мои учителя называли меня звездой школы!

— Ну и что было дальше с Малышом? — застенчиво спросила Мэрипат.

— Ну, я оставила его у себя в комнате, чтобы мама не увидела.

— Потому что ты еще не успела уговорить ее оставить его, — логично заключил Марк. — А кошек ты оставила с ним, чтобы ему не было скучно?

— Да.

— И они стали лучшими друзьями? — не унималась Мэрипат, предвкушая счастливый конец истории.

— Нет, — ответила Аугуста, осознав, что зашла слишком далеко. — Он их съел.

Мэрипат оторопело открыла рот. Марк продолжал смотреть на фотоальбом. Пытаясь успокоить детей, Аугуста рассыпала незакрепленные фотографии. Мэрипат пыталась сдержать слезы, но они все равно текли из ее глаз.

— Почему?!

— Он был совсем не чихуа-хуа! — пояснила Аугуста, желая добиться сочувствия. — Представляете, в каком ужасе я была, когда пришла из школы и обнаружила повсюду в своей комнате клочки кошачьей шерсти и кровь. И разбросанные по полу останки моих кошечек, обглоданные до костей.

— О, Мяу-Мяу, Солodka! — плакала Мэрипат.

Сама готовая расплакаться, Аугуста рассказала, как нашла Малыша на своей кровати, всего перемазанного кровью. Он хищно щерился, вывесив наружу маленький язычок, клыки были в крови. Она едва успела выскочить из комнаты и захлопнуть дверь, потому что спустя пару секунд он бросился на нее, целясь в горло.

— Это был бандикут, — сказала Аугуста, ее глаза блестели. — Вьетнамская водяная крыса, одно из самых кровожадных млекопитающих в мире. Ветеринар, который приехал, чтобы забрать то, что осталось от кошек, предположил, что зверь, наверное, переплыл через океан из Азии в трюме какого-нибудь сухогруза, а потом выбрался и упал с палубы в воду.

И как раз в этот момент появилась Кли, приехавшая за детьми.

Как только они увидели ее, они начали наперебой причитать и всхлипывать. Кли уронила сумку с овощами, которую несла в руке, и, раскрыв объятия, привлекла к себе детей. Они всхлипывали, уткнувшись в материнскую грудь.

— Мама, — в панике проговорила Кли, — что случилось?

— Мамочка, у бабули был ужасный зверь, который съел ее кошек, — сквозь слезы проговорил Марк. — Страшный зверь, который был похож на чихуа-хуа, но на самом деле это была не собака.

— Ты рассказала им про Малыша? — не веря своим ушам, спросила Кли.

— Ну, да, — оправдывающимся тоном ответила Аугуста. — Рассказала. Они попросили!

— А если они попросят поиграть со спичками, ты им тоже разрешишь? А если захотят съесть десерт перед обедом?

Аугуста поджала губы, чувствуя себя отвратительно. Теперь она бы ни за что не решилась рассказать про лимонное печенье. Она хотела провести несколько часов с внуками, чтобы они чуть-чуть больше полюбили ее! Она думала, что история про Малыша покажется всего лишь захватывающей страшилкой.

— Я думала, дети любят страшные истории, — заметила она.

Кли только покачала головой. Она подтолкнула Марка и Мэрипат к выходу с веранды во двор. Аугуста смотрела, как Кли берет за руку сначала дочь, потом сына и ведет их к лестнице, спускающейся на пляж. Они остановились наверху, глядя на море и слушая волны. Они о чем-то разговаривали, и спустя минуту взволнованные нотки исчезли из их голосов и беседа стала обычной беседой матери с детьми.

Аугуста чувствовала, как дрожит ее подбородок, и глотнула еще martini. Он показался ей теплым и более жидким, чем полагалось. Она никогда не стала бы специально доводить внуков до слез. Она угощала их печеньем и показывала старые фотографии, просто чтобы они любили ее. Аугуста никогда не хотела ничего другого от всех детей, которые были в ее жизни; на самом деле — от всех людей вообще.

Она огляделась в поисках Гомера, единственного, на верное, существа, которое безоговорочно принимало ее такой, какая она есть, со всеми недостатками и ошибками. Но пес опять где-то бродил. Даже он устал от нее, и Аугуста не могла его за это винить. Ей казалось, что она потерпела полное поражение на всех фронтах. Никогда у нее ничего не выходит!

— Ужасно рассердилась на мать, — сообщила Кли Питеру.

— Что такое? — поинтересовался он.

Кли немного помолчала. Они сидели в обнимку, глядя, как дети плещутся в бассейне. Был ясный вечер. По всему

небу были разбросаны тысячи звезд, над трубой виднелись яркие Плеяды.

— Она расстроила ребят. Рассказала им на самом деле жуткую историю про животное, которое пыталась держать дома в детстве.

— Насколько жуткой может быть история о домашнем животном?

— Ну... — проговорила Кли, понимая, что данный случай — типичный пример из области «исключительно в нашей семье». — Оно сожрало ее кошек и вполне могло загрызть ее саму во сне. Я бы сказала, достаточно для парочки неплохих кошмаров, согласен?

— Ого! — изумился Питер. — Такого я еще не слышал.

— Бедная мама, — вздохнула Кли. — Бесполезно ей что-то объяснять. Ее уже не изменишь. Она все время хочет как лучше, но почему-то у нее ничего не получается. И никогда не получалось.

— Она потерялась в своем собственном мире.

— Она так переживает из-за того, любят ли ее, что в конечном итоге это только отпугивает людей.

— Ей стоило бы иметь хоть немного веры.

— В других? Понимаешь ли... жизнь с отцом была не лучшей возможностью научиться верить в людей.

— В себя, — сказал Питер. — Она добрая женщина и должна научиться доверять своему внутреннему чутью. Я слышал, как она говорила, что жалеет о том, что отпускала вас с отцом на охоту.

— В это хотелось бы верить, — слегка скривившись, отозвалась Кли. Ее мать пыталась угодить отцу, вместо того чтобы прислушиваться к своим материнским инстинктам. Как вообще такое возможно?

Некоторое время они сидели молча. Кли потихоньку соскальзывала в дремоту, убаюканная руками Питера, глядящими ее по волосам, и голосами детей, доносившимися из бассейна. В ощущении сожаления к матери можно потеряться окончательно. Как можно прожить всю жизнь, сознательно отгораживаясь от правды? Так бояться собственных чувств, чтобы в итоге не в состоянии защищать собственных детей?

— Не хочешь искупаться? — предложил Питер.

— Нет, спасибо. Я уже так расслабилась, даже купальник надевать лень.

— Ты посмотри на это!

— На что? — спросила Кли.

— Посмотри, как Мэрипат стала уверенно чувствовать себя в воде. В прошлом году она ведь ужасно боялась, помнишь?

— Да, ни в какую не желала заплывать на глубокую сторону бассейна, — согласилась Кли. В прошлом году, когда они установили бассейн, Мэрипат могла часами сидеть на ступеньках лесенки. Девочка цеплялась за бортики и так передвигалась вокруг бассейна. Или же соглашалась переплыть его в ширину, но только если рядом был отец, но все равно хватала ртом воздух с полными ужаса глазами.

Но в это лето все изменилось. Кли каждый день стала возить ее на тренировки по плаванию. Пока Марк гонял в футбол или бегал по пляжу с товарищами, Мэрипат часами занималась в спортивной группе с тренером и приобрела не только необходимые навыки и уверенность, но и новых друзей.

Теперь Питер и Кли наблюдали, как их дочь рассекает гладь бассейна во всех направлениях, останавливаясь только, чтобы окатить волной брызг зазевавшегося брата, абсолютно не испытывая страха и не нуждаясь ни в чьей поддержке. Она плавала сама по себе, думая о чем-то своем, направляя свое тело сильными взмахами рук точно туда, куда ей хотелось.

— Она полюбила плавание, — сказал Питер.

— Да, — согласилась Кли не без гордости. Она помогла дочери совершить шаги, необходимые для того, чтобы преодолеть свой страх, почувствовать себя сильной и уверенной в том, чем решила овладеть. Для этого не нужно было оставлять ее одну в горах, заставляя натягивать палатку, убивать живых существ для пропитания и лежать по ночам без сна, прислушиваясь, как снаружи живет своей жизнью дикая природа. Хватило всего лишь тренировок по плаванию.

Каролина запыхалась. Этот вечер она решила посвятить восхождению на гору Серендипити, выбрав для этого северную тропу, ведущую почти прямо вверх по гранитному

ущелью. Было уже совсем темно. Хорошая ночь для тех, на кого охотятся. Звезды совершали свой круговорот по небу, опускаясь за гребень горы. С перевала она посмотрела на юго-восток и увидела огни «Метеора», сверкающие в море, как отражения звезд. Глядя на них, она думала, сколько еще Джо пробудет здесь.

Низко среди сосновых ветвей пролетела сова, гладкие перья на широких каштановых крыльях слегка поблескивали в звездном свете. Вдоль тропы тянулись заросли жимолости, и, спускаясь, она вдыхала их сладкий летний аромат. На полпути к подножию горы тропа разветвлялась. Более широкая вела к центру Блэк-Холла. Испытывая грусть, причину которой не могла определить точно, Каролина свернула на вторую, узкую тропку, уводящую влево, к реке Ибис.

И почти тут же заметила лису.

Зверь крался за добычей вдоль старой каменной стены, так искусно распластавшись по траве, что Каролина вначале приняла его за тень. У лисы была роскошная рыжая шуба, лишь кончик хвоста выделялся белоснежным пятном. Каролина замерла, не дыша. Лисица подкрадывалась к бурундуку, медленно, стелясь от камня к камню. Шерсть на хребте вздыбилась, нос был нацелен точно на жертву. Но тут она заметила присутствие человека.

Они посмотрели друг на друга. Каролина чувствовала, как гулко стучит сердце. Лисица была такой маленькой, похожей на миниатюрную овчарку-колли. Она оскалила зубы. Коротко тявкнув на Каролину, лиса дернула хвостом и перемахнула через стену. Каролина не испугалась. Она восхищалась красотой зверя. Близкие встречи с дикими обитателями леса были одним из лучших моментов таких прогулок, и сейчас она с трудом могла представить, как когда-то убивала их. Это никогда не было близко ее душе, однако память хранила запах пороха и прикосновение ресниц к прицелу.

Уже дома, на кухне, Каролина все еще не могла отдышаться. Она залпом выпила стакан холодной воды, пытаясь успокоиться. Охваченная воспоминаниями, которые подстегнула встреча с лисой, она стояла у окна.

На ней были шорты цвета хаки и синяя рубашка с закатанными рукавами. Волосы свободно рассыпались по

плечам. Сбросив кеды, она начала раздеваться. Она уже мечтала о том, как залезет сейчас под горячий душ, когда зазвонил телефон. Стоя обнаженной посередине спальни, она взяла трубку:

— Алло?

— Каролина? Это Джо.

Она не ожидала услышать его голос. Она держала трубку в руке, но не могла сказать ни слова.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

— Да, привет.

— Как дела у твоей сестры?

— Не знаю, — ответила Каролина. После ссоры на пляже она не виделась со Скай.

— Мне очень не хотелось оставлять ее той ночью, и я сожалею о том, что случилось на карнавале. Я вовсе не хотел испортить вам праздник...

— Не извиняйся, — прервала Каролина. — Мне надо было заранее предупредить мать, что ты там будешь. Но почему-то я понадеялась, что смогу устроить так, чтобы вы не столкнулись.

На линии раздавались щелчки, и Каролина подумала, что, наверное, так и должно быть при разговоре с абонентом, находящимся на корабле в открытом море.

— Я позвонил тебе... Это тоже отчасти связано с нашими семьями, — сказал он. — Я хотел бы побывать в «Светлячковом Холме».

— Да, — согласилась Каролина. Она понимала, почему это так важно для него.

— Ты считаешь, это реально? Я понимаю, что твоя мать не захочет меня там видеть, и я не в обиде на нее. Но мне хотелось бы приехать... — Он замолчал, не договорив.

— Я смогу это устроить, — ответила Каролина. Значит ли это, что Джо скоро собирается уезжать? — Когда тебе было бы удобно?

— Чем скорее, тем лучше, — сказал он. — Завтра мы собираемся поднять основной груз. Это займет весь день. Зато после этого работу можно считать законченной. Так что я могу приехать в любое время.

— В среду? — предположила она.

— Давай в среду, — согласился он.

Они договорились встретиться у Каролины в отеле и вместе поехать в «Светлячковый Холм». Ей нужно было сделать так, чтобы матери не было дома, во избежание ненужных столкновений.

— Послушай, Каролина, — поспешно, пока она не повесила трубку, сказал он.

— Да?

Несколько секунд из трубки доносились только помехи.

— Спасибо, — наконец произнес он. И повесил трубку.

Саймон отсутствовал две ночи, а появившись на третью, даже не стал утруждать себя тем, чтобы сделать это тихо. Старый «порше» подъехал к дому, гремя музыкой из колонок стереосистемы, так что даже крепко спавшая Скай сразу проснулась. Саймон зашел через черный ход, с грохотом захлопнув за собой дверь. Открыв холодильник, он налил себе чего-то в бокал и, приготовившись таким образом, протопал наверх.

Только зайдя в спальню, он наконец вспомнил о хороших манерах и начал вести себя несколько тише. Не подозревая, что Скай не спит, он на секунду остановился у окна, глотнул вина и поглядел на отражение луны на водной глади. Может быть, он размышлял о картине, которую собирался написать. Она будет называться «Ноктюрн № 62» — или какой там по порядку, — потому что все его картины назывались «Ноктюрнами», отличаясь лишь номерами. Может быть, он уже прикидывал, за сколько ее можно будет продать.

Он расстегнул рубашку и провел ладонью по голой груди. Стоя к окну вполоборота, начал расстегивать джинсы, погружившись в мысли и время от времени прикладываясь к бокалу. Его лицо, освещенное луной, было задумчивым. Может быть, он думал о том, каким знаменитым станет когда-нибудь. А может, об официантке, от которой только что вернулся.

— Хорошо отдохнул? — спросила из постели Скай, заставив его подпрыгнуть от неожиданности.

— А, так ты не спишь?

— Как видишь.

— Это на тебя непохоже.

Его слова больно ужалили Скай. Она понимала, что муж имеет в виду то, что обычно она была в такое время суток в отключке после выпитого. Но сегодня вечером она не выпила ни капли. Ее слегка трясло, руки под одеялом дрожали. Ее организм освобождался от отравы, а это было нелегко. Во рту пересохло. Голова болела. Но Скай знала, что это того стоит. Она хотела иметь ясную голову. Хотела видеть окружающий мир — хотела видеть в нем все, даже собственного мужа, возвращающегося среди ночи от любовницы. Она устала прятаться.

— Но, как видишь, я все-таки не сплю, — тихо сказала она.

— Ну-ну. Ладно.

— Где ты был?

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я докладывал тебе о каждом своем шаге? Если тебе был нужен такой муж, надо было выходить за Питера.

— Теперь я это понимаю, — заметила Скай, — но я все равно хочу знать. Где ты был?

— В своей студии. Работал в сарае.

— Это не рабочая одежда.

— Откуда ты знаешь? — рассмеявшись, поинтересовался Саймон. — Похоже, Скай, они были правы насчет наркологического отделения. У тебя и правда проблемы. Большую часть времени ты пьяна настолько, что не замечаешь, что я надеваю, когда работаю.

— Сегодня я не пьяна, — спокойно произнесла Скай.

— Не важно, — отмахнулся Саймон.

— Я хочу с тобой развестись, — сказала Скай.

Саймон лишился дара речи. Он закончил раздеваться. Отпил еще вина. Скай представляла, о чем он сейчас думает: он не собирался отказываться от такой жизни, ему нужна была Скай ради денег и престижа ее имени, и одновременно он хотел иметь возможность спать, с кем пожелает.

Саймон стоял обнаженный, освещенный лунной. Мужчина был высок и худ, а в голубоватом лунном свете его тело казалось влажным. Он отпил еще вина и погладил ладонью грудь. Потом подошел к Скай, присел на край кровати и предложил ей свой бокал. Она покачала головой. Он поставил бокал на тумбочку и потянулся рукой под одеяло.

Запустив руку под ночную рубашку Скай, начал поглаживать ее, ласкать грудь. К Скай давно никто не прикасался так. Она закусила губу и выгнулась. Он целовал ее шею, проводил языком по коже. Скай было так приятно, что она едва не застонала. Но сдержалась.

— Мм, Саймон? — вопросительно проговорила она.

— Что? — Он продолжал целовать и лизать ей шею, поглаживая кончиками пальцев бедра и живот.

— Пошел вон из моей постели.

— Ты же этого не хочешь, — хрипло возразил он.

— Пошел вон из моей постели, — повторила она. — Забирай свои грязные шмотки с моего пола и выметайся вон. Ты что, серьезно думаешь, что мне приятны твои ласки после того, как ты вернулся от любовницы? Ты что, не слышал, что я сказала раньше? Я хочу с тобой развестись.

— Ты надо мной издеваешься, — отрезал он. — Ты не можешь говорить об этом всерьез. — Он сел прямо, глядя на нее сверху вниз.

— Я говорю всерьез, — возразила Скай, чувствуя, как перехватило горло.

Он резко поднялся с кровати и заметался по комнате, собирая свою одежду и полным ненависти голосом изрыгая проклятия. Саймон больше не будет делать с ней все, что ему заблагорассудится. Никогда. Скай нужно было не растерять смелость, которую она неожиданно обрела на пляже во время разговора с Каролиной и Кли, сохранить ее на всю оставшуюся жизнь. Она собиралась покончить со всем, что причиняло ей боль.

Саймон вылетел из комнаты. Скай слышала, как он скатился по лестнице и как хлопнула дверь, когда он вышел из дома. Вся дрожа, Скай потянулась к телефону, стоявшему у кровати.

Было пять часов утра среды — еще не рассвело, — но она все равно набрала номер Каролины. Их отношения всегда были такими: везде, всегда, когда она была нужна Скай, Каролина должна была быть рядом. Они не разговаривали после ссоры на пляже, но сейчас Скай было не до этого. Ей нужно было восстановить связь с сестрой. Стараясь держать трубку ровно, Скай услышала сонный голос Каролины.

— Это я, — сказала Скай.

— Что-то случилось? — мгновенно встревожившись, спросила Каролина.

— Все в порядке, — ответила Скай. — Каролина, прости, пожалуйста, что я так рано звоню.

— Я очень рада, что ты позвонила.

— Я только что выгнала Саймона, — сообщила Скай. — И мне сразу захотелось поговорить с тобой. Представляешь? Я сказала ему, что хочу развестись. Но мне самой от всего этого нехорошо.

— Ох, Скай, — проговорила Каролина. — Как я рада.

— Я просто хочу, чтобы мне стало лучше, — добавила Скай. Она говорила и чувствовала, что слова даются ей все с большим трудом. Она знала, что говорит правду, но эта правда была для нее достаточно трудной. Она хотела, чтобы ей стало лучше, — может быть, это и было проще некуда, но сейчас, в пять утра, она не могла представить себе ничего труднее, и единственное, чего ей хотелось, — это выпить, чтобы забыть обо всем этом и приглушить хоть на время острую боль.

— Я очень хочу, чтобы тебе стало лучше, — прошептала Каролина.

— Я вчера весь день не пила.

— Какая ты молодец! Я горжусь тобой. — При этих словах сестры Скай припомнились все другие случаи в ее жизни, когда Каролина ею гордилась: во время выступлений на весенних концертах и в школьном театре, когда ей было шесть и она лучше всех первоклассников делала «колесо», когда ей было двенадцать и она вылепила свою первую скульптуру, когда она поступила в колледж, когда поехала в Рим, когда у нее состоялась первая персональная выставка в Нью-Йорке.

Каролина всегда была рядом с ней и всегда ею гордилась. Чтобы унять дрожь в руках, Скай крепче сжала трубку.

— Прости меня, — сказала она, — за то, что я наговорила тебе на пляже.

— Не надо, — ответила Каролина. — Как это ни ужасно, я поняла, что у тебя были на это причины.

— Ты хочешь сказать... Ты сожалеешь?

— Разве я такое говорила? — с легким оттенком смеха в голосе спросила Каролина.

— Как здорово, что ты у меня есть.

— Ты меня опередила, — улыбнулась Каролина. — Это я собиралась сказать, что здорово, что у меня есть ты.

— Наверное, мне сейчас лучше лечь спать, — заметила Скай.

— Хочешь, чтобы я приехала? Я могу побыть с тобой.

— Нет, — ответила Скай, собираясь повесить трубку, чувствуя головокружение. Она знала, что это пройдет. Должно пройти.

— Уверена? — спросила Каролина. — Я могу просто побыть рядом, если ты хочешь. Можно будет прогуляться по берегу или искупаться. — Но, несмотря на то что ее слова звучали уверенно и бодро, Скай почувствовала, как Каролина осеклась на них. Она снова пыталась заниматься тем же самым — сделать все, как лучше, когда Скай должна была сделать это сама.

Скай рассмеялась, и на этот раз Каролина открыто засмеялась в ответ.

— Все в порядке, — произнесла Скай. — Я справлюсь сама.

— Я знаю.

— И вообще... — Скай запнулась, внезапно ощутив, как навалилась усталость. — Все будет хорошо, пока ты будешь...

— Что? — спросила Каролина.

— Любить меня, — прошептала Скай.

— Это самое легкое, — прошептала в ответ Каролина.

Глава 17

Каролина стояла за дверными жалюзи и поджидала Джо. На ней был сливочного цвета сарафан и бежевые босоножки без каблука — так она обычно одевалась для работы. Когда она увидела подходящего Джо, сердце ее учащенно забилося. Его вид заставлял нервничать, и когда мужчина подошел к дверям, она уже жалела, что предложила ему заехать.

Стоя по другую сторону жалюзи, он смотрел на нее так, словно и сам не был уверен, что поступил правильно, приехав сюда. Было видно, что он тоже нервничает. Джо вымученно улыбнулся. Она обратила внимание на морщинки вокруг его глаз и рта; ему часто приходилось щуриться на солнце. На нем были легкие брюки и голубая оксфордская рубашка с обтрепанным воротником, однако свежевыглаженная.

— Готова? — спросил он.

Каролина собиралась предложить ему зайти, но теперь поняла, что это совершенно ни к чему. Поэтому взяла сумочку и вышла. Джо придержал для нее дверь, и их руки слегка соприкоснулись. Они взглянули друг на друга, и Каролина покраснела, вспомнив их поцелуй. Когда подошли к его машине, он взялся за ручку со стороны пассажирского места.

— Я поеду на своей машине, — сказала Каролина, думая, что так Джо будет проще вернуться в порт. — А ты сможешь следовать за мной.

— Не стоит, — возразил он, открывая дверцу. — Ты оказываешь мне услугу. Я могу хотя бы отвезти тебя.

Он сдал задом по подъездной дорожке, обогнул отель, и они поехали на восток по прибрежной дороге. Проехали мимо болот Ибис, где река становилась солоноватой и

медленно текла к проливу. Остановившись на единственном в Блэк-Холле светофоре, они наблюдали за стайкой подростков, промчавшихся мимо на велосипедах. На крыше бензоколонки гаддели чайки.

Джо вел машину, выставив левый локоть в открытое окно. Его светлые волосы падали на глаза, и он все время откидывал их. Он включил радио, потом выключил. Каролина смотрела в окно, чувствуя такое напряжение, что не могла придумать ни одной темы для разговора.

— Вы вчера достали золото? — наконец спросила она.

— На самом деле нет, — ответил Джо. — Пытались, но море не было к нам благосклонно. Утром поднялся ветер, а потом изменилось направление течений. Парни готовы поднять мятеж — им не терпится разделаться с этой работой.

— А сегодня? — поинтересовалась Каролина.

— Сегодня я занят, — ответил Джо. — Кроме того, море еще беспокойно. — Он попытался улыбнуться, но его губы лишь слегка скривились. Он мельком глянул на Каролину. У него было усталое лицо, и она заметила крути под глазами.

Они ехали в «Светлячковый Холм», место, где началась вся эта история.

— Ты сказала матери, что я приеду? — спросил он.

— Я решила, что лучше не стоит, — ответила Каролина. — Но ее не будет дома. Сестры забрали ее в Провиденс на чай.

— Они в курсе?

Каролина кивнула:

— Да, им я рассказала. Они с удовольствием согласились помочь.

— Да, нет смысла нервировать твою мать, — сказал Джо.

— У тебя все в порядке?

— Угу, — кивнул он, бросив на нее короткий взгляд, и снова сосредоточился на дороге. В этом месте, где дорога огибала прибрежные скалы, было сужение. Это был трудный участок, но Джо все равно не мог перестать время от времени поглядывать на Каролину.

— Вот он, — сказала Каролина, когда они повернули в очередной раз. Она указала ему съезд на подъездную доро-

гу к усадьбе, уводящую вверх по склону холма, густо заросшего лесом. На его вершине они вновь вырвались на яркий солнечный свет. Каролина хотела показать Джо «Метеор», видимый отсюда, но его взгляд был намертво прикован к большому белому дому. Должно быть, он думал о своем отце, о последнем часе его жизни. Джеймс Коннор точно так же поднимался по этому холму, остановил машину на жесткой траве лужайки, шел через этот самый двор.

Завидев Каролину, Гомер потрусил к ней со своим полотенцем. Приблизившись, он бросил игрушку, чтобы поздороваться, и, тяжело дыша, смотрел на нее полным любви взглядом. Джо явно хорошо знал собачьи повадки. Он протянул Гомеру ладонь. Пес обнюхал ее, потом вопросительно взглянул на Каролину. Она обняла его большую голову и слегка потрепала, потом, наклонившись, уперлась своим лбом в его.

— Все в порядке, Гомер, — сказала она.

— Он хочет убедиться, что я не причиню тебе вреда, — заметил Джо.

— Он все понимает, — отозвалась Каролина.

Они прошли через черный ход в маленькую прихожую. Стены нуждались в покраске. Линолеум был старым и потрескавшимся. На стенах в рамках висели разноцветные отпечатки ладоней всех трех девочек. Каролина могла бы провести Джо через передний вход, по просторному холлу и выметенной лестнице, но именно здесь всегда заходили в дом все члены семьи. И именно этим путем зашел когда-то его отец.

Кухня была светлой и полной воздуха. Большие окна открывались на лужайку, которая мягко понижалась к краю крутого склона, обрывающегося к пляжу. Пол был покрыт красной керамической плиткой. На большом дубовом обеденном столе стояли две кофейные чашечки, оставленные после завтрака Аугустой и Скай. На одной стене висели семейные фото из разных мест — Парижа, Сиены, Санта-Люции, Колорадо. Между двумя окнами изгибалась серебристая рыба — тучело лосося, пойманного Каролиной в тринадцатилетнем возрасте.

Джо осматривался вокруг. Каролине было видно, как бьется жилка у него на шее. Его синие глаза смотрели

пристально, вбирая в себя все. Вопросительно взглянув на Каролину, он остановился посередине кухни.

— Вот здесь, — сказала она, взяв его за руку. Она была большой и грубой, покрытой шрамами и мозолями. По этой руке сразу можно было понять, что мужчина, которому она принадлежит, занимается в море тяжелым физическим трудом. Слегка потянув, Каролина подвела его к тому самому месту, на котором умер его отец.

— Прямо здесь? — переспросил Джо. Он говорил совершенно нейтрально. Как будто спрашивал о каком-то историческом месте, не имевшем к нему лично никакого отношения. Но когда Каролина утвердительно кивнула, его выдали глаза. Они затуманились слезами. Ресницы опустились, чтобы она ничего не заметила.

— Я не помню всего, — произнесла Каролина, — но точно помню, что подумала о том, как он любит тебя и твою мать.

Глубоко в горле Джо послышался како-то неопределенный звук.

— И это в пять лет?

— Да. Конечно, я была слишком мала, чтобы понять, что происходит... — Каролина остановилась, подбирая правильные слова. — Но слезы были для меня понятны.

Джо не смотрел на нее. Он прислонился к кухонному столу, изучая камушки, оставленные на нем кем-то.

— Он плакал?

— Да, — ответила Каролина, потому что не могла лгать ему.

— И он был рассержен?

— Вначале да, — сказала она, пытаясь припомнить. Она словно видела перед собой красное лицо мужчины, пистолет, плавающий в воздухе над ее головой. — Но потом он показался мне просто... печальным. Очень-очень печальным.

Джо подошел к окну. Он стоял и смотрел на темно-синее море под ярко-голубым небом. Руки его были заложены в карманы. Далеко за волноломами, в синей дали, виднелся «Метеор». Он пристально вглядывался туда, как будто хотел перенестись на корабль прямо со Светлячкового Холма и остаться там, в покое. Он быстро глянул на Каролину.

— А где была ты? — спросил он обычным тоном.

— В тот вечер? — переспросила она, удивившись. Она показала на место дюймах в восемнадцать от того, где стоял его отец. — Вот здесь.

— Да, больше чем достаточно для маленькой девочки, — заметил он, продолжая перебирать камушки.

— Все равно это не сравнить с тем, чем это было для тебя.

Он снова с шумом втянул воздух:

— Но меня не было здесь.

— А ты думаешь, что должен был? — мягко спросила она. — Ты думаешь, ты смог бы остановить его?

Он пожал плечами и отвернулся обратно к окну. Солнце садилось, и через залив пролегла тень утеса. Каролина смотрела на Джо и читала его мысли.

— У него была твоя фотография, — тихо сказала она. — Он все время держал ее в руке, и какой-то момент мы держали ее вместе — он и я. Я всегда думала... — Она оборвала себя.

— Продолжай.

— Я всегда думала, что ты был вместе с отцом. Последнее лицо, которое он видел, было твоим. И он так сильно любил тебя.

Джо отвернулся от окна. Он покачал головой и некоторое время не мог произнести ни слова.

— Нет, — наконец сказал он. — Последнее лицо, которое он видел, было твоим. Ты была с ним, Каролина. Была с ним, когда он умирал.

Каролина сделала два шага и оказалась в объятиях Джо. Когда он потянулся к ней, она услышала, как застучали по полу камушки, которые он держал. Она понимала его чувства, потому что сама очень хотела бы быть вместе с отцом, когда тот умирал, но он прогнал ее от себя задолго до смерти. Она чувствовала, как из глаз текут обжигающие слезы и капают на шею Джо. Его сильные руки обхватили ее плечи, крепко сжимая их. Он тяжело дышал, проглатывая собственные рыдания. Позади него, за окном, серебрилось и чернело море, над горизонтом повис тонкий молодой месяц.

— Мы их так любили, — проговорила Каролина, имея в виду отцов. — Мы надеялись, что они пробудут с нами дольше.

Они стояли, не разжимая объятий. Джо гладил Каролину по волосам. Ей хотелось успокоить его, но оказалось, что это он стоит здесь, крепко прижав ее к себе, шепчет ее имя и говорит, что никогда не понимал этого раньше, не представлял, как это было, как близко она была от его отца, как много значит для него то, что она была тогда здесь.

Громко тикали часы. На пляж накатывались волны, перебирая прибрежную гальку. Пора было ехать. Скоро должна была вернуться Аугуста, а Каролина не хотела взрыва, который бы неизбежно последовал, застань мать их здесь.

Джо заглянул Каролине в глаза. Он вытер слезы тыльной стороной ладони. Достав из кармана платок, он протянул его ей. Она промокнула глаза, сложила платок и отдала обратно. Она чувствовала, как ему не хочется уезжать отсюда, уходить с места, где погиб его отец, и просто стояла и ждала.

Не сказав больше ни слова, он вышел из кухни.

Джо отвез ее домой. Чем ближе они подъезжали к ее дому, тем острее чувствовала Каролина, что их время завершается. Она взглянула на Джо. Между бровями и вокруг рта у него пролегли глубокие складки. Во взгляде отражалась какая-то внутренняя борьба.

— Спасибо, что дала мне возможность побывать там, — сказал Джо, заметив, что она на него смотрит.

— Ох, Джо, — прошептала она, не в силах выразить охватившие ее чувства.

— Я очень рад, что поехал.

Каролина кивнула. Джо внутренне собрался и снова стал таким, как обычно — твердым и суровым. Холодный ветер влетал в кабину, взъерошивая его волосы.

Подъехав к отелю, он повернул на широкую подъездную дорогу и потом налево, по более узкой дорожке, ведущей к коттеджу Каролины. Вдоль дороги тянулась живая изгородь из бирючины, над головой переплетались ветви высоких кленов. Подъезд к дому выглядел надежным и приветливым, и в это время суток, сразу после захода солнца, здесь было уже совершенно темно.

Припарковавшись, Джо повернулся к Каролине, протянул правую руку вдоль спинки пассажирского сиденья.

На его лице была натянутая улыбка, говорившая о прощении. Он долго смотрел на нее, и она почувствовала, как щеки заливают румянец. Они прошли долгий путь, Каролина и Джо. И она очень хотела высказать все, что было у нее на душе, но не верила, что он захочет это слышать.

— Ну... — начала она.

— Угу, — откликнулся он, барабанив пальцами по рулю.

Кричали чайки. За рекой завел свою песню козодой. В ветвях стрекотали цикады. Звуки ночи становились все громче.

— Мне нужно возвращаться на корабль, меня там ждут.

— Я понимаю, — отозвалась Каролина, пытаясь улыбнуться.

Джо смотрел на нее. Потом поглядел в окно. Прошла минута.

— Попрощайся за меня с Сэмом, — сказала она, кладя руку на дверную ручку.

— Я знаю, что должен уйти, — медленно проговорил Джо. — Но все дело в том, что я не могу.

Каролина взглянула на него, сердце забилося, как пойманная птица.

— Можно выпить чаю... — начала она.

Он открыл свою дверцу еще до того, как она успела закончить фразу. Они прошли вместе по плиточной дорожке, и Каролина отперла дверь. Аугуста всегда оставляла «Светлячковый Холм» нараспашку, а у Каролины были замки и сигнализация.

Джо вошел и огляделся. В «Светлячковом Холме» его внимание было приковано к одному месту на кухне, но здесь, казалось, его интересовало все без исключения. Комнаты были просторными и прохладными, отделанными в сумеречных тонах. Полы были выстланы деревом, покрашены темно-коричневой краской и гладко отполированы.

В большой комнате стоял кремовый диван с накинутым на спинку лилово-синим покрывалом. У камина стояли два кресла в соответствующих тонах. В голубой стеклянной вазе на единственном в комнате столе красного дерева стояли полевые цветы, которые она собрала на прогулке на гору Серендипити. На полу не было ковра.

Они прошли в кухню, и Каролина зажгла свет. Это была кухня хорошей хозяйки с нержавеющей плитой и холодильником, французскими медными кастрюлями и большим количеством места для готовки. Мебель была из натурального дерева теплых золотистых тонов. Казалось, она светится изнутри собственным сиянием. Обеденный стол был круглым, с черной лакированной столешницей. В центре его стояли маленькие серебряные солонка и перечница, серебряная сахарница и фотография Каролины, Кли и Скай в рамочке.

Каролина налила воды в большой медный чайник и поставила его на огонь. Повернувшись к Джо, она увидела, что он рассматривает фото. На нем были три девочки в теплых куртках, каждая держала пойманную рыбу. Каролине на этом фото было лет одиннадцать.

— Здесь совсем не так, как дома у твоей матери, — заметил он.

Каролина кивнула, наливая молоко в серебряный кувшинчик.

— У нее тепло и уютно и все наполнено жизнью, — сказала она. — А здесь... — Она собиралась продолжить: «холодно и пусто, похоже на меня саму», но ей не хотелось, чтобы Джо думал, что она извиняется, желая услышать возражения с его стороны. Но Каролина на самом деле чувствовала одиночество и пустоту, как будто они уже попили чаю и Джо уехал.

— Здесь чудесно, — произнес он. — Мне казалось, что в твоём доме должна быть какая-то загадка.

— Серьезно?

— Угу, — ответил он. Деревянные детали отделки в кухне Каролины были выкрашены в темно-серый цвет. Одна секция стены была тыквенно-желтой. Джо подошел к окну и заметил шесть раковин, разложенных на подоконнике. Сунув руку в карман, он достал что-то оттуда, рассмотрел, а потом положил рядом с раковинами. Он посмотрел через плечо на Каролину.

Она медленно приблизилась к нему. Сердце билось громче. В разложенных в ровную линию через одинаковые промежутки ракушках отражалась страсть Каролины к порядку. Точно на таком же расстоянии от последней ракушки Джо положил камешку. Каролина уставилась на нее.

— Это с «Кембрии», — тихо сказал Джо. — Это вещь матери Клариссы.

Каролина, потянувшись, чтобы потрогать камею, вначале посмотрела на Джо. Он сам взял камею с подоконника и положил ей в ладонь. Она смотрела на тонкий золотой ободок, вытертый временем. Сама камея казалась светящейся изнутри.

Поднеся ее к свету, Каролина увидела, что резное изображение выполнено из слоновой кости, и фон — из прозрачного зеленоватого стекла. Профиль женщины на камее выглядел благородно, у нее были четко очерченные скулы и прямой нос, волосы убраны назад, подбородок приподнят.

— Она похожа на Кли, — сказала Каролина.

— Она похожа на тебя, — отозвался Джо.

Каролина уже почти ничего не видела. Второй раз за этот вечер ее глаза застилали слезы. Она вытерла их. Она была тронута до глубины души этой вещью, принадлежавшей людям, которые не были ей безразличны. Она подумала об останках Элизабет Рэндалл, лежащих на морском дне среди подводных зарослей, омываемых движениями приливов и отливов. Камея в руке казалась совсем легкой. Вещица была такой хрупкой и нежной, тем не менее она пролежала под водой две сотни лет.

— Удивительно, — произнесла она, протягивая камею Джо.

— Я хочу подарить это тебе, — проговорил он, сжимая ее ладонь.

Каролина была потрясена. Она заглянула в глаза Джо и заметила, что он готов улыбнуться.

— Я не могу, — сказала она, прокашлявшись.

— Почему?

— Наверное, ее надо отдать кому-то другому. Например, потомкам Клариссы. Или в городской музей.

— Мы не смогли обнаружить живых потомков Рэндаллов. А музей... Мы так не делаем. — Он рассмеялся. — Я же охотник за сокровищами, ты забыла? Я получил все официальные разрешения и нашел сокровище, оно принадлежит мне.

— Твоей дочери...

— У меня нет дочери, — сказал Джо.

— Ну, если будет.

Джо не мигая смотрел на Каролину своими темно-синими глазами. Его губы, казалось, готовы вот-вот улыбнуться, это было заметно по подрагивающим уголкам. Он был удивлен ее застенчивостью, но Каролина всегда была такой. С детства она испытывала смущение даже на Рождество, когда была ее очередь лезть под елку за подарками.

— Я не... — начала она, глядя на камео на своей ладони.

— Ты должна, — с легким нажимом проговорил он.

Каролина обдумывала все возможные причины, по которым не могла принять подарок от Джо Коннора, вспоминала все обиды и боль, что были между ними, то, как они пытались подружиться этим летом до Бала Светлячков, когда все истинные чувства вышли наружу.

— Иногда, для того чтобы взять, нужна большая щедрость, чем для того, чтобы отдать, — сказал он.

— Как это? — не поняла Каролина.

— Позволить другому дать тебе то, что он может предложить. Если ты всегда кому-то что-то отдаешь, ты никогда не испытываешь разочарования, потому что не ждешь ничего взамен. Но это тоже по-своему печально. Потому что ты никогда не бываешь открытой и не предоставляешь другим шансов.

Каролина кивнула, думая о своем отце. И о себе: Скай была права.

— Мои сестры говорят то же самое.

— О тебе?

— Да.

— А мой брат говорит то же самое обо мне, — заметил Джо.

— В нас есть что-то общее, — отозвалась Каролина. — Уменьшечки старшие дети...

Она не заметила, как оказалось, что они целуются. Джо обнял ее своими сильными руками. Притянул ее к себе и поцеловал так, будто от этого зависела его жизнь. Поднявшись на цыпочки, она прильнула к нему. Она запустила пальцы в его спутанные волосы, чувствуя, как касается внутренней стороной запястий его щек.

Засвистел чайник.

Джо отступил на шаг и выключил плиту. Потом снова повернулся, и она заметила, что мужчина дышит так, как будто только что спустился бегом с горы Серендипити.

Он снова обнял ее. Его тело, которое раньше казалось сильным и гибким, теперь было жестким от почти нечеловеческого напряжения. Как будто обнимаешь сталь, подумала Каролина. Она нежно провела пальцами по его спине и испытала безумное сексуальное влечение. Казалось, даже воздух был пропитан тем сладостным терзанием, которое переполняло их.

Она ощущала, как Джо Коннор вбирает в себя ее тепло и любовь точно так же, как она впитывала его. Что-то подсказывало, что мужчина хотел сейчас от нее чего-то, не имевшего отношения к сексу, и она нежно касалась его лица, погружаясь в синеву его зовущих глаз.

Взяв Джо за руку, она повела его по коридору. Пустота, характерная для дома Каролины, не распространялась на ее спальню. Это было ее интимное место, ее святилище. Здесь она чувствовала себя уязвимой и в большей степени незащищенной.

Все здесь было в темном дереве и белых кружевах. Белоснежные кружевные занавески и ажурное покрывало на кровати принадлежали еще ее бабке. Большую часть комнаты занимала кровать с пологом из красного дерева, сплошь покрытого искусно вырезанными розами и ангелочками. Массивный комод и гардероб были из Шотландии. Полки были переполнены книгами, а на прикроватной тумбочке теснились фотографии тех, кого она любила.

Джо снова поцеловал ее и крепче прижал к себе. Медленно опуская женщину на кровать, он издал стон, похожий едва ли не на звук невыразимого горя. Каролина с трудом сдерживала напряжение, которое, казалось, копилось в ней с шестнадцати лет. Она приникла к Джо, ощущая всем своим телом его живую плоть. Их поцелуи становились более жгучими, а руки торопливо раздевали друг друга.

— Прости меня, — вдруг сказал он, касаясь руками ее обнаженных плеч.

— За что?

— Мои руки слишком грубые для такой нежной кожи.

Ладони Джо были покрыты мозолями от тяжелой физической работы, но от их прикосновений Каролина начала трепетать. Она ощущала волоски на его коже, тонкие и шелковистые, от исходявшей от него мужской сексуальности у нее захватывало дух.

Она легла на спину, предоставив ему полную свободу в узнавании ее тела. Джо хотел, чтобы она лежала неподвижно, и дал ей это понять.

— Шшш! — нежно прошептал он, придерживая ее руки над головой.

— Пожалуйста, — прошептала она, пытаясь освободиться.

— Пожалуйста, — ласково попросил он. Женщина не могла ни прикоснуться к нему, ни отодвинуться и, замерев от наслаждения, лежала без движения, пока его губы исследовали каждый уголок ее тела.

Джо вел себя уверенно и неторопливо, и Каролина изгибалась под настойчивыми прикосновениями его языка. Соски отвердели, она прогнулась, желая, чтобы мужчина ласкал ее груди, и не в силах больше ждать ни секунды, потянулась сама и положила на них его руки. Мозолистые кончики пальцев пощипывали и гладили ее соски, и между ног возникало томительное напряжение. Каролина приподняла бедра навстречу его языку и обхватила голову Джо. За закрытыми веками все взорвалось красными и синими искрами, и она испустила прерывистый вздох.

Он приподнялся, обхватил ее руками за плечи, и стройное мускулистое тело всем весом опустилось на нее. Мужчина вошел в нее так незаметно, будто это было легкое движение волны, набежавшей на камни. Горячая влага сладостно обжигала их изнутри, и Каролина услышала тихий стон. Это был звук страсти, любви, влечения, но она никогда раньше не слышала ничего подобного.

Их тела слились воедино, кровь, стучавшая в висках Каролины, заставляла ее чувствовать, что они с Джо двигаются в едином ритме, и она еще сильнее обвила его ногами за талию. Любовь была такой отчаянной, и Каролина понимала, что это чувство уходит корнями в самую глубинную души, туда, где оно ждало все эти годы. Теперь она точ-

но знала, что связь между ними на самом деле так никогда и не прерывалась.

— Каролина, — проговорил Джо, уткнувшись в ее шею, — я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — прошептала она в ответ, открывая глаза и встречая его взгляд.

Каролина коснулась лица Джо. Люди не созданы для того, чтобы быть так близко друг к другу, подумала она, напутанная глубиной ощущения. Ей казалось, что она стоит на краю глубочайшей пропасти и если чуть-чуть пошевелится, то упадет вниз и больше никогда не сможет подняться обратно.

Раньше Каролина никогда не ощущала ничего подобного. Никакая близость с мужчиной не порождала таких эмоций, обычно все заканчивалось просто и быстро. Но они с Джо признались друг другу в любви и были искренни в этом.

— Джо, — сказала она, пристально глядя ему в глаза и дрожа всем телом.

— Я знаю, — ответил он, улыбаясь. Его лицо блестело от пота, глаза сверкали в холодном ночном освещении.

«Что ты знаешь?» — хотелось спросить ей. Каролина хотела, чтобы он объяснил ей, чтобы произнес какие-то слова, как-то обозначил происходящее; объяснил ей самой, что она имеет в виду. Но он не мог этого сделать. Только она сама. Ее чувство всегда было с ней, с тех самых пор, когда она послала Джо свое первое письмо. Этот мальчик значил для нее все, и ради него она хранила это чувство все эти годы.

— Посмотри, — произнесла она, показывая ему на что-то.

Джо приподнялся на локте и посмотрел в сторону, куда смотрела Каролина. На тумбочке, в первом ряду фотографий, стояла его детская карточка.

— Я знаю, что любила тебя все это время, — еле слышно проговорила она.

— А я не понимаю почему, — отозвался он, хриплым от раскаяния голосом. — Я ведь так все усложнил.

— Я тоже, — сказала Каролина, вспоминая слова Скай. — Но вот в итоге мы здесь.

Лежа рядом с Джо, Каролина признавала правду: она полюбила. Впервые в жизни она предоставила мужчине власть над собой. Он украл ее сердце. Джо мог поцеловать ее на прощание и уплыть в море за новым сокровищем, и она ничего не сможет с этим сделать.

— Что? — спросил он, видя, как изменилось ее лицо.

Каролина не могла говорить. Его глаза были такими ясными и синими, как океан в октябре, после шторма, но ведь до первого снега еще остается не меньше месяца. Она вдруг так испугалась, что не могла двинуться с места. Неужели это именно то, что имел в виду ее отец? Желая научить дочерей защищаться, думал ли он о чувстве абсолютной любви и желании быть рядом с кем-то?

— О чем бы ты ни думала, — сказал Джо, продолжая с улыбкой глядеть ей в глаза, — все будет хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что все кончилось, — тихо проговорил он. — Все плохое кончилось.

Глава 18

На следующее утро, пока варился кофе, Каролина, даже не обувшись, направилась в отель узнать, что там есть на завтрак. Некоторые постояльцы уже поднялись, но она промчалась мимо них на кухню и наполнила корзину персиковыми пончиками. Вернувшись к себе, накрыла дамасковой скатертью столик на веранде. Утренний свет постепенно сменялся с серебряного на розовый, а затем — на золотисто-голубой, и ей захотелось, чтобы Джо тоже это увидел. Но когда она зашла в спальню, чтобы позвать его, он ухватил ее за запястье и затащил обратно в постель.

Через некоторое время они оделись и спустились к реке. В воде плескалась рыба, за ней охотились скопы. Отважный ярко-синий зимородок пулей врезался в стаю мелкой рыбешки и вынырнул довольный с серебристой добычей в клюве. Джо держал Каролину за руку. Они остановились, чтобы поцеловаться, под раскидистой ивой. Пройдя еще немного, снова остановились и поцеловались среди сосен.

— Мне нужно возвращаться, — наконец сказал он. — Никто не ожидал, что я так надолго задержусь.

— Сэм будет переживать? — поинтересовалась она.

— Сэм — нет. Но кое-кто наверняка уже мечтает меня убить. Мы и так потеряли несколько дней, и моим парням не терпится достать золото. Раньше я никогда не позволял себе такого.

— Чего — такого?

— Оставить судно на ночь. Задержать работы. — Он покачал головой. — Хотя вряд ли кто-то удивился. Они видели, к чему идет.

— Что ты имеешь в виду?

— Они были на балу и видели тебя... Мне пришлось надавать кое-кому по голове — за комментарии, которые они отпускали. Это просто стая морских волков, и манеры у них — как у настоящей шпаны. Когда они увидели, как я тебя защищаю, они уверились, что я на крючке. Но ты действительно выглядела прекрасно. «Девушка в белом».

— Что?

— Портрет, — сказал он. — Это единственная картина Хью Ренвика, на которую я мог смотреть без отвращения. Я рассказывал, что видел ее однажды. Я гулял по галерее, где она выставлена, и увидел ее на дальней стене. Я просто прирос к месту. Для меня это было все равно что оказаться в комнате рядом с тобой. Но мне очень хотелось знать, о чем ты думаешь, там, на картине. У тебя там такие глаза...

— Он написал этот портрет после того, как наша переписка прекратилась.

— И случилось что-то еще?

— Да, — отозвалась Каролина, думая об Эндрю Локвуде.

— Поехали со мной на корабль, — предложил он. — И ты мне все расскажешь.

— Не могу, — ответила она, качая головой. — Мне очень хочется, правда, но у меня сегодня много дел.

— Я хочу, чтобы ты была там, когда мы достанем золото. Мне очень хочется, чтобы ты на это посмотрела.

— Как это вообще? — поинтересовалась Каролина, держа его за руку и глядя на реку. — Искать сокровища?

— Я бы очень хотел объяснить, — ответил Джо, наклоняясь, чтобы поднять камушек. Он выбрал гладкий плоский голыш, потер его поверхность большим пальцем. — Но ты мне не поверишь. Нужно видеть это самой.

— Это еще прекраснее, чем это? — спросила Каролина, доставая из кармана камею и рассматривая ее на свету.

— Когда Марко Поло вернулся из Китая и рассказал о чудесах, которые видел там, — сказал Джо, — его земляки обвинили его во лжи, потому что это было за пределами их воображения. Когда тот умирал, они требовали, чтобы он признался, что лгал, хотя бы теперь, перед лицом Господа. Но он только произнес: «Я не рассказывал вам и половины всего».

Джо взял лицо Каролины в ладони и заглянул ей в глаза.

— Это для тебя так? — спросила она, слыша, как стучит ее собственное сердце. Он говорил о том, зачем уходит в море, о чудесах, которые он ищет и находит, о том, почему он всегда должен уходить.

— Поедем со мной и увидишь все сама.

— Не знаю... — проговорила она.

— Давай вечером. Или завтра? Я пошлю за тобой ялик.

Каролина замешкалась с ответом. Она думала о словах Скай, что она никогда не подпускает никого близко; о том, что она постоянно пыталась жить жизнью сестер вместо своей собственной. Вспомнила о том, что говорил Джо: иногда, чтобы взять, нужно проявить больше щедрости.

— Мне необходимо с утра разобраться с делами, — наконец проговорила она. — Но после обеда я могла бы приехать.

— Мы заберем тебя на мысе Мунстоун, — сказал он.

Они вернулись в дом. Всю дорогу Каролина сжимала в ладони камешку. Она не выпустила ее даже тогда, когда они целовались, прощаясь.

Вчера, пока Аугусты не было дома, у нее на кухне кто-то побывал. Она обнаружила, что камушки разбросаны по полу; фотографии на столе оказались передвинуты. В мойке остались два стакана. У Аугусты были подозрения, и они ей не нравились. Было уже позднее утро, и она решила расспросить об этом Скай.

— Сядь. — Аугуста подставила дочери щеку для поцелуя и подтолкнула ее к стулу у кухонного стола. — Я приготовила тебе завтрак.

— Мама, я не могу есть, — ответила Скай. — Я только выпью кофе.

Аугуста сделала вид, что не слышит. Стоит Скай понюхать оладьи и заметить, что мать набрала в кустах у лестницы дикой голубики, она может и передумать. Оладушки были маленькие, с аппетитной золотистой корочкой. Аугуста достала их из духовки, где держала, чтобы те не остыли, и уложила в изящную плетеную корзиночку, выставленную клетчатой салфеткой.

— Милая, мне очень хотелось бы сказать тебе, что это свежавыжатый сок, — сказала Аугуста, наполняя стакан, —

но это не совсем правда. Я слишком поздно поняла, что у меня мало апельсинов для сока, и пришлось смешать свежий сок с консервированным.

— Все отлично, мама. Но я не хочу...

— Я расстроюсь, если ты не выпьешь сок. Ты же знаешь, в нем столько витаминов.

— Мам, у меня немного...

— Можно сделать «отвертку», — предложила Аугуста. Она знала, что дочь должна контролировать потребление спиртного, но, может быть, у Скай было похмелье, значит, это как раз тот случай, когда исключение не повредит.

Вчерашняя поездка вызвала у нее утомление и беспокойство. Кли и Скай пригласили ее с собой, но весь день были каким-то нервными и рассеянными. Аугуста сидела в машине сзади, вышивала и чувствовала, что что-то не так. Вернувшись домой, она ощутила себя медведицей из сказки: кто был на моей кухне?

— Кто здесь был вчера? — спросила она, когда Скай сделала несколько глотков кофе.

Скай молчала.

— Это была твоя сестра?

Держа чашку двумя руками, Скай смотрела в нее.

— Скай, скажи мне. Я должна знать.

— Ей что, нельзя приходить и уходить, когда она захочет?

— Нет, если она приходит с Джо Коннором. Это он был здесь? Скай, ответь мне.

Скай молчала, потому что не хотела лгать. Но Аугуста сама чувствовала правду и нервно схватила за свой жемчуг.

— Я знала, что это должно случиться. Зачем ему еще приезжать в Блэк-Холл, кроме как чтобы совать свой нос в нашу жизнь. Я все поняла, как только увидела его на карнавале.

— Наверное, он хотел посетить место гибели отца, — медленно проговорила Скай и откусила маленький кусочек оладья. Сегодня у нее уже не так, как в прошедшие дни, тряслись руки, но Аугусте все равно было трудно на это смотреть.

— Все это копание в прошлом совершенно отвратительно.

— Мам, не забывай, это был его отец.

Аугуста чувствовала себя обманутой. Она представила студию Скай, новую скульптуру, над которой та работала. Вспомнила о талисманах, разложенных на рабочем столе дочери, и подумала, как ей неприятны все эти вещицы. Для Аугусты они символизировали прошлое, все дурное, что было в жизни Скай.

— Я убралась у тебя в студии, пока ты спала.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Скай, резко поднимая голову.

— Да все эти старые штуки. Ну, этот мусор — голубую ленточку и этот жуткий змеиный скелет...

— Мама...

— Я их выбросила.

— Нет.

Аугуста энергично кивнула:

— Конечно, у тебя будет депрессия, если окружать себя негативными вещами. Как можно нормально жить и работать, если все время держать перед глазами змеиные кости?

— Такая змея меня однажды укусила, — яростно сверкая глазами, выпалила Скай.

Аугуста старалась дышать ровно и налила себе сока.

— Не надо так драматизировать. Это же была не та змея...

— Она была ядовитой, — продолжала Скай. — Это случилось в горах, когда ты отпустила меня с папой на охоту. Каролина высосала яд.

— Это была не ядовитая змея. Если бы она была ядовитой, я бы знала. Тебя бы отправили в больницу, и если ты думаешь, что я бы тут же не оказалась с тобой рядом, то ты просто сошла с ума.

— О господи! — Скай начала смеяться.

— Что в этом смешного?

— Тебя не было рядом со мной, мам, — сказала Скай. — А Каролина была.

— Нет, Скай. Мне кажется...

— Она была со мной в лагере, где это случилось, и потом, в больнице. И когда я убила Эндрю Локвуда, она тоже была со мной. И когда приехала полиция и когда в комнату

для допросов зашли его родители, и мне пришлось смотреть им в глаза.

— Но я же тоже была там и ждала тебя! — воскликнула Аугуста.

— Но Каролина была со мной рядом, — тихо произнесла Скай. — Она всегда была со мной. Она была для меня как мать.

— Я твоя мать, — чувствуя поднимающуюся изнутри панику, проговорила Аугуста.

— Но тебя там не было, мама. Тебя не было никогда. У меня было несчастье, и ты была так нужна мне. Так тяжело было встречаться с родителями Эндрю.

— Скай, это был несчастный случай. Даже они это понимали...

— Ты могла бы прийти. Неужели ты не подумала, насколько это страшно для меня — видеть людей, сына которых я убила? Мама, мне хотелось провалиться сквозь землю. Я больше ни о чем думать не могла.

— Доченька, я была в ужасе за тебя. Что тебя могут обвинить в убийстве. Я думала только о том, что ты не можешь оказаться в тюрьме!

— Мам, я убила человека! Я ни о какой тюрьме не думала. Я думала только о том, что эти люди больше никогда не увидят своего сына живым. Был прекрасный солнечный день, а он был мертв.

— Говоришь, прекрасный солнечный день? Понимаешь ли, я думала о тебе. О том, что ты можешь оказаться в тюрьме, неизвестно с кем, у тебя не будет свободы, не будет никаких солнечных дней. Я была в шоке.

— Я знаю, — сказала Скай. — Но Каролина не была. Она была со мной.

Слова попали в цель, точно и неожиданно. Аугуста никогда не была для Скай реальной поддержкой. Она хотела этого, рассчитывала на это, воображала это, но и только.

Вся дрожа, Аугуста достала свою вышивку. Она прятала ее от Скай, желая приготовить сюрприз к Рождеству.

— Посмотри, Скай, что я делаю для тебя, — застенчиво сказала она, демонстрируя свое рукоделие как символ любви, желая с его помощью стереть страшное прошлое. Аугуста хотела вернуть значение хорошим талисманам,

заменить ими змеиные кости, заставить жизнь Скай соответствовать ее представлению о счастливой семье.

Аугуста расправила на столе почти законченную вышивку для подушки: «Лебединое озеро» с его таинственным лесом, голубым озером, изящными лебедями, заколдованным замком. Внизу были две даты — два Рождества через тридцать лет одно от другого.

— Видишь смысл? — поинтересовалась Аугуста дрожащим голосом. Она обняла Скай за плечи и провела по цифрам указательным пальцем, словно объясняя что-то маленькому ребенку. — Это Рождество, в которое мой папа повел меня на «Лебединое озеро», а это — когда твой повел вас с сестрами.

— Я вся разбита, а ты подсовываешь мне подушечки! — вырвалось у Скай.

— Милая моя, все будет хорошо! — откликнулась Аугуста, боясь правды. Она обняла младшую дочь, едва ли не швыряя вышивку ей в лицо, настаивая на том, чтобы та разглядела ее и стала счастливой.

— Мама, не надо, — сказала Скай. — «Лебединое озеро» напоминает мне о Редхоке.

— Но ведь балет... Вы ходили с отцом. Тебе так понравилось. Ты готова была слушать музыку ночи напролет, мне приходилось силой выключать магнитофон...

— Ты даже не знаешь. Ты представляешь все так, как тебе хочется это представлять.

— Дорогая!

— Мама, я ненавижу «Лебединое озеро». Это напоминает мне об отце. Напоминает о том осеннем дне, когда я взяла ружье и застрелила Эндрю Локвуда. Вот о чем я думаю всякий раз, когда слышу эту музыку.

Не говоря больше ни слова, Аугуста достала ножницы. Сама не сознавая, что делает, она разрезала вышивку пополам, потом еще раз. И уставилась на четыре лоскутка, держа по два в каждой руке.

Глава 19

Джо встретил Каролину, как только она сошла с ялика. Он протянул ей руку и помог забраться на борт «Метеора», сразу заключив в объятия. На нем была нижняя часть черного гидрокостюма. Обнаженная грудь нагрелась на солнце, в волосах блестели кристаллики соли. Команда, побросав все дела, наблюдала за ними.

— Я никогда не приводил на корабль женщин, — объяснил Джо. — С тобой это произошло уже дважды.

— Я никогда не брала выходных посреди недели, — отозвалась Каролина.

— Эй, Каролина! — окликнул ее Сэм, подходя к ним, он был тоже в гидрокостюме. Сэм, отряхиваясь, помотал головой, как мокрый пес. Явно радуясь ее появлению, он чмокнул ее в щеку. — Ты выбрала самый удачный день, чтобы приехать.

— Правда?

— Черт побереи, да! Ты должна увидеть сокровища! Там настоящий пиратский сундук, старый и проржавевший, и мы уже подвели к нему тросы, чтобы поднять. Джо, покажи ей лебедку.

Джо улыбнулся воодушевлению брата.

— Вон она, — махнул он рукой в сторону большого стального барабана с обмотанным вокруг него четвертьдюймовым тросом. Нам остается только запустить мотор и произнести волшебное слово, и золото будет нашим.

— Мы ждали тебя, — добавил Сэм. — У нас уже все было на мази к тому моменту, как Джо вернулся оттуда, где шлялся прошлой ночью, но он сказал, что мы должны еще помучиться.

— Вы серьезно ждали меня? — спросила Каролина, зардевшись.

— Угу, — кивнул Джо.

Каролина улыбнулась.

— У тебя есть гидрокостюм? — обратился Сэм к Каролине.

— Нет, — ответила она.

— Джо, выдай ей какой-нибудь. Ты же собираешься взять ее с собой?

Джо на секунду задумался.

— Ты умеешь нырять с аквалангом? — поинтересовался он.

— Не переживай, — рассмеялась Каролина. — Я лучше подожду здесь, пока вы все достанете. — Каролина умела нырять; даже имела сертификат и уже погружалась на здешних рифах. Но она давно не практиковалась и не хотела представлять помехи Джо, хотела, чтобы у него все шло по намеченному плану.

— О'кей, — согласился Джо. — Надеюсь, это не займет много времени. — Застегивая костюм, он оглядел пролив. Голубая вода была спокойной, испятнанной солнечными лучами. Был один из идеальных безветренных летних дней; море лениво колыхалось в собственном ритме, образуя лишь мягкие пологие валы без гребней.

— Эй, шкипер, — прокричал один из парней. — Мы готовы или как?

— Терпение, Дэнни, — отозвался Джо, надевая баллоны. — Сегодня к ужину мы уже будем собираться в Афины.

— В Афины? — встрепелась Каролина.

— Его следующая операция — в Греции, — пояснил Сэм.

— И вы уплываете сегодня? — спросила Каролина.

У Джо перестали улыбаться сначала губы, а потом и глаза. Они смотрели прямо, казалось, в них отражается море — настолько похожим был цвет.

— Не сегодня, — ответил он. Но Каролина понимала, что это все равно произойдет очень скоро.

— О! — произнесла она. В десяти милях через пролив лежал Блэк-Холл, за ним круто вздымались поросшие сосновым лесом горы. «Светлячковый Холм» виднелся севернее. Каролина заметила солнечный зайчик и поняла, что

это блеснул луч на панорамном окне в усадьбе. Моргая, она смотрела туда.

Пираты собирались на палубе. Они перекинулись несколькими словами, обсуждая последние детали предстоящей операции. После этого они по очереди посыпались за борт. Сэм прокричал что-то на прощание, Джо, обернувшись, широко улыбнулся Каролине. Потом и они попрыгали в воду.

Женщина смотрела им вслед. Несколько пузырьков воздуха, круги на воде — и больше уже ничто не свидетельствовало о том, что они только что были на поверхности. Прошлой ночью, увидев беспокойство в ее глазах, Джо сказал, что все будет хорошо, что все плохое позади. С чего она взяла, что это означает, что он останется?

Отец учил ее и сестер обороняться от опасности, но о подобном он ничего не рассказывал. Позволив себе полюбить, открывшись этому чувству, ставишь себя под удар. Ничто больше не способно защитить тебя от чистого страха. Мысль о том, что Джо уедет, была страшнее, чем любая ночь в горах.

Что-то нарушило ровную морскую гладь. Каролина смотрела, как поверхность покрывается хороводом серебряных всплесков. Два, три. По воде ударил рыбий хвост. Над головой кружились чайки, испуская торжествующие крики. Обычная летняя картинка: мимо проходит косяк луфари. Стараясь заставить себя дышать спокойнее, Каролина смотрела на играющую рыбу.

Свет пронизывал верхний слой воды, и над их головами все мерцало из-за множества частиц песка и планктона. Аквалангисты стремились вниз, включая фонари, чтобы видеть в сгущающемся мутном сумраке. Сэм плыл следом за Джо. Погружения всегда вызывали у него восторг, и он начинал дышать слишком часто, как раз когда должен был сохранять спокойствие и хладнокровие. «Думай о Тибете, — приказал он себе. — Медитируй и сосредоточься на духовном. Думай о чем угодно, но не об этом».

Кто бы мог подумать, что Сэм будет нырять со своим старшим братом за настоящим сокровищем? Сэм с детства

боготворил Джо. Он сам прекрасно это сознавал. И Джо это было известно — Сэм никогда не удавалось скрывать свои чувства, любые. К примеру, в этой истории с Йелем. Сэм был так разочарован, когда Джо заявил, что и не думал об этой работе. Он пытался вести себя так, как будто ему все равно, но Джо прекрасно все видел. Тогда Сэм действительно вполне ясно все продемонстрировал.

Одна только мысль о Йеле совершенно сбивала Сэма с правильного ритма дыхания. Целый год, который они могли наконец-то провести вместе, накрылся медным тазом. Как и всегда, когда Сэм о чем-то мечтал, а Джо поступал по-своему. «Не принимай этого близко к сердцу, — говорил он себе. — Ты здесь ни при чем, просто Джо такой». У Сэма заболело в груди. Он отбросил прочь мысли о Йеле, стараясь прогнать их как можно дальше за пределы опасной зоны. Он прищурился, выпустив длинную очередь воздушных пузырьков. Вглядевшись вперед, сквозь темную воду, различил очертания «Кембрии».

Обломки судна были похожи на колдовской лес из беспорядочно торчащих стволов. Аквалангисты вытянулись в линию вдоль рифа, огибая корпус старинного корабля. Он лежал набок, большой и серьезный, как мертвый кит. Ребра выпирали из черного брюха, корма и нос загибались кверху. Поломанные мачты торчали из песка вокруг, соединяясь с судном зловещим сплетением канатов. Туда-сюда сновали черные и голубые окуни.

Джо обернулся к брату и жестом приказал ему оставаться снаружи. Сэм, соглашаясь, кивнул, хотя ему очень хотелось забраться внутрь корабля следом за Джо и поближе посмотреть все самое интересное. Но он не был в команде Джо и не мог сравниться с ним и его парнями в качестве дайвера. Его работа в Канаде не требовала большого количества работы под водой, и Сэм понимал, что он здесь исключительно по милости брата.

Там, в опасной пещере трюма, Сэм бы только мешался.

Джо что-то говорил ему. Сэм прищурился, вглядываясь сквозь зеленоватый сумрак. Из рта Джо вырывались пузырьки воздуха. Приблизившись вплотную, стекло к стеклу масок, Сэм прочитал по его губам: Блэк-Холл.

Не может быть. Джо не мог говорить того, что казалось Сэму. Он сам произносил те же слова несколько дней назад, также под водой, поддразнивая Джо, желая убедить его остаться здесь, принять предложение Йеля, переехать в город, где жила Каролина Ренвик. Сэм видел, как меняется Джо, находясь с ней рядом.

Блэк-Холл. Что за дьявольщина, Сэм видел отчетливо, что Джо говорит именно это. Но этого не может быть. Сэм ухмыльнулся, выпустив целый гейзер пузырьков, и пожал плечами, показывая, что не понял. Слова, которые он якобы читал по губам Джо, были всего лишь выдачей желаемого за действительное. Брат Сэма был одиночкой, пиратом, охотником за сокровищами. Он ни за что бы не позволил чему-нибудь вроде женщины или брата удержать себя.

Повернувшись, Джо взялся за трос. Он тянулся от лебедки на борту «Метеора» вниз, к «Кембрии». Джо и Сэм должны были присоединить его к уже укрепленному и обмотанному витками троса сундуку, и тогда они смогут вытащить золото на поверхность. Джо поплыл внутри корабля. Один за другим за ним последовали другие аквалангисты. Инженеры, геофизики, археологи, профессионалы-спасатели, здесь все они были на своем месте, выполняя тонкую работу по освобождению сундука с золотом из опасного лабиринта старого дерева.

У Сэма Тренора в море было другое место и другое предназначение. Он был биологом. Он изучал морские растения, животных океанских глубин. Когда они достанут золото, он сядет в самолет и вернется на север, к своей работе. Китообразные Ньюфаундленда ждут подсчета. Тюлени ждут наблюдений. Косяки сельди — оценки. В мутных водах рифа Мунстоун Сэм пытался забыть о своей мечте преподавать в Йеле вместе с Джо.

Стараясь сохранять спокойствие, Сэм заметил стаю сельди. Небольшие рыбки метнулись прочь, напоминая серебряный фонтан. За ними гнались луфары, тускло поблескивающие торпедообразные машины пожирания. Раскрыв пасти, они преследовали сельдей. Биолог в Сэме немедленно очнулся, наблюдая за рыбами и пытаясь прекратить размышлять, мог ли его брат действительно произносить то, что ему хотелось услышать.

В своей студии в «Светлячковом Холме» Скай работала над скульптурой трех сестер. На ней была черная балетная майка и потертый рабочий халат, с головы до ног ее покрывал тончайший слой глиняной пыли. Рядом стояла бутылка «Абсолюта» и хрустальная рюмка. Рюмка была полной.

У Скай больше не было сил справляться с собственными эмоциями.

Она только что уничтожила собственную мать. Перед глазами стояло ее лицо, омраченное отчаянием. Она могла бы вылепить ее, бюст женщины, которая только что заглянула в бездонную пустоту в душе своей младшей дочери. Для Скай в этом не было ничего нового, но Аугуста испытала шок. Скай видела это по ее глазам. Водка была самым простым способом отвлечься. Она пила и чувствовала, как все отдается.

Но в ее новой скульптуре отражалась любовь. Хотя у сестер не было лиц, Скай знала, которая из них — Каролина, которая — Кли и кто — она сама. Головы у всех троих были слегка запрокинуты назад, как будто они с восторгом и благодарностью смотрели в небо. Так когда-то хотела ощущать себя Скай.

Восторженно и благодарно. Скай снова подняла рюмку и осушила ее.

Для Ренвиков тайны и ложь были формой искусства. А какая альтернатива у них была? Если бы они говорили друг другу правду, они не могли бы оставаться вместе. Ее родители бы развелись, Скай была уверена в этом. Она очень хотела сохранить их образ как образ любящей пары, такой, каким он существовал в легендах. Они вместе путешествовали по миру, всегда всей семьей, с детьми, снимали жилье в живописных местах, чтобы Хью мог писать свои картины. Они построили свой сказочный мир, а теперь он рушился.

Скай называли в честь места, где ее зачали, — легендарного острова Скай на западе Шотландии. Когда она подросла, родители, крепко обнимая ее, рассказали ей о маленьком коттедже, где хватало места только для влюбленной пары и их дочурок, где дни и ночи напролет в камине горели торфяные брикеты. Это было благословенное

время, там Аугуста с дочерьми гуляли по тропкам вдоль моря, пока Хью целыми днями удил лосося и писал.

В Рождество — девять месяцев спустя — ее отец был с другой женщиной. Муж этой женщины явился в «Светлячковый Холм» с желанием расстрелять дочерей Хью, и на этом едва не кончилась семейная хроника Ренвиков.

Услышав, как кто-то поднимается по лестнице, Скай обернулась к двери. Саймон остановился за пределами видимости, но она видела его долговязую тень в свете, падавшем из коридора, и испытала облегчение, что это не мать. Мужчина стоял там достаточно долго, и Скай почти физически чувствовала, как он собирается с духом, прежде чем войти. Она услышала его глубокий вдох.

Он вошел в студию с красной розой в руке. С раскаянием во взгляде. На нем были черные джинсы, зеленая футболка и стоптанные рабочие ботинки. Очень медленно он пересек просторное помещение, в котором его шаги отдавались гулким эхом. Подойдя к Скай, он встал на колени и протянул ей розу.

— Это тебе, — проговорил он.

— Спасибо, — ответила она. Поднесла розу к лицу и вдохнула сладкий аромат, стараясь сдержать свои эмоции.

— Я сорвал ее по пути сюда, — сказал он с обескураживающей прямоотой, — в саду.

— Зачем?

— Я хотел доказать, что я здесь не чужой, что я — член семьи. Это ведь так, ты знаешь. — Он уткнулся лбом в ее колени. Руки у нее были в глине, но тем не менее она нежно коснулась его волос.

— Твой отец совершал ошибки, Скай, а твоя мать его покрывала.

— Наверное, она не должна была так поступать.

— Ты же рассказывала мне, что он посадил эти розы как символ. Он хотел исправить свои ошибки, повиниться перед ней. Я обещаю исправиться. Я буду поступать с тобой лучше, чем он.

Она снова прикоснулась кончиком носа до цветка. От него исходил мускусный, чувственный аромат, запах любви и заканчивающегося лета. Скай подумала о Каролине и Кли; почему-то к глазам подступили горячие слезы. Она

чувствовала, что готова поскользнуться. Ей хотелось поверить Саймону. Больше всего на свете ей хотелось скатиться в любовь и забыть Редхок, голубую ленту, «Лебединое озеро» и взгляд матери.

— Я не хочу, — произнесла она, отстраняя его. — Мне нужно побыть одной.

— Давай займемся любовью, — предложил он.

— Нет, Саймон.

— В чем дело? — спросил он. — Ты никогда раньше не была такой?

— Я устала. Я хочу поработать, — сказала она, противореча сама себе в этой двойной лжи. Ей хотелось как можно быстрее избавиться от Саймона, чтобы залить все водкой и проспаться весь остаток дня.

— Так чего же ты хочешь на самом деле? — ухмыльнулся он, подловив ее.

— На самом деле я хочу побыть одна, — ответила она, лихорадочно соображая. — Прошлой ночью мне приснился удивительный сон, меня озарило вдохновение, я действительно очень хочу поработать. У меня появился замысел новой вещи. — Ее стремление остаться одной позволяло ей лгать так же легко, как дышать.

— Секс, — проговорил Саймон, скользя языком по ее шее, а указательным пальцем — по джинсам. — Тебе нужно расслабиться.

— Прекрати! — Она поморщилась и оттолкнула его руку.

— Мне не хочется прекращать, — возразил он, горячо дыша ей в шею.

Ее охватил ужас. От ладони Саймона на груди, от его губ на горле вся ее кожа покрывалась мурашками.

— Нет, Саймон. Я же сказала: нет!

— Ах ты, сука!

Скай глубоко вдохнула. Она закрыла глаза, но лишь на мгновение. Сейчас она хотела совершенно осознанно и реалистично встретить происходящее. Она не хотела убегать в воображаемый мир, не хотела отключаться. На лице ее мужа появилось злобное выражение. Только что он назвал ее сукой. Она испытала от этого почти облегчение.

— Если ты сейчас же не уберешься, — заметила она, поднимаясь, — я вызову полицию.

— И что же здесь будет делать полиция? — спросил Саймон, ударяя ее по лицу с такой силой, что перед глазами вспыхнули искры. — Ты моя жена.

— Саймон!

— Ты не хочешь заниматься со мной любовью? Что ж, отлично. Тогда я тебя просто вы...у.

Ошеломленная, Скай прикоснулась к своим губам. Левая сторона лица горела, ей казалось, что на щеке остался пульсирующий отпечаток мужской ладони. Саймон схватил ее за ворот, разрывая майку. У нее в голове вспыхнул беззвучный взрыв, распахнутые в ужасе глаза ничего не видели.

Каролина стояла у поручней правого борта и наблюдала за рыбой. Луфарь врезалась в косяк селедки, мелкие рыбки брызнули во все стороны. Перед Каролиной развертывалась картина настоящего пищевого неистовства, со щелкающими зубами и пятнами жира и крови, расплывающимися по воде от полусъеденной рыбы.

Ей было интересно, что же происходит там, внизу. Несколько членов команды оставались на борту, управляя лебедкой и поддерживая радиосвязь с Джо и прочими под водой. Они постоянно стравливали вниз понемногу троса. Ворот медленно вращался, мотор то замолкал, то начинал трещать вновь. Проверяя положение «Метеора» над местом, где лежала «Кембрия», они иногда подтягивали трос обратно.

Каролина наблюдала за рыбой, стараясь не замечать угнездившуюся внутри пустоту. Люди на палубе разговаривали о Греции, о сокровищах Микен, о теплой воде и красивых женщинах, которые ждали их там.

— Есть! — прокричал оператор лебедки. — Они закрепили сундук!

Все, кто был на судне, сгрудились на палубе. Ворот с тросом был похож на рыболовную катушку великана. Трос тянулся через длинный наклонный брус, который вращался вокруг своей оси и далеко выступал за борт, уходя под воду, к «Кембрии».

— Это очень опасно? — спросила Каролина одного из мужчин.

— Черт побери, да, — ответил он. — Знаешь, какова будет сила натяжения троса, когда мы начнем тянуть?

— Обломки затонувшего корабля похожи на карточный домик, — вступил в разговор второй мужчина, с сигаретой в зубах и татуировкой на предплечье, изображавшей линкор. — Золотишко застряло в самой середине. Нам нужно так протянуть через все это трос, чтобы он ни за что не цеплялся, и закрепить его вокруг сундука. Тронь хотя бы одну карту — и весь домик рухнет к чертям.

— Такого не будет, — сказал человек у подъемника. — Джо знает свое дело. Нам такое не впервой.

— И в Греции нас снова ждет то же самое, — заметил кто-то еще.

Оператор проговорил что-то в микрофон. Прижимая пальцем наушник, он прислушивался к ответу. Потом заговорил снова, и Каролина услышала:

— Роджер. Запускаем лебедку. — Он нажал какие-то кнопки на панели управления.

Каролина видела, как натянулся трос. Он тащил сундук. Стоило ей припомнить слова о карточном домике, как в глазах у нее помутнело. Она отвела взгляд, снова посмотрев на бьющуюся луфарь. Добыча и охотники приблизились к кораблю. А навстречу им плыло что-то темное.

Это была акула.

Внутри корпуса корабля была крошечная темень. Сюда не доходили солнечные лучи. Дрожащий свет фонарей осветил сундук, и Джо пытался разглядеть, смогли ли они с Дэном, как надо, замотать его тросом. Они установили ряд металлических дуг, протягивая трос через остов корабля. Эти арки нужны были для того, чтобы трос не зацепился за что-нибудь и все не рухнуло бы. Кажется, пока все держалось достаточно надежно.

Джо сосчитал своих людей. Он поискал глазами Сэма, и, не найдя, вздохнул с облегчением. Мальчик послушался, Джо его к этому приучил. Сэм все время таскался везде за ним, как щенок, но если Джо говорил ему оставаться на месте, он подчинялся. Я злоупотребляю этим, подумал

Джо, легонько дергая трос, чтобы проверить, свободен ли он. Приказываю Сэму не лезть. Приказываю не лезть всем подряд. Он подумал о Каролине, ждущей их на палубе, и начал действовать быстрее. Он дал сигнал тянуть.

Трос натянулся. Он двигался, скрежеща о металлические опоры и рычаги. Сердце у Джо колотилось ускоренно, и он поймал себя на попытке дышать чаще. Он был доволен, что Сэм остался снаружи, в безопасности и на свободе. Это был самый рискованный момент всей операции: достать золото из ненадежного корабельного остова. Именно на этой стадии могут пострадать люди.

Сундук тронулся с места. Трос был натянут, как струна. Обмотанный его кольцами сундук, цыплясь о неровности, пополз по дну. Его окружали аквалангисты, расчищая путь среди валяющихся повсюду деревянных обломков. Дэн следил за тросом, оценивая его трение о металлические направляющие рычаги. Он показал Джо большой палец. Джо поплыл за сундуком, заметив, что из трещины между наложенными скрепами высыпается тонкий ручеек золотых монет.

Главной задачей было доставить золото на поверхность. Дело пошло легче; сундук оторвался ото дна, и они тащили его по мрачным внутренностям корабля. Вокруг были разбросаны кости моряков из команды «Кембрии». Среди них была и мать Клариссы, но Джо сейчас не позволял себе думать о ней. Сейчас он был пиратом, а не ученым, и его целью было сокровище.

Проплывая по кораблю, он заметил, что вода постепенно светлеет. Джо почувствовал облегчение. Он огляделся и увидел Сэма поодаль, на безопасном расстоянии. Самое худшее было позади. Его люди один за другим выплывали на свободное пространство, следя за сундуком с золотом. Он покачивался в воде, зависнув в дыре в днище «Кембрии». Наполовину внутри, наполовину снаружи, он не двигался ни туда ни сюда.

Трос застрял.

Джо сразу же увидел, что проблема невелика. Трос попал между одной из металлических арок и рангоутом судна. Дэн запросил ослабить трос, и наверху человек у подъемника отпустил его, позволив освободить петлю. Трос

провис. Джо подплыл ближе. Он протянул руку, чтобы снять его с обломка бревна, и в этот момент увидел акулу.

Она приближалась стремительно. Тело хищницы, черное сверху и белое снизу, лоснилось, как фюзеляж самолета. И она направлялась прямо к Сэму. Рыба развернулась, и ее зубы щелкнули совсем рядом с ним. Джо заметил удивленное выражение глаз Сэма, широко распахнутых за стеклом маски. Он открыл рот, выпустив тучу воздушных пузырьков.

Джо подхватил со дна деревянный обломок. У него не было никакого плана действий, он вообще не размышлял. Он хотел только защитить брата. Кинувшись в сторону акулы, он угрожал ей бесполезной деревянной дубинкой, пытаясь прогнать прочь.

Воздушный шланг Джо зацепился за металлический рычаг. Трос, тянущий сундук, снова натянулся. Джо почувствовал, что его что-то держит, и тут из баллона перестал поступать воздух. Ему оставалось только освободиться от всего оборудования, оставив баллоны там, где они застряли. Но его мысли были заняты акулой и Сэмом. Он видел, как Сэм поворачивается на одном месте, следя за описывающей круги акулой. Но тут рыба вильнула хвостом и скрылась в сумраке. Джо следил за ней, пока мог ее видеть.

Сражаясь со своим снаряжением, он улыбнулся Сэму. Парень был в замешательстве; его заинтересовала акула, к тому же он совершенно не привык видеть старшего брата таким взволнованным. Разобравшись в ситуации, он поплыл к Джо, выдергивая изо рта наконечник шланга и собираясь поделиться воздухом с Джо.

Джо махнул ему рукой, отказываясь. Он сделал хороший вдох; у него достаточно воздуха в легких, чтобы всплыть. Но Сэм не останавливался, продолжая плыть к нему. Он был в курсе того, как положено делиться воздухом с товарищем в критической ситуации. Глаза Сэма не отрываясь глядели на Джо, он протягивал ему шланг, как подарок.

Как раз в этот момент сундук окончательно освободился. Резко взмыв вверх, он пролетел мимо Джо. Ослабленный трос задел за корпус корабля. «Кембрия» задрожала, и на них, как подводное землетрясение, накатила ударная

волна. Джо удержался на месте и бросился к Сэму, чтобы оттащить его подальше.

Корпус судна обрушился, как будто покачнулась сама земная твердь. Он сложился внутрь себя, а обломки дерева полетели во все стороны. Аквалангисты кинулись врассыпную, как стая мелкой рыбешки. Охотящаяся луфарь стремительно ретировалась, акула исчезла в глубине своего подводного царства. Джо ощутил резкий удар в плечо. Но Сэму пришлось хуже. Джо увидел, как брата ударило тросом по затылку.

Кровь Сэма расплывалась в мутной воде.

Джо бросился к младшему брату, но понял, что не может плыть. Рука отказывалась действовать.

Когда Каролина показала на акулу, никто из мужчин не обеспокоился. Они сказали ей, что постоянно видят здесь акул и в этом нет ничего особенного, это всего лишь часть их работы. Только доверчивые городские обыватели верят в «Челюсти». Каролина рассмеялась, понимая, что должна им доверять. Она и сама, проживя всю жизнь у моря, никогда не слышала, что поблизости от Блэк-Холла на кого-то напала акула. «Это как на охоте, — говорила она себе. — Мы видели медведей, мы видели волков, но ни разу никто не попытался нас съесть».

Каролина видела, как в глубине колышется силуэт сундука. Он был размером с небольшую лодку, весь почерневший от времени. Ящик поднимался из морских глубин, покрытый зелеными водорослями, со всех сторон обмотанный тросом. Оператор подъемника с помощью своей машины поднял его над водой и переместил на палубу. Из всех щелей сундука ручьями лилась вода.

На поверхности показались четыре черные головы. Аквалангисты возвращались наверх. Она поискала глазами Джо и Сэма, в восторге от возможности увидеть золото вместе с ними.

Аквалангисты что-то кричали. Они забирались на платформу, запрыгивали на палубу. Кто-то бросился радировать в береговую охрану, вызывать вертолет. Каролина бросилась к поручням. Она вглядывалась в воду, молясь о том, чтобы появились Джо с Сэмом.

— Акула? — спросила она. В голове крутились мысли об охотниках и жертвах, ее самые жуткие страхи.

— Корпус рухнул, — сказал ей кто-то, пробегая мимо.

— Где Джо? — спросила она с отчаянно бьющимся сердцем. — Где они?

Не прошло и минуты, как они появились. Все сгрудилось вокруг Сэма. По его белому лицу стекали ручейки крови. Полузакрытые глаза закатились. Из четырехдюймовой раны позади уха толчками вытекала кровь.

Джо хватал ртом воздух. Он пытался поддерживать брата, но его левая рука безжизненно повисла вдоль тела. Гидрокостюм был разорван; Каролина видела глубокую ссадину на плече. К нему подплыл Дэн, чтобы поддержать его на плаву. Каролина протянула руки, пытаясь помочь, когда вначале Сэма, а за ним — Джо вытащили на палубу. Люди бросились к рубке и вернулись с одеялами.

— Он пытался меня спасти, — произнес Джо, переводя взгляд с Каролины на Сэма. — Он хотел оттащить меня оттуда.

— Ему не повезло, — сказал Дэн, глядя на Сэма. — Он быстро теряет кровь.

— Береговая охрана уже в пути, — крикнул Джефф. — Они выслали вертолет.

— Сэм, — надтреснутым голосом проговорил Джо. Каролина потрясенно смотрела на открытую рану у него на плече. Острый деревянный обломок пропахал его до самой кости. Джо сам был очень бледен, губы посинели. Он потерял достаточно много крови, но отказывался покидать брата.

Кто-то принес полотенце и прижал его к голове Сэма. Его кровь уже стекала на палубу. Команда, казалось, была в ступоре, видя отчаяние своего капитана.

— Нам срочно необходим гребаный доктор, — заметил Дэн, сплевывая воду. — Мы околачиваемся тут посреди моря, в котором полно акул, а среди нас нет ни одного чертового врача. Полно яйцеголовых умников, но ни одного доктора медицины.

— Где же вертолет? — поинтересовался молоденький дайвер, вглядываясь в небо.

Каролина расчистила себе путь сквозь плотное кольцо мужчин. Она владела приемами первой помощи и,

склонившись над Сэмом, коснулась его лица. Оно было ледяным. Горло у нее сжалось. Она вспомнила гору Редхок, Эндрю Локвуда. Эти воспоминания разрывали ей сердце, и она понимала, что сейчас не может дать им волю.

Каролина сорвала с себя белую рубашку. Под ней у нее был купальник, и прохладный ветер заставил кожу покрыться мурашками. Она прижала рубашку к голове Сэма. Прижимая ткань к ране изо всех сил, чувствовала, как горячая кровь пропитывает ее. Она заставляла себя глядеть в лицо Сэма, чтобы не видеть вместо него лица Эндрю Локвуда.

— Расстегните ему гидрокостюм, — дала она указания Дэну и Джеффу. — Накройте его одеялом и принесите еще что-нибудь теплое. — Каролина приложила пальцы к шее пострадавшего, нащупывая пульс, но никак не могла найти его. Она видела, что рана очень опасна, скорее всего, была повреждена артерия.

— Он умрет? — спросил Джо, глядя на нее покрасневшими и полными слез глазами.

Каролина взглянула на него. Джо сам держался на ногах нечеловеческим напряжением воли. Его губы превратились в прямую голубоватую линию. В нем не осталось ни капли хладнокровия и суровости. Сдержанность в эмоциях, которую она всегда видела в нем с первой их встречи, испарилась. Требовалось определенное мужество, чтобы сидеть здесь, на палубе, в окружении своих людей и плакать, даже не пытаясь вытереть слезы. Он сам был ранен, почти терял сознание, но не мог бросить Сэма.

Приближался вертолет. Каролина слышала треск мотора, далекий и слабый, как чириканье сотен птиц.

— Он умрет? — снова спросил Джо, ни на секунду не спуская глаз с лица Каролины. Ей нужно следить за своим выражением. Она знала отношение Джо Коннора к правде. Знала, что он не хочет, чтобы она солгала ему, но Каролина не могла найти в себе силы, чтобы признаться, что уже видела такое однажды и о чем это ей говорит. Поэтому она не отводила глаз, но не говорила ни слова.

Единственным знаком, единственным ответом для Джо были слезы в серовато-синих глазах Каролины. Только они выдавали то, что Каролина не впервые видит моло-

дого человека, истекающего кровью, и что ответ на его вопрос с большой вероятностью должен быть утвердительным.

Тяжело дыша, Аугуста поднималась по лестнице, чтобы проведать Скай. Она не призналась бы в этом никому, даже Каролине или Кли, но она чувствовала себя окончательно и бесповоротно уничтоженной, потерпевшей полное поражение как мать.

Ее дочери были такими счастливыми маленькими девочками. Она представляла сейчас, как они носились по пляжу в сумерках, ловили светлячков сложенными ладошками. Они находились в постоянном движении. Перед мысленным взором Аугусты малышки были как живые. Она сидела на ступенях крыльца, и любовь и восхищение так переполняли ее, что ей казалось, сердце разорвется, как воздушный шарик. Дочери кружились и взлетали арабесками радости, а глаза Аугусты наполнялись слезами при мысли о том, что это она дала им жизнь.

Кому могло бы прийти в голову, что пройдет двадцать пять лет, и она будет подниматься в комнату к своей младшенькой, любимой Скай, волнуясь, не сделала ли та чего-нибудь с собой? Что она не хлещет водку прямо из горла, что не приставила нож к голубоватым венам на нежной руке? Из-за погибшего много лет назад молодого человека...

Скай — убийца.

Господи милосердный, подумала Аугуста. Склонив голову, она промокнула слезы. Почему она не знает, что делать, как помочь Скай? Ее три дочери, три сестры, всегда сами заботились друг о друге. Каролина заменила им мать, потому что их настоящая мать была слишком эгоистичной и трусливой, чтобы защитить их.

Аугуста остановилась наверху черной лестницы. Она прислонилась к перилам, прижимая к себе охапку белых полотенец. Сейчас она чувствовала себя уставшей пожилой прачкой.

Дверь в студию Скай была плотно прикрыта. Аугуста смотрела на нее. Этого момента она больше всего боялась. Боялась открыть дверь, войти и обнаружить дочь пьяной.

Аугуста выпрямилась. Сделав глубокий вдох, она придала лицу выражение оскорбленного достоинства. Она приготовилась войти, громко жалуясь на то, что миру невдомек, как тяжело быть матерью скульптора, сколько дополнительной работы ей приходится выполнять, чтобы дать дочери возможность творить свободно, чистыми руками.

Она распахнула дверь. Вошла. И сердце ее остановилось одновременно с криком Скай.

— Господи! — проговорила она, роняя полотенца.

Она увидела Скай, у нее из носа текла кровь, а над ней стоял Саймон, пыхтя, как бык. Он держал ее со спины, и Аугуста видела, что ей было больно. Штаны Саймона были спущены, ремень волочился по полу.

— Оставь нас, Аугуста, — сказал он. — Это личное дело нас с моей женой.

— Скай? — проговорила Аугуста, не обращая на него внимание. Схватив одно из полотенец, она направилась в дочери. Что это — бурная ссора или что-то похуже? Неужели он собирался изнасиловать ее?

Нос Скай был разбит, под левым глазом начинал набухать синяк. Аугуста присела рядом с ней, заглядывая в глаза, глядя по волосам.

— Он тебя ударил? — спросила она. Из глаз у Скай потекли слезы. Разгневанная Аугуста повернулась к Саймону. — Ты ее ударил? Так помоги же мне, Саймон, если ты...

Лицо Саймона бросилось ей в глаза. Оно выглядело отвратительно, перекошенное и красное, вены на шее вздулись, как канаты. Он оскалил зубы, как тигр, и Аугуста тоже почувствовала, как в ней пробуждаются животные инстинкты. Волоски на задней поверхности шеи встали дыбом. Только однажды в прошлом она ощущала нечто подобное: когда к ней в кухню вошел Джеймс Коннор и начал угрожать ее дочерям.

Аугуста встала между Саймоном и Скай. Вскинув голову, она поглядела на мужчину, их глаза встретились, и она увидела, что он собирается ударить. Она не знала точно, метил ли он в нее или в Скай, но вытянула вперед руки, чтобы защитить обеих. Она услышала вопль Скай, и это

«Не-е-е-ет!» повисло в воздухе, как долгий гудок поезда, проходящего поворот, перед тем как въехать в туннель.

Он метил в Аугусту. Она одновременно ощутила боль и услышала глухой звук удара и звериное рычание Саймона. Его кулак врезался ей в висок, но она не потеряла ни одного из своих чувств, ощущала запах и вкус собственного страха и видела, как Скай, ее малышка, ее истинная художница и чистейшая душа, хватается ножницы.

— Скай, — попыталась произнести Аугуста, но мозг оказался неспособен управлять голосом. — «Скай. Нет, милая», — хотела закричать она. Нет! Нет! Аугуста чувствовала, что теряет сознание, слова захлебывались в густке крови. Может, она была на грани обморока, может, она умирала, но в этот момент ей было все равно. Сейчас она хотела только защитить Скай. Защитить хотя бы сейчас, если не могла сделать этого четырнадцать лет назад.

Не в силах пошевелиться или заговорить, Аугуста Ренвик лежала, скорчившись, на полу в студии Скай, и не могла оградить дочь от водоворота, поглотившего ее семью; и, соскальзывая туда, где раньше никогда не бывала, она видела свою девочку с залитым кровью лицом, слышала то ли стон, то ли вой, с которым та воткнула ножницы в грудь Саймона Уитфорда.

Глава 20

Джо Коннора и Сэма Тревора вертолетом отправили в Центральную Прибрежную больницу, а Каролину на яlike и на машине отвез Дэн. Она вошла в отделение интенсивной терапии в страшном волнении и тревоге. Санитарка сказала ей, что обоих братьев увезли в операционные и пока она не располагает никакой дополнительной информацией. Нервничая, Каролина уселась ждать.

Спустя час она справилась о Питере, но ей сказали, что сейчас тот занят с другой семьей. Она попыталась позвонить Кли, потом — Скай, но никого не застала.

Здесь было слишком холодно. Край оранжевого пластикового кресла врезался ей под колени. Она вскакивала каждый раз, когда в дверях появлялся врач. Все врачи были в свободных зеленых робах, хирургические маски спущены с лица, глаза смотрят устало. Они разговаривали с ожидающими родственниками, объясняя процедуры и отвечая на вопросы. Каролина наблюдала за лицами родных, чувствуя, как ее собственные руки превращаются от волнения в ледышки.

Наконец появилась молодая женщина-врач.

— Вы Каролина? — спросила она.

Каролина шагнула к ней.

— Да, — ответила она, читая именной бейдж врача.

— Вы сестра Джо? Или жена? — поинтересовалась доктор Николс, заглядывая в свои записи.

— Ни то ни другое, — отозвалась Каролина. — Но я была там, когда все это случилось. Я его подруга.

— Понимаю, — кивнула доктор Николс.

— С ними все будет в порядке?

— Да. Джо уже в палате. Ему придется поработать, чтобы восстановить поврежденные мышцы, но с этим он в ос-

новном сможет справиться, когда будет дома. Он же из... — она заглянула в бумаги, — Майами?

— Да, — ответила Каролина, сглотнув. — А как Сэм?

— Почти выкарабкался, но еще не совсем. Он потерял очень много крови. Мы сейчас как раз делаем ему переливание. Он счастливчик. Еще двадцать минут, и мы бы его не спасли. Он настоящий маленький бульдог.

— Бульдог?

— Да. Ммм... — Доктор снова заглянула в записи. — Он очнулся после самой тяжелой черепной травмы, которую я видела за это лето, и не разрешил делать с ним ничего, пока не разузнал все о Джо. Ему было необходимо знать, что с братом. — Она улыбнулась. — И Джо точно такой же. Он сейчас в послеоперационной палате и хочет знать, когда ему дадут увидеться с Сэмом.

— Братя, — улыбнулась Каролина, думая о своих сестрах.

— А еще Джо хотел узнать, когда он сможет увидеть вас.

— А мне можно к нему? — спросила Каролина. — Я думала, что только родственников...

— Он указал вас как ближайшую родственницу, — с улыбкой заметила доктор Николс. — Проходите.

Джо спал. Лежал на койке, укрытый байковым одеялом. В послеоперационной палате было прохладно, и Каролина заметила, что он дрожит. Она попросила санитарку принести еще одеяло. Та улыбнулась, проверила повязку на плече у Джо и укрыла его. Белоснежные бинты резко выделялись на фоне смуглой кожи. Легкое прикосновение санитарки оказалось слишком чувствительным, и лицо Джо исказила гримаса боли.

Его веки затрепетали и раскрылись. Каролина подалась к нему, коснулась кончиками пальцев щеки. Белки глаз краснели от разорвавшихся сосудов, взгляд был затуманен после наркоза. Но, увидев Каролину, он улыбнулся. По его телу пробежала волна дрожи, и он стиснул зубы, ожидая, когда она пройдет.

— Сэм, — хрипло проговорил он.

— С ним все нормально. Врач сказала, что ему делают переливание крови, а он спрашивает про тебя.

— Значит, все в порядке, — проговорил Джо, прикрывая глаза, узнав главное. — Жив и в своем уме.

Вернулась санитарка с дозой лекарства. Она ввела Джо обезболивающее через уже прикрепленный к его руке внутривенный катетер.

— Спи, — произнесла Каролина, снова касаясь его щеки. Она поцеловала его, чувствуя жесткую двухдневную щетину; утром, проснувшись в ее доме, Джо не побрился. Воспоминание пронзило ее сердце, и она еще раз поцеловала его.

— Побудь со мной, — попросил Джо сонным голосом. — Ладно?

Каролина осталась с ним. Смотрела, как он заснул, и продолжала сидеть у его постели, пока санитарка не сказала, что пора уходить. Остановившись в коридоре, Каролина прикрыла глаза и прочла про себя молитву. Услышав, что кто-то окликает ее по имени, она открыла глаза и увидела Питера. Ей казалось, что ничего хуже, чем видеть Джо в таком состоянии, быть уже не может, но она ошибалась.

— Пойдем со мной, — сказал Питер, обнимая ее за плечи. — Произошло несчастье. Твоя мать там, внизу.

Кли встречала ее у дверей травматологического отделения. В высоких каменных вазонах цвели красные герани. У обочины стояли две полицейские машины, позади них, разговаривая о чем-то, стояли офицеры полиции. У стены, прислонившись к кирпичной кладке, стояли, покуривая, три санитарки, вышедшие на перерыв.

— Видишь полицию? — спросила Кли. — Они приехали, чтобы допросить Скай.

— Скай? — потрясенно переспросила Каролина. После посещения Джо она и так была на грани нервного срыва. — Питер сказал мне, что мама...

— Каролина, Саймон ее избил. Она рассказала мне, что он пытался ее изнасиловать. Когда ты ее увидишь...

— Где она?

— Внутри, — ответила Кли, показывая в сторону дверей отделения. — Мама вмешалась, и Саймон ударил и ее, так что та потеряла сознание. А Скай после этого бросилась на него с ножницами. Она почти не поранила его, и

это была чистая самооборона, но все равно это ужасно, — говорила Кли, широко распахнув глаза. — Полиция...

— Они хотят арестовать Скай? — спросила Каролина, слыша, как стучит в висках.

Кли взглянула на сестру и вытерла глаза.

— Они хотят допросить всех. С их точки зрения, это обычная бытовая драка.

Внезапно Каролина поняла, что этот день ее все-таки доконал. Она держалась стойко, но теперь в отчаянии закрыла лицо руками. Она думала о Джо и Сэме, о матери и Скай и бессильно привалилась к стене.

— Ты же была там, — проговорила Кли, обнимая Каролину. — Видела их сразу после происшествия. Должно быть, это ужасно.

Каролина покачала головой.

— Я рада, что была там, — сказала она. — Джо позвал меня, Кли. Для тебя это привычно, у тебя есть Питер и дети. Для тебя естественно, что они всегда обращаются к тебе, если им плохо или страшно, но понимаешь, Кли...

Кли смотрела на Каролину, ловя каждое ее слово.

— Там, на судне, Джо полагался на меня. Я увидела его сразу же, как его подняли на поверхность. И он не сводил с меня глаз, пока я пыталась помочь Сэму.

— Чему ты удивляешься? — спросила Кли. — Он — самый замечательный мужчина, Каролина.

— Он указал меня как ближайшую родственницу.

— Правда?

— Да. Здесь, в больнице. Они нашли меня в комнате ожидания, потому что Джо вписал мое имя в бланк. Но, Кли, он уедет. Как только он поправится, он уедет в Грецию. — Она попыталась усмехнуться.

— Что?

— Правда, смешно? Что он уезжает. Только я поняла, что хочу осесть на месте, как он уже торопится на самолет.

Кли понимала, что здесь ей нечего сказать. Она просто стояла, зная, что Каролина сейчас сама должна прочувствовать весь клубок эмоций, который терзал ее изнутри.

Каролина оттолкнулась от стены. Она взяла Кли за руку и, загнав подальше свой страх, пошла вместе с сестрой в отделение. Она поинтересовалась у дежурной, где можно

найти Скай и Аугусту; та ответила, что Аугуста сейчас на томографии, а Скай допрашивает полиция. Они уже направлялись в комнату ожидания, когда Каролина заметила, как к одному из смотровых кабинетов ведут Саймона.

На нем была легкая больничная пижама. Он остановился в дальнем конце холла, и, чтобы подойти к нему, Каролине нужно было миновать множество других пациентов, врачей, санитарок. Заметив ее, он скривился. Его костлявые руки болтались в рукавах, тощие ноги трогательно торчали из-под коротких штанин. Маленькие глазки глядели страдальчески, но Каролина, остановившись перед ним, заставила его смотреть ей в глаза.

— Здравствуй, Саймон, — спокойно проговорила она.

— Здравствуй, Каролина, — недоверчиво отозвался он.

— Почему ты здесь?

Он оттянул ворот пижамы, демонстрируя белый квадрат повязки под ключицей.

— Полюбуйся, что натворила твоя сестрица, — сказал он. — Она меня покалечила.

— Но, кажется, ты ходишь на собственных ногах, — заметила Каролина, пытаясь сдержать кипящий в душе гнев.

— Мне наложили швы.

— Посмотри-ка на меня, Саймон, — потребовала она, вскидывая голову, чтобы заглянуть в его налитые кровью глазки. — Я повыше, чем Скай.

— И что? Она меня продырявила!

— Я выше, чем моя мать.

— Каролина, ты сумасшедшая. Знаешь, что? Вся ваша проклятая семейка...

— Ты причинил им боль, — сказала Каролина, понижая голос и протягивая руку, чтобы взять его за подбородок. Ей хотелось сшибить эту жалобную ухмылку с его уродливой физиономии. — Ты сделал больно моей сестре и матери, — повторила она. Да, Саймон, они маленькие женщины. Они замечательные, и обе они дали тебе гораздо больше любви, чем ты когда-либо заслуживал, и теперь они из-за тебя в этой больнице.

— Они на меня напали, — отбивался он, пытаясь оттолкнуть ее руку.

— Напали на тебя? — переспросила Каролина.

— Дикие суки.

Тут Каролина сорвалась. Она бросилась на Саймона и начала молотить его кулаками. Она драла его за черные патлы, хотела выцарапать его злобные глазки. Она представляла, как он пристаёт к Скай, бьет ее мать и видела кровь. Она слышала собственные вопли, ощущала, как ее удары сыплются на его грудь, грудь чудовища.

— Ты хотел изнасиловать мою сестру! — кричала она.

— Леди, — произнес громкий голос. Она почувствовала, как ее оттаскивают от Саймона, и увидела широкое лицо больничного охранника.

— Чтобы ты сдохла, Каролина, — прошипел Саймон, пятясь от нее.

— Эй, с вами все в порядке? — спросила молоденькая медсестра, озабоченно глядя на нее. Каролина думала, что та обращается к Саймону, пока не обнаружила, что сестра смотрит на нее.

— Позовите долбанных копов, — попросил Саймон. — Я требую, чтобы ее арестовали.

— Он избил мою мать и сестру, — сказала Каролина, глядя на него.

— Мне необходимо обезболивающее, — проговорил Саймон. — У меня страшно болит грудь.

— Расслабьтесь, — оборвала его медсестра. — Ваш врач скоро вас осмотрит.

Взяв Каролину за руку, она повела ее в зону ожидания.

— Пусть разбирается полиция, — проговорила она. — Если бы мои мать с сестрой оказались здесь, я бы тоже мечтала прикончить парня. Но из-за этого могут быть неприятности у вас, и кто тогда вам поможет?

— Никто, — ответила Каролина. Ее всю трясло. Она надеялась, что Саймону хорошо досталось. Она не испытывала никакого раскаяния и сожалений из-за того, что набросилась на него, только желание отколошматить его получше. Подняв глаза, она увидела, что к ней подходит Кли.

— Тебя что, ни на минуту нельзя оставлять одну?

— Нет, — ответила Каролина.

— Ты нарвешься на неприятности, — качая головой, проговорила Кли. — Мне что-то не хочется навещать тебя в тюрьме.

- Ты просто злишься, что не поколотила его первой.
- У тебя получилось?
- Похоже на то. Во всяком случае, кулаки болят.
- Хороший знак, — улыбнулась Кли.

Каролина взяла сестру за руку, и они уселись ждать известий о тех, кого любили.

В голове у Сэма гудело. Казалось, тысячи китов молотили хвостами по его черепу, били лопастями, словно в барабан. Китовыми хвостами по мозгам. Ему не было так плохо с момента несчастного случая на море в восьмилетнем возрасте. Он лежал в больничной постели, уставившись в телевизор, в котором ничего не мог разглядеть. У него были очки, но если он надевал их, ему становилось только хуже. А без них все предметы троились и выглядели смутными и расплывчатыми, как под водой.

Кто-то зашел к нему в палату. Низенькая, полная нянечка. Коротышка с почти квадратной фигурой. Сэм пошарил в поисках очков, желая разглядеть ее получше. У нянечки был очень низкий голос.

— Ты спятил, тебе нельзя сидеть! — воскликнул голос. Это был Джо.

— Сиделка сказала, что можно.

— Тьфу на тебя. Ты должен лежать неподвижно еще двадцать четыре часа.

— Кто бы говорил! — отозвался Сэм. Он наконец нацепил очки, заткнув дужки под повязку. Перед ним действительно был его брат в кресле-каталке. — Ты вообще сегодня должен опять отправиться в операционную, чтобы твою руку заштопали получше.

— Уже заштопали, умник. Первым делом с утра пораньше. Поэтому меня и заставили ездить на этой штуковине. Чтобы я не слишком шатался. — Встав из кресла, он принял картинную позу и отпихнул его от себя. — Ну, как ты себя чувствуешь?

— Превосходно. А ты?

— Отлично.

Братья улыбнулись взаимной лжи. Переживая бурю эмоций от того, что оба были на волосок от гибели, они смотрели друг на друга.

Мужчины пожали друг другу руки, и это пожатие перешло в нечто наиболее близкое к объятиям, что они могли себе позволить. Оба были в бинтах и синяках, растерзаны и сшиты по новой. Каждый едва не погиб, пытаясь спасти жизнь другого. Сейчас, глядя друг на друга, они словно проводили ревизию, чтобы убедиться, что каждый остался цел.

Сэм проглотил застрявший в горле комок. Рука Джо, полностью обмотанная бинтами, висела на перевязи и была крепко прижата к груди. Даже в больничной пижаме он не утратил сурового облика, о котором Сэм и мечтать не смел. В палату зашла симпатичная медсестра-блондинка, чтобы измерить давление Сэму, но, увидав Джо, потеряла к своему пациенту всякий интерес. Кончилось все тем, что она начала поправлять перевязь у Джо. Джо стоял, скорчив недовольную гримасу и сердито глядя на нее, чтобы не показать, что едва не плачет.

— Джо, вы же знаете, что должны сидеть в этом кресле, — сказала медсестра, сморщив носик. Она потянула Джо за руку к креслу, он сопротивлялся. — То, что сегодня вам не давали общий наркоз, не означает, что ваш организм не ослаблен. Сядьте сейчас же!

Джо только покачал головой. Это был вежливый жест, но в его синих, как у ребенка, глазах, читалось недвусмысленное «отстаньте от меня». Медсестра зарделась и похлопала его по руке, совершенно забыв, зачем пришла.

— Ну так, — проговорил Сэм, глядя ей вслед, когда она выходила из палаты, — что же ты пытался мне сказать, прежде чем корпус рухнул?

— Я хотел тебе что-то сказать? Я просто благодарил тебя за то, что ты пытался поделиться со мной воздухом.

— Нет, раньше. До того, как ты едва не удавился собственным шлангом, пытаясь огреть дубинкой акулу. Кстати, это была черноперая. Она редко встречается так далеко на севере, но для человека в любом случае не опасна. На самом деле я был счастлив понаблюдать за ней.

— Черта с два. Это был мако. Самая мерзкая акула в этих водах.

— Черноперая.

— Ага, и нацеливалась точно на твою шею.

Сэм покачал головой:

— Безобидная тварь. Но все равно спасибо.

— Чертов биолог, — выругался Джо. — Не за что. И тебе спасибо за воздух.

— Всегда пожалуйста. Ну вот. — Сэм глубоко вздохнул. Он представил Джо перед тем, как тот скрылся внутри корпуса затонувшего судна. Как он загребал воду руками, широко улыбался и выговаривал «Блэк-Холл». В первые, самые страшные часы, лежа без сознания или близко к тому, Сэм спасался мыслью, что брат дал ему обещание.

Тело Сэма постепенно излечивалось, и дух не отставал. Потому что он убедил себя в том, что Джо хотел сказать ему что-то. Говоря «Блэк-Холл», он на самом деле говорил Йель. Он принял решение оставить охоту за сокровищами и остаться в Новой Англии, рядом с Каролиной и Сэмом. Сэм почувствовал, что не может сдержать улыбки.

— И когда ты собирался объявить мне? — спросил он.

— О чем?

— О Каролине.

Джо покраснел. Он пытался сдержать улыбку, но не мог. Он смущенно кивнул:

— Ну, да.

— Ты в нее влюбился? Вот, значит, что происходит?

— Оно самое, — вздохнул Джо, улыбаясь все шире.

— И ты собираешься перебраться к ней?

— Что? — не понял Джо, улыбка сползла с его лица.

— Блэк-Холл, — сказал Сэм, улыбаясь так отчаянно, что у него заложило виски, под черепом запульсировала боль, а уши заложило.

— О чем ты говоришь?

— Я видел там, под водой, — сказал Сэм, его улыбка слегка потускнела. Он хотел вытащить это из Джо, хотел услышать, что брат передумал и решил остаться. Что их краткое свидание со смертью ускорило принятие этого решения, которое на самом деле и так уже созревало, что он наконец понял, что в жизни главное.

— Ну? — Джо ждал от брата хоть какой-нибудь подсказки.

— Ты говорил «Блэк-Холл». Как будто пытался что-то объявить мне.

Джо нахмурился:

— Это когда мы только спустились? Перед тем, как я полез в корпус?

— Да-да, именно.

— Я говорил «жди тут», или «дальше не лезь», — заметил Джо. — Что-то такое, не помню. Я не хотел, чтобы ты лез внутрь, когда мы будем вытаскивать золото. Я подумал, что это слишком рискованно.

— То есть ты не собираешься работать в Йеле?..

— Сэм, я же уже сказал тебе...

— Но я подумал... — Сэм замолчал. Он глядел в окно. Почему-то он вообразил, что Каролина могла что-то изменить. Он видел, как Джо вел себя с ней, мгновенно становясь в ее присутствии милым и действуя так, словно наконец сбросил старую броню. Наконец ослабил свою защиту настолько, чтобы позволить себе влюбиться. Сэм решил, что Каролина сможет удержать его здесь.

— Я же говорил тебе, — из меня плохой преподаватель. Это ты у нас умница. А я не создан для университетской жизни, исследований и лекций. — Джо помолчал. — Даже в Йеле.

Сэм стащил с носа очки. В голове опять застучало, киты вновь взялись за дело. Сочетание любви и головной боли заставляло его вспоминать о том давнем несчастном случае. Тогда он первый раз в жизни влюбился и потерял эту девушку. Конечно, ему было всего двенадцать. Но сейчас, теряя брата, он чувствовал себя так, словно входил в штопор.

— Сэм? — окликнул его Джо, его голос звучал как-то слишком мягко.

— Что?

— Ты здесь совершенно ни при чем. Если бы я хотел преподавать, я бы делал это вместе с тобой.

— Угу.

— Правда, малыш.

— Ладно, Джо, не бери в голову.

— Мы обязательно еще пообщаемся поближе. Обещаю.

— Ты всегда так говоришь, — отозвался Сэм, без сил откидываясь на подушку. Он был все еще слаб и измучен

и сейчас остро это почувствовал. У него даже не было сил на то, чтобы вести себя как взрослый мужчина, делать вид, что ему наплевать на то, что Джо опять собирается покинуть его, отправившись куда-то на другую сторону земли, и видаться с Сэмом только тогда, когда сам Сэм приложит к этому усилия.

— Что-то я устал, — попытался выговорить Сэм, но слова прозвучали невнятным бормотанием.

— Я не обманываю, братишка, — сказал Джо. Сэм закрыл глаза, но чувствовал, как брат стиснул его ладонь. — На этот раз все будет по-другому.

Аугуста в полудреме лежала на больничной койке. Она получила контузию, а потом у нее было два судорожных приступа. Землетрясение и два одиночных толчка, назвала она это про себя. У нее сильно болела голова, но она не показывала этого. У постели сидела Каролина, глядя на мать тем ясным, уверенным взглядом, на который привыкли полагаться все члены их семьи. Глядя на Каролину, Аугуста испытывала такую благодарность, что не могла удержать широкой улыбки, даже несмотря на то, что вынула вставную челюсть.

— Каролина, — проговорила она; голос прозвучал хрипло, словно карканье.

— Мама, хочешь пить?

— Немножко, — ответила Аугуста. Она позволила дочери нажать кнопочку, чтобы поднять изголовье кровати. Тихонько прожужжал маленький встроенный моторчик. Аугуста открыла рот, и Каролина влила тонкой струйкой из стакана ледяную воду в ее пересохшее горло. Она сглотнула и снова приоткрыла рот.

Каролина осторожно поддерживала ей голову. Зорко, как орлица, она следила за тем, чтобы вода не проливалась Аугусте на подбородок. Когда она напилась, Каролина вытерла ей губы салфеткой. Видеть, какая любовь светится в глазах старшей дочери, было для Аугусты почти невыносимо. Потому что сама она так немного отдавала взамен.

— Вот где мы очутились, — сказала Аугуста.

— Ты и я, — улыбнулась Каролина.

— Лысая и беззубая, — добавила Аугуста. Она была слишком измотана, чтобы строить что-то из себя. Ей побили голову, чтобы наложить швы, и у нее не было сил, чтобы вставлять искусственную челюсть. Ей хотелось только спать.

— Мапочка, ты все равно красавица.

Аугуста покачала головой, но все равно ей было приятно это слышать.

— Как Скай? — спросила она. — Ты была у нее сегодня?

— С ней все в порядке, — ответила Каролина.

Аугуста кивнула, отведя глаза.

— Что такое, мама?

— Я чувствую себя почти что так... как будто не имею права даже спрашивать, — тихо произнесла она. — Мы очень давно бросили вас одних в этом мире. С чего бы мне теперь надеяться, что я смогу вернуть вас назад?

— «Мы»?

— Ваш отец и я.

— Ох, мама, — сказала Каролина. — Вы нас не предавали.

Аугуста ждала, что дочь скажет дальше, но Каролина молчала. Да и почему она должна была говорить что-то еще? Она не хотела ранить чувства матери, признавая правду: Аугуста была эгоистичной матерью, не желающей и не способной сопровождать своих дочерей на сложных жизненных этапах. Матерью, которой было нужно лишь искусство, вечеринки, любовь, развлечения и их отец. Аугуста часто заморгала, пытаясь сфокусировать затуманенное зрение.

— Мама, поправляйся, — проговорила Каролина, в глазах цвета черного жемчуга лучилась невыразимая теплота. — Не надо сейчас думать о плохом. Ты нужна нам дома.

— Была ли я когда-нибудь нужна вам? — без тени обиды откликнулась Аугуста. — Я не вижу, зачем. Я была ужасной матерью.

— Это неправда, — сказала Каролина, улыбаясь. Аугуста видела, что она говорит то, что думает на самом деле. Она чувствовала усталость, ей было мучительно трудно просто бодрствовать. Ее опять заволакивал сон, и она чувствовала его приближение изнутри.

— Понимаешь, я лежала здесь и думала обо всем этом. От этих лекарств мне все время хочется спать. Но я думаю о вас, девочки, о нас с вашим отцом и все пытаюсь разобраться во всем. Почему все получилось так неправильно. Мне все кажется, что я теряю какой-то один кусочек, и если бы только я нашла его...

— Не все получилось неправильно, — возразила Каролина.

— Но вся наша жизнь оказалась такой запутанной. Мы же так любили вас. Уж это-то я знаю. Он отчаянно хотел защитить вас. А когда у него не получилось, просто отвернулся. И я ничего не могла сделать, чтобы помешать ему.

Каролина коснулась лба матери, пытаясь стереть с него печали.

— Какая польза от всех этих мыслей? — спросила она. — Мама, все это уже в прошлом. Тебе надо поправляться.

— Один крохотный кусочек, — проговорила Аугуста. — Мне хочется сложить все воедино.

Когда Джо пришло время выписываться из больницы, ему было фактически некуда ехать. «Метеор» был зафрахтован группой физиков океана из Вудс-Хоула. Они исследовали волновые аномалии в Атлантике — измеряли высоту и период стандартных волн, надеясь отыскать случайные отклонения. Они согласились забрать судно в Блэк-Холле и доставить его в Пирей, во время плавания через Атлантику проводя свои исследования.

Джо такой вариант более чем устраивал. Он чувствовал облегчение, что «Метеор» отправлен нужным курсом. Он должен был быть в Греции к первому октября, а к седьмому — в Микенах. В это время года погода должна быть благоприятной, и вода — прозрачной. Эта экспедиция была запланирована как совместная с одним марсельским археологом. У них было разрешение на работы в течение тридцати дней, а греческое правительство не славилось уступчивостью в продлении сроков.

Каролина предложила ему до отъезда пожить у нее.

Джо медлил с ответом. Не потому, что не любил или не желал провести последние деньки в Новой Англии с ней, а потому, что не хотел причинять Каролине лишнюю боль.

Он сознавал, что должен будет уехать из Блэк-Холла, как только Сэм достаточно поправится и его выпишут из больницы. Он объяснил это Каролине. Она выслушала его объяснения, заметила, что она это понимает, но это не имеет значения и она все равно хочет, чтобы он остался у нее. Скай пока тоже жила в ее доме. Каролина не хотела отпускать сестру одну в «Светлячковый Холм» и уговорила временно перебраться к ней в комнату для гостей.

Джо и Каролина сидели в качалке на веранде. Ночь была теплой, низко над болотами стелился туман. Каролина была одета в белое хлопчатобумажное платье. Джо устроился в уголке сиденья, а она прислонилась к его груди, держась подальше от пострадавшей руки. У ее ног лежал Гомер, положив морду на скрещенные лапы, довольный тем, что тоже переселился к своей хозяйке.

— Как тихо, — проговорила Каролина.

— Да, — согласился Джо, нежно прикасаясь к ее волосам.

— Сэм сегодня выглядел молодцом. Ему понравились пирожные, которые испекла для него Кли.

— Сэм без ума от Кли, — сказал Джо. — Я уверен, что, не будь Питер таким славным парнем, он бы попытался ее отбить.

— Сэма все любят, — заметила Каролина.

— Даже ты?

— Он мой милый друг, — ответила она. — Знаешь, мне очень нравится, как наши семьи...

— Что?

— Я хотела сказать, объединились, — тихо произнесла Каролина.

Джо кивнул. На грудь что-то давило, как бывает, когда слишком долго задерживаешься под водой. Сегодня Питер расспрашивал его о Греции, а он ощущал, как начинают ныть связки в поврежденном плече при мысли о расставании.

— Мне тоже очень нравится твоя семья. Скай и Кли. — Он улыбнулся. — Твоя мать...

— Она очень тактично отнеслась к тому, что ты остался здесь, — улыбнулась в ответ Каролина. — Но я думаю, это потому, что она знает, что это ненадолго.

— А это так? — спросил Джо, сам удивившись тому, как сорвался в конце его голос.

— Это что, еще обсуждается? — удивилась Каролина.

— Боюсь, что нет, — вздохнул Джо. — Так жаль, что тебе надо заниматься делами. Иначе я бы соблазнил тебя поехать со мной в Грецию. Ты же все время говоришь, что любишь путешествовать.

Каролина подняла на него взгляд. В нем не было и следа мягкости, она смотрела Джо в глаза прямо и жестко. Она больше не улыбалась.

— Не надо меня мучить, — сказала она.

Освободившись из рук Джо, она взяла их пустые стаканы из-под воды. Босиком прошла в дом, и он слышал, как она возится в кухне. Джо сидел не шевелясь, размышляя о том, как это — жить здесь. Не планировать очередную кладоискательскую экспедицию. Плечо заныло, он толкнул качалку.

Старый пес взглянул на него. Наклонившись, Джо потрепал его по макушке. Гомер потянулся к его руке, выражая дружбу. У них было много общего, оба любили Каролину. Джо начал нежно и ритмично почесывать седую собачью голову.

— Может, пойдем за ней? — предложил он. Гомер с трудом поднялся и, прихрамывая, потащился в кухню.

Джо остановился за спиной у Каролины. Она стояла у раковины, споласкивая стаканы. По одной ее позе он мог наверняка сказать, что женщина расстроена, что он обидел ее.

— Каролина, — проговорил он, — прости меня.

Она не двигалась. Вода лилась ей на руки. Джо взял ее за плечи и развернул к себе. Щеки у нее были мокрыми, в уголках губ задержались две слезинки. Она смотрела на него серьезно и прямо.

— Тебе не за что просить прощения, — произнесла она. — Мне просто немножко грустно, о'кей? Можно мне чуть-чуть погрустить?

— Конечно, можно, — ответил Джо. Потому что ему самому было грустно.

Гомер остановился рядом с Каролиной. Он поднял на нее глаза, чувствуя ее настроение. Словно понимая, как

она нуждается в дружеской поддержке, он уткнулся лбом в ее бедро. Она наклонилась, чтобы приласкать своего любимца, а потом опустилась рядом, прижавшись своей головой к его. Джо смотрел на них, осознавая, что в их отношениях есть что-то вечное, изначально истинное. Гомер был очень стар, он уже пережил обычный срок собачьей жизни, и Джо было больно думать, что скоро он умрет.

— Он у тебя со щенячьего возраста? — поинтересовался Джо.

Каролина не меняла позы на полу. Гомер любовно бодал ее широким лбом. Потом она поднялась, вытирая слезы.

— Не совсем, — ответила она. — Он попал ко мне, когда ему было около года.

— Наверняка это был красивый пес, — сказал Джо. — Почему же первый хозяин оставил его?

— Он умер, — произнесла Каролина.

— Ой, — вырвалось у Джо, который гладил Гомера по спине. Сквозь рыжеватую кожу проступали позвонки, упиравшиеся Джо в ладонь. Каролина потянулась за какой-то вещью на столе. Это был больничный браслет Скай. Она срезала его с запястья и оставила на кухонном столе, отправляясь в свою комнату, чтобы отдохнуть.

— Скай его убила, — тихо проговорила Каролина.

— О господи! — произнес Джо.

— Мы были на охоте. Ей было всего семнадцать лет, и она думала, что стреляет в оленя, но это был человек. — Каролина склонила голову.

— Сожалею, — сказал Джо.

— Она так и не оправилась после этого окончательно, — сообщила Каролина. — Это был несчастный случай, но это не имеет никакого значения.

— Нет, — ошарашенно согласился Джо.

— Я была там с ней. Она просто потеряла рассудок, не могла поверить в то, что натворила. Я сидела с ним, пока его не увезли. Бедная Скай!

— Он умер там, в лесу? — спросил Джо.

— Да, — кивнула Каролина. — Я держала его за руку. У него были такие яркие глаза. Он лежал там, на тропе, и я помню, что подумала, какой он симпатичный и яркий. Это слово не шло у меня из головы. Такой яркий.

— Каролина, — проговорил Джо, потрясенный до глубины души. У нее на глазах умер его отец и этот молодой человек. Он полюбил такую добрую и отзывчивую женщину и столько лет таил на нее злобу из-за того, что она не рассказала ему первой о гибели его отца. Ее отец возил их на охоту из-за того, что сделал его отец. — А как его звали?

— Эндрю Локвуд.

— Гомер — его собака?

— Да. Был такой замечательный день, и мы только вышли прогуляться... Гомер целовал его. Все время лизал ему лицо, пытаясь помочь. А когда Эндрю закрыл глаза, он продолжал лизать ему веки. Он отказывался прекращать это делать.

Джо посмотрел на седую морду пса. Он представлял, как тот лижет лицо умирающего хозяина, и понимал, почему Каролина так его любит. И почему пес любит Каролину.

— Как дела у Скай? — спросил Джо.

— Не знаю, — ответила Каролина. — Но это прошлое все время с ней.

— Как ты считаешь, может быть, ей стоит пойти на собрание анонимных алкоголиков?

Каролина помедлила. Она переводила взгляд с Джо на Гомера с выражением человека, потерявшего надежду на то, что катастрофу можно предотвратить. Она пожала плечами.

— Не знаю. Сомневаюсь, что это поможет.

— Мне помогло, — признался Джо.

— Мне бы очень хотелось...

— Чего?

— Чтобы это и ей помогло, — прошептала Каролина.

— Каролина, — проговорил Джо. Он ощутил, как что-то растет внутри него, и ему было необходимо выпустить это на свободу.

— Что? — спросила она.

— Поедем со мной.

— На собрание? Но...

— Нет, в Грецию.

Она смотрела на него пораженно. Думает ли она, что он снова ее дразнит? Он притянул ее к себе и снова повторил, глядя в ее серые глаза:

— Поедем со мной в Грецию.

— Не надо так шутить.

— Я не шучу. Назови хоть одну причину, по которой это невозможно.

— Моя семья, — ответила она. — Я не могу оставить их. И еще отель.

— Все же знают, что ты любишь путешествовать. Мишель справится с отелем. А твоя семья...

Каролина ждала. Она хотела, чтобы он договорил: будет в порядке. Но они оба понимали, что строить такие предположения бессмысленно, что судьба играет с людьми свои шутки и контроль — не более чем иллюзия. Можно стоять ближе некуда к своей сестре, а она при этом убьет человека. Ты можешь находиться в десяти футах, но все равно не сумеешь предотвратить ужасного.

— Твоя семья знает, что ты их любишь. И ты вернешься.

— Да?

— Да. Я поговорю с людьми в Йеле. Не этой осенью, но, может быть, в следующем году. И о Сэме я тоже думаю. Глядя, как ты общаешься со своими родными, я понял, что тоже хочу обходиться с ним добрее. Я слишком долго куда-то бежал.

Каролина отступила на шаг от Джо. Гомер устроился на старом голубом одеяле в углу кухни, и она, опершись на стол, смотрела на него. Пес не отрывал от нее глаз и, заметив, что она вдруг обратила на него внимание, поднял голову и застучал хвостом по полу. Каролина наклонилась, чтобы приласкать его, и достала из складок одеяла маленькое полотенце, потрепанное в бесчисленных шутливых битвах. Каролина держала его за один конец, а Гомер вцепился зубами в другой.

— Это мой отец первым придумал, — сказала она, перетягивая с псом полотенце.

— Эту игру с Гомером?

— Да. Когда мы только принесли его домой, он был совсем несчастным. Все время плакал и отказывался от всех игрушек, которые мы ему предлагали: мячики, кости. А потом отец дал ему старое полотенце. Оно было мягким и, наверное, пахло нами.

— И Гомеру понравилось? — поинтересовался Джо, не понимая, какое это может иметь отношение к Греции.

— Да. Гомер его полюбил. Он таскал за собой это полотенце повсюду, и когда окончательно изжевал одно, мы дали ему другое. Он всегда звал отца поиграть с ним. — Она замолчала, поднявшись, чтобы взглянуть в глаза Джо. — Отцу тоже нравилась эта игра. Пока все не стало плохо. Тогда он бросил не только игры, но и все остальное.

— Ты имеешь в виду его рак?

— Нет, — ответила Каролина. — Этот недуг выражался в пьянстве и уходе от мира. Так же, как сейчас у Скай. Я боюсь оставлять ее.

Джо подошел к ней. Сердце бешено стучало. Никогда он не хотел чего-либо так, как этого. Он хотел, чтобы она была с ним, но в то же самое время ему было необходимо помочь ей. Эта женщина попала в ловушку, пытаясь спасти того, кто должен был помочь себе сам. Он глубоко вздохнул, потом нежно взял лицо Каролины в ладони.

— Знаешь, что противоположно любви? — спросил он.

— Ненависть? Джо, я никогда бы не...

— Страх.

— Противоположность любви — страх, — повторила она, нахмурившись.

— Из-за наших страхов мы можем потерять наш шанс.

— Мне не кажется, что я боюсь...

— Ты только что сказала, что боишься оставлять Скай.

Каролина кивнула, понимая, к чему он клонит.

— А твой отец... — начал Джо. Говорить о Хью Ренвике для него было нелегко. Особенно когда, как сейчас, то, что он собирался сказать, настолько отражало понимание одним совершавшим большие ошибки в жизни мужчиной другого.

— А он что?

— Скажи мне одну вещь. Насколько Гомер был дружен с твоим отцом?

— Он его по-настоящему любил, — сказала Каролина. — Это было горько и смешно, но после смерти отца Гомер оплакивал его так же, как когда-то оплакивал Эндрю. Долгими-долгими днями. Он начал уходить из дома на свои таинственные прогулки. А потом возвращался и был на крыльце.

— По твоему отцу?

— Да, — ответила Каролина; в ее глазах засветилось понимание.

— Хотя твой отец уже давно не играл с ним. Он отвернулся от всего мира, но это не мешало Гомеру продолжать любить его.

Каролина кивнула, едва сдерживая слезы. С минуту она молчала, опустив голову. Джо ждал; ему очень хотелось коснуться любимой, но он знал, что она должна решить все сама.

— Я не боюсь, — вдруг проговорила Каролина, поднимая глаза. Они были полны слез, эти самые прекрасные глаза, которые он когда-либо видел.

— Не боишься?

— Наоборот, — ответила она.

Джо заулыбался, понимая, что она имеет в виду любовь как противоположность страху, что они наконец начали все с того самого места, на котором все оборвалось много лет назад вместе с их перепиской.

— Когда мы едем? — спросила она.

— Как только Сэма выпишут из больницы, — ответил он, заключая ее в свои объятия.

Глава 21

Аугусту выписали из больницы сразу после Дня труда. Она поехала к Кли, потому что именно ее средняя дочь обладала наилучшими способностями и возможностями, чтобы дать матери необходимую сейчас заботу и уход. Сильный удар, который Саймон нанес Аугусте, повлиял на ее двигательные способности, и ей трижды в неделю требовались физиотерапевтические процедуры. Для этого ее нужно было отвозить в больницу и заставлять выполнять упражнения дома.

Каролина подарила матери великолепную боярышниковую трость с набалдашником из стерлингового серебра; Аугуста нашла подарок восхитительным. Она считала, что это вещь в старинном ирландском стиле, какой мог бы пользоваться Оскар Уайльд, потребоуся ему вдруг палка. После того как в больнице ей выбрили голову, она постепенно начала получать удовольствие от своего нового облика или по крайней мере постаралась извлечь из него максимум выгоды. Конечно, волосы отрастут, но пока она носила роскошные шелковые шарфы, которыми постоянно задаривали ее дочери. Она сооружала на голове нечто вроде тюрбана и считала, что выглядит вполне царственно. То есть божественно.

Но Кли чувствовала себя ошарашенной. Вся ее семья всегда воспринимала ее как незыблемую скалу. Кли вела хозяйство и готовила изысканные блюда. Она целыми днями возила детей из летнего лагеря на занятия в духовом оркестре, с занятий — в кино и так далее. Будучи женой священника, она присутствовала вместе с ним на церемониях венчания и отпевания, у постелей больных и на молитвенных собраниях.

Но жизнь под одной крышей с матерью сводила ее с ума. Аугуста не была в этом виновата. В кои-то веки она

вела себя смиренно. Она выглядела преисполненной благодарности за каждое обращенное к ней доброе слово, за каждый поданный стакан минеральной воды. Врачи предупредили, что она не должна употреблять алкоголь, пока не кончится курс приема противосудорожных препаратов, и Аугуста почти не возмущалась. Хотя каждый день по давно заведенной привычке ровно в пять она провозглашала: «Время выпить martini!», но Кли не приносила его, и она не настаивала.

Аугуста преимущественно оставалась у себя в комнате, слушая музыку. Кли не могла привыкнуть к такому новому облику матери — тихому и задумчивому. Однажды она позвала дочь, лежа в постели. Кли подумала, что ей нужно еще одно одеяло или стакан холодной воды, но вместо этого Аугуста похлопала по одеялу рядом с собой, приглашая Кли присесть. Достав английский костяной гребень, Аугуста начала расчесывать волосы Кли.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила Аугуста, медленно проводя гребнем по прядям.

— Например? — спросила Кли, чувствуя, как по позвоночнику бегут мурашки от непривычного удовольствия прикосновения материнских рук.

— Все что угодно, дорогая. Просто расскажи какую-нибудь историю. Любую.

— Ну, Марк и Мэрипат хотят записаться в новую футбольную ассоциацию.

— О себе, Кли, — попросила Аугуста. — Я очень люблю внуков, но хочу услышать что-нибудь о тебе самой.

— О, мама, — проговорила Кли, чувствуя, как сжимается горло, и не представляя, с чего начать.

— Что-нибудь про Кли, — сказала Аугуста. — Ну расскажи.

— Но зачем?

— Как я сожалею о том, что возникает это «зачем»! — печально проговорила Аугуста. — О том, что ты удивляешься тому, что я хочу узнать что-то о тебе.

— У тебя был папа, чтобы о нем беспокоиться, — заметила Кли.

— Да, я беспокоилась о нем, — согласилась Аугуста, расчесывая волосы Кли, — но его это утомляло, он

замыкался в себе и уходил от меня к кому-нибудь еще. А вы, девочки, от этого страдали.

— Мама, у меня все в порядке, — сказала Кли. — А Каролина вообще молодец.

Каролина объявила родным о своих планах поехать в Грецию. Хотя никто не оказался по-настоящему потрясен, реальная перспектива ее отсутствия — на целый год — обескураживала.

— Но Скай...

— Да, — согласилась Кли. Скай съехала от Каролины обратно в родительский дом, где могла побыть одна. Однажды Кли заехала к ней с кастрюлькой тушеной говядины и обнаружила ее в постели в четыре часа дня, безнадёжно уставившейся в окно. Отдавшись движению гребня в материнских руках, Кли прикрыла глаза. Она пыталась представить себе, каково бы было ей, если бы Мэрипат страдала так же, как Скай, и понимала, что сердце их матери разбито.

— Что мне делать, дорогая? — спросила Аугуста. — Я понимаю, что уже несколько поздно, но я не могу этого выносить. Я не могу видеть ее такой.

— Не знаю, мам, — сказала Кли, потянувшись назад за рукой матери. Рука была тонкой и слабой, а обернувшись, Кли увидела, насколько старой выглядит мать. Аугуста прекратила расчесывать волосы дочери и уронила руки на колени.

— Если Каролина уедет в Грецию, я просто не знаю...

— Она вернется.

— Я заставила ее так долго нести на себе такой тяжелый груз. Она заботилась о Скай всю ее жизнь, а я... потеряла так много времени.

Они посмотрели в глаза друг другу, две матери. Обе знали, что такое растить дочерей, знали об особых переживаниях, сопутствующих неизбежному столкновению своих драгоценных девочек с внешним миром, полным опасностей, и Кли старалась передать матери часть собственной силы. Кли не знала точно, откуда в ней эта сила, но ей нравилось думать, что какая-то ее часть пердалась ей и от Аугусты.

— Что случилось? — проговорила Аугуста отстраненным тоном человека, которого только разбудили посере-

дине страшного сна. — Я спрашивала об этом у Каролины. Все вы были такими одаренными, и мы так любили друг друга, так почему же все так получилось? Что было не так? Вот что я хочу знать. Вот часть, которой мне недостает для понимания.

— Жизнь, мама, — ответила Кли, держа мать за руку. В ее мыслях постоянно присутствовало «что, если»: что, если Питер умрет; что, если кто-нибудь причинит вред кому-то из ее детей; что, если она провалится под лед на пруду? Самые ужасные вещи происходят, когда их меньше всего ждешь. Но то же можно сказать и о прекрасных вещах, о радостном в жизни. — Жизнь — вот чего тебе не хватает, — сказала она.

— Жизнь, — повторила Аугуста, склонив голову.

Скай была одна в родительском доме. Она согласилась пообедать с Каролиной и Джо. Хотя на самом деле ей хотелось задернуть занавески, выключить телефон и сделать дело. Она хотела покончить с собой. Она слишком устала от жизни. Ничто не могло потушить ее внутреннюю агонию.

Этот дом был гробницей. Он был весь заполнен воспоминаниями. Шерсть Гомера повсюду, но Гомера нет. Пес был у Каролины, а мать — у Кли, она ходила с палкой и ездила на физиотерапию из-за мужчины, которого Скай привела сюда. Сейчас Саймон был в Бостоне. Он вернулся к Бибе, но в ближайший месяц должен был предстать перед судом за нанесение телесных повреждений и попытку изнасилования. Скай было все равно. Она больше не любила Саймона. Он больше не был ей нужен — ей больше никто не был нужен. Она любила лишь отца. Недавно Скай вообразила, что пьет с его призраком. Она разговаривала с ним вслух, рассказывала о своих чувствах, умоляла простить ее.

Кто-то постучал в дверь. Думая, что Каролина и Джо просто вошли бы в дом, она удивилась. Мельком оглядев себя в зеркале, она увидела опухшее лицо, круги под глазами, прическу, напоминавшую крысиное гнездо. На свитере впереди красовалось темное пятно, но ей было наплевать. Медленно, ощущая боль во всех суставах, Скай пошла открывать.

Это был Джо. Он стоял на крыльце один. Скай огляделась.

— Привет, — сказал Джо.

— Привет. А где Каролина?

— Дома. Можно мне войти?

Скай распахнула дверь. Джо молча прошел мимо нее. Он ждал, когда Скай предложит ему пройти в кухню.

— Что случилось? С ней все в порядке? — спросила Скай.

— С ней все отлично, — ответил Джо, замечая бутылку. Скай покраснела. Она еще не пила из нее, но последние полчаса не отрывала от нее глаз.

— Не хочешь выпить? — поинтересовалась Скай.

— Скай...

Его голос был таким тихим, таким спокойным и добрым, что Скай остановилась на поддороге.

— Ты не хочешь вместо этого пойти на собрание АА? — спросил он.

— АА?

— Анонимных алкоголиков.

— Ты — один из них?

— Да, я один из них, — ответил он, улыбаясь.

— Откуда ты знаешь? — спросила она дрожа. — Почему ты туда ходишь?

— Для меня с этим покончено, — сказал он. — Мне больше не хочется.

— Я так устала, — проговорила Скай. Она подумала о бутылке, о том, как могла бы пить ее всю ночь и не чувствовать опьянения, о боли, которую ничто не могло прогнать. Она подумала о карабине, спрятанном в сарае за домом. Она уже довольно давно не проверяла его, но последние полтора дня постоянно воображала, как возьмет его в руки и сделает с собой то же самое, что сделала с мужчиной на горной тропинке.

— Со мной это тоже было, — продолжал Джо. — Я измучился и устал быть измученным и усталым.

— Точно, — подтвердила Скай, и слезы хлынули у нее из глаз. — Именно это я и чувствую.

— Ты больше никогда не должна чувствовать себя так. Пойдешь со мной? — спросил Джо.

Скай обвела взглядом кухню. Здесь были отпечатки ее пальцев на глиняной пластинке, которые она сделала для отца в первом классе. Бюст матери, вылепленный в средней школе. Фотографии ее и сестер в красных клетчатых куртках перед отъездом на охоту на Редхок в один из уик-эндов Дня благодарения. Фотография отца, сделанная за год до того, как она застрелила Эндрю Локвуда; это была последняя фотография, на которой он улыбался.

— Папа, — вслух произнесла Скай.

— Он хотел бы этого, — сказал Джо.

— Я чувствую себя так, как будто бросаю его, — проговорила Скай, а потом, вызываясь глядя на Джо, добавила: — Я люблю его.

— Конечно, как же иначе? Он же твой отец.

— Все вокруг только и делают, что обвиняют его.

— Он все равно остается твоим отцом.

Скай кивнула. Именно так ей это и виделось: еще до того, как начались охоты, стрельба, был просто большой мужчина, который учил ее рисовать, носил ее на плечах, ходил с ней на пляж.

— Ты не бросаешь его, Скай, — сказал Джо, протягивая ей руку.

По лицу Скай катились слезы. Она взяла фотографию отца и прижала ее к груди. Они с отцом были так похожи — два художника, которые неправильно обошлись со своими близкими, которые стали пить потому, что не могли перенести их боли.

— Пойдем, Скай, — попросил Джо. — Ну, пожалуйста.

Глубоко вздохнув, она поставила карточку отца на место. Если бы она могла заглянуть поглубже в глаза и мысли Джо, она бы увидела там больше, чем то, к чему была готова сейчас. Она была уверена, что этот человек помогает ей из любви к Каролине. Скай не сомневалась, что Каролине известно об этом визите Джо и что она сейчас сидит дома с Гомером, молясь изо всех сил о том, чтобы Скай пошла на собрание анонимных алкоголиков вместе с Джо. Если это произойдет, ей будет проще уехать в Грецию.

— Ты забираешь ее у нас, — сказала Скай.

— Всего лишь в путешествие, — ответил Джо. — Я не забираю ее у вас. Она никогда не сможет с вами расстаться.

— Греция очень далеко, — заметила Скай.

— Она еще никуда не уехала. Она всего в пяти милях отсюда.

Каролина уезжала в Грецию: еще один удар, еще одна причина выбрать темный путь, скрыться от мира, отвернуться ото всех. Спать гораздо легче, чем бодрствовать, пить проще, чем остановиться.

— У АА есть одна поговорка, — сказал Джо. — «Не отказывайся, пока не увидишь чудо».

— Какое еще чудо?

— Узнаешь, когда увидишь.

— А если не увижу?

— Если ты откажешься, то никогда не узнаешь, чего лишилась.

Закрыв глаза, Скай снова подумала о карабине. Думала о своем отце и отце Джо, думала об Эндрю Локвуде. Она всегда так ясно видела их лица, но теперь они начинали расплываться. Одновременно перед глазами встало лицо Каролины.

Скай медленно открыла глаза и кивнула.

— Ладно, — словно со стороны услышала она собственный голос. — Я пойду с тобой.

Каждое утро Каролина начинала с того, что передавала Мишель какую-то часть дел по управлению отелем. Сегодня она отвезла ее в «Прибрежный банк», познакомилась с банкирами, объяснила назначение различных счетов.

Мишель схватывала все на лету. По-видимому, она сама была довольна сложившейся ситуацией. Помощница быстро все запоминала и задавала правильные вопросы. Конечно, она десять лет провела за конторкой портье, поэтому ей не пришлось начинать с нуля. Время от времени Каролина замечала Тима, появлявшегося в отеле и задерживавшегося в баре. В колледже начались занятия, и он иногда заезжал сюда с коллегами или студентами пропустить по кружечке пивка и поперебивать косточки местным художникам. Каролина была рада видеть его здесь. Это означало, что он хочет поддержать Мишель и будет делать то же самое, когда Каролины не будет.

Временами Каролина не была уверена, что так уж хочет уехать. Разве можно совсем оставить отель на кого-то другого, даже на Мишель? А семью? Она была так нужна им. Может, она и не была идеальной сестрой для Кли и Скай и идеальной дочерью для Аугусты, но она делала все, что могла, и в конце концов, всем им до сих пор удавалось выжить. Они жили, как будто выступали в цирке, акробатки, пытающиеся проехать по натянутому канату на велосипеде, то и дело оказываясь на грани падения, но пока продолжая держаться.

Сэма должны были выписать завтра, а они с Джо собирались уехать через несколько дней после этого. Скай посещала собрания. Каролина понимала, что нет никаких гарантий, что трезвость сестры окажется устойчивой, но она надеялась. Это было единственное, что она могла.

Каролина регулярно заезжала к Кли проведать мать. Аугуста изо всех сил пыталась вести себя хорошо. Ей не нравилось, что Каролина уезжает, особенно в Грецию, — и особенно с Джо Коннором, — но она держала язык за зубами. Создавалось впечатление, что Аугуста поняла, что причинила дочерям достаточно вреда, и твердо решила исправиться. Она не испытывала враждебности по отношению к Джо; она просто хранила обиду на его отца за ту жестокость, которую он причинил ее семье.

За три дня до отъезда Каролина повезла мать в больницу на осмотр. Когда они сидели в приемной у невропатолога, ожидая врача, туда вошли Джо с Сэмом. Аугуста замерла. Эта была ее первая встреча с Джо Коннором лицом к лицу после знакомства на Балу Светлячков.

— Здравствуйте, миссис Ренвик, — проговорил он, протягивая ей руку.

— Здравствуй, Джо, — с опаской ответила она. Она пожала руку ему, затем — его брату. Мужчины поцеловались с Каролиной, и все выглядело весьма благопристойно.

— Похоже, у нас один врач, миссис Ренвик, — заметил Сэм.

— Зови меня просто Аугустой, — попросила она. — И ты тоже, Джо.

— Спасибо, Аугуста, — ответил Джо.

У Каролины и Джо до отъезда оставалась еще масса дел. Они отошли в сторонку, к столу секретарши, обсуждая что-то. Аугуста и Сэм остались одни, не зная толком, о чем говорить друг с другом. Аугуста подняла руку, проверяя, хорошо ли сидит на голове тюрбан.

— А у вас чудесный головной убор, — сказал Сэм, улыбаясь от души. Он был еще бледен, под глазами ясно виднелись темные круги. Юноша похудел фунтов на десять. Голова была обмотана внушительной белой повязкой, точно такой же, какую еще неделю назад носила Аугуста.

— Спасибо, — засмушалась Аугуста. — Твой тоже неплох.

— Как вы? — поинтересовался он. — Уже лучше?

— Ничего, хотя меня еще слегка шатает. А ты?

— Дьявольски штормит, извините за выражение.

— Ерунда, — отмахнулась Аугуста, внимательно разглядывая паренька. Она пыталась найти у него черты сходства с братом, но практически ничего не находила. Джо был подтянутым и сексуальным, а Сэм выглядел тощим и неловким, хотя и симпатичным, похожим на английского школьника-переростка. Очки, растрепанные волосы, торчащие из-под повязки, узкое лицо.

— По правде сказать, у меня все время болит голова, — признался он, наклоняясь к ней поближе. — Я пью противосудорожные лекарства, а от них ужасно тянет в сон.

— Я тоже, — сказала Аугуста. — Просто ужас! Я живу словно в тумане, к тому же мне запретили пить мартини. А у тебя были припадки?

— Один раз, — ответил Сэм, глядя на ее колени.

Аугуста дотронулась до его запястья. Бедный мальчик. Такой молоденький.

— Отвратительно, правда?

— Угу, — согласился он. — Не хотелось бы испытать это еще раз. Мой врач сказал, что это часто бывает при таких травмах. А у вас такое было?

— Дважды. Какой-то аттракцион из фильма ужасов. Стоит ему только начаться, и его не остановишь никакими силами на свете.

— Да, приятного мало. Мой брат сошел бы с ума, если бы узнал об этом. Он считает, что это он виноват в том, что произошло.

— Твой брат, — проговорила Аугуста, сложив руки на груди и прикусив губу, наблюдая, как Джо и Каролина смеются над чем-то.

— Он вам не нравится? — осторожно поинтересовался Сэм.

— Ты здесь ни при чем, милый, — ответила она. — Это просто определенные воспоминания. К тому же он хочет забрать Каролину в Грецию.

— Он замечательный человек, — сказал Сэм.

— Если бы ты знал всю историю!.. Понимаешь, все началось с его отца, когда он явился к нам в дом на Рождество и угрожал убить нас всех. Надеюсь, я не шокировала тебя?

— Мне известно все это, — спокойно ответил Сэм. — Но вы упускаете лучшую часть.

— Какую же? — поинтересовалась Аугуста. Перемены, произошедшие с ней, были настолько значительны, что она могла допустить даже то, что этот тощий парень с разбитой головой может что-то рассказать ей о ее личной семейной трагедии.

— Ваша дочь его любит.

Аугуста повернулась и воззрилась на него.

Сэм пожал плечами:

— Я тоже не хотел бы, чтобы брат уезжал в Грецию. Но вы же не думаете всерьез, что можете их остановить? С тем же успехом вы могли бы решить поиграть в бейсбол.

— Я никогда не играла в бейсбол, — задумчиво проговорила Аугуста.

— Стоит начать учиться прямо сейчас, Аугуста, — произнес Сэм. — Потому что это очень похоже на жизнь.

— Кажется, я получил у Аугусты для тебя благословение везти Каролину в Грецию, — сказал Сэм. Это был его первый день после выписки, и первая прогулка. Теплым сентябрьским днем они с Джо шли по дороге вдоль морского берега.

— Да ты просто герой.

— Она, конечно, упрямая женщина, — заметил Сэм. — Но разве можно ее за это упрекать? Кому захочется отпустить дочь с бродягой вроде тебя.

— Ладно, это все хорошо, — отозвался Джо, пиная по дороге камушек. — А как насчет тебя? Ты дашь мне свое благословение?

Неторопливо шагая, Сэм занялся камушком. Он попытался тоже пнуть его, но промахнулся. Зрение пока подводило его. Он зажмурил один глаз, прицелился снова и попал по камню.

— Это ведь не навсегда, — сказал Джо. — У меня разрешение всего на месяц.

— Месяц в Эгейском море, а потом куда?

— В Ламу, — ответил Джо. Они повернули и оказались перед прогалиной среди деревьев. Пролит синел под солнцем, поблескивая зайчиками света.

— Ламу — это где? — поинтересовался Сэм, ожесточенно пиная камушек.

— В Индийском океане. А то ты не знаешь.

— Каролина поедет с тобой?

— Да, — ответил Джо.

Сэм глубоко вдохнул морской воздух, почувствовав, как вниз по шее растекается боль. Он улетал в Галифакс в тот же день, когда Джо и Каролина отправлялись в Афины. Врачи сказали ему, что его зрение должно улучшиться, боль — стихнуть и, вероятно, приступы больше не будут повторяться. Но он уже очень давно потерял единственную девушку, которая имела для него значение, и совершенно не хотел терять брата.

— Можешь считать, что я тоже тебя благословил, — выдавил из себя он.

— Спасибо, — отозвался Джо. Он подобрал камушек, который они пинали, и протянул его Сэму. Сэм посмотрел на маленький обломок скалы, лежащий у него на ладони, и снова перевел взгляд на брата.

— Это что?

— Предметы бывают очень важны, — ответил Джо. — Они напоминают нам о разном. Как все то, что я достал с «Кембрии». Как часы моего старика — до сих пор не знаю, куда они делись.

— И о чем мне должен напоминать этот дурацкий булыжник?

— О Блэк-Холле.

— И что мне в нем?
— Это место, куда ты будешь стремиться.
— Мы же сейчас здесь. И что мне ждать от него в будущем?

— Работу.

— У меня есть работа, — сказал Сэм. — На исследовательском судне в Новой Шотландии.

— Я напишу из Греции в Йель, а ты сделаешь в Канаде все, что от тебя требуется, и мы снова встретимся здесь в следующем году.

Сэм остановился и уставился на Джо. Кажется, челюсть у него отвалилась, потому что Джо потянулся и подтолкнул ее вверх.

— Ты меня слышал? — спросил он.

— Слышал. Ну ты и сволочь. — Ему хотелось наброситься на брата, опрокинуть его на землю и вывозить лицом в грязь. В детстве Джо издевался над ним, как мог, и Сэму казалось, что сейчас он делает то же самое.

— Можешь думать, что тебе нравится, — пожал плечами Джо.

— Слишком для тебя все это легко, — хрипло произнес Сэм. — Тебе, может, и плевать на родственные отношения, но у меня после смерти мамы не осталось никого, кроме тебя. Поэтому не надо... — Сэм замолчал, заметив, как Джо улыбается все шире. Наконец, ему начало казаться, что, может быть, он и не шутит.

— Я не шучу, — словно прочитав его мысли, сказал Джо.

— Честно?

— Честно.

— Йель? Ты правда думаешь, что мне надо добиваться работы здесь?

— Если ты хочешь, чтобы мы были вместе, — да.

— И ты думаешь, у меня получится? — спросил Сэм. Ему казалось, что горло сдавили, словно клещами.

— Скорее всего, нет, — ответил Джо.

Сэм рассмеялся, щурясь на солнце, от которого слезились глаза.

— Зачем им предоставлять работу биологу, который не сможет узнать мако, столкнувшись с ним нос к носу.

— Черноперую, — поправил Сэм.

— Мако, — убежденно повторил Джо.

Каролина и Кли приехали к Скай, и они вместе пошли на пляж. Гомер исследовал литораль в поисках дохлых крабов и старых поплавок. Сестры знали, что это их прощальная встреча. Еще рано было говорить «до свидания», но ощущение витало в воздухе. Они шли рядом, чувствуя, как жаркие летние ветра уступают место осеннему бризу. Сестер переполняла радость от того, что Скай явно чувствовала себя все лучше. Втайне все надеялись, что с ней не случится ничего плохого, пока Каролины не будет рядом.

С каждым посещением Скай общества анонимных алкоголиков ее тянуло к выпивке все меньше. Но первое собрание ярко отпечаталось в памяти.

Когда Скай пошла туда с Джо, ее всю трясло от абстиненции. Встреча проходила в тесном и темноватом помещении в подвале одной из церквей в Истбруке. По стенам были развешаны листочки с лозунгами, над которыми в свое время они так смеялись с Саймоном: «Каждый раз по одному дню», «Вначале нужно начать». Скай боялась и нервничала. Но люди там оказались милыми и дружелюбными. Среди них она сразу почувствовала себя увереннее. Джо никогда не был именно в этой группе, но он поговорил с какой-то женщиной, объяснив, что Скай — новенькая, и не успела она оглянуться, как ее со всех сторон окружили женщины, которые наперебой совали ей свои визитки, говорили, что все будет хорошо и что она больше никогда не должна чувствовать себя так.

Одна из женщин сказала: «Желаю тебе поправляться медленно». И все оказалось именно так. Детские шажочки. Она ездила на собрания каждый день. Иногда Джо ездил с ней, иногда она звонила кому-нибудь из женщин, с которыми познакомилась в первый вечер, но, как правило, она ездила одна. По одному дню каждый раз Скай не пила.

Это само по себе было чудом. Она много плакала. Много. Бывало, что она целый день не могла есть ничего, кроме попкорна, лежала, свернувшись калачиком, на диване, и плакала. Она разговаривала со своей крестной, пожилой дамой, которая не пила уже шестнадцать лет и которую

Скай любила, наверное, больше кого бы то ни было за исключением сестер и матери. Она прекрасно понимала, что переживает Скай, поскольку сама прошла через все это. Скай рыдала, словно наступил конец света, а крестная спрашивала у нее: «Так ты сегодня пила?» «Нет», — отвечала Скай. — «Значит, у тебя был хороший день!» — торжественно объявляла крестная, и Скай понимала, что она права.

— Ты уже все собрала? — спросила Скай у Каролины.

— Почти.

— Да что тебе может понадобиться в Греции? — поинтересовалась Кли. — Только купальник.

— Я думаю, даже два, — ответила Каролина.

— Зачем? — удивилась Скай. — Там же будете только вы с Джо, море и солнце. Без ничего.

Каролина улыбнулась. Она подобрала плоский камушек и запустила его по воде. Он подпрыгнул семь раз, оттолкнувшись от поверхности. Кли попробовала сделать то же самое, но ее камушек сделал всего три неуклюжих прыжка и с бульканьем ушел под воду. Скай нашла самый подходящий кусочек гальки и запустила его в море; он прыгнул целых восемь раз! Руки у нее больше совсем не дрожали.

Сестры повернули к крутой лестнице и начали подниматься вверх. Гомер шел впереди. Вначале он двигался скованно, но потом вошел в ритм. Внизу лестницы он наступал на каждую ступеньку; когда они поднялись к усадьбе, пес перемахивал по четыре сразу.

— Значит, завтра улетаешь, — сказала Скай.

— Да, — кивнула Каролина.

— Мама возвращается домой, и у нас все будет в порядке. Мы будем вместе, — добавила Скай, чтобы успокоить Каролину.

— Замечательно.

— Тебе, наверное, не терпится уехать? — спросила Кли.

— Да, — ответила Каролина, но по голосу было непохоже, что это так. Она как будто до сих пор в чем-то сомневалась. Каролина пыталась улыбнуться, но лоб прорезали напряженные морщины. Гомер льнул к ней, словно знал, что им так мало осталось быть вместе.

— О чем ты переживаешь? — поинтересовалась Скай.

— У меня такое чувство, как будто я что-то забыла, — ответила Каролина.

— И что же?

— Не знаю. — Теперь она улыбнулась по-настоящему, чуть-чуть виновато, словно ее поймали в старой роли: старшей сестры, дотошной перфекционистки. Она улетала в Грецию с мужчиной своей мечты. Ей нужно было расслабиться.

— Ну у тебя еще есть до завтра время, чтобы вспомнить, — сказала Кли.

— Точно, — согласилась Скай. — Мама возвращается, ты уезжаешь. Мы устроим маленькую вечеринку.

Добравшись до верха лестницы, они остановились, чтобы отдышаться. Скай смотрела в морскую даль, ощущая себя свободной. Она больше не ненавидела себя. Жизнь без спиртного была такой новой. Синяя морская гладь сверкала на солнце; без белых кораблей Джо горизонт казался пустым. Оказалось, что простить — возможно, даже себя саму. У нее на сердце было спокойно, она воспринимала теперь все как должное. По крайней мере сейчас. Сегодня.

— Не могу поверить, — проговорила Каролина и неожиданно улыбнулась. — Я уезжаю с Джо.

— Самое время, — заметила Кли.

— Это самая долгая любовная история, которую я слышала в жизни, — сказала Скай, — потому что я совершенно убеждена, что она началась, когда тебе было пять лет.

— Мне будет так тяжело прощаться с вами, — проговорила Каролина.

Гомер лежал на траве, отдыхая. Но неожиданно он вскинул голову, и в сонных глазах засветился азарт. Пес вскочил, почти не покачнувшись на ноющих лапах. Может быть, он услышал птицу или шорох каких-нибудь зверьков в кустах, и коротко тьякнул. Вслед за этим, он, совсем как в юности, пустился вскачь через широкую луговину и скрылся в сосняке.

— Куда это он? — спросила Каролина.

— Тайная жизнь Гомера, — вымолвила Скай.

— Наверное, у него подружка в Хоторне, — предположила Кли.

— Миленькая лабрадорша, которая любит плавать и не возражает против старых слюнявых полотенец, — добавила Скай.

— Гомерова любовь, — сказала Каролина, улыбаясь так непохоже на себя прежнюю, что Скай отвернулась, чтобы сестры не заметили слез у нее в глазах и не начали вновь переживать из-за нее.

Глава 22

Каролине уже было пора уезжать, а Гомер так и не вернулся. Все остальные собрались в «Светлячковом Холме»: Аугуста, Кли, Питер и их дети, Скай, Сэм, Джо и Каролина. Аугуста была на высоте: она не пыталась переубедить Каролину, и вела себя с Джо лучше, чем кто-либо мог предположить. Вся семья была в сборе, не хватало только Гомера. Марка и Мэрипат послали вниз, к пляжу, на поиски. Наверное, это не должно было быть так важно, — в конце концов, это была всего лишь собака, — но не для них. Ведь Гомер был членом их семьи.

Мужчины грузили в машину вещи. Был яркий сентябрьский день, прохладный и ясный. Женщины на несколько минут остались одни в кухне и старались насладиться этими последними минутами, рассевшись вокруг стола и допивая чай. Каролина была в своей дорожной одежде — темно-сером костюме, накрахмаленной белой блузке и с камеей на шее. Она была собранной, в своем привычном духе. Для Аугусты этот образ уже давно казался образом истинной матери семейства, и сейчас ее сердце лишь слегка кольнуло от этого.

— Замечательно выглядишь, родная, — заметила Аугуста.

— Спасибо, мама.

— Мне всегда кажется, что ты держишь все, каждую деталь, под контролем. Хотелось бы мне быть такой же собранной и сдержанной, как ты.

— Тебе правда так кажется? На самом деле у меня внутри полный беспорядок, — честно призналась Каролина. — И почему-то у меня такое чувство, что у меня приступ морской болезни.

— Может, ты беременна? — радостно предположила Кли.

Каролина пристально взглянула на нее, дуя на чай.

— Нет, — сказал она. — У меня просто странное чувство, что я что-то забыла.

— Ты что, не хочешь ехать? — спросила Аугуста. — Пока еще не поздно передумать. Нет-нет, я не хочу сказать, что я против Джо. Ты же все хорошо понимаешь, правда?

— Мама, ты очень добра к нему.

— Ну вот, я просто говорю, что, если ты не хочешь ехать, ты могла бы подождать его здесь. Хотя, говоря начистоту, я бы не стала отпускать его от себя. Я хочу быть с тобой абсолютно откровенна. Если ты его по-настоящему любишь, тебе не стоит отпускать его одного в Грецию. Он такой привлекательный мужчина.

— Мама, ну это же не папа, — с улыбкой проговорила Скай. — А Каролина — не ты.

— Я это прекрасно понимаю, — отозвалась Аугуста. Она тоже улыбалась. Она действительно принимала все происходящее очень отважно. Но как выразить все, что у нее на сердце? Ее старшая дочь уезжала из дома как раз тогда, когда Аугуста наконец была готова научиться быть хорошей матерью.

— Мама, — проговорила Каролина, прикасаясь к ее руке.

— Ты обо мне не беспокойся, — уверенно сказала Аугуста. Она сознавала, через что по ее милости пришлось пройти ее детям, и знала, как они все эти годы сами заботились о себе и друг о друге.

— Мы о ней позаботимся, — уверила Кли.

— Или она позаботится о нас, — добавила Скай.

— Ох, Скай, — произнесла Аугуста. Она старательно держала себя в руках, но, слушая младшую дочь и глядя на ее красивое лицо, на котором уже почти не осталось следов от синяков, она чувствовала, что все внутри готово разорваться на кусочки.

— Ты только подумай, что ты совершила этим летом, — продолжала, обращаясь к матери, Скай. — Ты встала между мною и Саймоном. Mam, ты меня защищала.

— Да, действительно, — согласилась Аугуста с некоторым оттенком удивления. — Раньше у меня это плохо получалось. Защищать вас, девочки вы мои...

— Зато теперь ты просто молодец, — сказала Каролина.

— Как бы мне хотелось, чтобы отец был сейчас с нами, — вздохнула Аугуста.

— Я тоже, — отозвалась Каролина. Голос прозвучал хрипло, и она притронулась к горлу, как будто оно болело. — Кажется, именно этого мне и не хватает. Помнишь, мама? Мы говорили об этом где-то с неделю назад? Об этом самом недостающем фрагменте?

— Папа? — спросила Кли.

— Папа, — кивнула Каролина.

— Я страшно тоскую по нему, — сказала Аугуста.

— Это лето как-то оказалось все связано с ним, — добавила Каролина. — С Джеймсом Коннором и Эндрю Локвудом, с нашими поездками на охоту...

— Гомер совсем постарел, — заметила Кли.

— А я бросила пить, — произнесла Скай.

— Он был таким потрясающим мужчиной, — сказала Аугуста.

— А я никогда не могла до конца понять его, — призналась Каролина. — Этим летом так многое прояснилось, но только не это. Мне даже кажется, он стал от меня еще дальше.

Сестры молча смотрели в свои чашки, а Аугуста громко шмыгнула носом.

Каролина понимала, что пора.

Мать теребила свой шарф, то и дело поправляя его на голове. Она выглядела эффектно, как пожилая кинозвезда. Ее тюрбаны очень шли к черному жемчугу и вполне соответствовали ее новоанглийско-голивудскому образу. Но, глядя на мать, Каролина видела, что нападение Саймона лишило ее чего-то. Впервые Аугуста стала выглядеть старой.

— Мама, ты хорошо себя чувствуешь? — поинтересовалась Каролина.

— Да, я просто задумалась о Хью, — ответила она.

— Мы любили его, мам, — сказала Кли.

— Всегда, — добавила Скай.

Аугуста кивнула. Она выглядела уставшей и озабоченной; словно, как Каролина, очень долго пыталась найти недостающий кусок, объяснение, которое расставило бы все по своим местам.

— Помните, как мы ловили светлячков? — спросила Каролина. — Папа мог часами бегать с нами по пляжу. Обязательно было темно и жарко, была середина лета, и небо было усеяно звездами.

— О, моя дорогая, — вздохнула Аугуста.

Каролина смотрела на мать, пытаясь запечатлеть в памяти ее лицо. Образ материнских глаз она будет хранить всегда и везде, куда бы ее ни заносило. Ее захлестнуло огромной волной любви, извечной тяжестью роли дочери, которая не может остаться с матерью навсегда.

— Помнишь, когда тебе было шесть лет, ты поймала светлячка и была в таком восторге, что упала и раздавила его? — спросила Кли.

— Да, я так плакала, — сказала Каролина, сразу вспоминая этот эпизод. — Мой светлячок был мертв. Папа спустился с крыльца, и я помню, как он шел ко мне через луг, через высокую траву. Тогда он казался мне настоящим великаном.

— Хью не мог выносить твоих слез, Каролина, — проговорила Аугуста. — Никогда. Когда ты была совсем маленькой, он брал тебя на руки, стоило тебе пискнуть. Если он был ночью дома, он часами мог носить тебя на руках, укачивая, только чтобы ты была довольна.

Каролина кивнула, касаясь пальцами губ. Почему-то ей казалось, что она это тоже помнит. Казалось, что в эти минуты все семейные призраки или ангелы-хранители собрались вокруг них, наложив заклятье, которое позволяло вспомнить то, что было невозможно помнить в обычной жизни. Закрыв глаза, Каролина ощущала себя на руках у отца, вдыхала запах его сигарет и масляных красок, слышала, как он тихонько напевает ей колыбельную. Вспоминала, как он везет ее домой, заболевшую в горах. Но все это было не то. Ей не хватало чего-то еще.

— Светлячки... — проговорила Аугуста. — Это было не только в вашем детстве. Я как сейчас помню то лето, когда Гомер появился у нас, и как ваш отец бегал с ним по прибрежной траве, преследуя любую искорку.

— Я так любила отца за это, — сказала Каролина. Это было правдой. Вся последующая боль, все годы его пьянства как-то стерли из памяти чистоту этой любви. Но сейчас Каролина ощущала ее вновь. — Мне так хочется, чтобы Гомер все-таки попрощался со мной.

Секунду спустя Аугуста потянулась за своей тростью. Жестом она приказала дочерям оставаться на месте. Она тяжело поднялась и вышла из комнаты. Каролина слышала, как трость стучит по ступенькам лестницы, потом — по коридору второго этажа. Она размышляла о том, на сколько еще хватит сил у Аугусты управляться с домом. «Светлячковый Холм» был большим и беспорядочным, и, может быть, придет время, когда Аугусте будет иметь смысл переселиться куда-то еще. Не в такое просторное, но более удобное жилище.

А может быть, она умрет в этих стенах.

— Похоже, я сведу с ума почтальона, — пообещала Скай, — спрашивая его о письмах от тебя.

— Ты должна звонить нам отовсюду, откуда будет можно, — заметила Кли.

— Я передумала, — сказала Каролина. — Я никуда не еду. Джо придется найти кого-нибудь вместо меня.

— Замечательная идея, — добавила Кли. — Так я пойду его отправлю?

— Каролина?

Услышав голос матери, Каролина обернулась. Аугуста стояла, опершись на свою трость с серебряным набалдашником, на губах ее блуждала легкая улыбка. Кли и Скай сидели не шевелясь. Казалось, что их мать утомлена усилием ходьбы, но одновременно она была такой счастливой и уверенной, какой Каролина, пожалуй, никогда ее не видала.

— Позови их, — попросила Аугуста, кивая Скай. — Ладно?

— Кого? — спросила Скай.

— Джо и Сэма, — ответила Аугуста.

Скай встала с удивленным выражением лица. Помешкав секунду, она со всех ног бросилась на улицу. Они видели, как Скай босиком промчалась через лужайку и, остановившись у машины, говорит что-то Джо.

— Мама, что случилось? — поинтересовалась Каролина.

— У меня есть кое-что для твоего друга.

— Для Джо?

Аугуста кивнула. Она коснулась своего жемчуга, а потом протянула слабую руку и тронула камешком на шее Каролины.

— Прекрасные вещи, — сказала Аугуста, — от людей, которых мы любим. Предметы бывают очень важны.

— Я знаю, — кивнула Каролина. Она не понимала, что происходит, но начинала осознать, что ее мать на самом деле устанавливает мир с Джо.

Дверные жалюзи распахнулись. Сентябрьский вечер был прохладным, и в дом влетел небольшой порыв ветра. Скай остановилась у двери, улыбаясь. Сэм шумно ввалился в кухню, за ним — Питер. Джо настороженно шел следом. Каролина почувствовала, как сердце забилося быстрее при взгляде на него. Он выглядел таким красивым, высоким, в белой рубашке, заправленной в джинсы. Улыбнувшись, он поприветствовал всех.

Аугуста протянула руку. Она стояла в величественной, царственной позе, глядя на всех со стоическим достоинством. Каролина видела, что Джо озирается кругом. Его взгляд блуждал по старому кухонному столу, выложенному терракотовыми плитками полу, старым семейным фотографиям, глиняным отпечаткам ладоней трех сестер. Но Каролина знала, что думает он о своем отце. Она потянулась и взяла его за руку; он крепко стиснул ее ладонь.

— Это было здесь, да? — спросил Джо.

Аугуста кивнула.

— Вот здесь, — произнес Джо, глядя на то место, что показывала ему Каролина.

Аугуста, сделав четыре шага, остановилась на том самом месте, где Джеймс Коннор рухнул на пол.

— Вот здесь, — сказала она.

Джо подошел к ней. Каролина отпустила его руку и отодвинулась поближе к сестрам, наблюдая за Джо и матерью. Это был какой-то очень напряженный и интимный момент между старой женщиной и сыном человека, который умер здесь, в ее кухне, в то далекое Рождество. В воздухе словно проскакивали электрические искры.

— В тот вечер он говорил о тебе, — своим низким бархатным голосом проговорила Аугуста.

Джо, нахмурившись, кивнул.

— Я хочу попросить у тебя прощения, — сказала Аугуста, протягивая ему что-то. — Джо, пожалуйста, прости меня.

Джо разглядывал предмет на своей ладони. Он поднес его к глазам, и Каролина разглядела что-то массивное и золотое.

— Отцовские часы, — проговорил он.

— Я взяла их, — добавила Аугуста, — в тот вечер. Что бы ты ни думал... — Она наклонила голову, стараясь восстановить контроль над своим голосом. — Когда все свершилось и твой отец лежал здесь...

Каролина взглянула на Джо и заметила, как он вытирает слезы. Она хотела подойти к нему, но знала, что сейчас происходящее касается только его и ее матери.

— Каролина так отчаянно плакала, не выпуская твоей фотографии. И что-то заставило меня поднять эти часы. Прости меня, Джо. Я не знаю, почему я сделала это. Ты же понимаешь, я тоже была на грани помешательства. Твоя мать увела моего мужа, и я подумала, что возьму себе что-то, принадлежащее ей. В общем, не знаю.

Джо кивнул. Он разглядывал отцовские часы, то так, то эдак переворачивая их. Каролина понимала, что объяснения Аугусты не имеют никакого значения. Она знала, что значили для Джо эти часы, и сейчас она задумалась: всю жизнь он ищет сокровища, но было ли хоть что-то, способное сравниться с этими золотыми часами его отца? И вот он получил их обратно от Аугусты.

— Спасибо вам, Аугуста, — сказал Джо Коннор. А потом сделал нечто, выглядевшее так естественно, что у Каролины перехватило дыхание: обнял ее мать. Аугуста, уро-

нив трость, обвила его руками за шею. Трость со стуком покатила по полу.

— Не стоит благодарности, Джо, — произнесла Аугуста, когда наконец отпустила его.

Но Джо не отпускал женщину. Продолжая держать ее за руки, он улыбался. Его глаза расширились.

— Что такое, мой мальчик? — спросила Аугуста.

— Ваш жемчуг, — сказал Джо.

— О! — произнесла Аугуста, заливаясь краской и касаясь ожерелья. — Это подарок Хью. Редкий черный жемчуг из какого-то особенного залива в южных морях, где-то на Таити или в каком-то подобном сказочном месте. Но, наверное, ты сам об этом знаешь. Ты же искатель сокровищ и все такое.

— На самом деле, — проговорил Джо, — я подумал о том, что он очень похож на цвет глаз Каролины.

Каролина заметила, как мать взглянула на нее.

— Греция, — спустя несколько секунд сказала Аугуста. — Хью всегда говорил, что хотел бы свозить меня туда.

— Я бы тоже хотел поехать, — заметил Сэм.

— Они вернутся, — успокаивая всех, проговорила Кли. — Ты же помнишь о Йеле?

— Йель, — произнес Питер. — Какое замечательное место.

— А, Йель — всего лишь четыре буквы, — отмахнулся Сэм. — Вот Греция...

— Береги ее, — сказала Аугуста, глядя в глаза Джо.

— Обязательно, — ответил он, не отводя взгляда.

— Обещаешь? — спросила Кли, стоя рядом с Джо. Ее голос сорвался. Скай молчала, но кивнула словам сестры.

— Обещаю, — ответил Джо.

— Последнее время у него стало лучше с обещаниями, — заметил Сэм. — Я свидетель.

— Отстань! — проворчал Джо, но его взгляд был полон любви к брату. — Почему бы тебе не заняться своим делом?

— Каким?

— Найти ту девушку.

— Какую еще девушку? — спросил Сэм, краснея.

Джо рассмеялся:

— Вот видишь? Ты стал такой ученый, что даже забыл о ней.

— Сэм такой милый, — сказала Кли. — У него наверняка нет от девушек отбоя.

— Может, и так, — согласился Джо, не сводя глаз с брата. — Однако ему на них наплевать. Была всего одна, которая имела для него значение, но он о ней, кажется, позабыл.

— Нет, — проговорил Сэм так тихо, что Каролина едва смогла расслышать.

— Девушка Сэма? — поинтересовалась Аугуста. — Как это чудесно! И как же ее зовут?

— Ладно, хватит об этом, — сказал Сэм, совершенно засмутившись. — Мы же здесь, чтобы проводить Каролину и Джо. Остальное сейчас не важно.

Каролина улыбнулась братишке своего любимого, думая о том, что какая-то девушка когда-нибудь будет очень счастлива с ним. Потом Джо взял ее за руку, поцеловал в губы и сказал, что им пора ехать. Сердце защемило, и она обняла всех по очереди: Кли, Скай, Сэма, Питера, племянников. Она говорила, как любит их всех, обещала писать.

Подойдя к матери, она остановилась.

— Ну вот, дорогая, — сказала Аугуста. — Пора прощаться.

— Мама, спасибо тебе.

— За что?

Каролина помедлила. За то, что выслушала правду, за то, что защищала Скай, за то, что впустила Джо в свой дом, за то, что нашла в себе силы измениться, за тот дар, что передала дочерям в этот вечер: возвращение к отцу. Если начинаешь с любви, нужно ли говорить о прощении? Но она не могла выразить всего этого словами.

— Это был потерянный кусок? — поинтересовалась Каролина.

— Ты думаешь? — Глаза у Аугусты блеснули. — Мне хотелось бы считать, что мы нашли его, но я этого не чувствую. Нет, родная, никак.

Каролина с матерью обнялись и долго не хотели отпускать друг друга. Кли и Скай пришлось убеждать мать от-

пустить Каролину, нашептывая ей в ухо, что у них уже нет времени.

— Где Гомер? — спросила Каролина, оглядываясь.

— Мы искали на пляже, тетя Каролина, — сказал Марк. — Его там нет.

— Мне так хочется попрощаться с ним... — тихо произнесла она.

— Он уже такой старый, — сказала Аугуста. — Мне не хочется об этом говорить, особенно сейчас, но ты же знаешь, что они всегда уходят из дома умирать.

— Ему шестнадцать лет, — заметила Скай.

— Я хочу с ним попрощаться, — проговорила Каролина. — Мы должны его найти.

— Остается только одно, — сказал Сэм.

— Мы не можем уехать, пока ты не повидеешься с ним, — произнес Джо.

— Пойдемте поищем в лесу, — предложила Каролина и направилась на улицу.

Они быстро двигались среди деревьев, не разговаривая друг с другом. Запах осени становился все сильнее. В лесу пахло опавшими листьями и сосновыми иглами, грибами, карабкающимися по стволам поваленных деревьев. Точно такой же осенью они взяли к себе в дом Гомера, и воспоминания наполняли душу Каролины смутной тоской, печалью об ушедших временах. Она вела своих родных, Джо и Сэма вдоль высохшего русла ручья, через старое кладбище, где был похоронен ее отец, к извилистой тропке, спускающейся с горы обратно по направлению к «Светлячковому Холму».

— Гомер! — звала она.

Ее голос летел сквозь лес. Неужели он не слышит? Псу был знаком звук чемоданов, забрасываемых в багажник автомобиля, возбуждение, сопровождающее отъезд. Он часто провожал Каролину в путешествия, и она была уверена, что он должен был понять, что происходит, что она уезжает. Старая привязанность не отпускала ее, она вспоминала, как он любил упираться лбом в ее ладонь, как они выручали его из бетонных загонов приюта для бездомных животных, когда он был еще почти щенком.

Откуда-то раздался лай. Неужели Гомер? У Каролины забилося сердце. Она изо всех сил желала увидеться с ним, может быть, действительно в последний раз.

— Вы слышали? — спросила Каролина, вглядываясь в заросли ежевики. В них открылась ведущая на пляж прогалина. — Гомер!

Старый пес ковылял по дорожке от берега моря, его глаза светились любовью. Каролина присела на корточки и, раскрыв объятия, ждала, когда он подойдет. На его седой морде расплылась широкая улыбка, уголки губ поднялись едва ли не к ушам, карие глаза смеялись.

— Где же ты был? — поинтересовалась она, когда он бросился наконец к ней. Гомер тыкался носом ей в лицо, облизывал ее веки, щеки, руки. Она разрешала ему облизывать себя всю, потому что была слишком счастлива, что он вернулся попрощаться с ней. Наконец он отступил от Каролины и побежал обратно, откуда пришел, вскоре остановившись, поджидая ее. Она пошла за ним сквозь заросли кустарника и серебристо-зеленой травы на Берег Светлячков.

— Гомер, куда ты? — позвала Аугуста, стараясь не отставать от остальных. — Ты ведешь нас по своим тайным тропам?

Догнав пса на пляже, Каролина заглянула ему в глаза и спросила:

— Ты бродяга, правда? Но ты ведь всегда возвращаешься домой.

Сердце ныло от любви к Гомеру и ко всей семье. Как же она их оставит? Зачем покидать все это, уют старого дома, этот волшебный берег, искренне любящих сестер, мать и старого друга, этого милого пса? Гомер уселся рядом с выброшенным морем древесным стволом, заглядывая Каролине в лицо так настойчиво, что она пожалела, что не может прочесть все его мысли. Маленькие волны еле слышно набегали на песок, нашептывая что-то.

— Милая моя, ты понимаешь, что я тебя не гоню, но ты же не успеешь на самолет, — произнесла Аугуста.

Джо присел на песок рядом с Каролиной и Гомером, погладил пса. Тот поглядел на него долгим пристальным взглядом. Возникало ощущение, что он читает что-то в его

лице — в синих глазах, очертаниях губ, твердой линии подбородка. Как будто желая в чем-то удостовериться, Гомер потянулся и обнюхал волосы Джо. Он легонько лизнул его один, потом другой раз. Это не было выражением любви и, вероятно, иных сильных чувств. Однако это был открытый и благодарный жест, напоминание Джо о том, что он должен хорошо заботиться о женщине, которую они оба любили.

— Я скоро привезу ее обратно, — пообещал Джо. Каролина кивнула. Она обняла Гомера, чувствуя запах сухой травы и морского воздуха, исходящий от его шерсти. Потом, чмокнув его напоследок в нос, она все-таки встала.

— Пойдем, — тихо сказала она Джо, спеша в дорогу, пока не передумала.

— О'кей, — отозвался он.

Но Гомер гавкнул и улегся на землю, как будто ему было больно. Опавшие листья напоминали Каролине о другой тропе из давнего прошлого, и сердце забилось чаще. Она снова присела рядом с собакой. Провела руками по всему телу животного, стремясь успокоить его, но одновременно пытаясь нащупать опухоль или сломанную кость.

Гомер перевернулся на спину и начал кататься по белому песку. На его морде появилось игривое выражение. Каролина понимала, что он хочет удержать ее. Она уже почти поднялась, чтобы все-таки повести его домой, но тут Джо присел рядом. Его внимание привлекло что-то с нижней стороны толстого бревна, и он изогнул шею, чтобы разглядеть получше.

— Посмотри сюда, — проговорил он.

— Вот это да! — сказал Сэм. — Наш знаменитый геолог только что обнаружил редкий вид гальки, требующий срочного исследования. Не мешайте ему!

— Нет, смотрите все сюда, — мягко проговорил Джо, беря Каролину за руку.

— О! — не унимался Сэм. — Похоже, это блестящий способ подарить кому-нибудь кольцо с бриллиантом — все равно, что найти в капусте, даже лучше. Интересно, что бы ты делал, если бы Гомер привел нас на помойку?

— Сэм, умолкни, — сказал Джо, показывая Каролине что-то с нижней стороны бревна. Там, выбеленное временем, среди песка и сухих водорослей, скрывалось глубоко вырезанное на древесине послание.

Каролина поняла сразу же, как только увидела. Глаза наполнились слезами. Поглаживая Гомера, она позволила Джо взять себя за руку. Она смотрела на вырезанные слова, не вытирая катящихся по щекам слез. Моргая, она как наяву видела старый баковский нож отца — потертую рукоять, аккуратно заточенное лезвие. По вырезанной надписи невозможно было узнать почерк, и она не была подписана его инициалами, но она знала.

— Мама, — проговорила она.

— Что, родная?

Все подошли к ним. Каролина чувствовала, как все окружили ее тесным кольцом, наклоняясь и присаживаясь рядом. Джо крепко обнимал ее, а Гомер лизал ей руку.

— Папа был здесь, — сказала Каролина.

Все заглянули под бревно, чтобы прочитать на нем слова, но только Аугуста произнесла их вслух: *«Я люблю их всех»*.

— Это вырезал папа? — спросила Кли.

— Несомненно, — ответила Аугуста, и ее глаза заблестели.

Скай протянула руку и обвела пальцем каждую букву. Ее плечи сотрясались от рыданий, но она посмотрела в глаза Каролине и улыбнулась.

Тростник позади них зашуршал под ветром. Над головой, крича, закружились чайки. Пляж медленно оживал. Птицы привыкли к человеческому присутствию и начали осторожно приближаться. На пляж уже спускались сумерки, последние солнечные лучи подсвечивали фиолетовое небо. Каролина услышала, как хрустнула ветка, и, подняв голову, успела заметить оленя, спускавшегося к ручью. Она вспоминала отца, его любовь к природе. Что бы там ни было, он возил их в красивейшие места.

— Почему он не сказал об этом нам? — тихо спросила Скай, глядя на буквы. — Вместо того, чтобы вырезать их.

— Это всегда было здесь, — сказала Каролина. Откуда Гомер узнал об этом? Был ли он здесь с отцом? Слышал ли,

как тот плачет, смотрел, как он пьет свой виски, пытался утешить его, когда он шел по Берегу Светлячков и сидел здесь, вырезая эту надпись?

Аугуста кивнула:

— Это только видимый знак, но...

— Видимые знаки тоже необходимы, — улыбаясь, произнесла Кли.

— Особенно если искал именно их, — добавила Каролина.

Наконец наступил этот вечный момент между словами прощания и самим расставанием. Все пообещали друг другу писать и звонить, все обнялись и расцеловались.

Они были дружной семьей. Можно ли говорить, что их привязанность была чрезмерной? Все эти годы, живя неподалеку от Холма Светлячков, Каролина никогда не испытывала желания уезжать слишком далеко и слишком надолго. Как будто в ее отсутствие снова могли прозвучать выстрелы. Кто-нибудь снова пострадает, а старый пес умрет. Как будто все ее любимые без нее исчезнут.

Но теперь она знала, чего точно не случится. Найденные куски не только позволили сложить головоломку полностью, они заполнили пустое пространство. Сердце Каролины переполняло сознание того, что любовь ее близких не сможет никуда исчезнуть.

Выйдя из дома, Каролина взяла Джо за руку. Они держались на секунду, вдыхая запахи моря и последних летних трав. Волны с шелестом накатывались на плоскую литораль. Вдали над морем кричали чайки, и где-то на болотах затянул свою песню одинокий козодой. Сэм пошел впереди.

Каролина посмотрела в сторону мелей, где остались лежать останки «Кембрии». Она прикрыла глаза и подумала о своем отце, призрак которого сыграл такую важную роль в этот волшебный вечер. У нее на шее висела камея Клариссы; в кармане у Джо лежали часы его отца. Появлялись звезды, и она нашла взглядом ту, которую считала звездой Эндрю Локвуда. Ушедшие в лучший мир всегда оставались рядом, указывая путь.

— Каролина! — окликнула ее с кухни Кли. — Посмотри!
— Посмотри! — вторила ей Скай.

Обернувшись на голоса сестер, Каролина увидела светлячка. Был сентябрь. Вечер был холодным; все светлячки давно уже скрылись до следующего лета. Но этот, взявшийся неизвестно откуда, яркой искоркой блестел в траве у края пляжа. Золотисто-зеленый свет казался волшебным, он был словно отголосок прошлого. Светлячок выписывал зигзаги в темноте. Гомер кинулся за ним, как в молодости, когда они играли на песке вместе с Хью.

— Хороший пес, — крикнула ему Аугуста. — Хороший, чудесный пес.

Каролина смотрела на сестер и мать. Они стояли на кухне, полускрытые дверными жалюзи. Гомер медленно подошел к крыльцу. Он сел напротив нее, и они долго смотрели друг другу в глаза. Море перекашивалось через отмель, волны разбивались белой пеной. Джо стиснул ее ладонь. Каролина ответила таким же пожатием.

— Мы будем заботиться о нем, дорогая! — крикнула Аугуста.

— Я знаю! — прокричала в ответ Каролина.

Повернувшись, они с Джо Коннором пошли прочь по высокой траве Холма Светлячков. Он придержал дверцу машины, пока она забиралась внутрь. Сэм, уже сидевший там, ободряюще похлопал ее по плечу.

— Готовы? — спросил Джо с улыбкой в ясных синих глазах.

— Готова, — отозвалась она и помахала рукой сестрам и матери.

— Готовее некуда, — сказал Сэм. — Вернемся сюда через год.

— Год, — кивнул Джо. — Всего лишь год.

— Это не очень долго, — отозвался Сэм.

— Не очень, — согласился Джо.

Джо завел мотор, он двинул с места машину медленно, чтобы Каролина и Сэм могли еще раз помахать на прощание. Под колесами хрустела галька. Каролина хранила в своем сердце обретенный фрагмент головоломки; теперь он всегда будет там. Гомер бежал за машиной через лес по

направлению к океану и дорогам, ведущим из Светлячкового Холма и обратно к нему.

— Я люблю их всех! — крикнула Каролина в открытое окно.

Машина уносилась все дальше в ночь, но она могла поклясться, что услышала голос матери, прокричавший в ответ те же слова.

6 ноября 2000

Милые все!

Мы это сделали!

Греция прекрасна, как на открытке: белые церкви, отвесные скалы и самая синяя в мире вода. Но все равно это не дом, и здесь нет вас. Гомер бы понял. Найденный фрагмент остается в наших сердцах, и он обязательно приведет нас обратно домой, на Берег Светлячков.

МЫ ЛЮБИМ ВАС ВСЕХ,

К+Дж.

Луани Райс
БЕРЕГ СВЕТЛЯЧКОВ

Выпускающий редактор Е. Новикова
Редактор О. Выборнова
Технический редактор Т. Егорова
Корректор Е. Щербакова
Дизайнер обложки Д. Минеев
Компьютерная верстка Ю. Лубнина

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.04.2007.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура BalticaC. Печ. л. 11,5 Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 14 500 экз. Заказ № 8181.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03. 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

